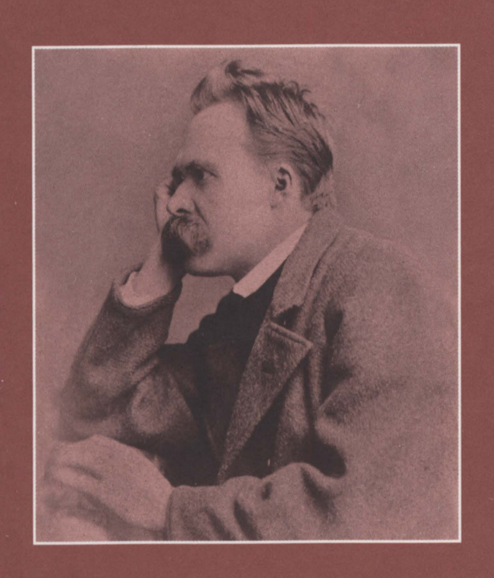
Фридрих

Ницше

10

полное

собрание

сочинений

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений в тринадцати томах

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений

Десятый том

Черновики и наброски 1882–1884 гг.

Перевод с немецкого Ю.А. Архипова

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2010

ББК 87.3 Герм
Н70

Сверка, научное редактирование А.Г. Жаворонков
Общая редакция А.Г. Жаворонков (8–23), И.А. Эбаноидзе (1–7, 24)
Оформление И. Бернштейн

Ницше, Фридрих.
Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.– М.: Культурная революция, 2005–
Т. 10: Черновики и наброски 1882–1884 гг./ Пер. с нем. Ю.И. Архипова; науч. ред. А.Г. Жаворонков, И.А. Эбаноидзе. – 2010. – 640 с.
ISBN 978-5-250-06082-0

Наибольшая часть сделанных Ф. Ницше в 1882–1884 гг. записей связана с его работой над «Так говорил Заратустра». Отдельные фрагменты позднее вошли в «По ту сторону добра и зла» и «К генеалогии морали». В числе остальных фрагментов особый интерес представляют записи, сделанные Ницше во время чтения работ В. Ру, Н. Гартмана, Р.У. Эмерсона, П. Рэ, Л. Шмидта, А. Поста и др. авторов. Текст комментария из 14 тома немецкого критического собрания сочинений Ф. Ницше (под ред. Д. Колли и М. Монтинари) был дополнен комментарием из итальянского издания собрания (Vol. VII, T. 1, P. I–II; Milano: Adelphi, 1982–1986), подготовленного Д. Колли и М. Монтинари после выхода немецкого издания.

Содержание

Предварительное замечание

В томах 10 и 11 научно-критического издания собраны фрагменты Ницше, датированные июлем 1882 — осенью 1885 года, что соответствует седьмому разделу полного критического издания. Фрагменты сохранились в 36 рукописях: 21 большой тетради, 12 записных книжках и 3 папках с разрозненными листами.

В связи с томами 10 и 11 научно-критического издания дополнительно отметим следующее. Рукописи, относящиеся ко времени с июля 1882 по осень 1885 годов, содержат: предварительные записи к четырем частям книги «Так говорил Заратустра», фрагменты, планы и наброски к неосуществленным частям той же работы, обширные подборки афоризмов, многие из которых связаны с работой над «Заратустрой», а также заметки, которые — с литературной точки зрения — не имеют к «Заратустре» никакого отношения; последние составляют примерно половину всего материала и, в небольшой своей части, были позднее использованы в «По ту сторону добра и зла» (лето 1886 года). Публикуемые нами фрагменты, относящиеся к «Заратустре», представляют собой наброски, предшествующие предварительным стадиям текста и чистовым рукописям. Но поскольку Ницше, завершив очередную часть «Заратустры», всякий раз переписывал в новые тетради не использованные им наброски, часто не внося в них никаких изменений, повторов фрагментов — пусть даже эти фрагменты и принадлежат разным контекстам — избежать не удается.

Том 10 научно-критического издания соответствует тому VII/I (Берлин — Нью-Йорк, 1977) полного критического издания и он содержит фрагменты с июля 1882 по зиму 1883/84 гг. Заметки Ницше, сделанные в Таутенбурге для Лу фон Саломе (июль — август 1882), публикуются с любезного разрешения доктора Эрнста Пфайфера (Геттинген).

Маццино Монтинари

Черновики и наброски
1882–1884 гг.

1. Таутенбургские заметки для Лу фон Саломе. Июль–август 1882

1 [1]

«solitudo continuata dulcescit»[1]. Madonna del Sacco. (Locarno)

1 [2]

Опровержение морали?

Мораль – удел тех, кто *не может* от нее освободиться: потому в их глазах она принадлежит к «условиям существования». Условия существования нельзя опровергнуть, их можно только – *не иметь*!

1 [3]

Основания

Последнее физическое состояние силы, которую мы осваиваем, должно быть по необходимости и *первым* ее состоянием.

Переход силы в *латентную* силу должен быть причиной возникновения *живейшей* силы. За негативным ее состоянием отрицания должно следовать состояние высшей позитивности.

Пространство как материя – субъективная форма. Время – *нет*.

Пространство возникло лишь благодаря предположению о наличии *пустого пространства*. Но его не существует. Всё – сила.

---

1 Чем дольше одиночество, тем оно слаще (*лат.*).

Движимое и движущее мы не можем мыслить совместно, но ведь это составляет материю и пространство. Мы *изолируем.*

Развитие какой-либо вещи позволяет делать заключения о возникновении вещи.

Всякое развитие — это возникновение.

Материя, материал — это *субъективная* форма. Мы не в состоянии помыслить что-либо иначе, чем *материально.* Даже мысли и абстракции обретают у нас чрезвычайно утонченную материальность, которую мы, может быть, и *отрицаем*; тем не менее, она в них есть. Мы просто привыкли не замечать эту материальность и говорить о «нематериальном». Точно так же, как мы *разделили* мертвое и живое, логичное и нелогичное и т.д. Отучить себя от этих *противопоставлений* — вот наша задача.

1 [4]

Понятия тоже *возникли.* Откуда? — Здесь имеют место *переходы.*

1 [5]

Тех, кого использовали в *не удавшемся* деле, следует вознаграждать вдвойне.

1 [6]

Если хочешь надолго оставаться юным, становись юным позже.

«Кто слишком строг в своих суждениях о других, того я считаю дурным человеком» — скажу вместе с Демосфеном.

1 [7]

«Suaviter in re, fortiter in me»[1]

1 [8]

Вера всех возродившихся. — Кто однажды умер слишком рано, тот не скоро умрет во второй раз.

---

1 Мягче на деле, тверже во мне (*лат.*)

1 [9]

Жизнь после смерти. – У кого есть основания верить в «жизнь после смерти», тот должен учиться переносить свою «смерть» при жизни.

1 [10]

Поздняя юность. – Поздняя юность надолго сохраняет юным.

1 [11]

Идеал. – Глаз видит лишь то, что вне его; поэтому свой идеал мы всегда видим *впереди нас* – даже когда мы его уже достигли!

1 [12]

Понятие и чувство «благородного» имеет совсем другую предысторию, чем понятие и чувство «доброго».

1 [13]

Vademecum. Vadetecum[1]
Ф. Ницше
Первое собрание сочинений

Содержание:
Человеческое, слишком человеческое. С приложением
Странник и его тень
Утренняя заря
Веселая наука

1 [14]

Лемех.
Инструмент для освобождения духа.

Первое собрание сочинений.
в 2 томах

Содержание:
Человеческое, слишком человеческое. С приложением:

---

1 Иди со мной, иди с собой (*лат.*)

Смешанные мнения и изречения. Странник и его тень. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Веселая наука.

1 [15][1]

К – – –

Знай, дитя, что генуэзцу
Веры нет, сказал Колумб, –
За предел он рвется сердцем,
Далью занят взгляд и ум.

*

Море все синей и шире,
Вот уж Генуя вдали.
На завоеванье мира
Мы уводим корабли.

*

Не вернуться нам назад.
Там, сквозь океан ненастий
Ждут нас и на нас глядят
Смерть и слава, рок и счастье!

1 [16]

о преимущественном или исключительном вегетарианстве

Люди бурных аффектов, люди честолюбивые, злобные, одержимые сладострастием должны бы и в самом деле задать себе вопрос, не слишком ли велико для них даже малое количество мяса; хотя мне гораздо более важным представляется вопрос не о том, *что* они должны есть, а о том, как много, а в данном случае – *как мало* они едят.

1 [17][2]

Ты друга отрываешь от груди.
Зато хоть боль с тобою остается!

---

1 Перевод И. Эбаноидзе.

2 Перевод И. Эбаноидзе.

1 [18]

Что толку от моей книги, если она даже не может быть рассмотрена sub specie trecentorum annorum[1]?

1 [19]

Вольнодумцы.
Стиль.
Моральное и органическое.
Себялюбие и любовь к ближнему.
Героизм.
Воздействие мысли на будущее мира.
Бог и дьявол.

1 [20]

О морали «Я»

Трудность *объяснить* себя. Для многих это невозможно.

Всякое действие истолковывается неверно. Чтобы тебя постоянно *не* распинали, нужно иметь свою *маску*. Также и для того, чтобы *соблазнять*...

Лучше иметь дело с теми, кто лжет осознанно, ибо лишь они могут быть правдивы осознанно. Обычно правдивость — это маска *без осознания маски.*

«Я» порабощает и убивает: оно работает как органическая клетка — оно грабит и насилует. Оно хочет регенерироваться — беременность. Оно хочет родить себе бога и видеть у того в ногах всё человечество.

Освобожденные Я сражаются за господство.

1 [21][2]

Это не книга: что толку в книжках –
В гробах под переплетною крышкой!
Это воля, клятва, веленье,
Мосты, сожженные без сожаленья,
Ветер морской, маяка сигналы,
Сопротивленье тугого штурвала,
Грохот орудий, их дым клубится,
Моря громада хохочет и злится –

---

1 С точки зрения трехсот лет (*лат.*).

2 Перевод И. Эбаноидзе.

1 [22]

называть красивыми словами, ибо себялюбие должно быть злым

1 [23]

я верю Г.И. Асколи и Э. Ренану в том, что семитская раса относится к индоевропейской.

1 [24]

Жизнь человека героического содержит сокращенную историю демонологии многих поколений. Он переживает состояния еретика, ведьмы, прорицателя, скептика, слабого, верующего и побежденного.

1 [25]

У кого есть воля к страданию, тот иначе относится к жестокости: причиняя боль, он не видит в этом ничего вредного и дурного.

1 [26]

«Иисус увидел некоего человека, работающего в субботу, и сказал ему: *блажен ты, если ведаешь, что творишь*; если же не ведаешь, то ты проклят и преступаешь Закон».

(*Евангелие от Луки* 6, 4, древняя рукопись)

1 [27]

Существующий мир сил указывает *назад*, на их примитивнейшее состояние, и в то же время *вперед*—на примитивнейшее состояние; не должны ли в таком случае *оба* состояния быть *идентичными*? Из системы *определенных* сил, т.е. из определенным образом *измеренной* силы не выводимо *бессчетное* количество возможных состояний. Лишь если предположения о бесконечном пространстве, в котором равномерно рассеивается сила, неверны, ее последнее состояние является *непродуктивным, мертвым*. Простейшее состояние—это – и в то же время +.

1 [28]

Стоит лишь занять позицию самой строгой моральности, например честности, как наше обхождение с самы-

ми простыми взятыми на веру вещами делается аморальным (например наличие тела). Это подобно вере в то, что человек равен человеку, а не в атомарность индивидуумов.

Таким образом, все оборачивается *бесчестностью.* А если предположить, что мы осознали бесчестность, т.е. аморальность жизни, — *тогда следует отрицать жизнь.*

Так же и настаивание на справедливости приводит к убеждению, что жизнь несправедлива.

Следствие предельной моральности познания: стремление к *уничтожению.*

Но тут появляется спасительная критика морали и моральности: *она убивает сама себя.*

Следовательно: жизнь нельзя отрицать, поскольку мораль не стоит над ней, мораль мертва. Избыток моральности доказал *необходимость* и *полезность* своей противоположности — зла как источника добра.

Следует ли поэтому отказаться от добра? Нет, напротив! Ибо наша честность *не должна быть слишком строга.* И в самом деле, добрые люди *не* бывают чрезмерно строгими.

1 [29]

Потребности души не следует путать с потребностью *в* душе, которую испытывают некоторые холодные люди.

1 [30]

Собака платит за доброту преданностью. Кошка же наслаждается сама собой, ощущает силу самоупоения: она ничего не отдает.

1 [31]

Объяснение так называемых «спиритических явлений». Часть интеллектуальных функций медиума осуществляется бессознательно: его состояние гипнотическое (разделение бодрствующего и спящего интеллекта). На этой бессознательной части концентрируется нервная сила. Благодаря соединению рук участвующих в сеансе должна образоваться электрическая связь с медиумом, посредством которой *мысли* каждого поступают к медиуму. Подобная связь мыслей есть вещь не более чудесная, чем связь между мозгом и ногой, например, в тот момент,

когда человек спотыкается. Вопросы получают ответы в зависимости от интеллекта участников, причем часто задействуются резервы памяти, которые обычно кажутся утраченными. Следствие нервной эмоции. Нет никакого забвения. Бессознательный обман тоже возможен: я имею в виду, что медиум-обманщик пользуется различными обманными манипуляциями, не отдавая себе в этом отчета – свойственная ему моральность просто инстинктивно выражается в подобных действиях. В конце концов мы так поступаем *всегда*. Все существенное совершается на бессознательном уровне; бессознательный обман вершится в жизни куда чаще, чем обман сознательный.

Всякого рода *электрические* явления, холодные свечения, искры при этом вполне возможны. Чувство, будто к тебе прикоснулись, может быть обманчивым, галлюцинацией чувств; может быть и так, что несколько лиц ощущают одно и то же. (Как в древних оргиастических ритуалах.)

Вера в возможность встречи с умершими – предпосылка спиритизма. Это своего рода вольнодумство. Люди истинно набожные в такой вере не нуждаются. (Бокль о бессмертии)

1 [32]

Advocatus diaboli[1]

Новые представления о боге и дьяволе. Безусловное познание есть безумие периода добродетелей; из-за него погибла жизнь. Мы должны *освятить* ложь, безумие, веру и несправедливость. Мы должны освободиться от морали, *чтобы иметь возможность жить морально*. Мой свободный **произвол, мною самим созданный идеал** требует от меня той или иной добродетели, т.е. *гибели за добродетель*. Это и есть *героизм*.

1 [33]

Национальный принцип снимет оковы с мухаммедан и индийцев.

---

1 Адвокат дьявола (*лат.*).

1 [34]

А что, собственно, делает проституцию такой вредоносной, украдчивой, не уверенной в себе? Не ее «зло в себе», а то дурное мнение, которое о ней сложилось. Вопреки статистикам. Следовало бы отнести на счет **добрых** то, что более грубое и более тонкое последствия их суждений составляет внутреннее и внешнее несчастье людей. А потом они же считают это несчастье *доказательством* своей правоты, доказательством природы и силы! Дурная совесть отравляет здоровье.

Брак как разрешенная форма полового удовлетворения.

Война как разрешенная форма убийства соседа.

Школа как разрешенная форма воспитания.

Юстиция как разрешенная форма мести.

Религия как разрешенная форма инстинкта познания.

Добрые как фарисеи, плохие с дурной совестью, угнетенные. Что такое *распутство* всех видов как не последствие *неудовлетворенности* многих людей *разрешенными формами* существования? Что есть большинство *преступлений* как не отсутствие способности или желания *лицемерить* вместе с «добрыми»? Нехватка воспитания *сильных* инстинктов? Есть лишь их противники и презирающие их.

1 [35]

Фарисейское счастье.

Само-преодоление фарисея. Его «нравственные» поступки при любых обстоятельствах, его привыкание к тому, чтобы постоянно держать мотивы поступков лишь в *сознании*, а *действительные* мотивы называть ложными (в соответствии с моралью).

Это древний навык стада, изначальная привычка *замечать* у себя только *разрешенные* суждения и ощущения. Этот свойственный всем добрым навык ведет к одинаковости поступков и придает им невероятную *силу веры* в то, что у них и у окружающих так *мало* мотивов, и все они *добрые*.

Фарисей – это прототип сохраняющего человека, годный на все времена.

Его противоположность:
сильные злые
и *слабые злые*, которые себя так *ощущают*.
Из них иной раз получается *добрый-для-себя-самого*, дьявол, ставший богом.

1 [36]

Уменьшать страдания и избегать страданий (т.е. жизни) — это морально?

Создавать страдания — себе самому **и другим** — чтобы побудить их к высшей жизни, жизни *победителя*.

1 [37]

Отвратительно наблюдать, как фарисеи *почитают* великих людей. *Против* этой сентиментальности.

1 [38]

Даже *регресс и упадок* — индивидов и человечества — должны воспитывать *идеалы*: тогда всякий раз будут верить в прогресс. Идеал «обезьяны» может когда-нибудь явиться перед человечеством — как цель.

1 [39]

Моя виртуозность: переносить то, что мне неприятно, воздавать ему должное и даже быть учтивым с ним — человек и познание. К этому я особенно привычен.

1 [40]

У меня есть склонность позволять себя обкрадывать, злоупотреблять мной. Но, когда я заметил, что все пытаются меня *обмануть*, я впал в *эгоизм*.

1 [41]

Из совершенной старой морали меня потянуло к себялюбию.

1 [42]

Почему я так люблю **свободный дух**? Как последнее следствие предшествующей морали. Быть правым по отношению ко всему, несмотря на свои симпатии и антипатии,

встроить себя в порядок вещей, быть *выше себя, преодолевать*, обладать мужеством, не только встречаясь с тем, что враждебно и неприятно тебе лично, но и с тем злом, что заложено в самих вещах. Нужна предельная трезвенность мысли, враждебная уже сама по себе всякому идеализму и набожности, да и всякому пристрастию, враждебная и трезвенности, т.е. самой себе; нужен полный благоволения настрой по отношению ко всему и к каждому, нужна добрая воля, направленная на то, чтобы обнаруживать ценность во всем и в каждом — его необходимость и оправдание. *Отказ от действия* (квиетизм) из-за невозможности сказать «должно быть иначе» — успокоение в боге, как в *становящемся* боге.

Средством *такой* свободы духа стало для меня себялюбие, необходимое, чтобы не быть проглоченным вещами: как связь и как опора. Такое завершенное состояние моральности возможно лишь в *Я*: поскольку оно живо, оно формирует, желает, созидает и во всякое мгновение противостоит погружению в вещи, — в этом противостоянии оно черпает свою силу воспринимать все большее количество вещей и растворять их в себе. Свободный дух, таким образом, в отношении к себе и себялюбию есть становление, борьба противоречий, не готовое, не завершенное и не состояние: это *осознание моралью того, что она может сохранить свое существование и развиваться лишь благодаря своей противоположности.*

1 [43]

1. Неудовлетворенность собой. Противоядие против раскаяния. Трансформация темпераментов (например, вследствие неорганических процессов). Добрая воля к такой неудовлетворенности. Дождаться *ее* жажды, чтобы отыскать *ее* источник.
2. Сделать смерть средством победы и триумфа.
3. Половая любовь как средство достижения идеала. (Стремление раствориться в его противоположности.) Любовь к страдающему божеству.
4. Болезнь, отношение к ней, свобода к смерти.
5. Продолжение рода как самое святое дело. Беременность, произведение мужчины и женщины,

которые хотят наслаждаться в ребенке своим *единением* и поставить некий *памятник* самим себе.
6. Сочувствие как опасность. Создавать возможности для каждого помогать себе самому и решать, нуждается *ли* он в помощи.
7. Воспитание зла, собственного «дьявола».
8. Внутренняя война как «развитие».
9. «Сохранение вида» и идея вечного возвращения.
10. В какой мере всякий созданный бог снова создает себе дьявола. И вовсе *не* того, из которого произошел. (Это *близкий идеал*, с которым он должен *бороться*.)

1 [44]

Государство внедрило свою мораль в и<ндивидуума>.

Произвол — вот, может быть, самое благословенное имя для морали.

1 [45]

Стиль

Первое, в чем есть нужда, — это *жизнь*: стиль должен *жить*.

Стиль должен всегда быть соразмерным тебе — в отношении той личности, которой ты хочешь передать себя.

Нужно твердо знать: «я буду говорить и излагать так-то и так-то» — прежде чем браться за перо. Письмо должно быть лишь подражанием.

**

Поскольку у пишущего *нет* многих средств, которые есть у оратора, он должен взять себе за образец *наиболее выразительную* форму изложения: его отображение, написанное, обязательно окажется более бледным (и более естественным для тебя).

Богатство жизни выдает себя в богатстве жестов. Нужно *учиться* ощущать всё как жесты — длину и краткость предложений, пунктуацию, выбор слов, паузы, последовательность аргументов.

*

Осторожнее с периодами! На период имеют право лишь те, у кого хватает дыхания в устной речи. Для большинства период – это аффектация.

Стиль должен доказывать, что пишущий *верит* в свои мысли, не только думает, но и ощущает их.

**

Чем абстрактнее истина, которой собираешься учить, тем больше требуется расположить к ней чувства.

Такт хорошего прозаика состоит в том, чтобы вплотную приблизиться к поэзии, но никогда не переходить ее границу. Но без тончайшего чувства и навыков поэтического нельзя обладать этим тактом.

*

Не слишком-то умно и учтиво подсказывать читателю малейшие возражения. Зато умно и учтиво предоставлять читателю возможность самому извлекать квинтэссенцию нашей мудрости.

1 [46]

Ж. Санд, письмо 1868 г. Максиму Дю Кан.

«Faites un mariage d'amitié pour avoir des enfants. L'amour ne procrée guère. Quand vous verrez devant vous un ûtre, que vous aimerez plus que vous-mêmes, vous serez heureux. Mais ce n'est pas la femme que l'on peut aimer plus que soimême, c'est l'enfant, c'est le type divin, qui disparaît plus ou moins en grandissant, mais qui, durant quelques années, nous ramène à la possesion d'un idéal sur la terre»[1].

1 [47]

В глубине того, что всякий мужчина испытывает по отношению к женщине, всё еще таится *презрение* к женскому полу.

---

1 Для того чтобы иметь детей, заключите дружеский брак. Любовь почти неспособна к воспроизводству. Когда вы увидите перед собой существо, которое полюбите больше себя самого, вы будете счастливы. Но больше себя самого можно полюбить не женщину, а лишь ребенка, это божественное создание, которое исчезает, вырастая, но которое на протяжении нескольких лет дает нам ощущение обладания идеалом на земле (*фр.*).

1 [48]

Против возмущения моралью.

Такая же жестокость, как и в религиозных войнах. «Презрение к ближним» как предмет негодования Христа (он был несправедлив по отношению к фарисеям).

(Зло должно *сохраняться*!)

1 [49]

Кто увидел идеал человека, воспринимает реального человека как *карикатуру* на него.

1 [50]

1. *Женское* суждение об *аффектах*.
   – об отдельных добродетелях и пороках мужчины и женщины.
   Женщина и труд.
   Женщина и государство.
   Женщина и слава.
2. Женское суждение и вера женщины в справедливость своего суждения.
3. Скрытая действительность и – – –
4. Недействительность, которую женщина чувствует себя обязанной утверждать как действительное.
5. Склонение других к хорошему мнению о нас – и преклонение перед этим мнением как перед авторитетом.
6. Темп женских аффектов.
7. *Беременность* как кардинальное состояние, постепенно сформировавшее сущность женщины. Связь с этим всех женских способов мышления и действия.
8. Забота о детях – отчасти действующая регрессивно, отчасти чересчур лишающая детскости. Женский *рационализм*.
9. Разница между женской и мужской жаждой господства.
10. Женское чувство совершенства – в покорности.
11. То, что ощущается как неженское. История.

12. Отрицание, разрушение, ненависть, месть: почему женщина проявляет в этом *больше варварства,* чем мужчина.
13. Различная чувственность у мужчины и женщины.

1 [51]

О возрождении мира.

Из двух отрицаний возникает позиция, если отрицания являются силами. (Тьма возникает из света – против света, холод из теплоты против теплоты и т.д.)

1 [52]

Предваряй дела свои словами: обяжи самого себя стыдом перед нарушенным словом.

1 [53]

Лишь непреклонному позволено молчать о себе самом.

1 [54]

По отношению к другим мы более искренни, чем по отношению к самим себе.

1 [55]

Ко всякой истине мы относимся как к собственной плоти.

1 [56]

Первоначально ложь была моральной. Она *утверждала* мнение стада.

1 [57]

Чтобы развлечься, один ищет акушера своим мыслям, а другой – человека, которому мог бы помочь.

1 [58]

При всяком разговоре втроем один – *третий* лишний и тем самым препятствует *глубине* разговора.

1 [59]

Тот, кто не делает нас продуктивным, становится нам безразличен. Кого же *мы* делаем продуктивным, еще не удостаивается нашей любви.

1 [60]

Как добрые представляют себе *великих* людей. Против их сентиментальности.

1 [61]

Созидать идеал, т.е. *переделывать* своего дьявола в *своего* бога. А *для этого* нужно сначала создать себе дьявола.

1 [62]

Всякое добро произошло из зла.

1 [63]

Кто стремится к великому, имеет основания обрести свое завершение и удовлетворение в количестве. *Люди качества стремятся к малому.*

1 [64]

Абсолютное *охлаждение* к ценностям, в которые верили до сих пор, предшествует *пылкости.*

1 [65]

Я advocatus diaboli и обвинитель бога.

1 [66]

Человек—нечто слишком несовершенное. Любовь к человеку *разрушила* бы меня.

1 [67]

Жестокость в наслаждении состраданием. Сострадание тем сильнее, чем глубже мы знаем и любим другого. Следовательно, тот любящий, который жесток по отношению к любимому, будет испытывать наибольшее наслаждение от жестокости. Предположим, что больше всего мы любим *самих себя*; в таком случае наивысшим наслаждением сострадания будет жестокость *в отношении нас* самих.

Героическое—это стремление к абсолютной гибели в своей противоположности, преобразование дьявола в бога: *вот степень жестокости.*

1 [68]

Условия существования какой-либо сущности являются *моралью*, коль скоро они предстают как «*долженствование*».

1 [69]

Как дьявол становится богом.

1 [70]

К философии вечного возвращения.

о героическом величии как о единственном состоянии подготавливающих.

(Стремление к абсолютной гибели как средство выносить самого себя.)

Желание-стать-функцией: женский идеал любви. Мужской идеал—это ассимиляция и преодоление или сострадание (поклонение страдающему богу).

абсолютное равнодушие к мнению других (поскольку нам ведом их масштаб и значимость): но *как* мнение о себе самих—предмет для сострадания.

Мы не должны желать для себя *одного* состояния, но должны *желать стать периодическими* существами—подобно бытию.

я намеренно изжил всю **противоположность религиозной натуры**. Я знаю *дьявола* и **его** *перспективы в отношении* бога.

«Добро» и «Зло» как ощущения удовольствия и неудовольствия. Они необходимы. Но каждому *свое* зло.

Кто *не* находит дороги к своему идеалу, живет более легкомысленно и дерзко, чем тот, у кого вообще нет никакого идеала.

Причинять боль тому, кого мы любим, — вот дьявольщина. По отношению к нам самим это состояние героического человека — высшее насилие. То же и со стремлением к противоположности.

1 [71]

«Идеалист» как противоположность *честного* и бесстрашного познающего. Суждения идеалиста внушают мне отвращение, они ни к чему не пригодны.

1 [72]

Радость неудаче другого есть нечто иное, чем жестокость. Последняя представляет собой *наслаждение* состраданием и достигает пика в момент наивысшего сострадания (когда мы любим того, кого мучаем).

Если кто-то другой доставляет боль человеку, которого мы любим, мы приходим в бешенство от возмущения и наше сострадание причиняет нам сильную *боль*. Но мы любим его — и *мы* причиняем ему страдания. Поэтому сострадание становится необыкновенно притягательным: оно есть *противоречие* двух противоположных инстинктов, *необыкновенно притягательное.*

Самоистязание и сладострастие, появляющиеся друг рядом с другом, — одно и то же. Или самое ясное сознание, свинцовая тяжесть и неподвижность после опиума.

1 [73]

Общий вопрос: как действуют противоречащие друг другу ощущения, т.е. двойственность? Как родственные, как двойственность? (*Ослабляя?*)

Высшая любовь к Я, если она подает себя как героизм, предполагает и страсть к самоуничтожению, т.е. жестокость, насилие над самим собой.

Те, кто любил человечество, *причиняли ему самую сильную боль.*

Безусловная преданность и *добровольное претерпевание боли от любимого*, стремление быть истязаемым. Преданность становится *упрямством против самого себя*.

С другой стороны, любимый, мучающий любящего, наслаждается своим чувством власти—в особенности, если при этом тиранит себя самого: это *двойное* осуществление власти. Воля к власти становится упрямством против самого себя.

1 [74]

Свободный ум как самый религиозный человек из существующих.

1 [75]

Бог убил бога.

1 [76]

Мораль погибла из-за нравственности.

1 [77]

Человек верующий есть противоположность человека религиозного.

1 [78]

Предпосылкой для зачатия должно было стать *желание* иметь отображение и продолжение жизни любимого существа—и памятник единения с ним, *воплощение инстинкта единения* в новом существе. *Плод* страсти, а *не* симпатии.

1 [79]

Возвышенная и искренняя форма половой связи, страсть, все еще имеет при себе *нечистую* совесть. А самая вульгарная и неискренняя—совесть чистую.

1 [80]

Запутанность средств поддержания брака. Женщина всегда думает, что *предназначена* именно для *этого*. В действительности же все это чистый случай, и сотни других мужчин оказались бы для нее столь же хороши. Она желает подчиняться: она работает на мужа, думает и говорит: «Это все я сделала для *тебя*!» Но все это было не для «не-

го», а для того, кто случайно попался ее инстинктам. Профессия и повседневный труд *разделяют* супругов и таким образом делают брак выносимым. Поскольку мужчины и женщины не познали *раньше, что такое дружба*, они и не разочарованы своим общением: *ни* любовь, *ни* дружба им не ведомы. Брак предполагает участие в нем *слабых* полулюдей.

1 [81]

Тщеславный – оскорбленный
осторожный – остерегаться
аморальный – презирать.

1 [82]

Он убивает, если не может жить иначе.

Он грабит, если ему необходим предмет или человек (брак).

Он лжет, если хочет скрываться ради своей цели.

1 [83]

Полдень и вечность
Наброски *героической философии.*

1 [84]

Люди, стремящиеся к величию, как правило, злые люди: это их единственный способ выносить себя.

1 [85]

Сколько требуется времени (сколько столетий), прежде чем величие станет *заметным* для людей и будет *светить* им. Вот мой масштаб величия. Вероятно, все истинно великие пока оставались неизвестными.

1 [86]

Кто не находит больше величия в боге, вообще не находит его и должен либо его отрицать, либо – *создавать*, помогать создавать его.

1 [87]

Непомерные ожидания, которые женщины связывают с плотской любовью, застилают им глаза в отношении любых дальнейших перспектив.

1 [88]

Героизм — это настрой человека, стремящегося к цели, в сравнении с которой он становится незаметен. Героизм — это *добрая* воля к абсолютному самоуничтожению.

Противоположностью героического идеала является идеал всестороннего гармонического развития: прекрасная и весьма желанная противоположность! Но это идеал только для здоровых людей!

1 [89]

Во всяком ч<еловеческом> общении в сущности подразумевается лишь беременность.

1 [90]

Когда пятеро говорят вместе, шестой всегда должен умереть.

1 [91]

Все девушки думают, будто мужчина лишь тогда дружит с женщиной, когда не может ее добиться.

1 [92]

Кто не замечает возвышенного в ч<еловеке>, тот слишком близко видит его низменное и смотрит слишком пристально.

1 [93]

Когда угасают таланты, становятся виднее моральные свойства ч<еловека>.

1 [94]

Мужчины слывут жестокими, но на самом деле жестоки женщины. Женщины считаются душевными, но на самом деле душевны мужчины.

1 [95]

Ах, как я пресытился *трагическими жестами и словами*!

1 [96]

Шиллинг, *испан<ская> грамматика*, Лейпциг, *Глокнер*.

1 [97]

Если узелок не рвется,
Раскусить его придется.

1 [98]

Иногда я бываю самого невысокого мнения о добрых людях: их слабость, их нежелание переживать что-либо, их нежелание видеть, их намеренная слепота, их банальное вращение в привычном и уютном, их удовольствие в их «добрых качествах» и т.п.

1 [99]

Hitzig, Untersuchungen über das Gehirn. Berlin 1874.
Animal Depravity (Quarterly Journal of Science 1875, 415–430).
Мысли Лилиенфельда о социологии.

1 [100]

Cosa bella e mortal
Passa e non dura!!![1]

1 [101][2]

Columbus novus

В даль стремлюсь я, и отныне
Верю в самого себя,
И плывет в бескрайней сини
Генуэзская ладья.

---

1 Прекрасная вещь смертна: она проходит и не длится (*um*.).

2 Этот и следующие пять фрагментов (1[101]–1[106]) – перевод И. Эбаноидзе.

* *

Для меня все новым стало,
Позади все, что изведал.
Не стоишь ли за штурвалом
Ты сама, моя победа!?

(Лето 1882)

1 [102]

Дерево говорит.

Туда, где тучи, одиноко
Расту я в ожиданьи рока.

* *

Они все гуще, и вот-вот
Их сумрак молния пробьет.

1 [103]

Идеалу.

С тобой, моя возлюбленная тень,
Я сблизился так тесно, что однажды
Сам стал как тень, ты ж облачилась в плоть.
И лишь мой глаз все в толк не может взять,
Что ты внутри, – привык смотреть наружу.
Из-за него ты вечно «где-то там».
Ах, этот глаз! Хоть вырви! Вот досада!

1 [104]

«Веселая наука»
(Sanctus Januarius)

Это не книга: что толку в книжках –
В гробах под переплетною крышкой!
В них тени забытые, прошлого звенья, –
И все же в них вечно живет мгновенье.

1 [105]

В горах.
(1876.)

Возврата нет? И нет пути?
Да тут и серне не пройти!

* *

Ждать, намертво вцепившись, здесь
И видеть только то, что есть!

* *

Пять пядей тверди, час рассвета,
А там, внизу – мир, смерть и Лета.

1 [106]

К дружбе.

Святая дружба!
Высшей моей надежды
Утренняя заря!
Бесконечной
Казалась мне часто ночная тропа,
Самая жизнь –
Бесцельно-презренной!
Дважды желаю я жить, и ныне
Вижу в твоих глазах
Утренний свет и победу,
Возлюбленная богиня!

1 [107]

Слово.

Я рад всегда живому слову:
Оно подвижно, смело, ново,
В нем и уместность, и сноровка,
Мила в нем даже и неловкость.
Горячая бежит в нем кровь,
Порхает нежная любовь,
И даже тем, кто тугоух,

Оно прочистить может слух.
И все ж оно так хрупко, чутко,
Порой болеет не на шутку.
Чтоб жизнь его могла продлиться,
С ним нужно нежно обходиться,
Ломать и мять его не надо;
Порой хватает злого взгляда—
И вот оно уже не дышит,
Его не чувствуют, не слышат,
Остался только полый звук,
Обрубочек без ног и рук.
Долой все гнусные затеи,
Что слово губят, не жалея.

[Таутенбургские записи для Лу фон Саломе]

1 [108]

1.

Люди, стремящиеся к величию, как правило, злые люди; это их единственный способ выносить себя.

2.

Кто не находит больше величия в боге, вообще не находит его и должен либо его отрицать, либо—создавать (помогать создавать).

<3.>

[+ + +]

4.

Непомерные ожидания, которые женщины связывают с плотской любовью, застилают им глаза в отношении любых дальнейших перспектив.

5.

Героизм—это настрой человека, стремящегося к цели, в сравнении с которой он становится незаметен. Героизм—это добрая воля к абсолютному самоуничтожению.

6.

Противоположностью героического идеала является идеал всестороннего гармоничного развития; прекрасная и весьма желанная противоположность! Но это идеал только для насквозь здоровых людей (например, Гёте).

Любовь для *мужчин* нечто совершенно иное, чем для женщин. Для большинства она, пожалуй, своего рода *алчность*, для остальных же — преклонение перед страдающим и скрытым божеством.

Если бы наш друг Рэ прочел все это, он счел бы меня сумасшедшим.

Как дела? В Таутенбурге еще не было лучшего дня, чем сегодня. Воздух ясный, мягкий, насыщенный — такой, какими должны быть мы все.

Сердечно
Ф. Н.

1 [109]

Учение о стиле.

1.

Первое, в чем есть нужда, — это жизнь: стиль должен *жить*.

2.

Стиль должен быть соразмерным тебе в отношении определенной личности, которой ты хочешь передать себя. (Закон *двойного отношения*.)

3.

Нужно твердо знать: «я буду говорить и излагать так-то и так-то» — прежде чем браться за перо. Письмо должно быть лишь подражанием.

4.

Поскольку у пишущего нет многих средств, которые есть у оратора, он должен взять себе за образец *наиболее выразительную* форму устного выступления: его отображение, написанное, обязательно окажется более бледным.

5.

Богатство жизни выдает себя в *богатстве жестов*. Нужно учиться ощущать всё как жесты — длину и краткость предложений, пунктуацию, выбор слов, паузы, последовательность аргументов.

6.

Осторожнее с периодами! На период имеют право лишь те, у кого хватает дыхания в устной речи. Для большинства период — это аффектация.

7.

Стиль должен доказывать, что пишущий верит в свои мысли, не только *думает*, но и *ощущает* их.

8.

Чем абстрактнее истина, которой собираешься учить, тем больше требуется расположить к ней чувства.

9.

Такт хорошего прозаика в выборе средств состоит в том, чтобы вплотную приблизиться к поэзии, но никогда не переходить границу.

10.

Не слишком-то умно и учтиво подсказывать читателю малейшие возражения. Зато очень умно и учтиво предоставлять читателю возможность самому извлекать квинтэссенцию нашей мудрости.

Ф. Н.

Доброе утро,
моя дорогая Лу!

1 [110]

«Да, слабый пол!» — так говорят мужчины о женщинах; так говорят и женщины о самих себе: но кто верит, что в обоих случаях имеется в виду одно и то же? Пускай мужчины думают об этом, что хотят; но что же обыкновенно думает женщина, когда говорит о слабости своего пола? —

Чувствовать слабость — это для нее не только испытывать недостаток силы, но и, более того, испытывать *потребность в силе*. Она ищет, озирается в поисках силы, желая прислониться, подобно усикам растения, ко всему, к чему можно прислониться; она с вожделением обвивается даже вокруг того, что никак не может служить опорой, и пытается удержаться; она легко заблуждается относительно силы другого, чужого ей — она настолько же верит в силу вне ее, насколько уверена в собственной слабости. Чувство слабости, испытываемое ею в крайней степени, находит силу буквально повсюду и наделяет воображаемой силой любого, кто находится вне ее; а если глаза противятся этому, она их — *закрывает*!

Таково на самом деле состояние, в котором пребывает слабый пол, и не только по отношению к мужчинам сво-

его окружения, но и по отношению к религии или обычаям: слабая женщина верит в свою неспособность стоять без опоры и превращает в *опоры* всё, что физически или духовно окружает ее; она не желает видеть, *что* это на самом деле, она не хочет проверять, *держат* ли перила моста, по которому она собирается пройти через реку, она просто верит в перила, потому что верит в собственный страх и слабость. На что бы ни опиралась женщина, она всегда опирается не на *познанную* силу, а на ожидаемую, желаемую и вымышленную; и чем больше ее чувство собственной слабости, тем большую силу она хочет *ощущать* от того, что «дает опору». Самая слабая женщина будет из каждого мужчины делать бога, а из каждой заповеди традиции или религии – нечто святое, неприкосновенное, предельное, достойное поклонения. Очевидно, что для возникновения религий слабый пол важнее, чем сильный. И если женщин в их слабости предоставить самим себе, они начнут постоянно создавать себе не только «мужчин», но и «богов» – вполне вероятно, похожих друг на друга своей *чудовищной силой*!

1 [111]

О женщине.

1. Женское *суждение* и *вера* (суеверие) женщины
 в отношении своего суждения.
2. Женское суждение
 об аффектах,
 об отдельных добродетелях и пороках.
3. Женское мнение
 о мужчине и женщине,
 о государстве и природе,
 о труде и отдыхе и т.п.
4. Что из действительности скрывает женщина
 от себя.
5. Почему она чувствует себя обязанной утверждать
 действительность того, о чем она знает, что это
 не действительно.
6. Темп женских аффектов.
7. Забота о детях, отчасти действующая регрессивно, отчасти чересчур лишающая детсткости

(женский рационализм). В какой мере женщины обращаются с мужчиной как с ребенком.

8. Насколько женщина склоняет других к хорошему мнению о ней и несмотря на это затем преклоняется перед этим мнением.
9. История того, что женщиной ощущается как неженское — в зависимости от народности и обычаев.
10. Женская вера в некую *высшую* женскую добродетель, *необходимую* для достижения более высокой женской природы — и фактическая смена этих «высших добродетелей».
11. Чувство совершенства и исполнения высшего сущностного предназначения (например в служении, послушании).
12. Беременность как кардинальное состояние постепенно, на протяжении веков, определила сущность женщины. Связь с этим всех женских способов мышления и действия.
13. Отрицание, разрушение, одиночество, презрение, месть: почему женщина проявляет во всем этом *больше варварства*, чем мужчина, и т.д. и т.п.

2. Лето–осень 1882

2 [1]

Меттейя

2 [2]

Карус, сравнительная психология

2 [3]

Фогт 19185
Линдау 18772
Вильбрандт 18761

2 [4]

Мораль избранных или свободная мораль.

Мы как хранители жизни.

Неизбежно возникающее презрение и ненависть к жизни. Буддизм. Европейская энергичность приведет к массовым самоубийствам. Дополнительно: *моя* теория возвращения как ужаснейшее осложнение.

Если мы не сохраним себя самих, все погибнет. *Сохраним себя самих через организацию.*

Друзья жизни.

Нигилизм как небольшая прелюдия.

Невозможность философии.

Поскольку буддизм делает *непродуктивным и добрым*, то Европа под его воздействием — **устанет**!

Добрые — это усталость.

Примирение — это усталость.

Мораль — это усталость.

Хорошие традиции (например брак) — это усталость.

Против идеалистов.

2 [5]

Что будет

Изначальное стремление *к ничто.*

Войны за принцип Лучше-не-быть-чем-быть.

(А)

Первое следствие морали: *жизнь следует отрицать.*

Последнее следствие морали = саму мораль следует отрицать.

(Б)

Итак: первый вывод отпадает.

высвобождение себялюбия,
высвобождение зла,
высвобождение индивидуума.

Новые добрые («я хочу») и старые добрые («я должен»).

Высвобождение искусства как отказ от необходимости познания. Похвала лжи.

Восстановление религии.

(В)

Благодаря всему этому освобождению растет привлекательность жизни. *Устранено* ее самое глубинное отрицание — моральное. Начало конца. Необходимость варварства, к которому относится и религия. Человечество вынуждено жить *циклами*, это *единственная* постоянная форма. Культура должна не длиться долго, а быть краткой и высокой. **У нас полдень**: *эпоха.*

(Г)

Что определяет *наибольшую высоту* в истории культуры? Мгновение, когда возбуждение <Reiz> достигает наивысшей точки. По сравнению с тем, что самая мощная мысль становится выносима и даже любима.

2 [6]

Что будет.

Пророчество.

А. Победа морали над собой.

Б. Освобождение.

В. Середина и начало конца.

Г. Признаки полудня.

Д. Добровольная смерть.

2 [7]

Змея, сказал Заратустра, ты самый умный зверь под солнцем — ты должна знать, что укрепляет сердце, мое мудрое сердце; я не знаю этого. И ты, орел, самый гордый зверь под солнцем, возьми сердце и унеси его туда, куда устремится гордое сердце, — я не знаю этого.

2 [8]

Л<юди>, которым не нужно много лгать, гордятся тем, что они мало лгут.

2 [9]

Возвестите мне, звери: достигло ли солнце полудня? Свернулась ли уже в кольцо змея, именуемая вечностью? Слепнет Заратустра.

Всякая вещь всегда идет на пользу моей смерти. Кто хочет стать моею судьбой? Я люблю всякую судьбу. Блаженным становится Заратустра!

Ничего больше не ведает Заратустра, ничего больше не угадывает Заратустра.

2 [10]

Всегда возвращать: ничего не принимать в дар, кроме награды и знака того, что мы *распознаем* любовь других и уравниваем ее своею *любовью.*

2 [11]

Отнять у людей *мораль*, ибо они так плохо пользуются ею, и *наложить* на них жесткие *чувства*, *по-солдатски* — «ты должен» —

2 [12]

Стань сторонником **чего-нибудь**, например: «хочу быть справедливым». Есть лишь один грех: трусость.

2 [13]

Тот, кто беден любовью, охотно делает вид, что нет никого достойного ее.

2 [14]

Посредством любви мужчина ищет беспрекословную рабыню, женщина – беспрекословное рабство. Любовь – это потребность в ушедшей культуре и обществе.

2 [15]

Независимого человека, пренебрегающего тем, чтобы стать бараном-вожаком, человек моральный подозревает в том, что он рыщущий зверь.

2 [16]

Железо ненавидит магнит, когда магнит не может полностью притянуть его к себе.

2 [17]

Больше всего мы ненавидим не то, что препятствует нам быть любимыми, но то, что препятствует полноте нашей любви.

2 [18]

Кто не скрывает себя, возмущает этим других.

2 [19]

«Несчастный, твой бог разорван и разбит, и змеи поселились в нем. И теперь ты полюбил и этих змей ради него».

2 [20]

От наших врагов мы не хотим пощады, как и от тех, кого мы любим до глубины души.

2 [21]

Будь осторожен с ним: он говорит лишь для того, чтобы потом ему было позволено слушать, а ты слушаешь на самом деле лишь потому, что невозможно все время говорить, – т. е. ты слушаешь плохо, а он слушает хорошо.

2 [22]

Сука-чувственность, желающая заполучить кусок плоти, хорошо умеет клянчить кусок духа.

2 [23]

Она никогда не дает и даже не отплачивает — она лишь возражает.

2 [24]

Есть натуры дающие, а есть отдающие назад.

2 [25]

Истинно справедливых людей нельзя одарить: они отдают всё назад.

2 [26]

В сообщаемом знании всегда есть что-то от предательства.

2 [27]

Во всяком писании есть бесстыдство.

2 [28]

Кто любит бога, тот карает его.

2 [29]

Люди поверхностные вынуждены постоянно лгать, потому что у них нет содержания.

2 [30]

Воспитывать, т.е. при любых обстоятельствах учить лгать.

2 [31]

Правдивый в конце концов понимает, что постоянно лжет.

2 [32]

Лгать — это противоречить не только своему знанию, но и своему незнанию.

2 [33]

Благороднее признать себя неправым, чем оказаться правым.

2 [34]
Ложь — это человеколюбие познающего.

2 [35]
Самоубийство

2 [36]
Справедливость возможна только по отношению к вещам.

2 [37]
Наше воздействие как необходимый *обман.*

2 [38]
Разделенная несправедливость — уже наполовину справедливость.

2 [39]
Чел<овеческое>, слишк<ом человеческое>, с. 200;
с. 77. Утренняя заря.
167, 8. В<еселая> наука.

2 [40]
Ужасные последствия, когда людей любят *только ради бога.*

2 [41]
«Но как мог ты поступить так? — сказал друг очень умному ч<еловеку>. — Это была глупость». «Она дорого обошлась мне» — ответил тот.

2 [42]
Кто хочет подняться к последнему познанию, должен оставить позади себя и правдивость. Мораль — плохая опора для желающих покорить стену познания.

2 [43]
«Жизнь ради познания», т.е. желание *стоять* на голове, — это, может быть, и сумасбродство, но если это при-

знак радости, то почему бы и нет: ведь нет ничего плохого в слоне, пытающемся стоять на голове.

2 [44]

За хорошую репутацию обычно платят слишком многим: самим собой.

2 [45]

Опасность, подстерегающая мудреца, состоит в том, что он может влюбиться в глупость.

2 [46]

Любовь к женщине! Если это не сочувствие страдающему богу, то это инстинктивное влечение к зверю, скрытому в женщине.

2 [47]

Пробный камень человеческой природы — не то, как она любит, а то, проявляется ли вся ее пошлость или же вся ее возвышенность, если она знает, что любима.

2 [48]

Я изумляюсь упреку больше, чем похвале, я презираю похвалу больше, чем упрек.

2 [49]

Мораль<ное> возмущение — самый коварный вид мести.

2 [50]

Мне нравится сострадание только на лице победителя. А когда эти несчастные, и смотреть-то на которых жалко, еще и делают сострадающее лицо, — — —

Сострадание может быть и для богов, однако герою подобает радоваться унынию вокруг него.

3. Лето-осень 1882

3 [1]

В открытом море
Книга афоризмов
Фридриха Ницше

«В даль стремлюсь я, и отныне
Верю в самого себя,
И плывет в бескрайней сини
Генуэзская ладья.

Для меня все новым стало,
Все земное скрылось с глаз –
Слава судну и штурвалу!
Вечность окружает нас!» –[1]

Молчаливые речи
Книга афоризмов.

«По ту сторону добра и зла»
Книга афоризмов.

«il sait goûter sa vie
en paresseux sensé qui pond sur ses plaisirs»
(Duc de Nevers)[2]

1. А: Что означает справедливость? Б: Моя справедливость – любовь со зрячими глазами. А: Но подумай, что ты го-

---

1 Стихи в переводе И. Эбаноидзе.

2 «Он умеет наслаждаться жизнью, как рассудительный ленивец, высиживающий свои удовольствия» (герцог Неверский) (*фр.*).

воришь: эта справедливость оправдывает всякого, кроме того, кто судит! Эта любовь выносит не только все наказания, но и всякую вину! Б: Да будет так!

2. Кто поздно юн, остается юным надолго. Не нужно искать юность среди юношей.

3. Когда ослабевают таланты, отпущенные человеку, виднее становятся его моральные качества, и не всегда это звезды, становящиеся виднее в наступающей ночи.

4. Кто не способен видеть высокое в человеке, у того зоркий глаз для его низменного.

5. Есть и назойливость познающего: ей определено видеть лишь показную суть вещей.

6. Когда пятеро говорят вместе, шестой всегда должен умереть.

7. Бог задохнулся от теологии, а мораль—от нравственности.

8. Те, кто до сих пор больше всего любили человека, причиняли ему самую сильную боль: они требовали от него невозможного, как и все любящие.

9. Так говорил святой: «Я люблю бога—ибо человек нечто слишком несовершенное. Любовь к человеку разрушила бы меня».

10. Настало время, когда дьявол должен быть адвокатом бога—если он хочет продлить и собственное существование.

11. «Ты стал холодным ко всему, что раньше было ценным, ты холоднее льда. Но если теперь к тебе кто-то прикоснется, он скажет, что ты раскален добела, и он отденет руку, думая, что ты его обжег. И скоро появятся люди, которые станут искать тебя, чтобы *погреться*».

12. Стремиться к великому – предательство. Люди лучшего качества стремятся к малому.

13. Тот, кто не делает нас продуктивным, становится нам безразличен. Кого же мы делаем продуктивным, еще не удостаивается нашей любви.

14. Третий всегда пробка, мешающая разговору двоих погрузиться вглубь; при определенных обстоятельствах это является достоинством.

15. Предваряй дела твои словами: обяжи самого себя стыдом перед нарушенным словом.

16. Это женское свойство – сначала *соблазнить* кого-либо к хорошему мнению о себе, а потом *поверить* в это мнение как в авторитет.

17. В отрицании, разрушении, ненависти, мести женщина проявляет больше варварства, чем мужчина.

18. Жертвы, которые мы приносим, доказывают лишь, сколь малоценно для нас все остальное, когда мы что-то любим.

19. То, что мы больше всего любим делать, мы хотели бы считать самым трудным для нас.

20. В глубине всякого женского тщеславия всегда таится презрение к «*бабе*».

21. То, что мы узнаем в человеке, воспламеняем мы в нем; способные узнавать в человеке лишь низменные свойства возбуждают их и вызывают их разрядку. Аффекты твоих близких, направленные против тебя, суть критика твоей способности познания низкого и высокого.

22. Дать имя своему аффекту – это уже шаг за границы аффекта. Так, самая глубокая любовь не знает себе названия и, быть может, спрашивает себя: «не ненависть ли я?»

23. Мужские и женские аффекты отличаются друг от друга по своему темпу, поэтому мужчина и женщина никогда не понимают друг друга.

При всем знании других людей люди не выходят из себя, а напротив, все больше входят в себя.

24. Мы и когда бодрствуем, ведем себя как во сне: постоянно придумываем и воображаем себе людей, с которыми общаемся, — и тут же забываем, что они придуманы.

25. Человек может быть наказан и за добродетели.

26. Потребности души не надо путать с потребностью в душе, которую испытывают некоторые холодные люди.

27. Кому не нужно лгать, тот гордится тем, что не лжет.

28. Женщина понимает детей лучше мужчины, но мужчина больше ребенок, чем женщина.

29. Естественный противник человека верующего — не свободный ум, а религиозный человек.

30. Больше всего ненавидят созидающих, ибо они самые глубокие разрушители.

31. Фарисейство — это не вырождение добрых людей, а условие их доброты.

32. Мы любим жизнь не потому, что живем, а потому, что привыкли жить.

33. Следует время от времени отправлять и свои добродетели спать.

34. Ты веришь в свою «жизнь после смерти»? Значит, ты должен учиться быть мертвым при жизни.

35. Наши недостатки — наши лучшие учителя: но как раз по отношению к своим лучшим учителям люди всегда неблагодарны.

36. «Не будем об этом говорить!» — «Друг мой, об этом нельзя даже молчать!»

37. Что знает о любви тот, кто не должен был презирать именно то, что любил!

38. Нужно не замечать себя — чтобы хорошо *видеть*.

39. «Люди *не равны*!» — так говорит справедливость.

Во многое не верят только потому, что не верят в общепринятое объяснение.

40. У кого есть страсть к справедливости, тот ощущает даже свой самый болезненный аффект как облегчение.

41. Тяжелые, унылые люди становятся легче и всплывают к своей поверхности от того, что отягощает других, в том числе от любви и ненависти.

42. Мне кажется, что всякого рода мыльные пузыри или мотыльки и те, кто похож на них среди людей, больше всех знают о любви: смотреть, как порхают эти легкие, неразумные, подвижные, изящные созданьица, — это доводит меня до слез и стихов.

43. «Ты видел своего демона?» — «Да, тяжелый, серьезный, основательный, патетический — таким предстал он, как genius gravitationis[1], из-за которого падают все существа и вещи».

44. Того, кто сострадал бы всему человечеству, каждый отдельный человек воспринимал бы как жестокого тирана.

---

1 Гений тяжести (*лат.*).

45. Все до конца объясненное перестает нас интересовать. Смотри, не покажись самому себе до конца объясненным.

46. Надо уметь быть губкою, если хочешь чтобы тебя любили те, кто переполнен.

Здесь кроется самый распространенный вид нечестности познающих: они отрицают факты.

47. Кто увидел идеал человека, воспринимает реального человека как карикатуру на него.

48. Один ищет акушера своим мыслям, а другой—человека, которому мог бы помочь: так возникает добрая беседа. Но горе, если сойдутся два акушера! Недаром в руках у них щипцы!

49. Кто не находит дороги к *своему* идеалу, живет более легкомысленно и дерзко, чем тот, у кого вообще нет никакого идеала.

50. Дьяволу открывается лучший вид на бога, поэтому он и держится от него подальше: ведь он друг *познания*.

51. Если узелок не рвется,
Раскусить его придется.

Брак, этот самый лживый и лицемерный способ половой связи, годится для тех, кто не способен ни на любовь, ни на дружбу и хотел бы скрыть этот недостаток от других: именно для этого государство и религия освятили брак. Годится он и для тех, у кого нет опыта ни в любви, ни в дружбе, так что брак не может их разочаровать.

52. Опасность для мудреца заключается в том, что он чаще других впадает в соблазн влюбиться в глупость.

53. Любовь к женщине! Если это не сострадание страдающему богу, то инстинкт, ищущий скрытого в женщине зверя.

54. Нравственное возмущение — самый коварный вид мести.

55. Веселиться посреди всеобщего уныния — вот дело героя, и не из сострадания, а из преизбытка отдает он и, как принято говорить, «жертвует собой».

56. Корыстолюбие и страсть повенчаны друг с другом; этот брак называют себялюбием: этот несчастный брак!

57. Как? Ты хочешь, чтобы тебя оценивали не по делам, а по намерениям твоим? Но ведь сами твои намерения происходят из твоих дел.

58. Все, о чем долго думают, становится подозрительным.

59. Ужасные переживания позволяют угадать, не ужасен ли тот, кто их переживает, — хотя, может быть, он ничего не ведает об этом.

60. Брак — самая лживая форма половой связи, и именно по этой причине на его стороне чистая совесть.

61. За свою хорошую репутацию обычно жертвуют слишком многим: самим собой.

Кто хочет быть предводителем людей, должен быть готов долгое время слыть их опаснейшим врагом.

62. Люди охотно бегут за каждым, кто умеет внушить им, что они сбились с пути: им так льстит слышать, что у них вообще *есть* путь.

63. Великие мысли — «из сердца», маленькие — из брюха; плохо помыслены и те, и другие.

64. «Великие мысли»? Друг мой, это всего лишь мысли, которые раздувают и делают тебя великим: в мыльном пузыре нет ничего великого!

Пошлость или возвышенность внутренней природы проявляется не в том, *как* любят: ведь любовь всегда скорее обманывает, а не выдает! Но обратите внимание, как ведут себя те, кого *любят*! — И некоторые, имевшие основание оставаться незаметными, считали удачей судьбы то, что их никогда не любили.

65. Жить познания ради, может быть, и сумасбродство, но это признак веселого нрава. Смотреть на такого человека столь же весело, как на слона, пытающегося *стоять* на голове.

66. «Но как мог ты поступить так! — сказал друг очень умному человеку — Это была глупость!» «Она дорого обошлась мне», — ответил тот.

67. Иисус из Назарета любил злых, а не добрых: вид их морального возмущения выводил из себя даже его. Всюду, где вершился суд, он выступал против судей: он хотел уничтожить мораль.

68. Иисус говорил людям: «Любите Бога, как люблю Его я, сын Божий: какое дело нам, сыновьям Божьим, до морали!»

69. Вы думаете, что ищете «истину»! Вы ищете предводителя и желаете, чтобы вами командовали!

70. Почему ты в стороне? — «Я пока не нашел никого, кому мог бы подчиняться, и никого, кем бы хотел повелевать».

71. Пастуху необходим еще и баран-вожак.

72. Любовь высвечивает высокие и редкие качества в человеке, оттого-то она и вводит в заблуждение (и больше всего — его самого). Но да обратит внимание не желающий быть обманутым, на то, что происходит, если человек человек знает, что любим, *но сам не любит*: тогда душа выказывает всю муть, осевшую на ее дне.

73. Через правдивость еще никто не достиг познания.

74. Молнию сделали *безвредной*, но этого недостаточно, она должна научиться работать на нас. — Так я думаю и о всяком «зле» — в тебе и во мне.

75. Христианский бог, бог любви и жестокости, придуман очень умно и без моральных предрассудков: поистине это бог для европейцев, которые хотят подчинить себе землю.

76. То, что какое-либо время ощущается как зло, т.е. нечто расходящееся с идеалами этого времени, есть на самом деле последствие того, что некогда казалось добром, атавизм древнего идеала. Первородный грех — всегда и первородная добродетель.

77. Во взоре всякого судьи сидит палач.

78. Кто возвысился над добром и злом, тот и в трагедии видит лишь невольную комедию.

79. Философские системы — самая скромная форма, в которой кто-либо может говорить о себе самом, — расплывчатая и заикающаяся форма мемуаров.

80. Видеть, как погибают трагические натуры, и *еще быть способным смеяться*, все глубоко понимая, чувствуя и сострадая им, — это божественное свойство.

81. «Нет сомнений, что среди сторонников этого дела много лжецов и обманщиков, следовательно, само это дело есть ложь и обман» — так заключают поверхностные. Кто знает человека глубже, скажет: «следовательно, в этом деле есть что-то истинное, раз сторонники его чувствуют себя уверенно и им кажется, что хороша любая приманка, привлекающая к их делу».

82. Невинность лжи есть признак благой веры в какое-либо дело.

83. Нужно увидеть человека спящим, чтобы знать, как он выглядит. Лицо твоего друга, которое кажется тебе знакомым, — это *твое* лицо в грубом и несовершенном зеркале.

84. Какая разница, льстите вы богу или дьяволу, визжите перед богом или перед дьяволом? Вы лишь льстецы и визгуны!

85. Кто труслив до глубины души, тот обычно вполне умен, чтобы усвоить так называемую любезность.

86. Последствия наших поступков хватают нас за волосы, не обращая ни малейшего внимания на то, что мы с тех пор «стали лучше».

87. Люди приказывающие станут приказывать и своему богу, думая, что так усердно ему служат.

88. Можно было бы представить высоконравственную ложь, при которой человек осознает половой инстинкт лишь как обязанность рожать детей.

89. Он называет это верностью своей позиции, но это лишь лень, не дающая ему встать с кровати.

90. Если мы наконец-то привыкли к какой-нибудь добродетели, нужно еще и обладать хорошим вкусом, чтобы впредь называть ее не добродетелью, а «вкусом».

91. Существует товарищество — пусть будет и дружба!

92. Если сострадательные теряют стыд перед собой и говорят нам, что сострадание есть сама добродетель, — они вызывают сострадание.

93. Благородный человек всегда стоит добрым поперек дороги; часто они отстраняют его, говоря, что он добр.

94. Вокруг героя всё становится трагедией, вокруг полубога — сатировской драмой.

95. Жестокость – это эксцентричная и ставшая более духовной чувственность.

96. Нравственные люди обходятся с преступниками как с принадлежностью одного-единственного поступка – и так же они обходятся с самими собой, в зависимости от того, чем менее свойствен этот поступок им самим: он действует как меловая черта на курицу. – В мире морали очень много гипнотического.

97. «Высокими чувствами», «возвышенными мыслями» называете вы это; я вижу лишь вожделение высоты и судороги морального честолюбия.

98. Твой шаг выдает, что ты еще не идешь по своей колее; по тебе должно быть видно, что ты хочешь танцевать. Танец – доказательство истины.

99. «Серьезный», «строгий», «моральный» – так вы его называете. Мне же он представляется злым и несправедливым по отношению к самому себе, всегда готовым наказывать нас за это, играть роль палача, – и раздраженным оттого, что мы этого ему не позволяем.

100. «Высокие чувства»! – На высоте чувствуешь себя не высоко, а в глубине и наконец-то на твердой почве, – если и в самом деле обладаешь невинностью высоты.

101. Благодаря доброй воле помочь, посочувствовать, подчиниться, отказаться от личных претензий даже самые незначительные и поверхностные люди могут стать вполне выносимыми для глаза; не надо их разубеждать, что эта добрая воля есть «сама добродетель».

102. Ныне мораль – оправдание всех случайных и лишних, кишения обделенных духом и силой, которого не должно было быть. Мораль в этом отношении милосердна, ибо говорит каждому: «Но ведь ты очень важен», – что, разумеется, ложь.

103. «Глупая женщина с добрым сердцем стоит выше любого гения» — это звучит учтиво из уст гения. В этом его вежливость — и его мудрость.

104. Чужое тщеславие приходится нам не по вкусу только тогда, когда оно задевает наше тщеславие.

105. Мы всегда любим наше собственное вожделение, а не предмет его.

106. Естественные последствия поступка мало взвешиваются, пока среди этих последствий есть публичное наказание и осуждение. Здесь сокрыт большой источник всего поверхностного.

107. Женщины атакуют своей любовью того, кто внушает им страх: это их храбрость.

108. «Один около меня — это слишком много», — думает одинокий. Одиножды один — два.

109. Мы любим пользу только как повозку для наших склонностей — и на самом деле не выносим скрипа ее колес.

110. «Давать себя таким, каков ты есть»: это может быть наградой, которую мы бережем для друга, — с тем результатом, что из-за этого он пошлет нас к дьяволу.

111. Иной раз бывают наравне со своим поступком, но не с образом содеянного.

112. Красивые краски, в которых светятся добродетели, суть изобретения тех, кому добродетелей не хватает. Откуда, к примеру, берется весь блеск доброты и сострадания? Уж точно не от добрых и сострадательных.

113. В мировой истории речь идет лишь о великих преступниках, в том числе о тех, кто был способен на великие преступления, но по случайности не совершил их.

114. «Религиозный человек», «шут», «гений», «преступник», «тиран» — всё это дурные имена и частности вместо того, что не имеет названия.

115. Нечистая совесть — это налог, которым облагает людей изобретение чистой совести.

116. Ты хочешь быть справедливым? Несчастный, как хочешь ты воздать *каждому свое*? — Нет, этого я не хочу. Я отдаю *каждому мое*: достаточно для того, кто не слишком богат.

117. Одиночество делает нас более жесткими к себе самим и заставляет больше тосковать по людям; в обоих случаях оно улучшает характер.

118. Всего строже люди относятся к своему богу: *ему* нельзя грешить!

Бог придумал телеологию беременности, когда придумал женщину.

119. «Я больше ни во что не верю». Вот правильный образ мыслей *творческого* человека.

120. Ларошфуко остановился на полпути: он отрицал «добрые» свойства человека; ему следовало бы отрицать и «злые» свойства.

Если моральный скептик достиг недоверия к морали, ему остается еще один шаг — скепсис по отношению к своему недоверию. *Отрицание* и *доверие* — подают руки друг другу.

121. Вера по форме, неверие по содержанию — это и составляет прелесть сентенции, т.е. моральная парадоксальность.

122. Своим противникам мы искренне прощаем — их ошибки.

123. Что такое? Ты хочешь познать самого себя? Лучше научись познавать свое счастье!

124. Я хочу желаний, ничего кроме желаний, и всякий раз вместо исполнения — новое желание.

125. Самая большая роскошь, которую позволяло себе человечество, — это вера в нечто нереальное, в самоотверженность. Ибо эта вера лишила ценности самое реальное, себялюбие. — С тех пор всякое счастье превратилось в тоску.

126. Глубокая ненависть — тоже идеалист; превращаем ли мы при этом своего противника в бога или в дьявола, в любом случае мы оказываем ему слишком много чести.

127. И в ненависти есть ревность: мы хотели бы, чтобы наш противник был только нашим.

128. Решение загадки «женщина» — не любовь, а беременность.

129. Наша вера в других людей выдает, *в чем* мы хотели бы верить себе самим.

130. «Сердце принадлежит утробе» — сказал Наполеон. Утроба тела лежит в сердце.

131. Всякое напряженное ожидание переживет и свое исполнение, если оно случается скорее, чем ожидаешь. Этот друг прибыл на два дня раньше срока: его присутствие кажется мне невероятным.

132. Привлекательность познания была бы невелика, если бы на пути к нему не нужно было преодолевать столько стыда.

133. «Познание ради познания» — это последний силок, расставленный моралью: с его помощью снова запутываются в ней.

«Все женщины – либо птицы, либо кошки, либо коровы»: это видно по их взгляду.

Что есть лучшая жизнь? Быть защекоченным до смерти.

134. Там, где растет древо познания, все еще находится рай.

135. «Сама мораль была первым грехопадением: мораль и есть первородный грех» – так думает всякий познающий.

136. Он научился выражать себя – но с тех пор люди больше не верят ему. Верят только заике.

137. Я поверил бы только в такого бога, который умел бы танцевать.

138. Угрызения совести учат кусаться.

139. Никто не верит сумасбродствам холодных людей.

Плевать на образованную чернь, стесняющуюся сказать: «Я этого не чувствую!», «Я этого не знаю».

Познающий живет среди людей не как среди зверей, а как будто среди зверей.

140. Склонность к трагическому ослабевает или усиливается вместе с чувственностью: она свойственна каждому юноше и молодому человеку.

141. В похвале гораздо больше навязчивости, чем в порицании.

142. Много доброй воли жить, но слишком мало доброй воли страдать – в этом сущность человека покладистого.

143. Возражение, недоверие, окольный путь – все это признаки здоровья, а всякое безоговорочное стремление есть патология.

144. Кто *чувствует* несвободу воли, тот душевнобольной; кто ее *отрицает*, тот глупец.

145. Что делается из любви, то *не* морально, а религиозно.

146. Иметь талант недостаточно, нужно еще иметь разрешение на талант.

147. Следует опасаться людей, возмущающихся нарушениями морали: они носят в себе жало трусливой, от себя самой прячущейся злобы.

148. Христианский бог, который есть «любовь», возник во времена, когда в любви еще было слишком мало божественного.

149. Добрые и злые люди мне безразличны, но я презираю трусов и любезничающих.

Сила доброго заключена не в его добре, а в том, что сильно его зло.

150. Тот, кто учитель до мозга костей, рассматривает все вещи лишь применительно к своим ученикам, – в том числе и самого себя.

151. «Будь по крайней мере моим врагом» – так говорит истинное почитание, которое не осмеливается просить о дружбе.

Если ты не будешь всегда внушать страх, тебя никто не станет воспринимать настолько всерьез, чтобы в конце концов полюбить.

152. Для познающего прекращается действие всякого права собственности.

Когда морализируют добрые, они внушают отвращение; когда морализируют злые, они внушают страх.

153. После опьянения победой всегда появляется чувство великой потери: наш враг, *наш* враг мертв! Даже утрату друга мы не переживаем столь глубоко – и столь громко!

154. Человек познания должен уметь не только любить своих врагов, но и ненавидеть своих друзей.

155. Это ошибка вкуса, если человек познания продолжает рядиться в одежды «морального человека»: по нему должно быть *заметно*, что он «не нуждается» в морали.

156. Всё созрело у него для жатвы, но у него нет серпа – и потому рвет он колосья и негодует.

157. Один путешествует, потому что ищет себя, а другой – потому что хотел бы себя потерять.

158. Убивают не гневом, а смехом.

159. Безумие единиц – исключение, а безумие целых групп, партий, народов, эпох – *правило*; потому-то историки до сих пор избегали о нем говорить. Но когда-нибудь историю будут писать врачи.

160. Когда мы любим, мы создаем человека по подобию *нашего* бога, – и вот тогда-то мы начинаем глубоко ненавидеть *нашего* дьявола.

161. Трудно найти книгу, которая научила бы нас больше, чем та, которую мы создаем.

162. Кто знает «читателя», пишет уже не для читателя – а для себя, писателя.

163. В горах кратчайший путь – с вершины на вершину, но для этого надо иметь длинные ноги! Афоризмы *суть* вершины.

164. Недостаточно исправить что-либо, нужно при этом исправить самого себя, самому стать лучше – к примеру,

посредством какой-нибудь небольшой и чрезмерной злой выходки или благодеяния.

165. Давать каждому свое значило бы желать справедливости и достичь хаоса.

166. В этом отношении у обоих в сущности один и тот же дурной вкус. Но один из них хотел бы убедить нас и себя, что вкус у него самый отменный. А другой стыдится своего вкуса и хотел бы убедить нас и себя, что на самом деле у него другой, лучший вкус—такой, как у нас. Оба представляют собой тип образованного филистера.

Кто добровольно берет на себя боль, тот обладает и свободной волей, чтобы делать себе приятное; кто это отрицает———

167. Беда, если добрые, эти вечные фарисеи, станут делать историю! Они красят великих людей прошлого, пока те не начинают выглядеть толстыми и славными, как добрые люди.

Мораль хвастается тем, что борется со злом———

168. Еще одно столетие газет—и все слова провоняют.

169. Познающий неохотно вступает в воду истины не тогда, когда грязна она, но когда мелка.

170. *Скептикам.* Кто слишком устал, в конце концов ложится спать и на снегу; не заходите слишком далеко.

171. Кто поднимается на высокие горы, смеется над любыми трагическими жестами.

172. Воздух разреженный и чистый, близкая опасность и дух, полный радостной язвительности,—всё это хорошо подходит друг другу.

173. Мужество уничтожает призраков, но создает себе горных духов.

174. Мысль о самоубийстве — сильное утешительное средство. С нею легче преодолевать «тяжелую ночь».

175. Есть чувства, которые хотят нас убить; но если им это не удается, они сами должны умереть.

176. Нашему сильнейшему инстинкту, тирану в нас подчиняется не только наш разум, но и наша совесть. Но если среди наших инстинктов не находится такого тирана, отдельные инстинкты все равно *добиваются* благосклонности разума и совести, а разум и совесть становятся почти суверенными.

177. Наши самоубийцы порочат самоубийство — а не наоборот!

178. Благороднее признать себя неправым, чем оказаться правым, — особенно если ты прав!

179. Ложь *может* быть человеколюбием познающего.

180. Правдивый в конце концов понимает, что постоянно лжет.

181. У многих женщин, как и у людей под гипнозом, интеллект периодически проявляется с неожиданной силой: тогда дух «находит» на них, а не выходит из них. Отсюда их необыкновенный ум в запутаннейших вещах и их вера во вдохновение.

182. Есть многое в злых, что вызывает во мне отвращение, но много такого и в добрых; и поистине, вовсе не их «зло»!

183. «Недостаточно покарать преступника, мы должны были примирить его с нами и благословить: разве мы не любили его, когда делали ему больно? Не страдали ли мы оттого, что *должны* были его использовать как средство для устрашения?»

184. Везде, где дружба отказывается переходить в любовь, не лежит ли в основе такое же природное противоречие, как между собакой и кошкой?

185. *Следует* отплачивать за добро и зло, – но почему именно тому, кто сделал нам добро или причинил зло?

186. Наказание должно быть таким, чтобы нарушение воспринимали как свое право и свою честь.

187. Лжет не только тот, кто говорит вопреки своему знанию, но прежде всего тот, кто говорит вопреки своему незнанию. – Второй род лжи столь обычен, что об него даже не спотыкаются: человеческое общение построено на нем.

188. Воспитывать означает обыкновенно «воспитывать лгать».

189. Кто любит бога, тот карает его.

190. Истинно справедливых людей нельзя одарить: они отдают всё назад. Поэтому они и вызывают отвращение у тех, кто их любит.

191. Мы охладеваем к тому, что познали, как только поделимся этим с другими.

192. Сука-чувственность, желающая заполучить кусок плоти, хорошо умеет клянчить кусок духа.

193. Поэты бесстыдны по отношению к своим переживаниям: они эксплуатируют их.

194. Предаешь ли ты себя или меня, все равно ты предатель. *Писателям.*

195. Будь осторожен с ним: он говорит лишь для того, чтобы потом ему было позволено слушать, а ты слушаешь на самом деле лишь потому, что невозможно все время

говорить, — т. е. ты слушаешь плохо, а он слушает очень хорошо.

196. От наших врагов мы не хотим пощады, — как и от тех, кого мы любим до глубины души.

197. Несчастный, твой бог разорван и разбит, и змеи поселились в нем, — и теперь ты полюбил и этих змей ради него!

198. Кто не скрывает себя, возмущает этим других.

199. Железо ненавидит магнит, когда он не может полностью притянуть к себе железо — и всё же притягивает.

200. Больше всего мы ненавидим не то, что препятствует нам быть любимыми, но то, что препятствует полноте нашей любви.

В ближнем ненавидят то, что он не может обладать нашим идеалом.

201. Когда мы приелись сами себе и не можем больше любить себя, можно посоветовать лечение любовью к ближнему: ибо ближние очень быстро заставят нас *поверить* в то, что мы «достойны любви».

202. «Наш ближний — это не наш сосед»: так думают все политики и народы.

203. Друг мой, эта добродетель погубила бы тебя, но небо одарило тебя другой, с которой ты изменяешь первой.

204. С помощью любви к кому-либо желают перескочить через зависть.

205. Мы все притворяемся наивнее, чем мы есть, — в том числе перед самими собой.

206. Большие одолжения рождают не благодарных, а мстительных.

207. Свидетелей охотно приглашают, когда хотят говорить о себе самих; это называют «общением с людьми».

208. Мы привыкаем презирать зло, когда вращаемся в кругу слабых и малых: в великих людях зло вызывает восхищение.

209. Тот, кто беден любовью, охотно делает вид, что нет никого *достойного* ее.

210. Посредством любви мужчина ищет беспрекословную рабыню, женщина—беспрекословное рабство. Любовь—это потребность в ушедшей культуре и обществе: она возвращает нас к Востоку.

211. Несправедливость должен взять на себя тот, кто может ее нести: так хочет человечность.

212. Разделенная несправедливость—уже наполовину справедливость.

Самые ядовитые стрелы посылают вслед тому, кто избавляется от друга, даже не обидев его.

213. *После размолвки.*—«Говорите, что хотите, чтобы причинить мне боль: меня слишком плохо знают, чтобы понимать, что причиняет мне самую сильную боль».

214. Любовь к кому-нибудь одному—это варварство, ущемляющее всех остальных и наносящее вред познанию. Напротив, ты должен любить многих: тогда любовь заставит тебя быть справедливым по отношению к каждому и, следовательно, принудит к познанию каждого. Любовь ко многим—это путь к познанию.

215. Жестокость бесчувственного—это противоположность сострадания, жестокость переполненного чувствами—это более высокое сострадание.

216. То, во что мы научились верить без всяких оснований, труднее всего сокрушить основаниями.

217. Кто целомудрен от природы, тот не слишком высокого мнения о целомудрии, за исключением некоторых тщеславных глупцов. Обожествляют целомудрие те, у кого есть причины желать его для себя в настоящем или в прошлом, — свиньи Цирцеи.

218. Кому целомудрие дается слишком тяжело, тому следует его отсоветовать.

219. *Потребности сердца.* — Животные в брачный период не путают сердце с вожделением так легко, как это делают люди и особенно бабы.

220. Женщина боится признаться себе, насколько она любит в возлюбленном «мужчину» (какого-нибудь мужчину): поэтому она боготворит в нем «человека» — перед другими и перед собой.

«Я» человека порабощает, грабит, убивает и совершает любое насилие — и все должно служить не чему иному, как беременности: чтобы породить бога, в ногах у которого было бы все человечество.

221. В этом человеке лжива не внешность, а нутро: он ни в коем случае не желает выглядеть поверхностным, каковым он и является.

222. Героический человек познания боготворит своего дьявола и на этом пути он оказывается грешником, ведьмой, пророком, скептиком, мудрецом, вдохновленным, победителем и, в конце концов, захлебывается в собственном море.

223. Если есть воля к страданию, от нее остается лишь шаг до воли к жестокости — понимаемой и как право, и как долг.

224. Во второй раз умирают не скоро: это о тех, кто после смерти вернулся к жизни.

225. Даже когда народ движется вспять, он следует своему идеалу: он всегда верит в движение вперед.

226. Стремление унизиться, дать себя обворовать, оболгать и эксплуатировать, — короче говоря, смирение может быть стыдливостью бога среди людей.

227. Кто как бог заново создает добро, того ревнители старого добра всегда выдавали за дьявола.

228. Лишь тот порочный человек несчастлив, у кого потребность в пороке растет вместе с отвращением к нему — и никогда не заглушается им.

229. Мы плохо всматриваемся в жизнь, если не замечаем в ней той руки, которая *щадя* – убивает.

Твою нынешнюю удовлетворенность и неудовлетворенность собой определяет не то, что ты всё сделал в жизни, а то, что ты каждый раз думал о сделанном.

230. Маленькая месть чаще всего более человечна, чем отсутствие всякой мести.

231. Кто презирает самого себя, тот все равно постоянно льстит себе мыслью, что хотя бы сейчас он не лжет.

232. Друг, ты разочаровался во всем, что любил; разочарование в конце концов стало твоею привычкой — и твоя последняя любовь, которую ты называешь «любовью к истине», есть, быть может, как раз любовь к разочарованию.

Невозможность солгать совсем не обязательно есть любовь к истине. Скорее во всякой любви заключена возможность солгать — в том числе в любви к истине.

233. Он трясется, оглядывается, проводит рукой по голове — и его всегда называют познающим. Но избавление от лихорадки еще не есть познание.

234. «Где ещё есть море, в котором действительно можно *утонуть*? где человек?» — Этот крик разносится по нашей эпохе.

Обладание истиной не ужасно, а скучно, как всякое обладание.

235. В злобе встречается высокомерный со слабым — но они не понимают друг друга.

236. Кому отвратительно все возвышенное, тот находит не только «да», но и «нет» слишком патетическим: он не принадлежит к отрицающим и если все же вступает на этот путь, то вдруг останавливается и бежит прочь — в заросли скепсиса.

237. В сражении могут жертвовать своей жизнью, но победителя ждет искушение *отринуть* свою жизнь. Во всякой победе есть презрение к жизни.

238. «Я бегу от близости людей: отдаленность, вечная отдаленность человека от человека загоняет меня в одиночество».

Непроизвольная потребность в чем-то и в то же время отвращение к этому — вот что составляет *чувство порочного.*

239. Истина, как и всякая женщина, тоже требует лжи от своего любовника — но этого требует не тщеславие ее, а жестокость.

240. «Я это сделал» — говорит моя память. «Я не мог это сделать» — говорит моя гордость, и она остается непреклонной. В конце концов память уступает —

241. Холодно взирать на вещи, так что они являются перед тобой нагими, бесцветными и неоперившимися, — это зовется любовью к истине, хотя это всего лишь бессилие лгать.

242. Больные в лихорадке видят лишь призраки вещей, а те, у кого лихорадки нет, — лишь тени вещей: и те, и другие употребляют одинаковые слова.

243. «Я прислушивался к эху — а услышал лишь похвалу».

244. То, что тебе ответили взаимностью, должно бы тебя отрезвить: как может он быть столь глуп, чтобы в тебя верить?

245. «Почему мы должны еще и ненавидеть то, что любим? Разве любовь не величайшая из всех мук?» Поэтому человек должен быть преодолен.

246. Видел ли ты, с каким тупым безразличием переносит негр даже тяжелые болезни, которые тебя привели бы почти в отчаяние: это наводит на мысль, что — если не считать немногочисленной элиты духа — в человечестве *мало страдания*?

247. Счастье мое *начинается* тогда, когда я вижу себя внизу, как существо среди других существ.

248. Наша эпоха — неспокойная эпоха и поэтому не эпоха страсти: она постоянно подогревает себя, потому что чувствует, что в ней мало тепла — по сути она замерзает. Я не верю в значительность всех тех «великих событий», о которых вы говорите.

249. Познающий чувствует себя богом, воплотившемся в звере.

250. Ныне лишь благодаря эху события приобретают «значительность», — благодаря газетному эху.

251. Бедные художники! Чего требует от вас эта взбудораженная чернь? Не возведения, а *разрушения* желает она!

252. Не сила, а продолжительность высших ощущений создает высших людей: не надо путать их с людьми, корчащимися в путах морали!

253. *И еще раз.* — Быть честным по отношению к самим себе и тем, кто нам друг, мужественным по отношению к врагу, великодушным — к побежденным, вежливым со всеми.

254. У кого нет собственной воли, тот желает хотя бы знать всё лучше остальных.

255. Изначально — стадо и стадное чувство; самость как исключение, глупость, безумие — с точки зрения стада.

256. Мудрец в роли астронома. — Пока ты еще чувствуешь, что звезды «над тобой», тебе еще не хватает взгляда познания: для него больше нет «над» или «под».

257. Можно настолько сродниться с кем-нибудь, что будешь видеть во сне все, что он делает и претерпевает, потому что и ты сам мог бы это делать и претерпевать.

258. Если имеешь характер, то имеешь и свое типичное переживание, которое постоянно повторяется.

Люди делятся на тех, кто способен на ужасный поступок, и тех, кто на него не способен.

259. Есть совершенно разные люди: кто испытывает стыд при отливе чувств (в дружбе и любви) и кто стыдится их прилива.

Из-за того, что страсть одного из любящих преодолевает высшую точку и падает вниз, страсть другого идет вверх несколько дольше, чем могла бы: кривая любящих дольше.

260. Принадлежит ли тот или иной человек к добрым или к злым, определяют вовсе его не поступки, а его мнение о них.

261. Лишь когда себялюбие станет больше, умнее, тоньше, изобретательнее, мир станет *выглядеть* «более самоотверженным».

262. Кто сможет пристально всмотреться в глаз мыслителя, у того возникнет ужасное ощущение, какое бывает при наблюдении за животным, чей глаз, будто на стержне, медленно *выдвигается* из орбиты и смотрит вокруг.

263. Святой также нуждается в уничтожении морали: чтобы совершать то, что *желает*.

264. Кто достигает своего идеала, тем самым идет дальше.

265. Человек гениальный невыносим, если у него нет по крайней мере еще двух качеств: благодарности и чистоты.

266. То, что дает любовь, нельзя вернуть или оплатить: в море любви утонет всякий порыв благодарения.

267. Как намеревались вы быть ко мне справедливыми? — спросил святой. Я выбираю вашу несправедливость как предназначенный мне удел.

268. Человек возвышенный при виде возвышенного становится свободен, крепок, широк, спокоен, весел, но вид совершенной красоты потрясает и опрокидывает его — тогда он отвергает себя самого.

269. Тот, кто не чувствует себя в возвышенном как дома, воспринимает возвышенное как что-то жуткое и фальшивое.

270. Иной павлин прячет от всех свой хвост и называет это своей «гордостью».

271. Странно! Едва я хочу умолчать о какой-нибудь мысли и держать ее в отдалении, как она является мне в телесном облике, как человек, и я вынужден вести себя учтиво с этим «ангелом божьим»!

272. Это не по-человечески: благословлять там, где тебя проклинают. Лучше также немного проклясть!

273. Мне приходилось видеть, как истина побеждает, — но всегда при благосклонной поддержке сотен заблуждений.

274. Когда обручаются скепсис и тоска, возникает мистика.

Чья мысль хоть раз перешла через мост к мистике, не уходит от нее без стигмы на всех своих мыслях.

275. Степень и характер сексуальности человека достигают высочайших вершин его духа.

276. Своими принципами люди желают обуздать или оправдать, почтить, обругать или скрыть свои привычки. При этом люди с одними и теми же принципами желают совершенно разного.

277. Воля — лишь предположение, которое ничего больше не объясняет мне. Для познающего не существует воления.

278. До сих пор не появился Ларошфуко наоборот, который показал бы, что тщеславие и себялюбие добрых опорочили некоторые качества людей и в конце концов — *сделали* их злыми и вредными.

279. Не плати за зло добром, ибо это устыжает, но доказывай, что тебе сделали нечто доброе.

280. Во всяком восхищении есть ужас и бегство от самих себя — и даже самоотверженность, само-отрицание.

281. Кто презирает самого себя, должен принять во внимание, что он не только презираемый, но и презирающий, — и уважать себя как презирающего!

282. Блажен ты, если ведаешь, что творишь. Если же не ведаешь, ты проклят и преступаешь закон. Так сказал Иисус

тому, кто нарушил субботу, — слово всем нарушителям и преступникам.

283. Наше внезапное недовольство самими собой может быть следствием как утонченного, так и испорченного вкуса.

284. «Воля к истине!» Не будем больше изъясняться так упрощенно и высокомерно! Мы желаем сделать мир мыслимым и, где возможно, видимым для нас — именно *сделать*! Вся физика сводится к тому, чтобы делать видимым.

285. Воля и интеллект (или, как говорят, сердце и голова) — это мужчина и женщина; речь между ними всегда идет о любви, зачатии, беременности. Следует заметить, что *сердце* при этом — мужчина, а *голова* — женщина!

286. Он одинок, и у него нет ничего, кроме мыслей; стоит ли удивляться, что он иногда нежен и игрив с ними и теребит их за уши! А вы, невежи, говорите, что он скептик.

287. «Любовь бога к людям — это *его* ад» — сказал дьявол. «Но как же можно влюбляться в людей!»

288. Постоянно учась выдерживать окружающих, мы бессознательно учимся выносить самих себя — что является самым непостижимым успехом человека.

289. Вовсе не величина человеческого эгоизма есть меч, нависающий над человечеством, а напротив, слабость эгоизма, из-за которой человечество может легко надоесть самому себе.

290. В мирной обстановке человек воинственный нападает на самого себя — за отсутствием других врагов.

291. Создавать значит вынимать что-то из самих себя, опустошать себя, обеднять, делать более любящими. Когда бог создал мир, он был не более чем пустым понятием — и любовью к созданному.

292. «Вот остров одиноких. И я приветствую здесь все становящееся, блуждающее, ищущее, мимолетное! Гостеприимство — вот отныне единственная дружба моя! Я люблю все становящееся!»

293. Любовь к жизни почти противоположна любви к долгой жизни. Всякая любовь думает о мгновении и о вечности — но *никогда* о «длительности».

294. «Моя любовь внушает ужас, столь требовательна она! Я не могу любить, не веря, что тот, кого я люблю, призван совершить нечто бессмертное. И он догадывается, во что я верю — что я требую от него!»

295. Познающий избегает самопознания и оставляет свои корни в земле.

296. Самое понятное в языке — это не слово, а тон, громкость, модуляция, темп, с которыми произносится ряд слов, — т. е. словесная музыка, музыкальная страсть, страстная личность, все то, что не может быть *написано.* Потому-то писательство ничего собой не представляет.

297. *Ходьба и виды ходьбы.* Я *научился* ходить; с тех пор я позволяю себе бегать.

298. *Свободный ум.* Кто может летать, знает, что для полета ему не нужен *толчок*, в котором вы, застрявшие души, нуждаетесь просто чтобы «идти дальше».

299. Стыдиться своей безнравственности — первый шаг на пути, в конце которого стыдятся и своей нравственности.

300. Постоянно и всем сердцем любят или своих детей, или свои дела; любовь к себе самому всегда симптом.

301. Некоторые натуры никогда не будут открыты, разве что их сперва выдумают.

302. «Общение с людьми портит характер, особенно когда его нет» — сказал Тимон.

303. «Ты не знаешь женщин, так почему же ты верно говоришь о них?» — У женщин нет ничего невозможного.

304. Везде все еще недостает себялюбия.

305. Кто пишет афоризмы, тот хочет, чтобы его не читали, а заучивали наизусть.

306. Даже в удовлетворении своих страстей (к пище, женщинам, собственности, почестям, власти) большинство людей действуют как стадный скот, а не как личности — даже если они личности.

307. Мне все идет на пользу: кто хочет стать моею судьбой? Я люблю всякую судьбу.

308. Эпоха самых больших событий станет, несмотря ни на что, эпохой самых малых результатов, если люди сделаны из резины и слишком эластичны.

309. «Перед любым поступком меня мучает мысль о том, что я лишь игрок в кости — мне неведома больше свобода воли. А после каждого поступка меня мучает мысль, что кости выпадают в мою пользу: может быть, я нечестный игрок?» — угрызения совести познающего.

310. Месть могла бы заставить отучиться от благодарности, но не от любви.

311. Желание любить выдает усталость от самого себя и пресыщенность собой, а желание быть любимым — потребность в себе, себялюбие. Любящий раздаривает себя, а желающий быть любимым хотел бы получить в подарок себя самого.

312. Аргументами, оправдывающими наказание за преступление, можно оправдать и само преступление.

313. Зрелость мужчины—это новое обретение той серьезности в игре, которая была у ребенка.

«Ella guardava suso, ed io in lei»[1]. Данте. А я в нее!

314. Теперь я одинок: я жаждал людей, я искал людей и находил только *себя*,—а себя самого я больше не жажду!

Маленькие люди не способны на зло: поэтому они не могут быть ни добрыми, ни злыми. (Но доброта—уменьшенное зло?)

Желать чего-либо и добиваться этого считается признаком сильного характера. Но добиваться чего-либо, даже не желая этого, присуще самым сильным, ощущающим себя воплощенным фатумом.

Кто всегда остается ребенком, остается невинным эгоистом и становится объектом зависти и ненависти даже больше, чем «виновный» эгоист.

315. Я люблю людей, и больше всего тогда, когда сопротивляюсь этому инстинкту.

316. Женщина пытается любить, когда чувствует потребность в послушании и служении: это ее уловка, чтобы легче выносить бремя.

317. «Люби меня!»—бог, который так говорит человеку, сошел с ума—от ревности.

318. Ненавидят не когда мало ценят, а когда считают равным себе или выше себя.

319. Человек пугается, представив себе внезапный испуг.

---

1 Она смотрела вверх, а я в нее (*ит.*).

320. Не преступление преступника, а его трусость и глупость после преступления заставляют нас думать о преступниках с презрением.

321. Зло лишь тогда пользуется дурной славой, когда его путают с низменным и отвратительным. А до этого оно притягательно и побуждает к подражанию.

322. Для всех женщин, которым обычаи и стыдливость отказывают в удовлетворении половой потребности, религия незаменима как более духовное высвобождение эротических потребностей.

323. Моя любовь к человеку знает приливы и отливы, и всякий отдельный любимый человек является для этой любви лишь случайным поводом. Сознавать это горько.

324. Иной раз из любви к человечеству обнимаешь отдельного человека, потому что не можешь обнять всех, — но нельзя признаваться в этом отдельному человеку!

Добро — это маленькое зло: потому-то маленьким людям так легко стать людьми добрыми.

325. Ближнего всегда любят ценою дальнего.

«Более слабый человек — лучший человек» — говорят наши проповедники морали.

Слабые люди говорят «я должен», а сильные — «нужно».

Женщина совершает преступлений в десять раз меньше, чем мужчина; следовательно, она в десять раз нравственнее — утверждает статистика.

326. Невинность эгоизма свойственна ребенку, и поскольку вы никогда не будете как дети, вы никогда не вступите в *это* царство небесное.

327. С жизнью следует расставаться, как Одиссей с Навсикаей — скорее благословляя, чем любя.

328. Ради ближнего действуют, но не созидают: так говорит честность всех созидающих.

329. Выше любви к ближнему любовь к дальнему, будущему; выше, чем всякая любовь к человеку, любовь к вещам.

330. Я хочу сказать «враг», а не «преступник»; «червь» хочу я сказать, а не «негодяй»; «больной» хочу я сказать, а не «чудовище»; «сумасшедший» хочу я сказать, а не «грешник».

331. Препятствовать всем трусам в размножении: такой должна быть мораль женщин.

332. Не людей, а человека любит одинокий; и если эта любовь скапливается и переполняет его, она обрушивается потоком на кого-то одного — не важно, друга или врага.

333. Ты говоришь «я люблю *себя*», «я презираю *себя*», «я жалею *себя*»; друг мой, отрицающий бога, я не хочу оспаривать твое «Я», но твое «*Себя*» такой же плод фантазии и выдумки, как какой-нибудь бог — и поэтому ты должен его отрицать.

334. Сочувствие и нежность к ближнему причислять к морали (или даже считать моралью) есть признак тщеславия, *если* ты сам от природы сострадателен и нежен, — т. е. свидетельство недостатка гордости и благородства души.

Культ сострадания *не приличествует* людям, которым он неведом по собственному опыту.

335. Если дрессировать свою совесть, она будет целовать, — когда кусает.

336. Мораль — это чванство человека перед природой.

337. «Возможно, мораль выдумал дьявол, чтобы мучить людей гордостью, а другой дьявол отнимет ее когда-нибудь, чтобы мучить их презрением к самим себе.

338. «Не существует человека, ибо не было первого человека» — так считают звери.

339. Доверие сильнейшего раздражает, потому что за него нельзя отплатить той же монетой. Напротив, ему можно посоветовать вежливость, т.е. постоянную иллюзию, будто ему есть что почитать.

340. Не понимаю, что за нужда в клевете. Если хочешь навредить кому-нибудь — скажи о нем правду.

341. О каждом всегда известно слишком много.

342. Мы хвалим лишь то, что нам по вкусу, т.е., хваля, мы хвалим всякий раз лишь наш собственный вкус — что по сути является дурным вкусом.

343. Лишь человек сопротивляется направлению гравитации, он всегда хочет падать — *вверх*.

344. Лестница моих чувств длинна, и я люблю сидеть на ее самых низких ступенях, потому что слишком часто мне приходится сидеть и на самом верху, а там часто бывает резкий ветер и слишком яркий свет.

345. Ревность — самая одухотворенная страсть и, несмотря на это, — еще и величайшее безумие.

346. В пламени ревности обращают, подобно скорпиону, жало на самих себя — но без успеха скорпиона.

347. Меня потрясло не то, что ты меня обманул, но то, что я тебе больше не верю.

348. Я должен простить? Но ведь я не упрекаю тебя в том, в чем ты упрекаешь себя сам; как же я *могу* тебя простить?

349. Много говорить о себе — тоже способ себя скрывать.

350. Легче простить врагу, чем другу.

351. Ненависть к злу — это парадный наряд, в который фарисей одевает свои личные антипатии.

Музыка — это форма чувственности у женщин.

Женщины намного чувственнее мужчин, прежде всего, потому, что в отличие от мужчин, не отдают себе такого отчета в своей чувственности.

352. В современной музыке звучит единство религии и чувственности; следовательно, в ней больше женского, чем когда-либо.

Я и Меня — всегда две разные личности.

353. С тех пор как я увидел шторм на море, а над ним ясное, яркое небо, я больше не люблю лишенные солнца, затянутые тучами страсти, которые не ведают другого света, кроме молнии.

354. Все люди успеха знают толк в трудном искусстве — уйти вовремя.

Люди нравятся благодаря духу, который дают попробовать, но их начинают бояться из-за духа, который они проглотили. В тот момент, когда ты нравишься, подумай, сколь близок другой момент — — —

355. Не человеколюбие, а бессилие их человеколюбия мешает нынешним христианам предавать нас сожжению.

356. Вы верите, как вы говорите, в необходимость религии? Будьте же честны! Вы верите лишь в необходимость полиции и страшитесь разбойников и воров ваших денег и вашего покоя.

357. Какими высокоморальными и торжественными становятся люди, когда есть возможность причинить этим боль!

358. Благородство в послушании, свобода в условиях принуждения и закона, презрение к бунтующим рабским страстям — все это отличительные свойства высшей касты «человека».

359. Одиннадцать двенадцатых всех великих исторических личностей были лишь представителями какого-нибудь великого дела.

Взгляд человечества был до сих пор слишком слаб, чтобы разглядеть, что самые могущественные люди были великими актерами.

360. При жизни можно стать знаменитым лишь в том случае, если ты хороший актер своих добродетелей.

361. «Он мне не нравится». — Почему? — «Я не дорос до него». Ответил ли так хоть кто-нибудь?

362. Даже испытывая голод по людям, все равно ищут пищу *поудобнее*, пусть и не очень питательную — вроде картофеля.

364. Восстание — самое благородное поведение раба.

365. Нужно перестать позволять себя есть, когда находят вас особенно вкусными, — так гласит тайна женщин, которые долго любимы.

366. Актеры великого, не осознающие своего актерства, производят впечатление действительно великих — и перед истинно великими у них даже есть преимущество особого блеска.

367. Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!

Тем, как и что мы почитаем, мы *обозначаем* дистанцию вокруг себя.

368. То, что он делает и замышляет против меня днем, не беспокоит меня, но что я являюсь ему во сне по ночам — внушает мне ужас.

369. Посредством музыки аффекты услаждают сами себя.

370. Испытание сильного характера состоит в том, что он, однажды приняв решение, становится недоступен для самых лучших доводов разума — т. е. периодически впадает в безумие.

371. «Что есть свобода? — Ваша чистая совесть» — утверждает Периандр, седьмой мудрец.

«Что бы я ни делал, это учило бы меня, особенно если бы не удавалось мне» — так говорит свободный ум, любитель познания: он смеется, когда его из-за этого упрекают в слабости воли и неразумии.

372. Знал ли я угрызения совести? — Моя память молчит в ответ.

373. Мораль — это донаучная форма объяснения наших аффектов и состояний. Мораль относится к прежней патологии чувств как алхимия к химии.

374. Нет никаких моральных феноменов, а только моральная интерпретация определенных феноменов (ложная интерпретация!).

375. Преступник, как правило, не дорос до своего деяния, он отрекается и *порочит* его.

376. «Лучше уж лежать в постели и чувствовать себя больным, чем быть вынужденным что-либо *делать*» — вот тайный принцип всех самоистязателей.

377. Заметив, что я совпадаю во мнении с другими, я начинаю слегка сомневаться в том, в чем мы совпадаем.

378. Человеку познающему pia fraus[1] еще меньше по вкусу, чем impia fraus[2].

379. Следует опасаться святой простоты: именно она подбрасывала дрова во все костры, на которых сжигали.

380. Некогда религиозные объяснения заменяли естественнонаучные; и теперь еще моральные объяснения заменяют физиологические. Кто мало думает и мало учился, списывает все на мораль: свое дурное настроение из-за погоды, несварение, малокровие, потребности в опорожнении и восполнении, свои неуспехи, раздражительность, неудовлетворенность, неуверенность.

381. Если бы ты решил громко высказать всё, что уже совершил в мыслях, каждый закричал бы: «Долой этого отвратительного червя! Он позорит землю» — и каждый забыл бы, что совершил то же самое в собственных мыслях. — Такими моралистами делает нас чистосердечность.

В моральности, говоря физиологически, находит выражение ассимиляционный инстинкт слабых по отношению к сильным.

382. «Я люблю ее и *потому* хочу, чтобы она тоже любила, — но почему именно меня? Я недостаточно люблю себя для этого» — так говорит устами мужчины божественная любовь.

Хочешь очаровать его? Притворись смущенной.

383. Требование ответной любви есть тщеславие и чувственность.

---

1 Благочестивый обман (*лат.*).

2 Неблагочестивый обман (*лат.*).

384. Люди, которые с сомнением относятся к самим себе, еще больше хотят быть любимыми, чем любить, — чтобы им можно было хоть на миг поверить в себя.

Бог, который любит, недостоин быть еще и любимым — скорее он хочет, чтобы его ненавидели.

385. Любовь к сверхчеловеку есть лекарство против сострадания человеку, от которого человечество должно бы очень быстро погибнуть.

386. Еще немного сострадания среди людей — и придет отчаяние перед жизнью.

387. «Люби ближнего своего», т.е. прежде всего «дай своему ближнему уйти»! И как раз эта часть добродетели всего труднее.

388. Маленькое страдание делает нас меньше, большое — больше. Воля к большому страданию, таким образом, должна быть требованием себялюбия.

389. Лучше злое общество, чем маленькое!

390. Чарующее произведение! Однако сколь невыносимо, что его создатель все время напоминает нам: это *его* творение. Неужели он не знает, что «отец» — всегда комическая фигура?

391. Много маленького счастья одаривает нас многими мелкими несчастьями — и этим портит характер.

392. Всякое удобство надо использовать лишь так, как больной использует кровать, — для выздоровления.

393. Смущению очень умных людей не верят.

394. «Я призван созерцать, а не верить; все верующие для меня чужды и шумны».

395. Бывает, что заносчивость добра выглядит как злоба. Наше тщеславие уязвить труднее всего именно тогда, когда уязвлена наша гордость.

396. Эти две бабенки, прошлое и будущее, так шумят, что настоящее убегает от них.

397. Сделать из «мне хочется» «ты должен», перечеканить привычку в добродетель, нравы в нравственность — это старое доброе фальшивомонетничество, которым я все еще владею.

398. «Ты должен» для многих звучит приятнее, чем «я хочу»: в их ушах все еще стадный инстинкт.

399. В определенном болезненном состоянии нельзя не быть скупым. Скупость — это аффект. Вы слишком любите трезвость духа, и эта скупость тоже болезнь.

400. Мы становимся недоверчивыми не потому, что находим для этого причину, но если мы стали недоверчивыми, «мы всегда найдем причину», чтобы быть недоверчивыми.

401. При определенных обстоятельствах общий вред бывает меньшим, если кто-нибудь вымещает свои аффекты на других, а не на себе самом: в частности, это относится к творческим натурам, чья польза долговечна.

402. Какая была бы жалость, если бы у людей не было их мелких злых мыслей! Насколько больше удовольствий они им приносят, сколь много боли они им экономят!

403. Человек всегда гораздо больше обезьяна, чем иная из обезьян.

404. Это сердце воодушевляет и это дух дает сердцу мужество и хладнокровие перед лицом опасности. Что за язык!

405. Что? Великий человек? Я вижу в нем лишь актера своего идеала.

Себялюбие воров, разбойников, ростовщиков и спекулянтов довольно непритязательно и скромно: нелегко желать от людей меньшего, чем их деньги.

406. «Фауст» — трагедия познания? В самом деле? Я *смеюсь* над «Фаустом».

407. Самые высокие трагические мотивы остаются до сих неиспользованными: поэтам неведомы 100 трагедий совести.

408. Говорят о причинах аффектов, а имеют в виду сопровождающие их обстоятельства.

409. Он пожертвовал людьми ради своего познания и ничем так не гордится, как этой жестокостью по отношению к самому себе.

410. Сострадание в познающем почти что смешно — как нежная кожа у великана.

411. Продолжительная и сильная физическая боль воспитывает тирана.

412. Нужно быть и сострадательным, и жестоким, чтобы иметь возможность быть одним из двух.

413. Немало желавших изгнать своего дьявола сами вошли при этом в свиней.

414. Тот, кто «хвалит», обычно делает вид, будто воздает; на самом деле он хочет, чтобы его отблагодарили.

415. В аффекте раскрывается не человек, а его аффект.

Наши глаза слышат лучше ушей: мы понимаем и наслаждаемся больше при чтении, чем слушая, и это относится не только к книгам, но и к музыке.

416. Конкубинат испорчен — браком.

417. Христианство отравило эрос; хотя он от этого и не погиб, но выродился в «порок».

Полными страстей, но бессердечными и актерствующими — такими были греки и даже греческие философы, например Платон.

418. Только у бессердечных людей искренность честна и почти стыдлива.

419. Немножко зависти в начале — а следом великая любовь? Так от трения спички случается взрыв.

420. Если бы богиня Музыка желала говорить словами, а не звуками, пришлось бы затыкать уши.

421. Радоваться похвале у одних считается тщеславием духа, у других — признаком вежливости сердца.

422. Лгут языком, а губами и ртом говорят правду — так рождается физиономист.

423. Чувственность опережает рост любви, так что корни остаются слабыми и все растение легко вырвать.

424. Некоторые люди глубоко нуждаются в *своем* враге: только у него сквозит ненависть с первого взгляда.

425. Глаз мой различает идеалы других людей, а их вид часто восхищает меня, но вы, близорукие, думаете, что это *мои* идеалы!

426. Мораль любого общества гласит, что уединение — это грех.

427. Почти во всяком живущем кроется паразит.

428. Если относительно какого-либо человека приходится менять свое мнение, то на его счет записывают причиняемые этим неудобства.

429. В снисходительности к людям нет ненависти, но именно поэтому—много презрения.

430. Плохо отплачивает учителю тот, кто всегда остается «учеником».

431. Это так же, как с деревом: чем больше оно стремится в высоту и к свету, тем глубже устремляются корни его в землю, вниз, во мрак, в глубину, вширь, как говорится, к «злу».

432. Вы называете это саморазложением бога, но он всего лишь сдирает с себя кожу—кожу морали! И вскоре вы увидите его снова—по ту сторону добра и зла.

433. Народ—это окольный путь природы к пяти-шести великим людям.

434. На патриотических праздниках зрители тоже актеры.

435. Безобразное тоже имеет свой безобразный наряд: он называется «возвышенным».

436. Что хорошо?—«То, что мило и трогательно»—ответила маленькая девочка.

Если бог—это бог любви, то угрызение совести должно быть божественным угрызением и, следовательно, угрызением любви.

437. Мужественными, беззаботными, насмешливыми и даже немного насильниками—такими хочет видеть нас мудрость: она женщина и любит всегда только воина.

438. Много солдат, но мало мужей! Много униформ и намного больше однообразия.

439. «Жатва снова кончилась, ветер носится над пустыми полями—и теперь даже самый счастливый урожай показался бы мне огромной утратой»—так чувствует всякий творческий человек.

440. Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины, как самой опасной игрушки.

441. Женщина должна открыть и сохранить в мужчине ребенка.

442. Желая эмансипации женщины, добиваются лишь размужествления мужчины.

443. Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина для отдохновения воина; все остальное – глупость.

444. Словом «ученый» обозначают как солдат духа, так и – к сожалению – чулочников духа.

Нет более жалкого общества, чем ученые, – исключая тех немногих, у кого в теле и в голове сохранились воинственные желания.

Слишком мало мужчин – и поэтому женщины становятся мужеподобными.

445. Тонкость в том, что, решив стать писателем, бог выучил греческий, – и что он не выучил его получше.

Этот мыслитель холоднее льда, поэтому об него обжигают пальцы и легко признают его пламенным.

3 [2][1]

Пиния и молния

Прочь от людей расту, все выше;
Заговорю – и не услышат.

**

1 Этот и два следующих фрагмента – перевод И. Эбаноидзе.

Туда, где тучи, одиноко
Расту я в ожиданьи рока.

**

Они все гуще, и вот-вот
Их сумрак молния пробьет.

**

3 [3]

Портофино

Здесь, по ту сторону добра и зла,
Я ждал. (Я ждал ли?) И душа была
Равно доверчива и к тьме, и к свету,
И к звездам вечности, и к полдню лета.

**

3 [4]

В открытом море

Знай, дитя, что генуэзцу
Веры нет, сказал Колумб, –
За предел он рвется сердцем,
Далью занят взгляд и ум.

**

Тех, кто мил ему, он манит
Сквозь пространства и века
Вдаль, где к звездам в океане
Вечности бежит река.

**

4. Ноябрь 1882—февраль 1883

4 [1]

Впереди нас *величайшее волнение*—а за ним *спад*! Тоска, направленная в ничто! И мы не хотим погибнуть ни в этом волнении, ни в этой тоске—мы, друзья жизни.

4 [2]

Из всех живших и живущих европейцев у меня *самая вместительная* душа: Платон, Вольтер———Это зависит от обстоятельств, связанных не совсем со мною, но с «сущностью вещей»... Я мог бы стать Буддой Европы—разумеется, некоторой противоположностью индийскому.

4 [3]

Для всякой первой встречи нужно счастье и какое-нибудь хорошее знамение.

4 [4]

В ходу фальшивые речи: «Как же может спасти других тот, кто не спасает самого себя?» Если у меня ключ от твоих оков, почему мой замок должен быть таким же, как твой?

На войне вы святые, даже когда убиваете и сжигаете.

«Уни-формой» называют они то, что носят: под нею они скрывают однообразие.

Вам надо снова уснуть—и видеть лучшие сны.

Эта жестокость сидит у меня в нутре. Смотрите, я зол.

Вы говорите: дело освящает войну? Это война освящает дело!

В стаде нет ничего хорошего — даже когда оно бежит за тобой.

Пастух — позолоченный инструмент стада.

4 [5]

Разум и в мудрейшем — исключение: хаос, и необходимость, и кружение звезд — вот правило.

Из смерти следует делать праздник и при этом немного злиться на жизнь — как на женщину, которая хочет нас покинуть. Нас!

Что до героев, то я не слишком высокого о них мнения; и все-таки это наиболее приемлемая форма существования, особенно когда нет выбора.

4 [6]

У обоих из нас осталось что-то свое: аффекты у тебя, основания у меня.

Из собственного яда я делаю бальзам для моих недугов.

Я дою твое вымя, возлюбленная печаль!

На земле было немало богочеловеков, и каждый из них создавал своего бога.

На свете нет большей вражды, чем между богочеловеком и его богом.

Братья, я разоблачился: я не стыжусь показываться нагим.

Стыдом называется нечисть, приставшая к человеку, когда ему захотелось возвыситься над зверьми.

Люди могут верить в Заратустру — какое дело Заратустре до этого?

4 [7]

Полубог.
Герой.
Мужчина.
Ребенок.
Но я товарищ зверям, которые со мной.

4 [8]

Я прихожу вам на помощь — а вы жалуетесь, что я не хочу плакать вместе с вами.

4 [9]

Я давно знаю: такие люди, как моя м<ать> и с<естра>, должны быть моими естественными врагами, здесь ничего нельзя изменить. Причина в природе всех вещей. Присутствие таких людей загрязняет мне воздух, и я вынужден постоянно преодолевать себя самого.

4 [10]

К мужчинам. Вот учение о святости.
К женщинам. По ту сторону добра и зла.
К детям. Полдень и вечность.
Заратустра среди зверей. Семь одиночеств.

4 [11]

Каждый мой аффект в отдельности давно погубил бы меня. Я всегда ставил один аффект против другого.

4 [12]

Для меня не должно быть человека, к которому я испытывал бы отвращение или ненависть.

4 [13]

«Как Брахма человек живет один, как бог — вдвоем, как в деревне — втроем; а где людей больше, там шум и суета».

Не разговаривай, как человек со зверями, — говорите вы — — —

Самое сильное мое свойство – это самопреодоление. Но оно мне и всего нужнее, потому что я всегда у края пропасти.

Я говорю, а ребенок играет – можно ли быть серьезнее, чем мы двое?

4 [14]

Я недостаточно велик, чтобы *не* испытывать этих ощущений, но я достаточно велик, чтобы их не стыдиться.

4 [15]

Нет еще человека, которому можно было бы меня хвалить.

Мужское – «я хочу», женское – «я должна».

Я принадлежу к роду гневливых, сладострастных и неистовых в вере – я чуть было сам не забыл об этом.

4 [16]

Свобода духа довела мораль до предела – и преодолела ее.

Я обращаюсь к мужчинам, говорил Заратустра, – прикажите женщинам уйти.

4 [17]

Так говорил глупец: приносить новому духу старые жертвы, старую душу переместить в новое тело.

Кровь не доказывает, она не спасает. Я не люблю этих уставших от жизни – – –

4 [18]

Лучший мужчина зол, лучшая женщина дурна.

Любовь к пастуху и стаду сделала пользу доброй и целительной:

Любовь к ребенку и роду была кощунством для всеобщей любви.

Из любви создали они добро и зло, из любви, а не из мудрости, ибо любовь старше мудрости.

Некогда полезным было то, что повелевала всеобщая любовь, и чья любовь была сильнейшей, того стадо делало пастухом.

Малой была еще любовь к ближнему, презираемо было Я — и над всем было стадо.

4 [19]

Я почитаю всех и презираю лишь фарисеев.

4 [20]

Однажды утром Заратустра поднялся на гору и, когда остался один, восславил себя так: тебя, мою книгу———

У человечества нет цели; оно может *придать* себе цель — *не* для конца, не для сохранения вида, а для его **устранения**.

И пусть скажет весь народ: сей преступник — святой.

Творец (познающий), посредник (художник), упрощающий (любящий).

Терпите мою *добродетель*! (как высшую силу)

Некоторые люди не *нуждаются* в государстве и обществе, но должны *выносить* их и по возможности уклоняться от них.

Бережливость того, кто не способен любить.

4 [21]

Жуткая и бесславная цель.

4 [22]

(Однажды Заратустра восславил себя и говорил так)

Три свойства нужно им соединить: быть правдивыми, желать и уметь общаться и знать то, что знают все (для единства).

ученики святого себялюбия
или одно из трех
или уметь быть лишь одним средством из трех.

он должен сказать: я зол, я сохраняю силу зла.

Всякий человек должен подчинить свое существование цели плана.

До сих пор не было цели; давайте *возьмем* себе какую-нибудь.

Говорить *в пользу* — тщеславных, жестоких и т.д.

Высшее удовольствие: то, что мы *должны*, совпадает с тем, что мы хотим. То есть включить *себя* в великий *план*.

4 [23]

Всякое творчество — посредничество.
Познающий, творящий, любящий суть *одно*.

4 [24]

Тысяча формул для возвращения (это угроза).

4 [25]

Рождение *сверхчеловека*.

4 [26]

Добрые люди как неизбежные *фарисеи*.

И здесь есть такое же противоречие, как между *религиозными* и *верующими*.

Созидающие добро находятся в противоречии с сохраняющими добро.

Точка, в которой обретают мужество ощущать свое зло как добро — например, христианин — свою «трусость».

4 [27]

Добрые ныне почти утратили ценность. Вся суть в злых *с религиозной волей*! И так было всегда!

4 [28]

Я должен быть ангелом, если хочу жить: у вас не такие суровые условия.

4 [29]

Пусть ваше просвещение будет еще и утренней зарей.

Заблуждение в преступлении.

добрыми называют не приятные чувства, а *полные, сильные* состояния.

Вам следует заново определить свою нужду: то, что уже есть, пусть называется у вас необходимостью.

4 [30]

Кто живет у подножия высочайших Альп, не видит их вершин: простите — — —

4 [31]

Наказывают и за добродетели.

4 [32]

Трапезами любви называется у них поедание своего спасителя — из любви.

Страх перед кровью и основаниями основывает церкви.

4 [33]

Но что же ты не говоришь о верующих истинной веры? Что означает твое молчание? Заратустра улыбнулся и сказал лишь: «Честь побежденным!»

4 [34]

Если состраданию не нужно раскалывать крепкую скорлупу — —

Я имею в виду сострадание: это болезнь мозга и нервов — быть жестоким.

Молчать можно лишь когда имеешь лук и стрелы, иначе — спор и болтовня.

я хотел бы лишить мир его душераздирающего характера.

4 [35]

Вовсе не перст Божий сдавливает тебе горло. Некогда, рассказывают, бог подошел к умирающим — и ему стало больно и противно.

4 [36]

Мало совести духа у актера: он верит в то, во что сильнее всего заставляет верить других.

Творящие — только истинные ценители и изобретатели новых ценностей: лишь вокруг них вращается мир. Но в народе «творцом» называют того, кто внушает веру в новые ценности —

4 [37]

Кто замечает *низшие* свойства человека, тот как правило способен перенимать их и дает им разрядится.

Как творящий ты бежишь от самого себя — перестаешь быть своим современником.

Отвращение к грязи может быть столь велико, что воспрепятствует нам очиститься от нее.

Глупцы хотят, чтобы все выходило как нельзя лучше.

4 [38]

Что делать мне, чтобы стать блаженным? Будь блаженным и делай, что должен.

Едва начинаешь любить что-нибудь от всего сердца — как тиран, высшая самость для нас, говорит нам: «отдай мне в жертву именно это!» — и мы отдаем ему это.

Я призываю не к работе, но к борьбе — я призываю не к миру, а к победе. Пусть будет труд ваш борьбой, а ваш мир победой.

Я разбудил вас от вашего сна, ибо кошмар угнетал вас. А теперь вы говорите: «Что же нам теперь делать! Кругом ночь». Вы, неблагодарные!

Все в женщине загадка — все в женщине имеет одну разгадку: беременность.

Если хочешь, чтобы жизнь давалась тебе легко, оставайся в стаде. Забудь, будто ты над стадом! Люби пастуха и чти зубы его собаки!

Умеешь лаять и кусаться, что ж — становись собакой, охраняющей стадо: так ты сделаешь свою жизнь легкой.

Мне ведомо все доброе и все злое, мне ведомо даже то, что по ту сторону добра и зла.

Добро и зло — это предрассудок бога, сказала змея. Но и сама змея была предрассудком бога.

Церковь — это камень на могиле богочеловека: она не хочет, чтобы он снова воскресал.

Я люблю себя как своего бога: кто мог бы уличить меня в грехе? Мне ведомы лишь грехи перед моим богом — но кто знает моего бога?

4 [39]

Полдень и вечность
Так говорил
Заратустра

4 [40]

Что удерживает меня в жизни? Беременность; и всякий раз, когда рождалось произведение, жизнь моя висела на тоненьком волоске.

Я спрятался. Хочу скрыть от них, этих малых, свое отвращение. Это далось мне труднее всего – но они невинны, как трава и сорняки.

Можно быть беременным только для своего ребенка.

Вы говорите: «темно». Я заслонил вам солнце облаком. Но смотрите, как пылают и светлеют края облака!

Не смотрите на солнце! Даже луна слишком ярка для ваших ночных глаз!

Вы должны любить мир как средство к новой войне!

На войне месть молчит, на войне умирает личное.

4 [41]

Ложь и притворство – средства всякого воспитания.

Зачем мне шутить столь ужасным образом?

«Ты преодолел меня». Смотри, чтобы я был для тебя крылом, а не тормозом!

4 [42]

Жил однажды старый честный бог, у него были руки и ноги, и еще сердце; и много любви и гнева было у него внутри.

И смотри-ка, любовь сыграла с ним злую шутку, и он влюбился в людей – так что эта любовь стала для него адом.

Что же сделал этот старый честный бог? Уговорил одну земную женщину родить ему сына, и этот сын божий посоветовал людям не что иное, как: «любите бога! Как я его люблю! Какое дело нам, сынам божьим, до добрых и праведных!»

И, подобно одержимому ревностью, старый честный бог стал преследовать людей своею любовью.

Думаете, он имел успех? Надолго убедил он только тех, кто ему не нравился, — добрых и праведных.

«Церковью» назвали они себя и избранными — и много болтали о любви своей к богу, эти бедные любовью!

Тут у старого честного бога разорвалось сердце, и он разделил участь сына — умер на кресте сострадания.

Поистине, эти добрые и праведные отобьют охоту к жизни не только старым честным богам.

«Троица да будет вечно с нами — так говорили они всегда, — истина, деньги и добродетель: вот как мы любим бога».

«Избранные мы, а на земле — сверхземляне».

4 [43]

Мы хотим, чтобы то, что мы делаем всего *охотнее*, считали тем, что дается нам всего *труднее*, в том числе и *мы сами*.

Наши жертвы доказывают лишь, как мало мы ценим вещи, когда любим.

Моральные состояния и устремления суть только *средства познания* — как и антиморальные.

Удовольствие от познания состоит в предельно интенсивной *вере*. Если этого не достичь, есть лишь стимулируемое желание познавать, например, жажда безопасности или новизны или же жажда того, что заслуживает жажды и что предстоит открыть.

Поскольку познающие говорили исключительно о познании, здесь немало лжи, ибо они были заинтересованы в том, чтобы выдать это за самое ценное состояние.

Любитель познания! Ты ведь даже не убил ни одного человека, чтобы узнать это чувство!

Совершенное познание необходимости отменило бы всякое «долженствование» – но также поняло бы необходимость «долженствования», вытекающую из *незнания.*

4 [44]

Счастлив как слон, пытающийся встать на голову.

У тебя нет мужества потерять себя и погибнуть, поэтому ты никогда не станешь новым. То, что для нас сегодня крылья, и краски, и костюмы, и сила, будет завтра лишь пеплом.

Брак годится для тех, кто не способен ни на любовь, ни на дружбу, – то есть для абсолютного большинства – и может быть для совсем немногих, кто способен на то и другое.

4 [45]

Есть и другая добродетель, корыстная, требующая хорошей платы – здесь или не-здесь – и зовущая это «справедливостью».

О, друзья дарящей добродетели, давайте исполним насмешливый танец всякой корыстной добродетели.

Но этому вы еще не научены мною – как танцевать насмешливо.

4 [46]

То, что для нас теплота, или свет, или звук, или пригоршня звезд, для других, не человеческих чувств может оказаться чем-то иным, – но никогда не окажется добротой, или мудростью, или любовью.

Любовь к ближнему. Когда польза – механизм.

4 [47]

кругом вас вырождающий смысл, и «всё без нужды»

4 [48]

Сообщество (не стадо).
Его *преодоления.*
Скрижали
тяжелый

Чтобы мои звери мне [—] добровольно [—] сопровождение.

4 [49]

Толкования: 1) Заблуждение первопричины, бога считают противоположностью (———

Жизнь твоя не удалась: ты подобен придворному.

где ваши убожество и трезвость взывали к небесам

да лизнет вас молния своим языком!

они выпустили стрелу пламенной любви — во вселенную.

Не незнание человека жалко — жалок человек!

Наука лишь как аскеза.

Использование случайного — многозначность как условие многих видов жизни — следовательно, индифферентность к сущности.

Разве возможно, чтобы вы вместе мыслили об узких душах?

4 [50]

Не кипятитесь! У вас отнимают деньги! Есть гораздо более важные вещи, доступные и более бедным. Иисус как *жертва* без денег!

4 [51]

Аскетизм духа как *подготовка к творчеству*. Намеренное *обеднение* творческого инстинкта.

4 [52]

Есть проповедники, которые учат страданию. Они служат вам, хотя и ненавидят вас.

Я не обращаюсь к вам как к народу. Для них *высшее* — презирать и уничтожать себя, а *второе* — презирать и уничтожать друг друга.

4 [53]

За каждым действием следует действие: эта вера в причинность заключена в самом сильном из инстинктов — в инстинкте мести.

Не надо путать: актеры гибнут от недостатка похвалы, а настоящие люди — от недостатка любви.

Противоположностью актера является не искренний человек, а человек втайне изолгавшийся (именно среди них чаще всего случаются актеры).

4 [54]

«Бывают герои как зла, так и добра» — в устах такого человека, как Ларошфуко, это предельная наивность.

Видеть и все же не верить — вот главная добродетель познающего.

В своем стремлении не познавать себя обыкновенные люди очень хитры и изощренны.

В Г<ермании> желание почитают много больше, чем умение: это самое подходящее место для всех несовершенных и претенциозных.

4 [55]

Видеть наивного человека—удовольствие, если он естественен и обладает духом.

Хитрые люди обычно просты, а вовсе не сложны.

Лабиринт.

Человек лабиринта всегда ищет вовсе не истину, а только свою Ариадну—что бы он нам ни говорил.

4 [56]

Когда человек нам чем-то удобен, мы охотно приписываем это его и нашей нравственности.

Скепсис в отношении всех моральных ценностей есть симптом того, что возникает новая шкала ценностей.

Это *прогресс* интеллектуального вкуса, если перестают стыдиться и своего зла.

Не иметь наготове фразу для подкупа собственной философии—

Презрение к тому, что я делаю, и презрение к тому, что я есмь.

Церковь есть не что иное, как основательно изолгавшееся государство.

Зверь в мужчине жесток по отношению к тому, кого любит,—не потому что зол, а потому что ощущает неистовство в любви, так что у него не остается чувств для чувств другого человека.

4 [57]

Кто беден в любви, тот скуп и в своей вежливости.

В делах чести женщины грубы и неуклюжи.

Если хочешь иметь друга, ты должен желать вести за него войну, т.е. *уметь* быть врагом.

Сегодня они были готовы проявить дружелюбие – но как убоги они были при этом, как мало выдумки обнаружили!

Среди людей философского склада я различаю два вида: одни постоянно обдумывают средства защиты, другие – средства атаки на своих врагов.

Герой весел; это не нравится поэтам-трагикам.

У злорадных чувства пробиваются редко, но всегда очень громко.

Удивительно, на какие глупости способна из-за любви даже чувственность, как она теряет всякий хороший вкус и называет безобразное прекрасным, если только это внушает ей любовь.

4 [58]

Так называемые любезные люди умеют разменять нас на мелкую монету любви.

Все, кто еще не разучился переваривать свои переживания, не отучились и от лени переваривающего; этим они вызывают возмущение в наше время суеты и спешки.

Для женщины честь лишь в одном: она должна думать, что любит больше, чем любима. По ту сторону сразу начинается проституция.

Жестокость к тому, кого она не любит.

Воля быть самим собой, себялюбие – это тонкая и довольно поздно развившаяся разновидность воли к удовольствию, если эта воля к удовольствию есть самость.

«Ты» старше, чем «я», и продолжает жить *в Я*.

«Я» – вспомогательная гипотеза для возможности помыслить мир, такая же, как материя или атом.

4 [59]

Лишь только ум говорил мне: «Не делай этого, чтобы не навредить себе» – как я всегда делал наоборот.

Дурная репутация.

Польза всегда только средство, цель в любом случае удовольствие. Утилитаристы глупы.

Они не любят меня; достаточная ли это причина не благословлять их?

Смотри! Только что мир стал совершенен.

4 [60]

sit tibi terra levis[1]: кому в Германии благоволят, тому желают, чтобы земля показалась ему тяжелой.

4 [61]

Основная форма.

Нельзя было бы выдержать; потому *необходимы* следующие *облегчения жизни.*

Долой добро и зло!

Быть как можно более довольным собой!

Трагические личности, назад!

Щадить сильные аффекты!

Высвобождение многосторонности человека.

Не действовать иначе, а думать о себе иначе!

Тщеславие возвышенного!

против жестокости героического.

все эти улучшения жизни *бесполезны*, коль скоро не изменились ценности, например здоровье.

против «излишне поспешных».

---

1 Пусть земля будет тебе пухом (*лат.*).

4 [62]

Мелких жуликов, мелких лгунов, вероломных и клеветников – вот кого нужно *уничтожать*, а не убийц.

нельзя жалеть комаров и блох.

Презренные и ужасные люди.

Нужно беречь лес, нужно беречь злых.

4 [63]

Есть ли собственность у познающего? Поистине, я забыл это – или разучился этому?

4 [64]

У наших злых аффектов тоже есть совесть, и они сердятся, когда дают себя преодолеть.

Совесть – это чревовещатель: когда она говорит, мы не верим, что ее голос исходит из нас.

Религия хочет сделать человека радостным, заменив «ты должен» на «я обязан»: она хочет освободить человека от невозможности существовать внутри морали.

Теперь я прав – означает во многих случаях «теперь я отомщен».

Истолковывать свои симпатии и антипатии как свой долг – в этом великая нечистота «добрых».

Гордость внушает несчастливо любящему, что его возлюбленная не заслуживает быть им любимой. Но высшая гордость говорит ему: «Никто не заслуживает быть любимым. Ты лишь недостаточно любишь ее!»

4 [65]

Не ответная любовь прекращает несчастье несчастливо любящего – но большая собственная любовь.

Если мы хотим отделаться от человека, нам проще всего умалить себя в его глазах: это сразу действует на его тщеславие, и он убегает прочь.

Пока еще находятся у тебя враги, ты не вышел за рамки своего времени: оно не должно даже видеть тебя — настолько высоко и далеко должен ты быть.

4 [66]

Заратустра дает тем больше, чем меньше его принимают.

«Скупец я был — и вы имели право пренебрегать мной!»

Выстроить *последовательность* тем в зависимости от их человеколюбия.

его **изгоняют**.

4 [67]

Победить свой аффект в большинстве случаев значит на время сдержать его и преградить ему путь — т.е. увеличить опасность.

Большинством тех, кто спасает человека из беды, двигало не сочувствие, но *мужество* и опасность.

Сумасбродство совершило куда больше великих дел, чем любовь к ближнему.

Сначала человек делает мир мыслимым (мы всё еще в этой стадии), а когда он его наконец понял и уже ощущает его как свое *творение* — ах, тогда он должен *полюбить* его, как всякий творец!

Мужчина, пока существуют мужчины, привык к войне и охоте; поэтому он теперь любит познание как самую обширную возможность для войны и охоты. Что женщина может полюбить в познании, должно быть чем-то другим — — —

4 [68]

Из своего ожесточения против какого-нибудь человека обычно создают моральное возмущение — и восхищаются собой, а из усталости своей ненависти создают прощение — и восхищаются собой снова.

Для общения с людьми ложь больше не обязательна, если имеешь достаточно истин: ими можно как угодно обманывать и соблазнять.

4 [69]

Высшее мужество познающего проявляется не тогда, когда он вызывает удивление и испуг, – но тогда, когда непознающие *воспринимают* его как поверхностного, низкого, трусливого, равнодушного.

Познающий должен уметь сам себя увенчать лаврами победителя; он не может ждать, ибо его влечет к новым превращениям.

4 [70]

Страсть двух людей друг к другу – это всегда две страсти со своими траекториями, вершинами, скоростями: их линии могут *пересекаться*, не более.

Говорят об удовольствии, а думают о страстях, говорят о чувстве, а думают о чувственности, говорят о плоти, а думают о ее нижней части – так лишили чести три хорошие вещи.

Гражданские и рыцарские добродетели не понимают друг друга и клевещут друг на друга.

Наше учение и наше прилежание зависят от одаренности.

Что каждый имеет право научиться читать и читает, со временем разрушает не только писателей, но и сам дух.

4 [71]

Он поступил со мной несправедливо – что уже плохо. Но он еще и желает просить у меня прощения за свою несправедливость, – а это уже не лезет ни в какие ворота!

Нужен очень хороший характер, чтобы не ставить в вину своему характеру неприятные последствия мелкой глупости.

Чтобы винить собственную глупость, а не характер в неприятных последствиях своей глупости, нужно больше характера, чем у большинства людей.

Стоит нам хоть на один шаг выйти за рамки обычной человеческой доброты, как все начинают осуждать наши поступки.

Вы говорите «это мне нравится» и полагаете, что хвалите меня! — О, глупцы, как вы мне этим нравитесь!

Человек науки своей судьбой схож с канатоходцем: он продолжает свою линию дальше, но при этом идет — вспять.

4 [72]

Жизнь тяжело нести; для этого нужно упрямство утром и покорность после полудня.

Я рассеян: мой аппетит приходит только после еды.

В теориях отнюдь не в последнюю очередь привлекает то, что они опровержимы.

Конституционным монархам придали добродетель: они больше не могут «творить беззаконие», но за это у них отняли власть. С тех пор они ищут только войны — с чего бы это?

Если уж человеку так повезло и он остался «темным», он должен позволять себе то, что дает темнота, а именно — хорошо скрывать.

4 [73]

Я ненавижу порядочных людей куда больше, чем грешников!

Люблю ли я музыку? Не знаю, нередко я ее ненавижу. Но музыка меня любит, и как только меня кто-нибудь покидает, она тут как тут и ждет от меня любви.

Когда начать светить?

То бодро подставлять спину, как будто вся тяжесть мира должна лечь на нас, – то трепетать как розовая почка, для которой слишком тяжела даже капля росы. Мои братья и сестры, не притворяйтесь столь нежными! Мы все изрядные вьючные ослы и ослицы, а совсем не розовые почки, которые дрожат.

4 [74]

Прежде тормоза нужно колесо.

Я слишком долго проживал вблизи смерти, чтобы еще бояться жизни.

Таких л<юдей> я называю «суммами».

4 [75]

Актерами называю я их (*посредников*).

Сверхчеловек черпает из преизобилия жизни образы, знакомые курильщикам опиума, и безумие, и дионисийский танец: он не ведает запоздалой боли.

Болезнь ныне приводит ко многому, что *само по себе* не является симптомом болезни: к *видению*.

Не грехи ваши, но ваша трезвость вопиет к небу.

Освободите нас от греха и верните нам мужество!

Бледный преступник в темнице – и *Прометей*!
Вырождение!

«Мы желаем создать сущность», мы все хотим поучаствовать в этом создании, хотим полюбить ее, все хотим забеременеть – а затем уважать и почитать себя *за это*.

У нас должна быть одна *цель*, во имя которой мы все полюбим друг друга! **Все** прочие цели должны быть уничтожены!

4 [76]

Понять философа и быть *убежденным* им.

Сегодня я все превращаю в золото, дай мне, что хочешь — судьба!

Не обольщайтесь! Самые деятельные народы ныне — самые усталые! У них нет больше сил даже для лени!

Единственное счастье — в творчестве: вы все должны *участвовать* в нем и во всяком действии обладать *этим* счастьем!

Вы должны сохранить в себе хаос: грядущие поколения желают *сформировать* себя из него!

Освобождение от вечного потока.

4 [77]

Многие поступки суть опиумное средство от прошлого.

Делать любимое дело, не называя его громкими словами, — это может быть героизмом. Стыдливость перед величественными жестами.

«Я следую» — а не «я хочу».

«Я не мог ничего *упустить*, когда создавал сверхчеловека. Все ваше зло и вся ваша фальшь, ваша ложь и ваше незнание — все это в его семени».

(Против чистого растительного питания.) Разве мы хотим создавать овечек и мечтательных девиц? Нет, мы хотим львов, чудовищ силы и любви.

Пусть человек будет поводом для чего-то, что не является больше человеком.

Не бежать от мира, а преодолевать мир — и себя в нем.

Я хочу сделать праздник из *зачатия* и из *смерти.*

4 [78]

Мы должны быть и жестокими, и сострадательными – остережемся стать меньше, чем природа!

Я учу и жестокости, и состраданию, но я учу также, что и то, и другое нуждается в духе и цели.

Мы должны приготовить землю для сверхчеловека – и зверей, и растения.

я заражаю вас безумием.

Ваших излишков любви хватает только для малых.

Вы видите их на сцене, но вы должны видеть их в жизни – и почитать не меньше.

Ваши лучшие вещи ничего не значат без исполнения.

Люди морали обретают самодовольство от укусов совести.

4 [79]

Вы ведете войну? Боитесь соседа? Так уберите же пограничные столбы – и у вас больше не будет соседей.

4 [80]

Начинать с погребения.

Я *предвижу* нечто ужасное. Сначала хаос, сплошной поток.

1. Ничего, что ценно само по себе, – ничего, что приказывает: «ты должен».
2. Этого нельзя выдержать – мы должны противопоставить *созидание* картине этого уничтожения.
3. Этим изменчивым целям мы должны противопоставить одну цель – создать ее.
4. Материалом для нас служит все ставшее плотью, в этом мы не свободны. *Постичь, понять* этот материал (посредством науки).

5. Создать *сверхчеловека*, после того как мы вмыслили всю природу в нас, *сделали* ее мыслимой.
6. Мы можем любить лишь близко родственное нам: больше всего мы любим выдуманное. Нам не нужно приказывать любить наше произведение или ребенка. Преимущество сверхчеловека.

4 [81]

Я не хочу жизни *вновь*. Как я вынес ее? Созидая. Что позволяет мне выносить ее вид? Взгляд на сверхчеловека, который *утверждает* жизнь. Я и *сам* пытался ее утверждать —увы!

4 [82]

Думать о жизни нужно в качестве отдыха, а в остальном—думать о задачах.

Мемуары.

Primum vivere[1]—вот что я понял, и еще—всё, что относится к vivere.

познавать, чтобы *жить*. А *раньше*—чтобы отрицать жизнь.

4 [83]

Разрушение морали имеет практическим следствием атомистического индивидуума, а затем и дробление этого индивидуума на множества—абсолютный поток.

Поэтому сейчас более чем когда-либо нужна единая цель и любовь—*новая любовь*.

4 [84]

Существует опасность возврата к звериному. Мы оправдаем всех усопших и придадим их жизни смысл, если вылепим сверхчеловека из *этого* материала и дадим всему прошлому *цель*.

Если бы я не любил людей, как выдержал бы я Заратустру?

---

1 Жизнь прежде всего (*лат.*).

Почитайте актеров и не ищите на сцене лучших из них!

Плетка.

4 [85]

Когда Заратустра произнес это, одна старушка помахала ему рукой и сказала: «Теперь я готова умереть, ибо устам моим нечему больше учить Заратустру».

Не пугайтесь потока вещей: этот поток возвращается в себя — и не упустит случая убежать от себя.

Всякое «было» снова станет «есть». Всякое будущее прошлое кусает за хвост.

Где больше не чувствуется «Должен» –

Возникновение *любви – любовь как следствие морали.*

4 [86]

Все эти маленькие дикие псы еще при мне, но в подземелье. Я не хочу даже слышать их лай.

Старушка помахала ему и сказала: теперь я умру спокойно, я видела Заратустру.

4 [87]

Никто не приходит ко мне. И я сам — шел ко всем, но ни к кому не пришел.

4 [88]

В день перед последним днем Заратустра отослал от себя учеников, сопровождавших его, и говорил им так:

Место, где смеялся Заратустра, должно [––]

У каждой вещи два лица: одно — умирание, другое — становление.

Чем больше индивидуума, тем дальше должно быть стадо, к которому он принадлежит.

Bon goût[1] познания достигает верхней ступени моральности.

Если бы у вас было понятие для муки ответственности *высших людей*!

4 [89]

О морали высших людей.

Все, что в других случаях мораль, здесь стало любовью.

Но теперь начинается новое «Ты должен» — познание свободного духа — вопрос о высших *целях*.

4 [90]

Насколько нам не нужна больше мораль, настолько же не нужна и религия. «Я люблю бога» — единственная старая форма религиозности — превратилась в любовь *к идеалу*, стала творческой — сплошь богочеловеки.

Мораль необходима: сообразно с чем станем мы действовать, если действовать необходимо? И что мы сделали, мы должны оценить — каким образом?

Найти ошибку в происхождении — это не аргумент против морали. Мораль — условие жизни. «Ты должен».

Об исцелении страстей.

Он подчиняется, насколько может.

Я жил на самой узкой ступеньке жизни.

Страдания, подобные моим, — страдания *погребенного*.

Всякое *высшее* действие — это многосторонний разрыв с *законами нравственности*.

Учиться *пользе* и разуму? Для этого мы еще далеко не разумны.

---

1 Хороший вкус (*фр.*).

4 [91]

Признавать *все страсти* по очереди, но *освящать* их.

Я хотел знать, и вот—меня настигает мой жребий (вивисекция) и моя боль от немого взгляда собаки.

Будьте человечны по отношению к созидающим, им недостает любви ближних.

Глубокий.—Сегодня ты прощаешь содеянное с тобой. Но ты еще даже не пережил это: через полгода ты уже никогда не сможешь это простить и забыть.

4 [92]

Лишь когда дух проникает в мораль, начинается бардак.

Л<юди> взяли себе мораль, так что и мы можем *дать* себе мораль!

«Что самое трудное?»

Все это я совершил, сказал Заратустра, а сегодня отдам задешево—за улыбку девушки.

И тебе нечего сказать больше людям?

Нет, сказал Заратустра, кубок пуст. И сказав это, он в одиночестве отправился своею дорогой. Ученики же его плакали.

Опасайтесь причинить отшельнику боль. Отшельник подобен глубокому колодцу: легко бросить в него камень, но как потом достать его? Отшельник никогда не прощает.

вставить в колчан ему еще одну стрелу презрения.

ощипать

4 [93]

Не давайте себя узнать! А если иначе нельзя, гневайтесь, но не стыдите!

Мне ли советовать вам, как защищаться от грабителей и головорезов? Я обращаюсь к тем, кто устал от своих добродетелей и дает себя однажды обворовать и оклеветать, чтобы устроить своей добродетели праздник.

4 [94]

Не забывайте! Я учил людей создавать сверхчеловека, учил полдню, и вечности, и освобождению от потока, и учение мое таково: «для всех» старше и стало хорошим раньше, чем «для меня»; «для меня» должны вы еще освятить.

Не убивать, а освящать должны вы свои чувства — делать их невинными.

Тогда весь народ сказал: мы должны уничтожить уничтожителя морали —

Нужно быть и совершенным зверем, если хочешь стать совершенным человеком.

У вас всегда будет лишь та мораль, что соответствует вашей силе.

Сверхчеловек, одинокий странник, нелюдимый — — —

4 [95]

«ученик — это не дитя и не произведение», — тут Заратустра помолчал, глядя перед собой преображенным и твердым взглядом. А его ученики приступили к нему и спросили: «Тебе нечего нам больше доверить, что мы могли бы унести с собой?»

Заратустра пошел своим путем до своей горы и пещеры; тут нашел он своего орла и свою землю. Но когда он поприветствовал пещеру свою и зверей, он внезапно стал очень стар.

Тогда говорили в народе: не самое страшное попасть Заратустре в руки, но видеть его во сне.

Он надолго погрузился в размышления и не говорил ни слова, а звери сидели перед ним и ждали, и утро спускалось с гор. Вдруг глаза его изменились. Было уже около полудня, когда он обвел рукой вокруг себя и сказал — — —

4 [96]

Несправедливость должен брать на себя тот, кто на это способен.

Опасности одинокого.

Пиния.

Все это я совершил и несу на себе—улыбку *ребенка.*

4 [97]

Здесь веет духом героя—тихонько пройди мимо. Он слишком много страдал и все еще желает обрекать за это других на страдание.

4 [98]

Да будет он благосклонен к своей душе.

4 [99]

Я требую от вас поступков жертвенности, доброты, святого себялюбия, и на все это вы должны говорить: «Не делайте из этого ничего великого! Это всего лишь мой вкус!» И я требую еще большего—чтобы вы занялись познанием, ибо знаю, оно вам не по вкусу, раз вы говорите: «по-видимому, мы должны быть такими»; но это долженствование не должно быть законом, не должно стать для других тенью и неприятностью.

4 [100]

Братья мои, я не знаю другого утешения для женщины, кроме этих слов: «и ты можешь родить сверхчеловека».

Что общего у вас в волками и кошками? они всегда лишь берут и не отдают и лучше украдут, чем возьмут.

Вы те, кто всегда дарит.

4 [101]

Все ваши слабости и пороки все еще не следуют за вами в вашем познании! Книгу трудно читать, но у кого есть глаза———

4 [102]

Дурное обхождение — вот участь ваша: вашей мести не боятся. Зато вы не полностью погружены во время.

4 [103]

Сострадание в отношении сверхчеловека (ученики — гл<ава>).

(Гл<ава>) Если б я мог видеть сверхчеловека! Он не видит меня, он видит свое видение.

(Гл<ава>) Добро — никакой бог не дал вам его и не ведет вас в лучший иной мир; его нечем обосновать, оно тщеславное заблужденье. Итак, только «я хочу!»

Изображать любовь к современному человеку (гению) — как это мучительно! Если смотреть на него издалека и видеть искаженный образ! (**Гл<ава>**)

4 [104]

Вы говорите, что верите в Заратустру. Но какое дело до этого Заратустре? Вы мои братья — я не слишком люблю вас: брат — это не дитя и не произведение.

Я люблю свободных духом, если они свободны сердцем. Для меня голова подобна нутру сердца. Что сердце принимает, то голова должна переварить и обратить в мысли.

Лучше гневайтесь, но не стыдите!

И когда проклинают вас, мне не нравится, что вы хотите благословить: лучше прокляните и вы немного. Дьявол меня побери!

Я советую всем мученикам подумать, не жажда ли мести довела их до крайности.

4 [105]

ваши поэты, книги, актеры должны скрыть от вас *недостаток видений* — они делают вас еще беднее! Это не *мои* видения. Поэты лгут!

Я не хочу иметь ничего общего с искусством – кроме того, которое приносит радость! Из удовольствия и сверхудовольствия! Ложь в искусстве – это зло из надменности!

Не хочу слышать ваш *крик*! Да, вот теперь вы «настоящие»!

Опрокинуть!

4 [106]

Это противоположный довод, и я благодарен тебе. Но теперь, друг, опровергни мне и этот довод!

Восхитительно видеть тебя, сказал Заратустра, но это не ты меня восхищаешь, ведь ты для меня – – –

Это час лета, час и ничего больше. Ты для меня высокогорье: крепкий как лед, постоянные бури и тучи...

4 [107]

я не хочу любить и ненавидеть с вами: не могу слышать ваш крик и ваше счастье.

4 [108]

NB. **Выполнить с наибольшей страстью**: *глуп* любящий (обманутый), он *не* в состоянии *сообщить* о своей любви.

Познающий лишен любви и общения.

Лишен любви и глуп актер.

4 [109]

они не понимают меня, но – о ужас – все время бегут к любимому месту.

обращаться в суды уже есть признак презрения.

4 [110]

Люди гордятся своей молитвой, когда не могут быть кумирами.

когда похоть овладевает ж<енщиной> и она <...> образы м<ужчин> –

Взгляните на ту бледную женщину; я предпочел бы попасть ей в руки, хотя ее руки жаждут убийства, чем в ее сны.

Кого встречает Заратустра *первым*? Он рад, что снова способен их выносить.

(Гл<ава>) Я ушел в одиночество, потому что всегда хотел любить человека, но должен был его ненавидеть. Наконец я полюбил сверхчеловека — с тех пор я *выношу* людей. Я хочу принести им новую надежду! И новый страх — сказал Заратустра.

4 [111]

Было время, когда меня охватило *отвращение к самому себе*: лето 1876 года. Опасность сумасшествия, нечистая научная совесть, вызванная примесью метафизики, чувство преувеличения, смехотворность «суда» — итак, нужно было восстановить разум и *попытаться* жить предельно трезво, без метафизических предпосылок. «Свободный дух» — преодолей *меня*!

4 [112]

когда я был молод

Все это я сегодня охотно отдаю — за улыбку ребенка. Нужно преодолевать и юность, если хочешь снова стать ребенком.

В самом ли деле я тот, кого вы почитаете? И если я тот, опасайтесь, как бы вас не убило статуей.

4 [113]

Теперь убийца кажется *больным*: настолько въелись *моральные суждения*.

собирать волнующие тебя предметы.

4 [114]

У людей сострадательных твердость — это *добродетель*.

4 [115]

Кровь — плохой свидетель истины: кровь отравляет учение, так что оно становится ненавистью.

4 [116]

Когда я был мальчиком, я любил причинять себе боль; это называли моей склонностью к возвышенному.

Питаться травой и желудями познания.

Человек должен быть чем-то средним между растением и призраком.

Я люблю эти тяжелые капли, что по одной роняет грозовое облако, чреватое молнией: эта молния именуется сверхчеловеком.

4 [117]

Ребенок в нас должен преодолеть и льва в нас — говорил Заратустра.

Я не подаю милостыни — для этого я недостаточно беден — говорит Заратустра.

Я опора и поручень над потоком — хватайся за меня, кто может! Но я не костыль.

унижаться и ранить свою надменность, заставлять исповедоваться свою глупость, чтобы издеваться над своей мудростью.

Я запрещаю вам *верить* в эти метафизические вещи: здесь уместно недоверие и понимание того, *откуда* взялась оценка этих вопросов. *Насквозь человечным должно быть наше мышление*!

4 [118]

Мольденгауэр
Майнлендер

4 [119]

Раз уж ты хочешь слушать меня, отними у меня то, что принадлежит тебе.

4 [120]

Отшельник со стиснутыми зубами — он неохотно разжал свои зубы.

Как возможно сообщить себя? Как можно быть услышанным? Когда я выйду из пещеры на воздух? Я самый скрытый из всех скрытых.

4 [121]

Отведите взор! Поднимайтесь к высшему свету! Ни один сострадающий не любит сверхчеловека!

4 [122][1]

Здесь, по ту сторону добра и зла,
Я ждал, купаясь то в тени, то в свете:
Как море, как игра, как полудня мгновенье,
Как время, длящееся без движенья.

4 [123]

Ах, наше добро! — мы чтим своих предков.

4 [124]

В ваших темах звучит какое-то отчаяние. Г<енрих> К<ёзелиц>.

4 [125]

Гл<ав>а: об отрицании мученичества.

4 [126]

Человек как группа атомов, в своих движениях целиком зависимая от распределения и изменения сил во вселенной, — и с другой стороны, как всякий атом, человек неисчислим, он сам по себе и для себя.

---

1 Перевод И. Эбаноидзе.

Мы осознаем себя лишь как нагромождение *аффектов*, и даже чувственное восприятие и мысли принадлежат этим проявлениям аффектов.

4 [127]

Трагичнейшая из историй и ее небесное разрешение.

Заратустра, становящийся больше с каждым шагом, — и его учение, разворачивающееся по мере его роста.

«Возвращение» как вечернее солнце, светящее над последней катастрофой.

4 [128]

беспомощные, у которых нет духа освободиться от своих *грехов*, — свое положение считают «твердым»

Когда очень страдают, становятся достаточно скромными, чтобы быть тщеславными.

«Я не знаю довода против» — но это «я не знаю» не является, к сожалению, доводом за! Я не знаю столь многого —

4 [129]

Когда хвалят, всегда хвалят себя самого — когда порицают, всегда порицают других.

Я лежу больной, закутанный в толстую меланхолию, — жизнь моя зависит от мелких случайностей.

(Гл<ава>). Держите душу свою в *прохладе* (против сострадания).

Сострадание, если оно сильно, адское чувство.

Убийство из высшей любви к людям.

4 [130]

Как хорошо ты лечишь, спаситель. Таковы были ее слова, ибо женщина любила Заратустру.

4 [131]

Мы не слагаем стихов — мы считаем. Но чтобы научиться считать, мы сначала слагали стихи.

Я больше ничего не переживаю: я возвысился и над переживаниями.

Вы, холодные и трезвые, вы не знаете восторгов холода!

Я освобождаю тебя от цепи: умри! — И все увидели, как женщина улыбалась, умирая.

Услышав эти слова женщины, Заратустра покрыл свою голову и оперся.

Разве это сострадание не ад? Разве этот пыл не пламя?

и сказали судьи единогласно: человек сей безумен, пусть он идет, куда хочет, ему нельзя оставаться. Тогда Заратустра решил возвращаться в пещеру и к своим зверям.

4 [132]

Учил «возвращению» — «я *позабыл* нищету». Сострадание его растет. Он видит, что учение невыносимо.

Кульминация: священное убийство. Он изобретает учение о сверхчеловеке.

Возвращение домой; заходит к отшельнику. «Почему ты не учишь жесткости? И ненависти к малому?»

Заратустра: этому учи *сам*! Я уже не таков! Таким я был, когда пришел к людям. Я стал слишком беден, я все раздал, и жесткость свою тоже. Так мыслят отшельники: заклинаю тебя дрожащими губами, и складкой муки на лбу, и улыбкой умирающих — он плачет. (Да живет бог) Бог умер — и пора жить сверхчеловеку.

4 [133]

Возвысить, *преобразовать* понятие справедливости — или доказать, что человеческие поступки должны быть несправедливы.

Можно поставить себя вне *определенной* шкалы ценностей, но не вне *всякой* системы ценностей.

Произвести оценку морали – *согласно чему*?

4 [134]

Можно вынести себя самого, но как вынести ближнего? Он слишком страдает.

я не знал, насколько они бедны, – не знал, что брать прекраснее, чем давать.

Разве сострадание не ад бога? Быть может, он и умер от этой страсти?

4 [135]

Кровная месть: основное чувство, как и все, представляющие государство, – благоговение перед глубоким страданием рода и уступка этому чувству.

если ущербное мы связываем с ужасом или отвращением, то возникает злое, дурное чувство.

Всегда находятся люди, которые любят опасные должности, и, не рассматривая здесь побудительные причины этой любви и не желая ее без оговорок хвалить, – свободный дух...

4 [136]

С моралью над нами жизнь вообще *невозможно выдержать* – если ты не фарисей и сохранил свободный взгляд; поэтому я ее уничтожил.

Нагромождение аффектов, некая primum mobile[1], но со смещенным движением, раздавленная всем, что движется.

---

1 Крайняя сфера (букв.: первое движущееся) (*лат.*).

Чтобы утвердить *себя*, я уничтожил мораль: я показал, что повсюду одновременно существовали *творцы* и *тираны*. Но в *одновременности* нет нужды, ибо стадо———

4 [137]

Все *цели* уничтожены. Люди должны *дать* себе какую-нибудь цель. Заблуждение думать, *будто* она у них *была* одна: они дали себе все сразу. Но *предпосылки* всех прежних целей уничтожены.

Наука указывает на поток, а не на цель, но она дает *предпосылки*, которым должна соответствовать новая цель.

4 [138]

Всякий человек есть творческая причина происходящего, некая primum mobile со своим оригинальным движением.

4 [139]

Когда бог понял себя самого, он создал себя и свою противоположность.

Как совершили вы путь от червя к человеку! Но многое в вас еще от червя и от памяти о вашем пути.

4 [140]

Компрессы со льдом. Отвращение мое к людям стало слишком большим. Как и противо-отвращение к моральной надменности моего идеализма. Я приблизился к презираемому, я искал в себе все то, что презирал,—я хотел приглушить свое пламя. Я выступил *против* всех *обвинителей* человечества—я отнял у них и у *себя* право на высокие слова.

Критический инстинкт хотел——*жизнь*

Героизм в том, чтобы жить *самым скудным пропитанием*: пустыня. Героизм в том, чтобы подавлять в себе всякий интеллектуальный инстинкт, домыслить его как аффект.

Я поношу аффекты, чтобы *после* сказать: у меня *был* всего лишь аффект, не больше!

Жизнь *под гнетом* морали совершенно невыносима. (Значение Вагнера *еще раньше*)

4 [141]

О Вагнере останется память как о человеке, который пошел всех дальше в безвкусице своей самонадеянности.

4 [142]

я отрицаю моральные инстинкты, но все аффекты и инстинкты *окрашены нашим ценностным* к ним *отношением*; в нас конкурируют *самые разные* ценности.
Следовательно: понять многообразие моралей.

постоянная *похвала* и *порицание*
наши аффекты говорят на языке морали
наши общие чувства говорят на языке морали
наши интеллектуальные радости с позиции морали
наши болезни выступают как моральный феномен
все в человеке преступление: то, что нам нравится и не нравится
всякая польза
ландшафт
кровать
своего рода *болезнь* moralis[1]
в плохие дни на переднем плане другие моральные аффекты

4 [143]

Все, что мы воспринимаем не *так*, мало нас трогает. Мы постоянно забываем об этом.

Похвалу и порицание наших аффектов, т.е. их оценку, – я называю «моралью».

Объяснение звуков еще не объясняет музыку – и тем более не *опровергает* ее.

Бывают времена возмутительного равнодушия к человеческой жизни. Противоположность этому – *кровная месть*.

---

1 Моральная (*лат.*).

Облегчение: только так и можно вынести самого себя — и *сойти с ума* от сострадания.

4 [144]
Распрямив крепкие плечи, стоит оно против Ничто: где пространство, — там бытие.

4 [145][1]
Я был как море, полдень, время без движения,
Дитя, игрушка.
И вдруг нас стало двое в тишине,
И Заратустра подошел ко мне.

4 [146]
Как судья и палач, я *гибну* из-за самого себя.

4 [147]
«Хорош для чего-либо», «плох для чего-либо»: *первоначально* все моральные суждения касаются *средств для целей*. Но постепенно о целях забыли, а «хорошо» и «плохо» остались — как будто *может быть* что-то хорошее само по себе. Прежде хвалили или порицали всегда в отношении цели — но в конце концов отринули цель, чтобы *хвалить* и *порицать* **со всей полнотой**, когда такие чувства, как почтение, любовь или отвращение, сразу ощущались как привязанные к определенным целям.

Таким образом, аффект создал «добро само по себе» и «зло само по себе».

Как бы теперь ни обстояло дело с этими въевшимися «моральными чувствами» — из *истории* моральных чувств следует, что никакого «списка благ», никакой *последней цели* не осталось — все опровергнуто. В нас чудовищная сила моральных чувств, но *нет цели* для всех. Между собой они находятся в противоречии, ибо **происходят** из различных списков — — —

Есть чудовищная моральная сила, но *нет цели*, для которой вся эта сила могла бы быть применена.

---

1 Перевод И. Эбаноидзе.

4 [148]

Что могут все? Хвалить и порицать. В этом безумие человека, безумного зверя.

Говорю вам, легкий пушок принадлежит яблоку, говорю вам, ложь принадлежит жизни.

Совершают много несправедливости – и не только тогда, *когда причиняют страдания*, но и похвалой, благодеянием, состраданием: *не воздают* там, где это *необходимо*!

4 [149]

Есть только один разум. И только одна душа? Вполне человеческое толкование мирового процесса *должно*... Или так: для каждой фазы человеческой души было возможно утешительное толкование хода вещей.

4 [150]

Ужасно видеть, как несправедлив мир. Но тут же и утешение – в том, что мы творцы справедливости и что мы *страдаем от самих себя.*

4 [151]

Нравственность – воплощение всех въевшихся в нас ценностей: что же будет с этой чудовищной суммой сил? Вопрос интересует меня лишь в связи с историей возникновения этих оценок.

4 [152]

Что знаете вы о том, как безумец любит разум?

4 [153]

(Гл<ава>) Обращение к *духовнейшим.*

(Гл<ава>) *Сокрытая жизнь.*

4 [154]

Вы никогда не переживали мгновения, которое сказало бы вам: «Мы жалки».

этот старый богочеловек не мог смеяться.

Иудей по имени Иисус был доселе лучшим любящим.

4 [155]

Не ч<еловека> я отверг, которого до сих пор почитал, но то, ради чего я его почитал.

4 [156]

Конец раздела. И это *страдание* правдивости избрал я себе.

4 [157]

Ты видел их идеалы — теперь разбей их и стань суровым! Сострадание.

4 [158]

Форма: этот человек прибыл в ящике, у которого нет ни дна, ни стен.

4 [159]

Как! Вы хотите *увековечить* этих жалких людей? Приковать друг к другу цепями? Пусть они гибнут! Что нам, социалистам, богатые и бедные!

4 [160]

Когда это смотрит на мир *вне времени*, все кривое становится прямым.

Когда ты видишь голубое, что толку убеждать себя, что это серое!

презирать

4 [161]

«Трудно сказать о женщине неправду: у женщин нет ничего невозможного» — ответил Заратустра.

4 [162]

Последний человек — покашливает и наслаждается своим счастьем.

4 [163]

Человек решает остановиться, как сверхобезьяна, образ последнего человека, который вечен.

4 [164]

Достаточно таких, кто не находит ничего лучшего, как лежать с женщиной.

4 [165]

Ч<еловек> есть нечто, что *должно* превзойти; что сделал ты для этого? Что мне до ваших добрых злых л<юдей>?

4 [166]

Что толку освобождать дух, если у него нет крыльев, чтобы улететь?

4 [167]

Последний разговор с отшельником:

– я хвалю тебя за то, что ты не стал моим учеником.

Отшельник: я слишком презираю людей, я слишком люблю их – я не выношу их – я должен слишком сильно *притворяться* и в том, и в другом.

я несу им новую любовь и новое презрение – сверхчеловека и последнего человека.

Я не понимаю тебя – ведь то, что ты им несешь, они не принимают. Пусть они сначала попросят милостыню!

Заратустра: – – –

Но им нужна лишь милостыня, они недостаточно богаты, чтобы им были нужны твои сокровища.

Я слагаю песни и пою их, я смеюсь и плачу, когда слагаю свои песни.

Этого человека мне нечему больше учить.

4 [168]

Одни хотят играть в кости, другие хотят считать и рассчитывать, а третьи хотят любоваться волнами и танцами волн, – они называют это наукой и потеют при этом.

Но это дети, которые хотят играть. И, правда, все это прекрасное ребячество, и немного смеха не помешало бы игре.

4 [169]

Цель *аскетизма*: дойти до полноты своей жажды, собственное творчество должно накопиться.

4 [170]

В мире многое можно рассчитать — но просчитывать мир слишком обременительно.

4 [171]

Противоположность *сверхчеловека* — *последний* человек: я их создал одновременно.

Все сверхчеловеческое предстает в человеке болезнью и безумием.

Нужно быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не загрязниться.

4 [172]

Когда я думал о *цели*, я думал и о случае.

Должно быть, мир можно объяснить и с точки зрения целей, и с точки зрения случая — а также как мышление, и как желание, и как движение, и как покой, и как бога, и как черта. Ибо все это *есть* Я.

Мы видим вещи не из *нашей* перспективы; это перспектива существа, похожего на нас, но *большего*, чем мы; *мы заглядываем в его образы.*

4 [173]

Чтобы научиться этому, я решил ненавидеть тех, кого любил, порицать то, что хвалил, посмотреть, что доброго есть в злых людях, и что злого в добрых. Я назвал это справедливостью.

Наконец-то я открыл самое трудное: не любить и не ненавидеть, не хвалить и не порицать, говорить: нет ни доброго, ни злого.

И когда я открыл это, я отправился в пустыню.

4 [174]

Мир, золотая чаша добра, завершен—но творящий дух желает заново создать уже созданное, он изобрел время, и теперь мир разворачивается в разные стороны и снова сворачивается в большие кольца—как становится добро из зла.

4 [175]

Вы слишком грубы: вы не можете погибнуть от малых переживаний.

4 [176]

«И все-таки все иначе говорит со мной, нежели с вами».

Куда больше не смотрит ваша честность, там и ваш глаз больше ничего не видит.

4 [177]

История = *развитие целей во времени*, так что высшие вырастают из низших. Объяснить, почему должны возникать все *более высокие формы* жизни. В этом сходятся и телеологи, и дарвинисты. Но в целом это **гипотеза** на основе *оценок ценностей*—а точнее новых оценок ценностей. Обратную точку зрения—что все движение до нас есть непрерывное падение—тоже можно доказать. Человек, и притом самый мудрый, как *величайшее заблуждение природы* и противоречие в себе (как самое страдающее существо): до этого *опускается* природа. Органическое как вырождение.

4 [178]

В моих лесных зарослях. Заратустра 4.

4 [179]

Устанавливать ценности означает также устанавливать не-ценности. Чтобы испытывать блаженство оценки ценностей, нужно взять с собой все *зло* и все тяготы презрения.

Он говорит: весь мир есть мысль — воля — война — любовь — ненависть; братья мои, все это по отдельности — неверно, а все это вместе — правда.

4 [180]

Человечество должно полагать свою цель вне себя — но не в какой-то ложный X-мир, а в собственное *продолжение.*

Вопрос о том, как нечто *будет*, имеет для меня смысл только в связи с вопросом, что *должно* быть.

4 [181]

Что для нас обезьяна, предмет мучительного позора, — тем должны быть мы для сверхчеловека.

4 [182]

Как же обращаться к вам, чтобы вы поняли! Нужно сделать вас *больными*!

4 [183]

Едва появляется воля, как чувство ощущает *освобождение.* Это называют свободой воли. Чувство стеснено и страдает, а как только появляется воля, чувство *берет паузу* и не страдает.

4 [184]

Едва вы рождаетесь, как уже начинаете умирать.

4 [185]

Сострадание и любовь *противоречат* морали. В них нет справедливости! Нет послушания, нет долга! Нет любви к истине и честности! К тому же покидают собственный путь — **характер** *страсти* — и ее *неразумность.*

4 [186]

Разве я не изобрел новый запах и новый цвет? — Так говорил Заратустра.

Море несло тебя — — —

У кого из вас столь вместительная душа,
Чтобы на самую низкую ступень усадить канатоходца.

4 [187]

И куда бы я ни восходил, всюду следует за мной мой пёс по имени «Я».

4 [188]

Я сначала в стаде. Противоположность этому: в *сверхчеловеке* соединились Ты многих Я тысячелетий. (То есть *индивидуальности* стали единым.)

4 [189]

Я вмещает в себя *множество* существ (как в стаде); нет противоречия. Как и множественность *сил*. Время от времени они *делают паузу – невидимые*, как поток электричества.

Стремится к *уплотнению*, всего прочней, как алмаз, – и всего созидательней? В самом деле? Или даже как народ?

4 [190]

Они ходят к угольщикам и говорят с ними о вечных муках.

4 [191]

Разговор с королем (Гл<ава>).

4 [192]

История *великих мгновений* – к ней относится и учение об угольщиках.

4 [193]

А если вы не в состоянии раздавить малое, если вы не хотите быть мухобойкой, тогда уходите в <одиночество>.

4 [194]

глаз наш видит фальшиво, он сокращает и стягивает; разве это повод отказываться от зрения и говорить: оно никуда не годится?

4 [195]

Но вы думаете — Заратустра нашел, что искал? Думаете, слепой ходит прямыми путями? — И так случилось, что Заратустра на сей раз не погиб.

4 [196]

Болезнь — это неуклюжая проба, имеющая целью здоровье. Сокращайте ее!

4 [197]

чувство власти, дух соперничества всех Я в стремлении отыскать мысль, которая бы осталась над всем человечеством как его звезда — Я как primum mobile...

4 [198]

Цель: мгновенно *достичь* сверхчеловека. Ради этого *все* мои страдания! Та троица!

Самая внешне спокойная жизнь, потому что столь многое происходит!

4 [199]

Не все ли равно, будет ли как можно больше людей жить как можно дольше?

Разве счастье этих многих не презренная вещь и не отсутствие оправдания бытия?

Пусть будет смыслом твоей жизни оправдание бытия — а для этого ты должен быть не только адвокатом дьявола, но даже заступником бога перед дьяволом.

4 [200]

Он любил людей, потому что бог их любит. Он хотел их спасти, чтобы спасти бога.

Любовь к людям была крестом, на который он был прибит; он хотел освободить бога от ада: любви бога к человеку.

4 [201]

Ибо люди плохо слышат — и кто умен, разрывает им уши, так что они начинают слышать глазами.

они же не смеялись больше, но смотрели на Заратустру.

и всюду поверхность———

4 [202]

Речь к скале—мне нравится, что он не говорит. Молчание его *достойно.* (Все морально)

4 [203]

Я ничего не знает о себе в растении, оно расщепляется при зарождении. Во многих одно (стадо), здесь оно исчезает—так что же? Случайность *Я* (в различных существах) безразлична.

4 [204]

(скрытая жизнь)
бледный юноша
Многим тебя никогда не открыть.
Пиния

(последний человек: своего рода китаец)

Когда подвигал его к тому дух, Заратустра всходил на гору, записывая по дороге свои изречения. И однажды, когда он был наедине с собой, он восславил себя и сказал:

должны вы быть как деревья, склоненные над морем и сгибающиеся от ветра———

Одиноко идет он, ибо окружают его образы, которые видит лишь он. И если встретит он подобного себе, их души обнимаются и в четыре глаза рассматривают одни и те же образы.

справедливо, что я искал оправдание всему, что мне было глубоко противно...

дерево: распустить листья и привести их в легкое движение, а также корни, ветви и т.д.

Отшельник долго смотрел на него———

Заратустра, сказал отшельник, ты стал беден—и если бы я желал от тебя милостыни, разве подал бы ты ее мне?

4 [205]

Во всякой морали речь идет о том, чтобы **отыскивать** или **изобретать** *высшие состоянии* плоти, в которых могли бы соединиться **способности**, до сих пор бывшие *раздельными.*

4 [206]

Не прислушивайтесь к тому, что такое добро и зло,— ступайте к новым добрым и создавайте нам зло и добро. Существуют тысячи еще не хоженых путей!

4 [207]

В человеке живет множество духов, как гадов в море; они борются друг с другом за дух «Я»: они любят его, хотят, чтобы он садился к ним на спину, они ненавидят друг друга за эту любовь.

— Я, резвая кошечка с серебряной звериной веселостью.

Когда это утопающий мучился жаждой!

и опять попискивает кошечка Я, и снова кто-то счастлив, и опять все завидуют.

Прекрасное утешение для тех, кто достаточно молод для этого, сказала старушка.

Создан ли я, чтобы быть проповедником покаяния? Создан ли я, чтобы греметь, подобно проповеднику и литаврам?

4 [208]

Я учу вас о сверхчеловеке; великому презрению должны учиться вы сами.

4 [209]

(Гл<ава>) *Братство оправдывающих.*

4 [210]

В добре и зле не ведают они стыдливости духа — и хвалят и порицают так, будто

а в духе они не ведают стыдливости добра и зла:

Они опрокидывают образы и говорят: нет ничего высокого и достойного поклонения — ибо сами они не могут создать ни образ, ни бога.

Вслушайтесь в презрение, звучащее из их ярости против образов, — великое презрение к себе!

Я люблю расточительные души: они не воздают и не желают благодарности, ибо одаривают постоянно.

и вот они сами по себе уходят...

4 [211]

Я объясняю и ваши добродетели, исходя из будущего.

Не добродетели ваши отвергаю я, а ваших добродетельных.

Друг как лучший презирающий и враг.

Сколь мало достойных!

Быть *совестью* друга. Замечать любое унижение. Понимать совесть не только морально, но и как вкус, как пребывание в собственных границах.

Друг как демон и ангел. У них замок от цепей друг друга. Если они сближаются, цепь падает. Они поднимают друг друга. И как одно Я двоих они приближаются к сверхчеловеку и ликуют, обретя друга, ибо он дает им второе крыло, без которого не было бы пользы в одном.

4 [212]

Прохладно, луг лежит в тени, солнце ушло.

Разве не нелепо жить? Разве не было у нас больше разума, чтобы из жизни сделать разум?

Братья мои, простите душе Заратустры, что вечер настал.

4 [213]

Изобретение состояний.

Пора человеку поставить себе цель. Пока еще он достаточно богат и дик для высокой цели. Говорю вам: в вас есть еще хаос и столкновение звезд, чтобы породить звездный танец.

Но однажды человек станет слишком беден, однажды у него будет недостаточно энергии и порыва для ярости презрения.

4 [214]

Наше презрение к ч<еловеку> гнало нас сквозь звезды. Религия, метафизика как симптом вожделения создать сверхчеловека.

4 [215]

Беременным ходит человечество, удивительны беременные!

4 [216]

(Гл<ава>) Докажи мне себя! В чем твой долг?

4 [217]

1. *Выделение* **обстоятельств** и стремление к ним. Значение для тела.
2. Возникает то самое *представление Я о себе*, при котором сохраняется *стадный тип.*
3. Болезненное самочувствие и зло.
   Стихийное возникновение целых моральных течений как корректур тела.
   Что значит аскетизм?
   Буддизм и монашество как производство *здоровых тел* (против уничтожающих и ослабляющих аффектов).
   Мораль как язык сравнений, затрагивающий неизведанные области *телесных состояний.* — Здесь еще речь идет исключительно о воле и цели и *ни о чем другом.*

1. Приспособление вожделений друг к другу.
2. *Приспособление* тела к *климату* находит выражение и в морали.
3. Тело *господствующей* касты несет мораль.
4. Тело для необходимой работы и многообразие работы.
5. Сохранение типа порождает мораль. Гибель типа и аморальность.

...то есть изменять тело внешне, без химических средств, — — в действительности же речь идет о том, чтобы посредством морали изменить *химический состав* тела.

Чудовищный *окольный путь*. Насколько возможно идти более прямо?

«Понятие здоровья и идеал зависят от цели человека» — ? но ведь цель *сама* есть выражение определенного *состава* тела и его *условий*.

Тело и *мораль*.

4 [218]

И он не знал, как преодолеть свою добродетель.

Лев в нем разорвал ребенка в нем; и в конце концов лев пожрал самого себя.

Грозен был этот герой и дик — — —

Смотрите, я учу вас любви к сверхчеловеку.

— — — взвалил на себя и сломался под тяжестью.

4 [219]

Страсти = состояния наших органов и продукты их воздействия на мозг – с *поиском разрешения*.

4 [220]

Его называли мудрым, но он им не был.

4 [221]

Отношение религии к природе было когда-то обратным: религия отвечала *популярному представлению* о природе.

Ныне самое *популярное* представление – материалистическое. Поэтому то, что сохранилось от религии, так и должно обращаться к народу – материалистически.

4 [222]

прямоугольный телом, с крепким затылком
убить укротителя львов с помощью льва

4 [223]

Вам не следует желать обладать множеством добродетелей, — вы недостаточно богаты для этого. Одна добродетель — уже много добродетелей: чтобы она жила, вы должны погибнуть.

4 [224]

Я живу, чтобы познавать: я хочу познавать, чтобы жил сверхчеловек.

Мы экспериментируем для него!

4 [225]

Всецело *творческий характер* всего происходящего
———

Свобода воли доказана несравненно лучше, чем причина и следствие (причина и следствие на самом деле всего лишь *популярное умозаключение*).

4 [226]

Мы излишне терпеливы к дурному воздуху — а ты сам и есть дурной воздух для других.

Три или два.

Кто не делает нас плодотворными.

4 [227]

Поиск в истине того, что причиняет *мне* боль, и жертвование всем — чудовищное напряжение.

Ничего в голове кроме личной морали: создать для себя право на нее — в этом смысл всех моих исторических вопросов о морали. (Дело в том, что это невероятно трудно — создать для себя такое *право*!)

4 [228]

Я люблю людей, которых их добродетель ведет к гибели.

глядите, я показываю вам мост к сверхчеловеку!

<Я люблю тех,> кто расточает свою душу, кто не благодарит и никогда не воздает, потому что постоянно дарит.

4 [229]

Кто оправдывает будущих и спасает прошлых.

И кто сострадателен, должен из этого сострадания сделать для себя долг и судьбу, а кто верен, для того верность должна стать его долгом и его судьбой, – а у тебя нет достаточно духа для своей добродетели.

Твоя жизнь да будет пробой, твои неудачи и удачи да будут доказательством – но следи за тем, чтобы все знали, что ты пробовал и доказал.

они сказали: умрем для мира, они искали свое благо среди звезд – и не нашли слова о сверхчеловеке. Они клеветали на свое здоровье...

Многое в ваших добрых внушает мне отвращение, и, поистине, не их зло.

Я бы желал, чтобы их охватило безумие, от которого они бы погибли, как погибает от своего безумия бледный преступник.

я бы желал, чтобы безумие ваше звалось состраданием, или верностью, или справедливостью.

Но у них есть их добродетель, чтобы долго жить – – –

тогда было сомнение, поиск справедливости, сострадание к другу – – –

4 [230]

И его ученый должен быть *кающийся духом.*

И речь его не понравилась всем, но одному понравилась.

Общение.

Ученый.

Призыв к одиночеству и самоотречению!

4 [231]

Право на мои собственные *ценности* — откуда я взял его? Из прав на все прежние ценности и из границ этих прав.

4 [232]

Смысл брака: ребенок, который представляет *более высокий* тип, чем *родители.*

NB. они должны презирать тебя, когда ты через них перешагиваешь, — они не понимают того, что выше них.

Ты тоскуешь о любви — но нет, ты должен научиться выносить презрение.

Вы привязали свое сердце к деньгам и потеряли для себя свое сердце. Железная дорога и *государство суть польза многих людей и проклятье.*

Тем, *кто* **не** принадлежит к большинству.

Вы теряете свою осторожность, свои рысьи глаза и медвежьи лапы.

4 [233]

Слова о ценностях водружаются на знамя там, где изобретается *новое блаженство* — новое *чувство.*

4 [234]

Иногда я хочу от тебя: чтобы ты был умен до глубины души и горд до глубины души; тогда твоя гордость всегда будет идти рядом с твоей мудростью. Ты пойдешь дорогой безумия, но я заклинаю и твое безумие, чтобы оно всегда брало гордость в сопровождающие. Но если хочешь ты быть безрассудным — — —

Разве я советую вам любовь к ближнему? Лучше бояться ближнего и любить дальнего.

В человеке открыл я новую землю,
залитую душой...

вы показываете мне кисть и горшочек с краской и говорите: мы опровергли образ.

Общество портится.

мечтательное будущее

Вы бежите от самих себя – и всегда попадаете из дождя презрения в водосточный желоб любви к ближнему.

Также и кошки с волками должны быть мне образцом – они крепче держатся за свою самость.

(*Мухобойка*) от ежедневного мелкого *раздражения.*

4 [235]
Бог, который плохо доказывает себя, – то же самое, что бог, который себя вообще не доказывает.

Это бог, который совсем не доказывает или плохо доказывает себя.

Когда сто человек стоят рядом, каждый теряет свой разум и получает другой.

О, эти жалкие дружбы! Сколько вы делаете для своих друзей, столько я обещаю делать для своих врагов – и не обеднеть при этом.

4 [236]
Как дитя пинает ножкой какой-нибудь осколок, так же глупо толкает нас вперед жизнь.

4 [237]

Да, тяжко нагруженный, спешил я в свою пустыню; но здесь я обрел самую большую свою тяжесть.

молот и наковальня собственной добродетели, пробный камень собственного дела и воли.

Много существует тяжелого, и когда я был молод, я много исследовал самое тяжелое.

Да, я бежал в пустыню — и лишь там, в самой одинокой пустыне, обрел я свою наибольшую тяжесть.

Эта тяжесть — стала для меня самой любимой, я научился почитать ее как бога.

глубоко вздохнул и не произнес больше ни слова.

4 [238]

И если кто-нибудь совершит над вами большую несправедливость, позаботьтесь лишь о том, чтобы совершить над ним малую: это по-человечески.

4 [239]

И ты полагаешь, что справедливость заковыляет вослед тебе?

4 [240]

В теле твоем разума больше, чем в твоем разуме. И даже то, что называешь ты своей мудростью, — кто знает, зачем твоему телу такая мудрость.

4 [241]

Я узнал, что пастухи и воспитатели стад создали эти скрижали: так они обосновали жизнь и срок своих стад.

4 [242]

Да, всю эту тяжесть я нес! Я приседал и взваливал на себя всю эту тяжесть и, склонив голову, подобно верблюду, спешил в пустыню.

Где те истины, что заставляют страдать? — кричал я.

Первым был дракон, который сказал: «Не имеет ценности ценность всех вещей» и «Противоречие — в сердце всех ценностей».

Тут узнал я о происхождении добра и зла – и о том, что у человечества нет цели.

Самое тяжелое было – дать себе право наделять вещи новыми именами и новой ценностью.

Я завидовал всем растениям – и завидовал всем призракам.

Разбить прежние скрижали добра *новыми ценностями*

я поставил рядом с другими собственные скрижали – что за мужество и что за страх это был!

4 [243]

вы – презирающие тело...

4 [244]

Я взглянул в глаза этим великим из великих и заполз им в душу. Ах!!! Изображение *гениев* и *святых*! Хочется спросить, были ли они. Если и были, земля ничего о том не знала.

4 [245]

Больше всего почитают проповедников медленной смерти.

4 [246]

(Гл<ава>). Что далось Заратустре всего **труднее**? *Избавиться от старой морали.*

4 [247]

(Гл<ава>). Вы хотите платы? Для меня мера вашей добродетели то, **что** вы хотите в качестве платы!

4 [248]

Новый цвет дал я земле – покров новой надежды распростер я над землей.

4 [249]

Кровь основывает церкви; какое отношение имеет кровь к истине!

И если вы хотите от меня признания, докажите основаниями, а не кровью.

4 [250]

(Гл<ава>) *Малые.* Отправляйтесь в уединение, вы не можете выдержать и *небольшого дождя.*

4 [251]

как вдруг оно открывает глаза, глаза цветка и ребенка. Что случилось? Рука творящего коснулась его. Солнце творящего угадало скрытого бога.

4 [252]

Вниз, к земле и к хижинам вашим повел я заблудившихся в полете: на высоте учил я быть глубокими.

4 [253]

Скажите, куда подевались они, эти милые мудрецы? Не сомкнулись ли их глаза? То здесь, то там вокруг тебя еще попадаются иные из них: они проповедуют нежным голосом о добре и зле.

Блаженны эти сонливые.

4 [254]

Были ли уже сверхчеловеки? Ценность нашей культуры.

4 [255]

они плетут свои сети на краю земного, и их острые глаза слепнут в этих сумерках.

4 [256]

Выдумывать тысячи способов жить—уже не только для стад!

4 [257]

Пища и кухня выдают их—это пóшло! Мы должны научиться облагораживать пошлое.

4 [258]

тосковать, и вопрошать, и лишь проливать слезы и т.п.—*Против религиозных.*

это уже не *честно. Этого недостаточно* для веры!

Следовательно: *отказ* **с этой стороны**!

4 [259]

Вашу главную мысль хочу я услышать, а не только то, что вы избежали безумия.

Разве вы те, кто имеет право бежать от безумия? Или вы отбросили свою последнюю ценность вместе со своей услужливостью...

Свободны – от чего? Что толку от этого Заратустре, если глаза ваши косят при вопросе: свободны *для чего*?

Вашу главную мысль хочу я услышать, пусть она оправдает вас передо мной! А не то я начну стегать вас по ушам своими мыслями словно бичами.

4 [260]

Солнце, вокруг которого обвивается змея познания.

4 [261]

«земное» – вы должны научиться по-другому *чувствовать* его.

Устранить ложные меры ценностей, взятые из неизвестного мира.

Человек стоит высоко – быть может, *вдруг* удастся *высшее* существо!

4 [262]

(Гл<ава>) Мнимая любовь бога и «всё для нашего блага»...

4 [263]

Добро желает сохраниться с помощью старого.

4 [264]

Вы охотно бы *убежали*, но не можете найти путь к другим звездам и думаете, что существуют подземные пути – совсем другие, потаенные. *Редкие* состояния переживаются как сверхземные. Блаженство и судорога одновременно.

Вы недостаточно богаты любовью – любовью к мирозданию.

Наши чувства—это *все* прошлое человечества до тебя и меня: созданные ценности.

Наши высшие чувства—мы должны искоренить их, если не дадим им новую цель!

Без этой мрачной тучи на небе у тебя не было бы и мрачного познания!

4 [265]

Мое направление *искусства*: не продолжать сочинять там, где границы! Но—там, где *будущее* человека! Должно быть много *образов*, по которым можно жить!

4 [266]

Против грезящих об ином мире.

Жизнь твоя проба и памятник этой пробе.

Художники способствовали тому, что жизнь не улучшалась. Художник сам по большей части жертва своих произведений.

Кающийся духом
созидающий

4 [267]

Это *жертва—отказаться* от иного мира. Мужественность!

Земного нам недостаточно—следовательно, небесное: ложное заключение.

Природа *запрещает* вам это вторжение!

Вначале сморщенный клубень и дурной корень, начиненный многими ядами,—вот *всякое* чувство.

4 [268]

созидающий тот, кто создает новые ценности. Но не художник!

4 [269]

собрание одиноких (праздник).

4 [270]

Лук есть у меня, о, боги! И какой лук – годный даже против богов!

4 [271]

Великое испытание: готов ли ты **оправдать** *жизнь? Или умирание для себя?*

Выдержать это еще на самой низшей ступени.

Иным болезнь указала этот *второй* путь.

Отречение.

Великая *середина.* Решение о воле к жизни и смерти.

4 [272]

Государство, и церковь, и всё, что основано на лжи, служит проповедникам смерти.

4 [273]

Вы полагаете, во тьме должно быть решение вашей загадки! Но взгляните на судьбу червя. В вашей цели и вашей надежде лежит решение: *это ваша воля*!

Ни один бог *никогда* не вмешивался! Но вы слишком *подчинялись* привычному, в том числе и природе.

Но знающий видит, как всякая любовь и солнце клонится к безобразным сорнякам.

4 [274]

В самый мелкий песок прятали голову иные страусы.

4 [275]

Когда переходишь ты от одной, низкой добродетели к другой, высокой – – –

Достоинство хочу я сначала дать вам: вы должны быть кающимися духом!

Руины нельзя разрушать: трава, и розы, и былинки, и все прочее живое, что обычно их украшает, – все это разрушает саму смерть.

Это Я доказано лучше всего, это Я, противоречащее само себе.

Поистине мир хорошо скрыт от человека. Нутро бытия никогда не заговорит с человеком!

Для чего я говорю вам это? Так *лжец* стал указующим путь к сверхчеловеку.

Расставание.

4 [276]

Решение. Должны быть бессчетные *жертвы.* Проба.

4 [277]

И самая сладкая женщина все же горчит на вкус.

4 [278]

Если польза многих есть наша польза, мы не хотим называть ее добродетелью, если мы приносим пользу многим. *О любви к ближнему.*

4 [279]

Откажитесь же от этого фальшивого звездочетства. Нутро бытия никогда не заговорит с вами.

4 [280]

Три превращения.
Сон и добродетель.
Тысяча и одна цель.
Презирающие тело.
Иной мир.
Собственная добродетель.
О бледном преступнике.
Дерево на горе.
Чтение и письмо.
Проповедники смерти.

Новый кумир.
Одиночество 2. 1.
Друг.
Солдаты.
Любовь к ближнему.
Целомудрие.
Путь созидающего.
Бабы.
Укус змеи.
Брак.
Смерть.
О святом *себялюбии.*

5. Ноябрь 1882 – февраль 1883

5 [1]

1. Воля к жизни? На ее месте я всегда находил лишь волю к власти.

2. Постоянный ревностный пыл к какому-нибудь делу, пусть даже самому высокому, своему, выдает, подобно всем вещам, основывающимся на безусловной вере, недостаток духовного благородства, первым признаком которого всегда бывает — холодный взгляд.

3. Мне представляются вредными все люди, не способные быть противниками того, что любят: тем самым они портят лучшие вещи и лучших людей.

4. Есть люди, которые каждого встречного хотят склонить к Да или Нет относительно своей личности — к таким принадлежал Руссо; их страдание от мании величия проистекает из чрезвычайного неверия в самих себя.

5. Нужно преодолеть и молодость в самом себе, если хочешь снова стать ребенком.

6. Своими намерениями рационализируют свои неясные порывы, как это делает, к примеру, убийца, оправдывающий свою склонность к убийству решением ограбить или отомстить.

7. Удовольствие, которое любая мораль допускала и все еще допускает, — т. е. то, что она сохранила до сих пор, — заключается в том, что она дает каждому право без долгих проб хвалить или порицать что-либо. А кто бы вынес жизнь без *похвал и порицаний*!

8. В этом crux[1] моральных пессимистов: если бы они всерьез были озабочены спасением ближнего, они должны были бы решиться отбить у него охоту к существованию, т.е. приносить ему несчастье; из сострадания они должны были бы — стать злыми!

Если бы было правдой, что жизнь не заслуживает того, чтобы ее утверждали, тогда моральный человек именно своим самоотрицанием и готовностью помочь *злоупотреблял* бы ближним — к своей собственной выгоде.

9. Я хочу знать, *созидающий* ли ты или *преобразовывающий*: как созидающий ты принадлежишь к свободным, как преобразовывающий ты их раб и орудие.

10. Как можно больше и как можно быстрее — этого добивается великая болезнь духа и чувств, называемая то «современностью», то «образованием»; на самом деле это признак туберкулёза.

11. Женщина и гений не работают. Женщина до сих пор была наивысшей роскошью человечества. В те мгновения, когда мы *совершаем* наше лучшее, мы не работаем. Работа — лишь средство для достижения этих мгновений.

12. Всего несправедливее мы не к тому, что нам противно, но к тому, что нас не касается.

13. Стоит нам хоть на один шаг выйти за рамки обычной человеческой доброты, как наши поступки вызывают недоверие. Ведь добродетель лежит «посередине».

14. Вы говорите «это мне нравится» и полагаете, что хвалите меня. О, глупцы! *Как* вы мне этим нравитесь!

15. Из всего написанного люблю я только то, что пишут своей кровью. В этом моя любовь к книге.

---

1 Затруднение (*лат.*)

Не стоит стыдиться своих аффектов: для этого они слишком неразумны.

16. Для того, кто отягощен своим рассудком, аффект, как неразумие, есть отдых.

17. Это столетие любит приписывать самым духовно одаренным людям вкус к незрелым, духовно бедным и смиренным бабенкам из народа – вкус Фауста к Гретхен; это свидетельствует против вкуса столетия и его самых духовно одаренных мужчин.

18. Как скверно! Время для брака наступает значительно раньше, чем время для любви, если понимать последнюю как свидетельство зрелости – у мужчины и у женщины.

19. Если женщина и нападает на мужчину, то лишь для защиты от другой женщины. Если мужчина вступает в дружбу с женщиной, она полагает, будто он делает это *потому*, что не может ее добиться.

20. Невозможно страдать, не заставляя кого-либо платить за это; любая жалоба уже содержит месть.

21. Мои братья и сестры, не притворяйтесь столь нежными! Мы все изрядные вьючные ослы и ослицы, а совсем не дрожащие розовые почки, для которых слишком тяжела даже капля росы!

22. Жизнь тяжело нести; но тогда для чего же нужно упрямство утром и покорность после полудня?

23. Я удивлен: мой аппетит часто приходит только после еды.

24. В теориях отнюдь не в последнюю очередь привлекает то, что они опровержимы.

25. Конституционным монархам придали добродетель: они больше не могут «творить беззаконие», но за это у них отняли власть.

26. Если уж повезло остаться «темным», нужно позволять себе то, что дает темнота, а именно—хорошо скрывать.

27. Чтобы винить собственную глупость, а не характер в неприятных последствиях своей глупости, нужно больше характера, чем у большинства людей.

28. У человека науки одна судьба с теми, кто сучит веревку: он тянет свою нить в длину, но сам при этом—пятится.

29. Самое скверное—попасть не в его руки, а в его мысли.

30. Переживать многое, при этом переживать много прошлого, переживать многое из собственных и чужих переживаний как единство—это свойственно высшим людям; я называю их «суммами».

31. Смерть слишком близко, чтобы нужно было бояться жизни.

32. Прежде тормоза нужно колесо. Добрые—это тормоз: они сдерживают, они сохраняют.

<33.> Порядочность противоречит моему вкусу.

<34.> Начать светить через 300 лет—вот моя жажда славы.

<35.> Люблю ли я музыку? Не знаю, нередко я ее ненавижу. Но музыка меня любит, и как только меня кто-нибудь покидает, она тут как тут и ждет от меня любви.

<36.> Они не любят меня; достаточная ли это причина не благославлять их?

37. «Смотри! Только что мир стал совершенен»—так думает всякая женщина, подчиняясь из любви.

38. Зло нужно беречь, как нужно беречь лес. Это правда, что благодаря прореживанию и выкорчевыванию леса земля стала теплее——

39. Нельзя жалеть комаров и блох. Было бы справедливо вешать мелких жуликов, лгунов и клеветников.

40. Не следует одним словом объединять людей презренных с людьми ужасными.

41. Зло и сильный аффект потрясают нас и опрокидывают все гнилое и мелкое в нас; сначала вы должны попытаться стать больше.

42. Наша деликатность заставляет нас притворяться и подавляет нас; давайте скажем *свободно*: «Это **мне нравится** —и какое мне дело до причин!»

43. По отношению к большинству истин, женщины испытывают чувство, как будто им хотят заглянуть *под кожу*.

44. Помимо нашей способности суждения мы обладаем еще и нашим *мнением* о нашей способности суждения.

45. У тебя нет мужества сжечь себя и стать пеплом; поэтому ты никогда не станешь новым и снова *юным*!

46. Брак придуман для средних людей, не способных ни на большую дружбу, ни на большую любовь, т.е. для большинства, но также и для тех совсем редких людей, способных как на дружбу, так и на любовь.

47. О, любители познания! Что же такого вы сделали до сих пор из любви к познанию? Разве вы уже воровали и убивали, чтобы узнать, каково на душе у вора и убийцы?

48. О ценности познания также сказано много лжи: познающие всегда говорили о ней для своей защиты — они всегда были исключениями и почти преступниками.

49. Близко подойти к другу, но не перейти к нему! Нужно уважать и врага в своем друге.

50. Чем абстрактнее истина, которой ты хочешь научить, тем больше ты должен соблазнить ею и чувства.

51. Тонкость сострадания состоит в том, что оно угадывает, желает ли сострадания страдающий.

52. «Послушание» и «Закон» – вот что звучит из всех нравственных чувств. Однако «Произвол» и «Свобода» могут в конце концов оказаться последним звуком морали.

53. Ребенок как памятник страсти двух людей: воля двоих к единству.

54. Нужно дать *своей* жажде стать полной, – иначе никогда не откроешь *свой* источник, который не может принадлежать никому другому!

55. Ты должен вырастить и своего дьявола – чтобы избавиться от мелкой дьявольщины.

56. Великие эпохи нашей жизни наступают тогда, когда мы обретаем мужество переименовать наше зло в добро.

57. Правдоподобие – также только одно из средств к познанию, одна из лестниц, но не единственная.

58. Воля к преодолению аффекта есть в концов концов воля к другому аффекту.

59. У кого есть воля к страданию, тот иначе относится к жестокости: он не считает ее вредной и скверной.

60. Тех, кого использовали в неудавшемся деле, следует награждать вдвойне.

61. Героизм – это настрой человека, стремящегося к цели, в сравнении с которой он становится незаметен. Героизм – это добрая воля к самоуничтожению.

62. Непомерные ожидания, которые женщины связывают с плотской любовью, портят ей все дальнейшие перспективы.

63. Кто не находит больше величия в боге, вообще не находит его — он должен либо его отрицать, либо создавать.

64. Безусловная любовь включает в себя и стремление быть истязаемым; в таком случае она упрямство против себя, а из самоотверженности возникает желание уничтожить себя: «утони в этом море!»

65. Сладострастие и самоистязание — две соседствующие страсти. И среди познающих есть самоистязатели: они не хотят быть созидающими.

66. Есть натуры, которые не находят иного средства выносить себя, как стремиться к собственной гибели.

67. Чем сильнее ты приближаешься к полной холодности относительно всех прежних ценностей, тем ближе ты и к новому воспламенению.

68. Все доброе есть превращение злого: отец всякого бога — дьявол.

69. «Что делать мне, чтобы стать блаженным?» Этого я не знаю, но говорю тебе: будь блаженным — и делай, что хочешь.

70. Едва начинаешь любить что-нибудь от всего сердца, как тиран внутри нас кричит: «Отдай мне в жертву именно это» — и мы отдаем это.

71. Я призываю не к труду, но к борьбе, я призываю не к миру, а к победе. Пусть будет труд ваш борьбой, а ваш мир победой.

72. Я разбудил вас ото сна, ибо видел, что кошмар угнетает вас. А теперь вы недовольны и говорите: «Что же нам

делать? Кругом ночь!» Неблагодарные! Снова спать и видеть лучшие сны!

73. Всякая церковь – это камень на могиле сверхчеловека: она непременно хочет, чтобы он больше не воскресал.

Все в женщине загадка, все в женщине имеет одну разгадку: беременность.

74. Добро и зло – это предрассудок бога, – сказала змея. Но и сама змея была предрассудком бога.

75. Чем тут помочь! Ты ведь ничего не умеешь, кроме как лаять и кусаться, – так будь по крайней мере моею собакой, – сказал Заратустра.

76. Мне ведомо все доброе и злое, мне ведомо даже то, что по ту сторону добра и зла, – сказал Заратустра.

77. Сегодня я люблю себя как своего бога: кто мог бы сегодня уличить меня в грехе? Мне ведомы лишь грехи перед моим богом; но кто знает моего бога?

78. Хочешь, чтобы жизнь давалась тебе легко? Оставайся в стаде и забудь о себе над стадом. –

79. На войне месть молча переходит от человека к человеку.

80. Вы должны любить мир как средство к новой войне!

81. Не смотрите на солнце! Даже луна слишком ярка для ваших ночных глаз!

82. Вы говорите: «темно». В самом деле: я заслонил вам солнце облаком. Но разве вы не видите, как пылают и светлеют края облака?

83. Можно быть беременным только своим ребенком.

84. Они стоят тут, маленькие, как трава, и сорняк, и кустарник — невинные в своей жалкости. И теперь я пробираюсь между ними, стараясь раздавить как можно меньше, — но отвращение снедает мое сердце.

85. Что же сохраняло меня? Только беременность. И всякий раз, когда рождалось произведение, жизнь моя висела на тоненьком волоске.

86. Отвращение к грязи может стать столь велико, что воспрепятствует нам очиститься от нее.

87. Как творящий, ты живешь превыше себя — перестаешь быть своим современником.

88. Ах, вам хочется, чтобы было как нельзя лучше! В этом ваша глупость.

89. Молчать можно лишь когда имеешь лук и стрелы; иначе — спор и болтовня.

90. Я предполагаю, что вы сострадательны: быть лишенным сострадания значит быть больным духом и телом. Но нужно иметь много духа, чтобы *иметь право* на сострадание! Ибо ваше сострадание лишь вредит вам и всем остальным.

91. Я люблю сострадание, скрывающееся под твердой скорлупой: я люблю сострадание, ради которого можно сломать себе зуб.

92. В ходу фальшивые речи: «Как же может спасти других тот, кто не может спасти себя сам?» Если у меня ключ от твоих оков, почему мой замок должен быть таким же, как твой?

93. Лишь на войне вы святые, даже если вы разбойники и жестоки.

94. («Формой» называют они то, что носят; однообразие — вот что подразумевают они.)

95. Едва начинаешь любить что-нибудь от всего сердца, как тиран внутри нас кричит: «Отдай мне в жертву именно это». Эта жестокость в моем нутре. Смотрите: я зол.

96. Вы говорите: хорошее дело освящает даже войну. Я говорю: это война освящает любое дело!

97. Разум и во мне исключение, сказал Заратустра: хаос, и необходимость, и кружение звезд – вот правило даже в самом мудром из миров.

98. Из своей смерти следует сделать праздник – пусть даже и назло жизни, этой женщине, которая хочет нас покинуть. Нас!

99. У обоих из нас что-то свое; прекрасные условия для спора: у тебя страсть, у меня основания!

100. Я недостаточно велик, чтобы *не* испытывать этих ощущений, но я достаточно велик, чтобы их не стыдиться.

101. «Нет еще человека, которому можно было бы меня хвалить. А кого не мог бы хвалить Заратустра?»

102. Из собственного яда я делаю бальзам для моих недугов – и дою молоко из вымени моей печали.

103. Я разоблачился и не стыжусь стоять нагим. Стыдом называется нечисть, приставшая к людям, когда им захотелось возвыситься над зверьми. («Речь к зверям»)

104. Люди могут верить в Заратустру – какое дело Заратустре до этого?

105. Я пришел вам на помощь, а вы жалуетесь, что я не хочу плакать вместе с вами.

106. Всякий богочеловек создавал своего бога – и нет на земле большей вражды, чем между богами.

107. Признай свою волю и скажи нам всем: «Я *хочу* быть только таким»; поставь над собой свой собственный закон наказания — мы хотим быть его исполнителями!

108. Если вы слишком слабы, чтобы дать самим себе законы, пускай тиран наложит на вас ярмо и скажет: «подчиняйтесь, скрежещите зубами и подчиняйтесь» — и всякое добро и зло потонет в послушании ему.

109. Возвращай и воздавай, отплачивай щедро — как злом, так и добром, будь привередлив, принимая; пусть тебя отличает то, что ты принимаешь.

110. Опасайся кошек — они никогда не дают и даже не отплачивают, они лишь возражают и при этом мурлыкают.

111. Скажите мне, о птицы, летающие широко и видящие многое из сокрытого: у кого из людей самая большая душа? Маленьким странам подобны самые большие души

112. Ты пока обладаешь полной невинностью восхищения — ты не веришь, что когда-нибудь будут восхищаться тобой.

113. Я говорю, а ребенок играет — можно ли быть серьезнее, чем мы двое?

114. Ты преодолел себя, но почему ты предстаешь передо мной лишь как преодолевший? Я хочу видеть побеждающего; брось розы в пропасть и скажи: «Вот моя благодарность чудовищу, не сумевшему поглотить меня!»

115. Ты сидишь на берегу, мерзнешь и голодаешь; недостаточно спасти свою жизнь!

116. «Кто поверил бы, — сказал Заратустра, — что я из рода вспыльчивых, из рода сластолюбцев, фанатиков веры и мстительных? Но война освятила меня».

117. Счастье мужчины зовется «я хочу», счастье женщины — «я должна».

118. Глубоко, в глубине души и лучший мужчина зол; глубоко, в глубине души и лучшая женщина дурна.

119. Я должен быть ангелом, если хочу жить, но вы живете при других условиях.

120. Кто говорит своему богу: я хочу служить тебе и всей моей злобой – тот благочестивейший человек.

121. Ты говоришь, я должен быть твоим учителем! Смотри, чтобы я стал для тебя крылом, а не тормозом.

122. Зачем мне шутить столь ужасным образом?

Какое мне дело до мурлыканья того, кто, как кошка, не способен любить?

123. Некоторые дела делаются, чтобы забыть другие дела: ведь есть и опиумные поступки. Я здесь затем, чтобы был забыт другой.

124. Я делаю, что люблю, и поэтому избегаю называть это высокими словами; я не желаю отваживаться думать, будто я повинуюсь возвышенному принуждению, закону: я слишком люблю мое любимое, чтобы показывать, будто я им принуждаем.

125. Не грехи ваши – ваша трезвость вопиет к небу.

126. Вы стали слишком бедны жизнью; теперь вы хотите, чтобы бережливость стала самой добродетелью.

127. Золотое время, когда и храбрость принимали за источник зла!

128. Вы должны сохранить в себе хаос: все грядущие поколения должны иметь материал, чтобы сформировать из него себя.

129. Не обольщайтесь! Самые деятельные народы несут в себе и наибольшую усталость, их беспокойство есть слабость—у них нет больше содержания для ожидания и лени.

130. Кинь мне сегодня самый злой жребий твоих игральных костей, судьба. Сегодня я все превращаю в золото.

131. Никто больше не приходит ко мне. И я сам—шел ко всем, но *ни к кому не пришел.*

132. Думать о жизни нужно в качестве отдыха, а в остальном—думать только о задачах.

133. Мы должны быть и жестокими, и сострадательными—остережемся стать беднее, чем природа!

134. «Я не мог ничего *упустить*, когда *создавал* сверхчеловека. В его семени все ваше зло и вся ваша фальшь, ваша ложь и ваше незнание».

135. Пусть человек будет поводом для чего-то, что не является больше человеком! Вы хотите сохранить вид? Я говорю: преодолеть вид!

136. Разве я хочу создавать овечек и мечтательных девиц? Нет, львов я хочу, чудовищ силы и любви.

137. Должно дойти до того, чтобы высшими праздниками человека стали зачатие и смерть!

138. Мы должны не только землю, но и зверей и растения приготовить для сверхчеловека.

139. Самые лучшие вещи ничего не значат без актера, который их «исполняет».

140. «Нужно заразить вас безумием»—сказал Заратустра.

141. Все эти дикие псы еще у меня, но в моем подземелье. Я не хочу даже слышать их лай.

142. Думать о жизни нужно в качестве отдыха, а в остальном — думать только о задачах.

143. Почитайте актеров и не ищите на сцене лучших из них!

144. Если бы я не любил людей, как выдержал бы я Заратустру?

145. Вы ведете войну? Боитесь соседа? Так уберите же пограничные столбы — и у вас больше не будет соседей. Но вы хотите войны и поэтому ставите пограничные столбы.

146. «Я хочу жить, сияя добродетелями еще не существующего мира».

147. У всякой вещи два лица: одно — умирание, другое — становление.

148. Этот старый добрый строгий смысл в познании, из которого вы совсем не хотите делать какую-либо добродетель, есть цветение многих добродетелей; но «ты должен», из которого он возник, больше не виден, его корни под землей.

149. Любовь — это плод послушания, но зачастую оба пола что-то среднее между плодом и корнями, а свобода — это плод любви.

150. Чем свободнее и крепче индивидуум, тем *более требовательной* становится его любовь; в конце концов он начинает тосковать по сверхчеловеку, ибо ничто другое не утоляет его любовь.

151. Не давайте себя узнать! А если иначе нельзя, гневайтесь, но не стыдите!

152. Разве я пришел советовать вам, как защищаться от грабителей и головорезов? Я обращаюсь к тем, кто устал от своей добродетели и дает себя однажды обворовать и убить.

153. И тебе нечего больше сказать людям? — спросили ученики. «Нет, сказал Заратустра, кубок пуст». И сказав это, он в одиночестве отправился своею дорогой. Те же, кто видел, как он уходит, плакали.

154. Остерегитесь оскорбить отшельника: он никогда не прощает. Отшельник подобен глубокому колодцу: легко бросить в него камень, но как достать его обратно, если он уже упал на дно?

155. Будьте человечны по отношению к созидающим! Такое уж у них свойство, что они бедны любовью к ближнему.

156. Прежде чем простить, нужно сначала пережить то, что нам причинили, а у глубоких людей все переживания длятся долго.

157. В каждом поступке высшего человека стократно нарушен ваш нравственный закон.

158. Я пока еще стою на самой узкой ступеньке жизни, но кем был бы я, если бы стал показывать вам это искусство? Вы хотите видеть канатоходца?

159. Ах, как мягко вы лежите! У вас есть закон — и злобный взгляд для того, кто хотя бы *думает* против закона. Мы же свободны; что вы знаете о муке ответственности перед самим собой!

160. Я учу вас освобождению от вечного потока: поток вновь и вновь возвращается в самого себя, а вы вновь и вновь входите в тот же поток, оставаясь теми же.

161. Этому я научил себя: люди дали себе всю мораль, хотя теперь они верят, что они ее взяли. Ну что ж! Мы тоже еще можем *дать* себе добро и зло!

162. Что тяжелее всего для человека? Любить тех, кто нас ненавидит; расстаться с нашим делом, когда оно празднует свою победу; ради истины противоречить почтительности;

больным быть и отогнать утешителей; вступать в холодную и грязную воду; заключить дружбу с глухими; протянуть руку призраку, когда он пугает нас, – всё это, сказал Заратустра, делал я и несу на себе – и всё это я сегодня отдаю ради малого, – улыбки ребенка.

163. Я хотел познавать, а должен был быть жестоким. Избегал ли я мести? Разве я не видел немого взгляда всех оскорбленных?

164. Нужно быть и совершенным зверем – сказал Заратустра.

165. Люди гордятся своей молитвой, когда не могут быть кумирами.

166. Я люблю свободных духом, если они также свободные сердцем. Для меня голова подобна желудку сердца – но человек должен иметь хороший желудок. Что сердце принимает, то голова должна переварить.

167. Иметь талант недостаточно, нужно еще иметь разрешение на него!

168. Сострадание – это адское чувство: *сострадание* само есть *крест*, на котором был распят тот, кто любил людей.

169. Держите душу свою в *свежести*, *прохладе* и *суровости*! Держитесь подальше от теплого воздуха людей чувствительных и от вялого, спертого воздуха людей сентиментальных!

170. «Я погружен в глубокое уныние, моя жизнь висит на маленьких случайностях». Отшельник.

171. Когда очень страдают, становятся достаточно скромными для тщеславия, – сказал отшельник и нехотя разжал зубы, которые держал стиснутыми.

172. «Я не подаю милостыни — для этого я недостаточно беден», — сказал Заратустра.

173. Я опора и перила над потоком — ухватись за меня, кто может! Но я не костыль.

174. «Человек должен быть чем-то средним между растением и призраком».

175. Кровь — плохой свидетель истины: кровь отравляет учение, превращая его в ненависть.

176. У людей сострадательных твердость — это добродетель.

177. Желание убивать, ненавидеть, не доверять — это ныне сопутствующие феномены физического заболевания: настолько глубоко въелись в нас моральные предрассудки. В дикие времена симптомами болезни, вероятно, кажутся трусость и сострадание. Быть может, и *добродетели* — тоже симптомы — — —

178. Вот человек: новая сила, перводвижение, вечно вращающееся колесо; будь он достаточно силен, он бы заставил звезды вращаться вокруг себя.

179. Распрямив крепкие плечи, стоит пространство против Ничто. Где пространство, там бытие.

180. Вы рассказали мне, что есть звук и ухо, но какое дело до того художнику звуков? Разве вы тем самым объяснили или тем более опровергли музыку?

181. Нет инстинктов нравственных, но все инстинкты *окрашены* нашим ценностным к ним отношением.

182. Что есть жизнь? Постоянная похвала и порицание.

183. Когда ко вредному присоединяется ужас, возникает злое, когда отвращение — дурное.

184. Заратустра: «Пока нависала надо мной ваша мораль, я словно задыхался. И тогда я задушил эту змею. Я хотел жить, поэтому она должна была умереть».

185. Что такое человек? Куча страстей, врывающихся в мир через чувства и дух: клубок диких змей, которые редко устают от борьбы; тогда всматриваются они в мир, чтобы там найти свою добычу.

186. Нельзя жить, ничего не ценя – но можно жить, не ценя того, что *цените* вы.

187. Теперь свинец их вины лежит на них, они так скованы, так неподвижны; если бы они могли тряхнуть головой, голова бы скатилась. Но кто двигает этими головами?

188. Я хочу заставить вас думать по-человечески: это необходимость для тех людей, кто ещё может думать. Для вас необходимость богов не была бы *насущной.*

189. Чудовищна сила похвалы и порицания – но где та цель, которая могла бы поглотить эту силу?

190. И чем побрезговали ваши псы – то вы бросаете вашему богу. Быть может, он и умер от вашего корма?

191. Вашим душам не хватает фимиама стыда – но у хорошего яблока бывает пушок.

192. Когда надвигается непогода, ты должен уложить спать свои решения.

193. Богов нужно спрашивать только о том, о чем лишь боги могут дать ответ.

194. Прежде чем нас настигнет судьба, нужно водить ее за руку как ребенка и давать ей розог; но если она нас настигла, нужно стараться любить ее.

195. Старшим среди нас казалось безбожием и ненасытной жадностью рыться в недрах земли в поисках сокровищ.

196. Опасайся будить мертвых, чтобы не поразила тебя молния.

197. Самое большое кощунство, после того как умерли боги, — это кощунство по отношению к человеку: недооценка человеческого ради недр непостижимых вещей.

198. Стань необходим! Стань светел! Стань прекрасен! Стань здоров!

Этот любит птицу в полете, а тот видит лишь зарю и море.

199. Опасайтесь повредить гробы живущих

200. шевелиться только ради высоких предметов, в остальном же быть медлительным — — —

201. Люблю ли я прошлое? Я уничтожил его, чтобы жить. Люблю ли я людей настоящего? Я отворачиваюсь от них, чтобы жить.

202. Неспособность верить надолго! Знание теряет свою ценность в момент овладения им. Итак — созидать!

203. Создать более высокое существо, чем мы сами, — вот *наша* сущность. *Создавать* **выше** *нас*! В этом инстинкт зачатия, инстинкт деяния и произведения. — Как всякое желание предполагает цель, *так и человек предполагает существо*, которого еще нет, но которое дает цель его существованию. В этом свобода всякого желания! В *цели* заложены любовь, почитание, ви́дение совершенства, тоска.

Похвала *лесу*. Свято то древо, где я помыслил тебя

Привычка к благодарности.

вы не должны убивать, пока зверь не кивнет.

Приговорены быть палачами – вы, ученые!

204. Я испытывал страх среди людей – меня тянуло к людям, и ничто не насыщало меня. Тогда я отправился в свое одиночество и создал сверхчеловека. И когда я его создал, я окутал его большим покрывалом становления и засветил над ним полдень.

205. Бессмертно мгновение, в которое я зачал возвращение. Ради этого мгновения я *выношу* возвращение.

206. Что придавало вещам смысл, ценность, значение? Созидающее сердце, которое вожделело и созидало из вожделения. Оно создавало радость и печаль. Оно хотело *насытиться* и печалью. Мы должны взять на себя *все* страдание, которым страдали люди и звери, и утверждать его, и иметь *цель, в которой это страдание обретет разум.*

207. Нет иного спасения для того, кто страдает от бытия, кроме как не страдать от собственного бытия. Как он достигает этого? Посредством *скорой смерти* или *долгой любви.*

208. *Всякий* поступок продолжает создавать *нас*, он ткет наше пестрое одеяние. Всякий поступок свободен, но одеяние необходимо. Наше *переживание* – вот наше одеяние.

209. Вожделение – вот счастье, насыщение как счастье есть лишь последний миг вожделения. Всецело быть желанием и всегда иметь новое желание – вот счастье.

210. Я говорю с тобой, моя мудрость, с глазу на глаз: *я хочу, вожделею, люблю* – и поэтому *хвалю* жизнь. Если бы я ничего не созидал, а только *познавал*, я бы ее ненавидел.

211. *Не*-деяние, апатия, *не-созидание, не-разрушение* – вот зло для *меня. А также* тот, кто познает, но не вожделеет.

212. Пустое, единое, неподвижное, полное, сытость, не-желание — вот зло для меня: короче говоря — сон без сновидений.

213. Познавать значит испытывать вожделение и жажду: познавать значит порождать. Любовь к телесному и к миру есть следствие познания как воли. Как созидание всякое познание есть не-познавание. *Видение-насквозь* было бы смертью, отвращением, злом. Нет иной формы познания, кроме как перво-созидание. Быть субъектом —

214. *Самой большой опасностью* является *вера* в знание и в возможность окончательного познания, то есть в конец творчества. Это величайшая усталость. «Это ничто».

215. Всякое познание, как творчество, не имеет конца. Всякому человеку должно соответствовать объяснение мира, принадлежащее ему одному — как перводвижению. Мы никогда не хотим признаться, что верим в себя, и косимся в сторону стада.

216. Несправедливость совершается прежде всего там, где мы делаем *добро* кому-нибудь: справедливость и несправедливость не имеют ничего общего с *добром* или *болью*, но с *пользой* или вредом.

217. Вас назовут уничтожителями морали — но вы лишь изобретатели самих себя.

218. Вот мои враги: они хотят опрокидывать и не хотят созидать себя. Они говорят: «Все это не имеет ценности» — и не хотят сами создавать ценность.

219. «Пробудившийся» — это я, а вы — едва вы рождаетесь, как уже начинаете умирать.

220. Что могут все? Хвалить и порицать. В этом добродетель человека, в этом безумие человека.

221. *Несправедливость совершают всегда*—говорит Справедливость—и не только когда причиняют друг другу боль, но и когда делают друг другу добро, любят и приносят пользу. Люди не воздают, они вредят похвалой и любовью—потому что те не являются воздаянием.

222. Что вы знаете о том, как безумец любит разум, как больной в лихорадке любит лед!

223. В науке, в познании инстинкты стали *святыми*: «жажда наслаждений, жажда становления, жажда власти». Человек познающий много *превосходит самого себя* в святости.

224. Я был в школе: я жил для познания. Там очистилась моя душа. Все вожделения стали святы. То была *предварительная школа*—одиночество познающего. *Как к вещам должны относиться вы к людям:* ваша любовь должна быть выше отдельных вещей и отдельных людей.

225. *Воля к страданию*: временами вам, созидающим, необходимо жить в мире. Вы должны доходить *до края* гибели—а потом *благословлять* ваш лабиринт и ваши плутания. Иначе вы не сможете *творить*, а лишь *умирать*. У вас должны быть свои восходы и закаты. У вас должно быть свое зло, и время от времени вы должны взваливать его на себя. Вы, вечно возвращающиеся, вы должны из самих себя создать вечное возвращение.

226. Созидать—это избавление от страдания. Но страдание необходимо для созидающего. Страдание—это само-превращение, во всяком рождении есть умирание. Созидающему нужно быть не только ребенком, но и роженицей.

227. Нужно хотеть исчезнуть, чтобы снова возникнуть—перейти из одного дня в другой. *Превращение* через тысячи душ—вот что должно быть твоей жизнью, твоей судьбой. И в конце концов—снова пожелать пройти все это!

228. Взгляните на него, чист ли его взор и нет ли презрения на его устах. Взгляните, идет ли он, точно танцует.

229. Зачастую вам нужно все оставить, вашу жену, вашу страну, вашу пользу: вам нужно приказать остановиться солнцу в своей жизни.

230. Ваша жизнь среди наслаждений – это самоистязание: и то, и другое – болезнь и непотребство.

231. Служить нужно тому, кто благодаря нашей службе добивается большего в самопреодолении и в изобретении новых задач: служа, и самому себе принесешь наибольшую пользу.

232. Не гневайтесь на тех, кто думает так, как подобает думать гибнущим людям: они хватаются за соломинку жизни и мало знают о жизни, кроме того, что они ухватились за нее и что в этом мало смысла; гибнущие имеют мало ценности – вот зерно их «мудрости».

233. Вы еще не решились на жизнь, но боитесь и дрожите, словно дети у воды, в которую им нужно погрузиться. Между тем ваше время проходит, а вы мечтаете об учителях, которые скажут вам: «дрожите и бойтесь моря, именуемого жизнью» – и вы назовете этих учителей хорошими и рано умрете.

234. *Ценность жизни* заключена в оценках, оценки же суть *созданное*, а не взятое, выученное, узнанное. Созданное должно быть уничтожено, чтобы освободить место новосозданному: к *жизненности* оценок относится их способность быть уничтоженными. Созидающий всегда должен быть разрушителем. Однако оценивание само по себе не может себя уничтожить – *но это и есть жизнь.*

234. «Жизнь – страдание?» – Вы правы, *ваша* жизнь – страдание! Так *постарайтесь* прекратить это, прекратить жизнь, которая есть лишь страдание. Ваша мораль гласит: «ты должен убить себя самого», «ты должен выкрасть себя самого».

235. И даже те, кто отвернулся от жизни и *обрел* благодаря этому радость и мир, – обрели это как *созидающие, создав*

себе образ такой жизни! Как созидающие вы прекращаете свои страдания! А ведь вы *так* любили жизнь!

236. Вы мните себя свободными от законов познающих, но вы не способны и шагу ступить без наших оценок, беспомощные! Еще меньше вы способны на созидание! *Счастье для бедных*—эта иллюзия свободы! Утешение для заключенных! Благодеяние для слепорожденных!

237. Зверь ничего не знает о себе, он ничего не знает и о мире.

238. Я слишком полон, так что забываю себя самого, и все вещи содержатся во мне, и нет ничего, кроме полноты вещей. Куда *пропал я*?

239. Крепко связанные ощущения, возвращающиеся снова и снова («держаться вместе относительный промежуток времени»), воспринимаются нами как грубые вещи и действительность—прежде всего наше тело. Однако «все свойства этих вещей состоят из наших ощущений и представлений».

240. Мы должны быть зеркалом бытия; мы—Бог в малом.

241. Будущее такое же условие настоящего, как и прошлое. «Что должно и обязано стать, есть основание того, что есть».

242. Неужели я создал все это? Неужели движение моего Я устроило это, подобно тому как оно устроило движение тела? Неужели я лишь *капля* этой силы?

243. *Я понимаю* лишь одно существо, которое есть одновременно одно и многое, которое изменяется и остается неизменным, познает, чувствует, хочет; это существо—мой *первичный факт*.

244. Когда я захотел получить *удовольствие от истины*, *я изобрел ложь и видимость*—близкое и далекое, прошлое

и будущее, перспективистское. Тут я вложил в себя самого тьму и обман и превратил себя в самообман.

245. Многое в человеке можно любить, но самого человека любить нельзя. Человек—нечто слишком несовершенное; любовь к человеку убила бы меня.

246. Не человека, которого я любил, отверг я, но то, ради чего я его любил.

247. Смотри на мир словно вне времени—и все кривое станет прямым.

248. Если видишь голубое, что толку преодолевать себя и говорить себе: ты не должен видеть голубое!

249. Одни хотят играть в кости, другие—считать и рассчитывать, а третьи—смотреть, как танцуют; они называют это наукой и потеют при этом. Но это дети, которые хотят играть; и правда, все это прекрасное ребячество, и немного смеха не помешало бы игре.

250. Все признаки сверхчеловеческого предстают в человеке болезнью или безумием.

251. Нужно быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не утратить чистоту.

252. Когда я думал о цели, я думал о случае и о глупости.

253. Вы для меня слишком грубы: вы не можете погибнуть от малейших переживаний.

254. Не там, где ваш глаз перестает видеть, а где перестает смотреть ваша честность,—там ваш глаз ничего больше не видит.

255. Что для нас обезьяна,—посмешище или мучительный позор,—тем человек должен быть для сверхчеловека.

256. Как же обращаться к вам, чтобы вы поняли! Только заболев, вы обретаете уши.

257. Едва появляется воля, как чувство ощущает освобождение. Ведь чувство страдает – а как только появляется воля, оно берет паузу и не страдает. Это называют свободой воли.

258. Каким тяжелым стал для меня мир – словно для зверя, что жил в море, а теперь должен выйти на сушу; каково ему теперь тащить свое тело!

258. Разве я не изобрел новый цвет и новый запах?

259. Где вас принуждают к мелким ощущениям, там не стоит вам жить. Ничто не заставляет растрачивать жизнь больше, чем мелкое окружение.

260. Если вы слишком мягки и брезгливы, чтобы убивать мух и комаров, идите в уединение и на свежий воздух, где нет мух и комаров, и сами станьте уединением и свежим воздухом!

Бедное ваше тело – незнание законов природы.

261. Болезнь – это неуклюжая попытка достичь здоровья; мы должны использовать дух, чтобы помочь природе.

262. Братья мои, природа глупа, а поскольку мы природа, все мы глупы. И у глупости есть красивое имя: она называет себя необходимостью. Придем же на помощь необходимости!

263. Не все ли равно, будет ли как можно больше людей жить как можно дольше? Разве их счастье – оправдание всего бытия, а не презренная вещь?

264. А если ты хочешь оправдать бытие, ты должен быть не только адвокатом дьявола, но и адвокатом бога перед дьяволом.

265. Речь к *скале.* Мне нравится, что ты не говоришь. Твое молчание достойно. (Всё в природе воспринимать морально: в этом вся ценность).

Речь к королю.

266. Мир являет себя завершенным — золотая чаша добра. Но творящий дух хочет творить и завершенное, он изобрел время — и теперь мир развернулся и снова сворачивается в большие кольца, как становится добро из зла, как рождается цель из случая.

267. Достаточно таких, для кого нет ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной. Что они знают о счастье!

Невидимыми нитями связывают всего крепче.

268. Если я чту чувство, честь врастает в чувство.

269. Что толку в вашей добродетели, если вы не пережили момент глубочайшего презрения к *человеку в вас* — из любви к сверхчеловеку? И не презирали заодно и вашу добродетель?

270. В истории человечества события суть *великие презрения* — как источники великой потребности в сверхчеловеке. Не обманывайтесь: ведь прежде люди желали потустороннего, или Ничто, или единства с богом, не так ли? Все эти пестрые слова призваны были выразить лишь то, что человек пресыщен *собой* — *не своими страданиями*, но своими повседневными привычными ощущениями.

271. Дожидаться часа великого презрения: вот *награда.* Другие служат лишь для формирования *последнего человека.*

272. Мысль — это лишь знак, как и слово — лишь знак для мысли.

273. Некогда Я было спрятано в стаде, а теперь стадо спрятано в Я.

5 [2]

Двум вещам учу я вас: вы должны превзойти человека и вы должны знать, *когда* вы его превзошли; я учу вас войне и победе. (Глава)

5 [3]

Прохладно, луг лежит в тени, солнце ушло. Разве не нелепо жить?

Разве не нужно иметь больший разум, чтобы из жизни сделать разум?

Братья мои, простите душе Заратустры, что вечер настал.

5 [4]

Разве я отвергаю ваши добродетели? Я отвергаю ваших добродетельных.

5 [5]

Я объясняю и ваши добродетели, исходя из будущего.

5 [6]

Как только в стаде вырастает и набухает чувство, оно приближается к стаду.

Сначала было свято «Для Всех», потом – «Для Другого», наконец – «для моего Бога».

5 [7]

Я люблю расточительные души – они ничего не воздают и не желают благодарности, ибо одаривают постоянно.

5 [8]

Я учу вас сверхчеловеку; где брат мой, что научит его великому презрению?

5 [9]

Они опрокидывают образы и говорят: нет ничего высокого и достойного поклонения – ибо сами они не могут создать ни образ, ни бога.

Сжальтесь над ними! Услышьте презрение в их бунте против образов — великое презрение к самим себе!

5 [10]

(Гл<ава>) «Братство оправдывающих».

5 [11]

Ужасно умирать в море от жажды; зачем же так солить свою мудрость, что она перестает быть вкусной водой?

5 [12]

Беременным ходит человечество, удивительны его боли.

5 [13]

Наше презрение к человеку гнало нас сквозь звезды и заставляло искать бога.

5 [14]

Ученый должен быть *кающимся духом.*

5 [15]

Они сказали «умрем для мира», они искали счастья среди звезд, они не нашли слова о сверхчеловеке.

5 [16]

Жизнь твоя да будет стократной пробой, твои неудачи и удачи да будут доказательством; но следи за тем, чтобы люди знали, что ты пробовал и доказал.

5 [17]

Я люблю того, кто оправдывает будущих и спасает прошлых, погибая от настоящих.

Я люблю того, кто делает из своей добродетели долг и судьбу.

Я люблю того, кто расточает свою душу, не желает благодарности и ничего не воздает, ибо одаривает постоянно.

Я люблю того, кто берет на себя несправедливость не способных нести ее.

Я люблю того, кто живет, чтобы познавать, и кто хочет познавать, чтобы жил сверхчеловек.

Я люблю того, кто не желает умирать для мира и не ищет счастья среди звезд, того, кто понял слово о сверхчеловеке.

Я люблю того, чья душа глубока даже когда ранена и кто может погибнуть от малого переживания.

Я люблю того, кто слишком полон, так что забывает себя, а в нем пребывают все вещи; но он погибнет.

Я люблю того, кто свободен духом и свободен сердцем — а голова для него лишь нутро сердца.

Я люблю того, кто столь сострадателен, что из твердости делает свою добродетель и своего бога.

Я люблю того, кто предваряет свои дела золотыми словами и всегда исполняет гораздо больше, чем обещает.

Я люблю того, кто стыдится, что игральные кости всегда выпадают в его пользу и кто спрашивает себя: неужели я нечестный игрок?

Я люблю того, кто прощает врагу не только ошибки, но и победу.

Я люблю того, кто карает своего бога, потому что любит своего бога.

Я люблю того, кто не награды, но наказания и гибели ожидает от своей добродетели.

Я люблю того, кто видит в ближнем страдающего бога, что скрыт в нем, и стыдится зверя, который был виден в нем.

5 [18]

Не следует вам желать обладания слишком многими добродетелями. Одна добродетель — уже много добродетели; и нужно быть достаточно богатым и для одной добродетели. Чтобы она жила, должны вы погибнуть.

5 [19]

Я заклинаю вас, мои братья, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах, — отравители они и презиратели жизни; знают они о том или нет, но они умирающие и сами себя отравившие.

Некогда кощунство по отношению к богу было наибольшим кощунством — но бог умер и с ним умерли эти кощунствующие. Кощунство по отношению к земле — вот что теперь самое ужасное: чтить недра непостижимых вещей, выше, чем смысл земли.

5 [20]

Жизнь твоя да будет стократной пробой, твои неудачи и удачи да будут доказательством; но следи за тем, чтобы люди знали, что ты пробовал и доказал.

5 [21]

Есть сладострастники духа — и есть мученики духа.

5 [22]

Не там, где ваш глаз перестает видеть, а где перестает смотреть ваша честность, — там ваш глаз ничего больше не видит.

5 [23]

Одни хотят играть в кости, другие — считать и рассчитывать, а третьи — смотреть, как танцуют; они называют это наукой и потеют при этом.

Но это дети, которые хотят играть — и правда, все это прекрасное ребячество, и немного смеха было бы играющим к лицу.

5 [24]

Если вы думаете о цели, вы должны также думать о случае и о глупости.

5 [25]

Возражение, недоверие, окольный путь суть признаки здорового духа. Все безоговорочное выдает больного.

5 [26]

Когда я захотел получить удовольствие от истины, я изобрел ложь и видимость, близкое и далекое, прошлое и будущее; тут я вложил в себя самого обман и сумерки.

5 [27]

Я был в пустыне, я жил лишь как познающий. У познающего очистилась душа, – и жажда власти и все вожделения стали для него священными. Как познающий я высоко поднялся над собой к святости и добродетели.

5 [28]

Тревожно человеческое существование и все еще лишено смысла: шут может стать для него судьбой.

Для чего живет этот? Для чего умирает тот? Никто не может знать этого, ибо в этом нет никакого «для чего».

В прежние времена протягивали руку, когда приходила смерть, и говорили: «Дар свыше».

Этого дарителя не существовало – кирпич с крыши был подарком: незнание придавало рациональность умиранию.

Я хочу научить людей смыслу их жизни: этот смысл есть сверхчеловек.

5 [29]

Любовь и справедливость к вещам да будут вам школой.

5 [30]

Вы прикрываете свою душу: нагота была бы срамом для вашей души. О, если бы вы поняли, почему Бог наг! Ему не нужно стыдиться. Он более могуществен, когда наг!

Тело есть нечто дурное, красота нечто дьявольское; тощим, отвратительным, голодным, черным, грязным, – так должно выглядеть тело

Хулить тело для меня все равно что хулить землю и смысл земли. Горе несчастному, для которого тело дурно, а красота кажется дьявольской.

5 [31]

За твоими мыслями и чувствами стоит твое тело и твоя самость в теле: terra incognita. *Для чего* у тебя *эти* мысли и чувства? Твоя самость в теле что-то этим *выражает.*

5 [32]

Аскетизм духа (к самым одухотворенным)
Друг (идеальное обхождение)
Одиночество
Тело философствует
Созидающий
Опасность проповеди страдания
Против недооценки жизни
В познании освящаются инстинкты
До сих пор нет цели у человечества
Оправдание всего прошлого
Посредник как осколок
Любящий как осколок
Познающий как осколок
Не слишком высоко ценить современную культуру!
Страсти как здоровье
Целомудрие
Учить покою и внутренней работе. Против «работы».
Преступник.
Воздаяние
Нравственное возмущение и прощение.
Восхваляющий
Женщина
Средства самопреодоления
Люди науки
Смерть
Возвращение
Стадо и я
Медленная слава
Критика морали и ее смысл
Суждение в наслаждении
Противоречие в ваших идеалах
Мы должны желать и свою противоположность — фарисея.
Скрытый человек
Последний человек
Речь к королю.
Сверхчеловек

Изобретение праздников

Мученики духа – как очистители своих аффектов

Великий выбор между смертью и жизнью

Актеры и созидающие

новое искусство как 1000 способов жить (*сначала* независимость! Мысль, которая *принуждает* становиться свободными)

жизнь как опыт познающего

облагораживать обыденное, ближнее, земное! (пищу, кухню)

Одиночество и жизнь – сон и бодрствование (жизнь как воля к страданию (– созидать –)

высшее познание: новый оценивающий.

медленная слава

Критика морали и ее смысл: мы хотим подняться над похвалой и порицанием!

Безумие как *пред*знаменование.

Воздаяние – а вы хотите вознаграждения?

Без родины.

сделать скромность предметом гордости.

новые войны.

были ли уже сверхчеловеки?

5 [33]

Недостаточно исправить что-либо, нужно при этом исправить самого себя, самому стать лучше – к примеру, посредством какой-нибудь небольшой и чрезмерно резкой выходки или благодеяния.

Прежде чем прощать, нужно пережить то, что нам причинили. А у глубоких людей все переживания длятся долго.

Легче простить своему врагу, чем своему другу.

Я должен простить? Но ведь я не упрекаю тебя в том, в чем ты упрекаешь себя сам; как же я могу простить?

Меня потрясло не то, что ты меня обманул, а то, что я тебе больше не верю.

Из своего ожесточения против какого-нибудь человека создают моральное возмущение – и восхищаются собой, а из усталости своей ненависти создают прощение – и восхищаются собой снова.

Он поступил со мной несправедливо, это плохо. Но теперь он еще и желает просить у меня прощения за свою несправедливость, — а это еще хуже и уже не лезет ни в какие ворота!

Остерегайтесь оскорбить отшельника! Он никогда не прощает! Отшельник подобен глубокому колодцу — легко бросить в него камень. Но как ты достанешь камень обратно, если он уже упал на дно?

5 [34]

Все цели уничтожены; оценки обращаются друг против друга,

добрым называют того, кто следует своему сердцу, — но также и того, кто прислушивается лишь к долгу.

добрым называют мягкого, миролюбивого, — но также и храброго, несгибаемого, строгого.

добрым называют того, кто не принуждает себя, — но также и героя самопреодоления.

добрым называют друга истины, — но также и человека почтительного, преображающего вещи.

добрым называют того, кто подчиняется лишь себе самому, — но также и благочестивого.

добрым называют благородного, знатного, — но также и того, кто не презирает и не смотрит свысока.

добрым называют добродушного, избегающего борьбы, — но также и того, кто жаждет борьбы и победы.

добрым называют того, кто всегда хочет быть первым, — но также и того, кто не хочет ничем выделяться перед другими.

5 [35]

Не понимаю, что за нужда в клевете. Хочешь навредить кому-нибудь — скажи о нем правду.

О каждом всегда известно слишком много.

Мы хвалим лишь то, что нам по вкусу, т.е. хвалим лишь собственный вкус.

Самая одухотворенная страсть.

Превратить в свою добродетель антипатию к кому-нибудь.

В пламени ревности обращают, подобно скорпиону, отравленное жало на самих себя — но без успеха скорпиона.

Если я замечаю, что меня кто-то обманывает, меня сердит не то, что он обманывает меня, но что он обманывает.

6. Зима 1882–1883

6 [1]

Аскетизм: образовывать *только* разум.

позволять себе маленькие радости, которые доставляет познание, — а все прочие отвергать.

Жестокость в том, чтобы признаться себе в *грязном* происхождении всех высших вещей

Попытка отвлечься от человека и рассматривать как лишь как точку в становлении, а не конструировать все на его основе.

в пользу маленьких, твердых, суровых истин — солдатская строгость и простота

Издевка над упоительным в истинах, как и над красивой формой. Религия, мораль и искусство по отношению к *поверхности* вещей

Метафизика в связи с верой в духов и привидений, а также в связи с плохой интерпретацией

точка зрения счастья как вредная для науки.

откуда происходит *ценность* метафизики? Из заблуждений и страстей.

Не позволять себе зависеть от *самого неопределенного.*

признавать слабость наших заключений: сон.

сильное чувство не доказывает истинность того, во что верят.

Попытка такого способа рассмотрения, при котором *субстанция* и *свобода* воли являются заблуждениями — даже Я мыслится как готовое. Мир как *заблуждение.*

Недоверие к метафизическому миру вследствие трудности проблем.

Вместе с верой в вечные основополагающие истины исчезает всякий покой, как и забота обо всем, что выходит за рамки собственного будущего, ибо в этом случае требуются уже *другие* вещи.

Эпоха сравнения: выбор среди обычаев. Гибель низших обычаев.
Культ заблуждения: оно сделало человека таким нежным, глубоким, изобретательным. Мир как заблуждение чудесен и полон значений.
мы заведомо нелогичные и несправедливые существа — без этого нет жизни.
все попытки объяснить ценность жизни ложны. Последняя бесцельность. Расточительность.
всеобщий отказ: всегда улучшать познание, парить над оценками — вот единственное утешение.

Результат: мне не нужно верить в Ничто.
Вещи непознаваемы.
мне не нужно страдать от моей несправедливости.
Отчаяние устраняется скепсисом
я приобрел право *созидать*
право одобрять
право не привязываться к прошлому
наконец: во всяком действии я обнаружил *живую мораль*, движущую силу. Я воображал, будто я по ту сторону добра и зла.
Само свободомыслие было *моральным действием*:
1) как честность
2) как храбрость
3) как справедливость
4) как любовь

я сохранял себя как *устанавливающего ценности.*

я лишь критиковал прежнюю *практику* морали. Установление самих моральных суждений есть *часть* этой практики.

Постановка целей как *условие существования*, как условие того, что *одно* существование переходит в другое.

Стадо — индивидуум.

6 [2]
1. *Аскетизм* — попытка жить без морали.

2. *Результат:* мы сами занимались моралью, *продолжали* заниматься ею: жизнь в нас заставляла нас.
3. *Созидающий* и *устанавливающий ценности.* Стадо и индивидуум.
   Все, что происходит, не соответствует ценностному суждению.
4. Попытка точки зрения по ту сторону добра и зла.

6 [3]

Аскетизм: попытка освободиться от морали.

Смена и даже противоположность моральных суждений (никакой вечной нормы)
не было никаких моральных действий – если рассматривать их как свободные и неэгоистичные.

то, что считается у *нас* злом (несправедливость), есть условие существования.

в критике наших лучших поступков мы считаем совершенно *необходимыми* элементы, относящиеся ко злу.

все моральные системы *опровергнуты*; во всяком случае, их ценность зависит от истинности их последних утверждений – а они *ненадежны.*

В самих *наших* оценках сохранилось *огромное число* противоположных моральных систем.
(наши суждения, стоящие *за* ощущениями, противоречивы.)

В конце концов *нет* больше никакой цели: мораль не является *больше* путем на небо – она даже не путь к небу на земле (мучения угрызений совести). Она больше не стоит и не падает вместе с народами и государствами.

Ужасная ретроспектива *мучений* человечества. Оно было близко к тому, чтобы покончить с жизнью из-за моральной неудовлетворенности.

6 [4]

1) Аскетическая попытка освободиться от морали: зачем? Сначала практическое последствие: солдатская бедность, близость смерти. Свободный дух.
2) Но теперь мы саму свободу духа признаём *моралью.* Насколько.

Все ощущения окрашены морально. То, что мы делали, было лечением, средством для жизни. Мораль представлялась условием существования.

3) новый, *более свободный* взгляд на мораль как условие существования и развития жизни.
Стадо – развитие Я. Нет расплаты и т.д.

4) Попытка оказаться по ту сторону добра и зла.

7. Весна–лето 1883

7 [1]

К введению.

Абсолютная *честность* — до сих пор отсутствующая у моралистов. Всякая слабость характера при исследовании вылезает наружу.

Затем исторический смысл.

Смелость против собственной склонности к оцениванию.

Старая цель: производство *высших* людей, использование человеческих масс как средства для этого.

К плану.

Отсутствует всякая объективная обязательность. Согласие всех — враждебный жизни принцип.

Приказы индивидуумов: бессознательное рабство.

Требование честности — то, что делается ради пользы, обозначать соответствующим образом.

Мотивы честности и т.п. заложены в стимулах могущественных; *в той же самой сфере* растет и эмансипация от морали.

Обернуть безответственность в позитивную сторону: мы хотим проложить дорогу нашему образу человека. **Возможность** сделать это — вот проблема! Кто *чувствует себя порабощенным*, относится к низшему порядку. «Рабы» должны быть.

До сих пор не замечали индивидуальное как созидательное: видели только преступника и т.д. и не замечали *главного преступника*.
Гомер, Микеланджело.

Как можно большее разнообразие индивидуумов! Развязывание войны!

Хотят этики — но, поскольку из-за эгоизма не верят в ее обретение, бегут к авторитету, к традиции.

нравственный вкус — вещь без причины, но он однажды возник как *принуждение*, вследствие других *инстинктов*, навязывавших определенные суждения и оценки ценностей.

Когда мы не в состоянии объяснить происхождение наших чувств ввиду его *сложности, мы считаем их чем-то другим*; так следует понимать эстетические, этические, моральные, метафизические инстинкты.

Мы воспринимаем *имя* и полагаем, будто ему соответствует что-то новое.

NB. Моральный способ мышления **следует** за нашим образом действий, а не ведет его!

Где нет *инстинкта* послушания, там не имеет смысла «ты должен».

Такие, как мы есть, — мы становимся упрямыми при «ты должен». Наша мораль должна зваться «я хочу».

7 [2]

Эгоизм отдельного человека **в самом деле** простирается настолько, насколько у него хватает сил; бессмысленно опасаться последствий эгоистического принципа. Никого не удержишь в рамках принципами!

7 [3]

Писать и *не* спрашивать, какова будет продолжительность написанного, было бы крайне *поверхностно*!

7 [4]

Надежность нашего образа действий лежит *вне* любого отношения к *доброте* причин, побуждающих нас *так* действовать!

7 [5]

Со времен Сократа добродетель *без стыда* (в конкуренции) и как предмет *ума* не нуждается в стыде! Своего рода самоуничижение добродетели. —

7 [6]

Критика «хорошего», даже *лучшего*! Скепсис весьма оправдан!

Мое общее направление не имеет целью мораль — прежнее греховное сознание; я поворачиваю и против интеллекта, добродетели, счастья, силы человека.

От, в сущности, *внеморального* взгляда на вещи я перешел к рассмотрению морали *издалека*.

Угадать условия, при которых станут жить будущие люди, — ибо такое *угадывание* и *предвидение* имеет **силу** *мотива*: *будущее*, каким мы *хотим* его, *влияет* на наше настоящее.

Аморальность нашего времени в лучшем ее виде (например, недостаток пиетета перед природой).

7 [7]

Речь к моим друзьям

Я всегда стремился доказать себе *невинность* становления — и, вероятно, хотел обрести таким образом чувство полной «безответственности», сделать себя независимым от похвалы и порицания, от всякого Сегодня и Прежде: чтобы достичь целей, которые относятся к будущему человечества.

Первым решением мне показалось эстетическое *оправдание бытия*. Однако «оправдывать» в сущности не было нужно! Мораль относится к царству явлений.

Вторым решением стало для меня объективное отсутствие ценности всяких понятий *вины* и понимание субъективного, *по необходимости* несправедливого и нелогичного характера жизни.

Третьим решением стало для меня *отрицание* всех целей и понимание *непознаваемости* причинных связей.

разрешение с помощью видимости: principium individuationis[1] для всей морали как освобождающее *видение* для индивидуума.

Мораль как средство *остаться внутри* индивидуализации и не быть поглощенным первобытным страданием.

искусство как «собственно метафизическая деятельность человека».

---

1 Принцип индивидуации (*лат.*).

«жизнь в основе вещей, несмотря на всю смену явлений, несокрушимо могущественна и радостна» — с. 54 — как утешение в трагедии.

Его спасает искусство (от отрицания воли) и благодаря искусству его спасает для себя жизнь.

Протест против пессимизма: с точки зрения греков. «Глубокомысленный» грек, единственный, кто способен и на самые утонченные, и на самые тяжкие страдания.

Музыка как *наиживейшее* **искусство**.

Задача *музыки* в раз*мысленную* эпоху, *уставшую от мысли:*

с. 82. Наука, *вновъ и вновъ приводимая к своим границам, непременно должна превратиться в искусство,* — ее ведет мечта о том, что она в силах *исправить* бытие.

Сократ, избавленный от страха смерти благодаря знанию и доводам.

предназначение науки — *представить* бытие *понятным* и *поэтому оправданным,* чему в конце концов, при нехватке доводов, должен служить и *миф*, который в сущности и есть цель!

Если бы означенная сумма сил была направлена *не* на познание, а на практические цели народов и людей, удовольствие от жизни было бы настолько ослаблено, что неизбежно должна была бы возникнуть этика уничтожения — из сострадания (индусы слишком *слабы* и *пассивны* даже в своем *сострадании*).

трагическое познание **нуждается** в *искусстве*, которое «пристально смотрит в неясное».

Искусство предстает зависимым от развития познания: оно пробивается там, где познание пожирает само себя.

Мы должны искать удовольствие не *в* явлениях, а *за* ними.

с. 92. Квинтэссенция.

с. 102. Самоуничтожение *познания* и понимание его последних рубежей — вот, что восхитило меня в Канте и Шопенгауэре. Из-за этой неудовлетворенности я уверовал в *искусство.*

Я полагал, что *настала* новая эпоха *для искусства*. Я ощущал результат философии как *трагическое событие*: **как его выдержать**!

В<агнер> казался мне средством отдалить н<емцев> от христианства

его старчески усталое произведение «Парсифаль» не противоречит ему, еще меньше — его слепо-фанатичные поклонники с их стертыми коленками и мозгами.

Вера в возрождение греческого мира. С. 117.

«другое бытие и высшая радость — к которой борющийся герой приуготовляется своей гибелью, а не своими победами». С. 120.

«Лишь обставленный мифами горизонт замыкает все культурное движение в единое целое». С. 132.

с. 136. *антихристианское* — в этом смысле.

с. 142 » » » *немецкая* надежда.

7 [8]

Весь 18-й век отмечен глубочайшим презрением к **готическому** *зодчеству*. Лекки I 199.

У этого века *был* свой вкус. Миланский собор как предмет насмешек.

Наше столетие, похоже, *вернуло многие ощущения*, из которых возникли те церкви —

Непонимание *Гомера* у — — —

Оценка *Лаокоона* у Винкельмана.

7 [9]

Сострадание. Прежде — **подражание чужой боли**. **На это** должна *последовать* реакция

или насильственное устранение собственных чувств, бегство (как при виде отвратительной раны)

или позитивное устранение и уничтожение того, что причиняет нам боль, вмешательство в сферу страдающего, которое *он интерпретирует* как помощь.

Нас *возмущает* всякое страдание, которое бессмысленно, «*незаслуженно*» (наша привычка к порицанию и наказанию действует тут как *обиженный инстинкт*: вид страдающего есть нападение на основы этого инстинкта). Мы реагируем на это возмущение посредством «помощи» и т.д.

Затем мы ужасаемся, сами чувствуем опасность, неуверенность, неожиданность несчастья («это невероятно!»), наше чувство *гармонии* и логики возмущено.

там, где мы чувствуем, что можем помочь, просыпается наше *чувство власти*, отсюда рвение, напряжение, героизм при спасении потерпевших несчастье; удовольствие от возможности проявить свою храбрость и т.д.

Любовь, нежность при этом вовсе не *необходимы*!

7 [10]

Гартман (с. 776). *Суверенность личности* совпадает у нее с *эгоистической предусмотрительностью*, которая ограничивает произвол! Это характерно!!

7 [11]

Ближний как наше *произведение*.

Мы придаем ему черты, на которые **реагируют** наши инстинкты. Весь образ получается полезным *для нас* — благоприятное или вредное *для нас выдвигается на передний план* — с *целью* ассимиляции или бегства.

Что же тогда «любовь к ближнему»?

Ближний сам по себе непознаваем, но открывает себя через нас, в соответствии с тонкостью или грубостью нашего наблюдения, торопливостью нашего заключения (из-за страха или тоски) и т.д.

Мы боремся с тем в наших врагах, что кажется *нам* вредным, что препятствует нашему росту, продолжению нашей жизни, что отравляет нам *воздух*, — мы боремся, таким образом, с **нашим** *инстинктом недоверия*, *напряжения*, т.е. один вид инстинктов устраняет другой.

7 [12]

Евреи, испорченные египетским пленом.

7 [13]

Архитектура: приблизить *далекое* (собор св. Петра). *другой* принцип — стремление вдаль.

7 [14]

Больше всего ненавидят того, кто возвращает нас к ощущениям, которые мы победили с величайшим напряжением сил: кто тем самым выдает нас *после* победы нашим врагам; так случается с тем, кого склоняют к мести после того, как он простил.

7 [15]

Совесть меняется в зависимости от окружения, в котором мы живем, в той мере, насколько чувство несовпадения в оценке ценностей порождает в нас инстинкты страха, скепсиса, замалчивания, утаивания и т.д. Эти инстинкты немедленно начинают *разряжаться* в наших чувствах, превращая нашу совесть в *нечистую* совесть.

7 [16]

Вагнер принял много благодеяний от своих современников, но он полагал, что принципиальная несправедливость к своим благодетелям есть признак «большого стиля», – он всегда жил как актер и витал в грезах образования, как это обычно бывает у актеров. Я сам был, пожалуй, его самым большим благодетелем. Возможно, в этом случае образ окажется более долговечным, чем тот, кто в нем запечатлен: дело в том, что мой образ оставляет еще много пространства для целого ряда настоящих Вагнеров и прежде всего для тех, кто намного более даровит и у кого более чистые желания.

7 [17]

Кто живет среди немцев, должен почитать себя за счастливца, если отыщет хотя бы одного, кто свободен от того идеалистического самообмана и дальтонизма, которую немцы любят и чтят почти как добродетель. (Французы с их Монтенем, Ларошфуко, Паскалем, Шамфором, Стендалем – гораздо *более чистая* в духовном отношении нация.) Какова же была моя радость, когда я встретил Рэ: он говорил о морали так, как ее знал, ничего не воображая насчет своих моральных инстинктов. Правда знал он немного, и то с чужих слов, а под конец даже думал, что мораль и есть чужие слова.

7 [18]

Со времен Канта всякие разговоры об искусстве, красоте, познании, мудрости безнадежно испорчены и испачканы понятием «незаинтересованность».

Для меня прекрасно (с исторической точки зрения) то, что проявляется в самых почитаемых людях эпохи, как выражение того, что **достойно** почитания.

7 [19]

Заслугой и *смелостью* Гельвеция было взяться за *удовольствие* (intérêt) (как Сократ взялся за *пользу*), в точности как Эпикур (в отличие от удовольствия от парадоксов, как у Мандевиля); и, может быть, рассыпаться в любезностях в духе Стендаля было для него слишком *оскорбительным* (для морального вкуса, из которого он произрос).

7 [20]

Как оптика ковыляет позади зрения, так и морализирование – позади морали.

Отдельные наблюдения *самые ценные.*

Какая-нибудь фундаментально ошибочная моральная теория является, как правило, источником великих философских систем: должно быть доказано нечто, с чем *согласуется* практика самого философа (напр. у Спинозы). (Исключение – Шопенгауэр, в этом его *благородство.*)

7 [21]

Мое требование: производить существа, которые возвышались бы надо всем видом «человека» – и этой цели принести в жертву и себя, и «ближних».

Вся предшествующая мораль имела границу внутри вида: все предшествующие морали служили для того, чтобы *сначала* придать виду безусловную стойкость; *когда* эта цель достигнута, может быть поставлена более высокая цель.

Одно движение безусловно: нивелирование человечества, сооружение огромных муравейников и т.д. (охарактеризовать Дюринга как чрезвычайно бедного мыслителя, типично *скудного*, несмотря на его патетические слова).

Другое движение, мое движение — в обратном направлении: это обострение всех противоречий и пропастей, устранение равенства, создание сверхвластных.

То движение производит последнего человека. *Мое* движение — сверхчеловека.

Цель *вовсе* **не** в том, чтобы быть целью понимать последних как господ первых: два вида должны сосуществовать по возможности раздельно, и один вид — *как эпикурейские боги, никак не заботясь о других.*

Основные положения: *не было* никаких нравственных поступков. И всякая мораль *невозможна — как и любой нравственный поступок.*

Но история того, что до сих пор *считалось* нравственным действием, — и истинное его *значение.* А также история возникновения этих мнений.

Они все исходят из веры в то, что нравственность *существует* сама по себе, по меньшей мере как сознательный *масштаб* (как у Канта), будто известно, что хорошо и что плохо.

Существенная непознаваемость.

Нечто по необходимости *достигается*, но *знание* о нем *невозможно*, стало быть — и *предварительное знание*!

Важнейшая точка зрения: *обрести* **невинность** *становления — посредством исключения* **целей**. Необходимость, причинность — и ничего больше! И разоблачать как ложь всякие разговоры о «цели» там, где мы имеем дело с *необходимым результатом*! История никогда не может доказать «цели», ибо ясно только одно: то, чего **хотели** народы и отдельные люди, всегда было иным, чем то, что было *достигнуто*, короче говоря, *все достигнутое* совершенно *инконгруэнтно желаемому* (например, *пережевывание* как «намерение» и «действие»).

История «намерений» есть нечто иное, чем история «фактов» — в морали. **Самый общий предрассудок** — *видеть в действии только то, что в нем покрывается намеренной целью. Такая сосредоточенность на цели* есть признак *низкой* стадии интеллекта, на которой **не замечают** все существенное, *само действие и его результат*!

7 [22]

Во время моих прогулок среди утонченных и грубых моралей я обнаружил некоторые регулярно повторяющиеся и связанные между собой черты, а в конце концов я обнаружил два основных типа: мораль господ и мораль рабов. Добавлю, что во времена высшей культуры встречаются попытки осуждения обоих видов морали, а еще чаще – переплетение этих видов, их одновременное суровое сосуществование, даже в одном человеке, в одной душе.

Первый вопрос: где возникли моральные оценки ценностей? В общем среди аристократов, среди господствующего вида, который вполне осознавал свое отличие от подчиненных.

Вообще моральная оценка ценностей означает, что более высокий человеческий вид осознает себя как более высокий относительно более низкого.

Принуждение, возникшее сначала по отношению к подчиненным, было потом перенесено на добродетель. В первом случае в качествах подчеркивались исключительные, редкие, благородные, выделяющие их черты, во втором – тяжесть достижения и удержания благородного типа, короче говоря – труда добродетели.

Второй вопрос. Что вообще следует из того факта, что господствующий тип определяет понятие «хорошего»?

На самом деле есть немало черт, которые *повторяются* в различных типах морали: причина в том, что всякий раз эти черты свойственны *властным*.

Человек аморальный есть в целом человек презираемый (*не* «плохой»).

Это доводится до конца: даже тот, кто подобно мне, оценивает нравственные оценки ценностей, желает тем самым показать себя как более высокого человека, чем те, кто выносит жизнь в условиях традиционных оценок ценностей.

Все это возвышенные, гордые обстоятельства, которые обозначаются как «хорошие»:

Презрение к трусливым, пугливым

Презрение к мелочным, думающим об узкой пользе

Презрение к недоверчивым, требующим клятв

Презрение к бедным, нищим, унижающимся, похожим на рабов и псов, допускающим надругательства над собой.

Напротив, почтение к чувству полноты и преизбытка: достаточно богат, чтобы помогать несчастным;

Почтение к тому, кто имеет власть над самим собой, умеет говорить и молчать, приказывать и подчиняться;

Почтение к мудрости, которая умеет преследовать долгосрочную пользу и проводить в жизнь долгосрочные решения;

Почтение к тому, кто не *хочет* нравиться, потому что нравится себе сам, — к гордому.

Знаки почтения к старшим
к традиции

знаки почтения к *женщинам современны*: несколько *не хватает* уважения к *возрасту*.

ἀμύνεσθαι: «защита» в мести.

Способность к длительной благодарности и к мести.

Воздаяние как иллюзия справедливости. —

кто равнодушно сносит тяжелое оскорбление, достоин презрения... Но: «тот лучший муж, кто способен сносить большинство оскорблений» — Менандр.

но *не* копить обиду в себе! —

совершенно различно оцениваются действия по отношению к равным и по отношению к низшим.

друг.

Враг *не* считается презираемым — поэтому *злые* поступки врагов имеют другую окраску.

Поскольку вражда *необходима*, должен сохраняться к ней вкус, т.е. в известном смысле даже *воспитываться*.

(например ложь у спартанцев)

Жесткость, жестокость и т.д.

Нужно иметь врагов как отводные канавы таких аффектов, как зависть, агрессивность, — чтобы стать хорошим *другом*.

Имеющий власть судит так: кто *мне* вредит, тот *вреден сам по себе*. Он высшая инстанция, определяющая ценности.

Логика, время, пространство — все это мы будто бы производим сами — чушь! Если дух подчиняется их законам,

то это потому, что они *действительно истинны*, истинны сами по себе! А что мы абсолютно *верим* в эту истину, есть следствие *отмирания* аномального: *заблуждение относительно этих истин мстит за себя.*

7 [23]

Как должно выглядеть *однородное в морали*, если начнут морализировать слабые, *подчиненные* и угнетенные?

Если начнут морализировать изнасилованные, угнетенные, страдающие, несвободные, не уверенные в самих себе, усталые – чем предстанет однородное в их нравственных различениях? Вероятно, наружу пробьется озлобленность, может быть, осуждение самого человека вместе с его положением.

Недоброжелательный взгляд на добродетели более сильных: в почете тонкий скепсис и недоверие ко всему, что «дóбро», а также преуменьшение счастья сильных и вообще жизни.

Подчеркивание свойств, которые облегчают жизнь страдающим: прославление *сострадания*, но по другим причинам, чем когда его прославляют сильные (польза – причина).

Прославление *смирения* и утонченная разработка этой точки зрения как всеобщего подчинения законам бытия; пристрастие к «несвободе воли» – человек совершенно зависим.

Своего рода *месть* заключена в этом подчеркивании противоположных добродетелей: хвалят *воздержание*, добровольное мучение, одиночество, духовную нищету – а с будущим связывается чувство апатии.

В Европе весь этот нравственный поворот – *еврейский.*

Если допустить, что подобное мировоззрение постепенно станет господствующим и люди, его разделяющие, станут господами, то следствием непременно станет чудовищное *моральное притворство* (или бесстыдство).

(плебейское у греческих моралистов; Сократ)

Это произошло среди европейских священников. В английском утилитаризме, у Канта, Шопенгауэра.

(Ценность французов: их *такт* в отношении стыда.)

Теперь возможен второй поворот — в сторону *бесстыдства*, всеобщего наслаждения человеком как животным, веры в *действительность* иллюзий.

Среди подчиненных зло становится **«плохим»**.

Представление о великой *мести* (Тертуллиан).

7 [24]

Исходя из положения: хорошо все, что делаешь не ради себя самого, — Рэ смешным образом затянул веревку на собственной шее, желая предоставить обществу право применять принцип «цель оправдывает средства». Ибо любыми наказаниями преступников общество хочет сохранить *себя* и свое развитие — в этом нет сомнения. Следовательно, его цель не является положительной, святой — следовательно, его цель не может оправдывать его дурные средства.

Кто продолжает держаться за «добро» и «зло», не может наказывать, как и тот, кто верит в «заслуженное» и «незаслуженное»: на место всего этого нужно поставить абсолютную причинно-следственную связь. Лишь когда высший человек берет власть подавлять слабых, держать их в узде, во всяком случае и любыми способами враждовать с ними, тогда я понимаю всякое «наказание». Это *подавление* — а слово «право» есть не более, чем фарисейство. Я не понял бы, почему более сильный, высший *может* властвовать над слабейшим, еще меньше я понял бы, почему он этого *не* может.

Всюду, где высший *не* является сильнейшим, *не хватает чего-то и самомý высшему*: он лишь часть или тень себя самого.

7 [25]

Боль и наслаждение — лишь *сопутствующие явления*.

Голод не имеет целью удовлетворение аппетита: процесс, *признаки* которого у нас считаются голодом, — это вообще не инстинкт и не состояние ощущения; это химическое состояние, которое может иметь гораздо больше сходства с совсем другими вещами.

Как убого обстоит дело с нашим пониманием всего действительного, если мы привязаны к *удовольствию* и *неудовольствию* как *единственному* его *языку*!

«Инстинкт» — это лишь перевод на язык чувств с бесчувственного.

«Воля» — то, что сообщается нашему чувству *вследствие* этого процесса, — т.е. результат, а вовсе не начало и не причина.

Наша речь есть смесь двух сфер.

«Цель и средства» — целиком взято из языка *чувств.*

Итак, все функции *осуществляются своим чередом* — но как же мало мы это замечаем! И все-таки полагаем, что можем *объяснить* свои поступки с помощью «целей» и стремления к блаженству!

7 [26]

Не «счастье следует за добродетелью» — но сильный определяет *свое счастливое состояние как добродетель.*

Злые поступки принадлежат сильным и добродетельным; дурные, низменные — покоренным.

Самый сильный человек должен быть самым злым, поскольку он настаивает на своем идеале *вопреки* идеалам всех людей и преобразует их в свой образ — созидающий.

Злой означает здесь: жесткий, болезненный, навязанный.

7 [27]

Такие люди, как Наполеон, должны появляться снова и снова, чтобы укреплять веру в безграничное господство отдельной личности; сам он, однако, был испорчен средствами, которые *вынужден* был применять, и *утратил благородство* характера. Утверждая себя среди людей другого типа, он должен был применять другие средства. Таким образом, не было никакой *необходимости* в том, чтобы Цезарь стал плохим.

7 [28]

Помогать толпе обрести власть — это, конечно, единственный способ *облагородить* толпу, но только не в ходе самой борьбы, а если она станет *господствующей.* Борьба развязывает в ней самые низменные страсти.

Таким образом, нынешнее господство евреев есть единственный способ их *облагородить.*

7 [29]

«Мы действуем, исходя из «целей»» (согласно *представлениям* об ожидаемых приятных *чувствах*) — так мы говорим. В действительности же происходит нечто *совсем другое*, неосознанное и непознаваемое: лишь малую часть того, что происходит, мы замечаем, передавая ее словами «цель и средства», — и даже ее *мы интерпретируем как «цель и средства»*.

Мы говорим так, как будто чувства **могли бы быть** *причинами* в сфере не-чувствующего.

Образы и рефлексы процесса мы понимаем и трактуем как сам процесс.

Это наше величайшее заблуждение — думать, что *действительность* какого-либо процесса **доказывается** удовольствием и болью, что это и есть самое реальное.

Чувства как сопутствующие явления вполне могут рассказать нам о *последствиях процессов*, образами которых они являются, но **не о причинах этих последствий**.

7 [30]

Почему приносить пользу другим должно быть лучше, чем приносить пользу себе? Это справедливо только в том случае, если польза, которую приносят другим, есть в абсолютном смысле более высокая польза, чем та, которую приносят себе. Если другие имеют *меньшую ценность*, то человек будет прав, принося пользу себе самому — даже за счет других.

Всякая болтовня о «пользе» уже предполагает, что есть определение того, что полезно людям; иными словами — полезно **для чего**? То есть *цель человека берется заранее*. Сохранение, достижение счастья и др. цели; при определенных обстоятельствах они могут быть противоположностью высшим целям, например, при пессимистическом взгляде на жизнь и страдания.

Итак, при похвале бескорыстного уже предполагается определенная *вера* — что свое Эго *не заслуживает* предпочтения перед Эго других? Однако *этому* противоречит *более высокая* оценка бескорыстного: предполагается, что он является более редким типом человека. Но почему еще более редкий высший человек *должен* терять из виду себя?

Он не должен этого делать, это глупость, но он так поступает — и другие *имеют при этом свою выгоду*, они ему благодарны, они *хвалят* его. То есть эгоисты хвалят не эгоиста, потому что он настолько глуп, что предпочитает *их* выгоду своей, потому что он поступает так, как они сами не стали бы поступать, — но к *их* выгоде.

7 [31]

Согласно Спинозе: «поскольку человек применяет разум, он считает **полезным** лишь то, что *ведет к познанию*».

7 [32]

Единовластный и *раб* (первый возвышается до бога, второй — столь же сильно опускается).

7 [33]

Во всех «чувственных впечатлениях» мы не только пассивны, но и *очень активны* — отбираем, связываем, наполняем, толкуем; речь идет о питании, как у *клетки* — об ассимиляции и перестройке неоднородного.

7 [34]

скудные *средства познания* «того, кто успокоен, укрощен, самоотвержен, терпелив, собран»; более близкие: изучение Веды, жертва, милостыня, покаяние, пост — средство для *достижения познания.*

7 [35]

Спиноза своей этикой *отомстил еврейскому закону*: «индивидуум может делать, что *хочет*» — как и у ап. Павла.

7 [36]

Кант искал предельный жест *нравственной гордости*, когда отвергал всякий эвдемонизм: абсолютное *послушание*, идеал *покоренного* и *угнетенного*, который всякую ценность придает тому, к чему подчиняющиеся *наиболее готовы* — и в чем они не находят «наслаждения»!

7 [37]

«Иллюзии необходимы не только для счастья, но и для сохранения и возвышения человека: в частности, никакое действие не возможно без иллюзий. Даже всякий прогресс познания возможен только благодаря иллюзии; *следовательно*, нужно *поддерживать* источник иллюзий, если мы хотим познавать, хорошо действовать и расти» — так я когда-то думал.

Если бы существовала *абсолютная мораль*, она бы потребовала, чтобы мы *непременно* следовали истине: следовательно, *я и вообще все люди непременно погибли бы от нее.* В этом мой интерес в *уничтожении морали.* Чтобы жить и подниматься ввысь — чтобы *удовлетворять волю к власти*, должно быть *устранено всякое абсолютное требование.* Для человека *могущественного* и *ложъ* — *разрешенное средство* при созидании: ибо так поступает природа.

7 [38]

Мораль *ума* вырабатывается у угнетенных натур — вплоть до того, что преступление, которое скрыто и имеет благоприятные последствия для преступника, превращается в добродетель.

Стремление к наслаждению как цель морали характерно для угнетенных и страдающих натур. У сильных оценку вещей творит **наличное** *удовольствие*, *высокое чувство* становится там интеллектуальным.

Эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм как признаки несвободы — как и мораль ума.

Героизм как признак свободы. «Указания героической философии».

К героизму в таком случае относится и сердечное участие в маленьком, идиллическом.

7 [39]

Мораль *не* следует искать среди пишущих о морали (еще менее — нравственность!): *моралисты* в большинстве своем угнетенные, страдающие, бессильные, мстительные; они стремятся к небольшому счастью: больные, которые думают, что выздоровление — это все.

7 [40]

У Ларошфуко проглядывает весьма *благородное* мышление тогдашнего общества: сам он – разочарованный идеалист, который под *руководством христианства* выискивает *отвратительные* имена тогдашних писак.

7 [41]

Нравственная *сложность* души из-за христианства и рыцарства характерна для Людовика XIV и его времени: греки (Гомер) кажутся слишком простыми и наивными – и в том, что касается души.

7 [42]

При свободе передвижений *группы* людей *сходного типа* могут сплотиться и основать некую общность. *Преодоление наций.*

Хищные звери и девственный лес доказывают, что *злоба* может быть очень здоровой и прекрасно развивать тело. Если бы хищное было отягчено какими-либо внутренними муками, оно давно бы зачахло и выродилось.

Собака (которая так много жалуется и скулит) – это выродившийся хищник, как и кошка. Великое множество добродушных и угнетенных людей доказывает, что *добрый нрав связан* с упадком сил: *преобладают* ощущения страха! И определяют состояние организма.

Так что не следует выносить на передний план то зло, которое возникает от истончения и стимулирования нервной системы (жестокость, сладострастие и т.д.) и нравственную *тупость* при моральном помешательстве!

Рассмотреть *добро*, возникающее как *признак разложения*, – например как религиозное помешательство, филантропия и т.д.: всюду, где ослабевает здоровый эгоизм и нарастает стремление к апатии и аскезе. «Святой» как идеал телесного упадка, а также вся философия браминов как признак вырождения.

а) Высший вид: – – –

б) Низший вид: – – –

в) Вырождающиеся: их «добро»
их «зло».

7 [43]

Стендаль приводит как театральную поговорку: «Telle trouve à se vendre, qui n'eût pas trouvé à se donner».

«Никто не хочет ее в подарок — так что она вынуждена продаваться» — говорю я.

7 [44]

Я рассматриваю греческую нравственность как наивысшую до сих пор, доказательством чего служит для меня тот факт, что в своем *телесном* проявлении она достигла наивысшей до сих пор вершины.

Правда, *при этом* я имею в виду действительную *народную нравственность — а не ту, что представляют философы*: с Сократа начинается *закат морали*, появляются различные односторонние системы, прежде бывшие элементами целого — *распавшегося древнего идеала*. К этому добавляется преобладающий плебейский характер, люди без власти, отодвинутые на обочину, угнетенные и т.д.

В новейшее время итальянское Возрождение поставило человека на наибольшую высоту, «флорентийца» — по аналогичным причинам. Здесь также видны *отдельные условия рядом* с совершенными и *цельными* личностями — как *осколки*: например, «тиран» один из таких осколков: любитель искусства.

Возможно, наивысшим типом в Европе был провансалец: *очень богатые*, разносторонние, но прекрасно владеющие собой люди, которые не стыдились своих инстинктов.

7 [45]

Лютер в роли *врага* обнаруживает свое крестьянское происхождение и пошлость, отсутствие благородства.

7 [46]

Наполеон идет на подкуп в борьбе за власть, как и Бисмарк. Я надеюсь на появление маленьких «тиранов» в грядущем столетии.

7 [47]

«Мораль как язык знаков»

7 [48]

Начатки нравственного суждения (т. е. морали), которые позднее, может быть, столетия спустя явились как нравственность, весьма затруднительно представлять себе легкими и скудными; поэтому я с удовольствием наблюдал, как Рэ берется за возведение целого чудесного готического собора морали, основываясь на нескольких остротах ума, нескольких заблуждениях, нескольких упущениях памяти! У меня были другие основания, но убеждение, что они должны быть худшими из худших, у нас было общим.

7 [49]

Как здесь всё пока глупо и ненаучно — смотри первую страницу Лекки.

7 [50]

Способность к войне и деторождению: это играет наипервейшую и наиважнейшую роль.

7 [51]

Требование благородства — чтобы подобное оплачивалось подобным, *в том числе и в мести*; это дело того, кто и в аффекте *ставит* себе *границы* — и в благодарности тоже. Но какое отношение имеет государство к этому благородству!

7 [52]

Самый свободный поступок тот, где стихийно проявляется наша собственная, сильнейшая, до тонкости тренированная природа и где, *в то же время*, *интеллект* демонстрирует *свою дирижирующую* руку. То есть *самый произвольный* и все же *самый разумный* поступок!

7 [53]

Аргумент против мести из несвободной воли был бы также аргументом против благодарности: благодеяния не оплачивают, потому что благодетель был *несвободен*.

7 [54]

Награда и *наказание* искажают взгляд на естественные последствия всякого действия.

7 [55]

Как *может* государство *брать на себя* месть! Во-первых, оно холодно и действует не в аффекте, в отличие от того, кто мстит. Кроме того оно не личность, еще менее — благородная личность и поэтому не может доказать свое благородство и самодисциплину в *соблюдении меры* («подобное — подобным»). В-третьих, оно отнимает у мести *то*, что служит восстановлению *поруганной чести*: добровольный отказ от жизни, опасность во имя чести. То есть лишь *неблагородно* думающему обиженному доставило бы удовлетворение такое наказание; у благородного, напротив, оно бы *похитило возможность восстановить свою честь*. Наконец, все это предполагает бесстыдство оскорбленного — который вынужден публично говорить о своем оскорблении! Ведь «жалоба» — это требование, которое выдвигает государство! Но благородный человек страдает *молча*. Так что только низкие натуры могут видеть в государстве *инструмент расплаты*. Отсюда ожесточенная борьба *за* кровную месть *против* государства. По этой причине Паскуале Паоли должен был представить подчинение целому как *благородное* — как жертву! — и требовать отказа от кровной мести как *высшего* преодоления; поэтому он перенес *оскорбление* на того, кто мстит за себя.

Государство предоставляет *защиту* более слабому, который не в состоянии сам защитить себя от обидчика; таким образом, наказания — это меры безопасности, в том числе потому, что являются устрашением. Государство не хочет, чтобы **люди защищались сами**, — оно боится *не* мести, а *суверенного мировоззрения*!

Следовательно: подчинение *справедливости государства* для людей благородных есть **жертва**, а не польза. Тем самым государство должно действовать как *высшее чувство*: **старше**, чем подчинение карательным практикам государства, должна быть *вера в святость* (почтенность) государства — старше и *сильнее*! В отношении детей и рабов благородный долго удерживает свое *господство*, т.е. свой суверени-

тет. Не соображения разума, но *импульсы героизма* явились мощными факторами при *образовании государства*—вера в то, что есть нечто высшее, чем личный суверенитет. Тут действует благоговение перед родом и старейшинами рода: юноша приносит ему свою жертву. Благоговение перед мертвыми и унаследованными заповедями предков: им ныне живущий также приносит свою жертву. Тут действует почитание духовного превосходства и победоносности—восхищение от встречи со своим образцом: тогда и приносят клятвы верности. *Вовсе не принуждение и не разум* поддерживают древние государственные формы, но течение благородных побуждений. Принуждение невозможно было бы осуществить, а разум еще *недостаточно* развит индивидуально. Общая *опасность*, возможно, дает *повод* для сплочения,—а чувство новой *совместной власти* становится поводом для *восторга* и источником благородных решений.

7 [56]

Некогда была *теория* государства как расчетливой пользы—*ныне мы имеем практику*! Время королей миновало, потому что народы более не достойны их: они *хотят* видеть в короле не праобраз своего идеала, но средство к собственной пользе. Вот и вся истина!

7 [57]

Человек желал бы *иметь что-нибудь* вроде высшего назначения, последней цели, абсолютного долга: потребность в этом предопределила происхождение многих моралей. Но *в чем причина этой потребности?* Причин, пожалуй, множество. К примеру, *всякий отдельный инстинкт* человека, вероятно, имеет потребность, если он *овладел интеллектом*, считаться *высшим судией* и господином во всех делах человека. В моралях поставили себе памятники самые различные инстинкты.

7 [58]

Есть морали, которые призваны *оправдать* их создателей перед другими людьми; есть другие, которые должны его *успокоить* и удовлетворить; с помощью некоторых он желает *прибить* себя к *кресту*, а с помощью других—

отомстить другим людям; в одних он хочет *спрятаться*, в других – *преобразиться*, перед собой или перед другими; с помощью одних он хочет *ввысь и вперед*, а с помощью других – излить на человечество свою власть и *творческую силу*; в одних он хочет послушания, в других – *господствовать и унижать*. Есть и такие, посредством которых он хочет *забыть* – или *чтобы его забыли*. Довольно, морали – тоже лишь знаковый язык аффектов.

7 [59]

Не намерение, а именно *ненамеренное* определяет ценность или отсутствие ценности поступка.

7 [60]

Морали как знаковый язык аффектов; однако сами аффекты суть знаковый язык функций всего органического.

7 [61]

Вне зависимости от ценности высказываний вроде «существует категорический императив!», всегда можно спросить: что говорит подобное *утверждение об утверждающем?*

7 [62]

Только теперь у людей смутно брезжит сознание того, что музыка – это знаковый язык аффектов; позднее научатся распознавать систему инстинктов музыканта по его музыке. Разумеется, он и не думал, *что этим себя выдаст*. В этом *невинность* таких признаний – в отличие от всех написанных произведений.

Но и у великих философов есть эта невинность: они не осознают, *что говорят о себе*, – они полагают, речь идет «об истине», но на самом деле речь идет о них самих. Или более того: самый мощный их инстинкт пробивается наружу с превеликой бесстыдностью и невинностью основного инстинкта – *он* желает быть господином и по возможностью *целью* всех вещей, всего происходящего! Философ – лишь повод и возможность *для инстинкта обрести дар речи*.

Существует гораздо больше языков, чем принято думать, – и человек выдает себя гораздо чаще, чем желает

того. Что только не говорит! Однако слушающих все еще очень мало, так что человек разбалтывает свои признания в пустом пространстве: он такой же расточитель своих «истин», как солнце – своего света. Разве не жаль, что нет ушей у пустого пространства?

Есть взгляды, при которых человек ощущает: «*только* это *истинно и правильно* и поистине человечно; кто думает иначе, тот заблуждается», – такие взгляды называют религиозными и традиционными. Ясно, что *здесь говорит суверенный инстинкт*, который сильнее человека. И всякий раз инстинкт верит, что обладает *истиной и высшим понятием «человека»*.

Есть множество людей, в которых инстинкт *не* стал *суверенным*; у таких людей нет убеждений. Вот первая характеристика: всякая законченная философская система доказывает, что философом правит инстинкт и что существует твердая иерархия. Тогда это зовется «*истиной*». Сопутствующее этому ощущение: с этой истиной я на высоте «человека», все прочие – *более низкого типа*, чем я, во всяком случае, в качестве познающих.

Среди людей наивных и грубых царит убеждение, что их обычаи и вкусы – *наилучшие*. Культурные народы в этом вопросе более терпимы, но *тем строже* держатся они своего высшего масштаба добра и зла: тут они хотят иметь не только *самый тонкий* вкус, но и единственно оправданный.

В этом проявляется *царящая повсюду форма варварства*: люди еще *не* ведают, что *мораль есть дело вкуса*.

В остальном в этой области особенно много *надувательства* и *вранья*: *морализирующая* и *религиозная* литература – *самая лживая*. Главенствующий инстинкт, каким бы он ни был, использует *хитрость и ложь* против других инстинктов, чтобы сохранить свое верховенство.

Наряду с религиозными войнами непрерывно ведется и *война моральная*, т.е. инстинкт хочет *подчинить себе* человечество; и чем больше будут отмирать религии, тем *очевиднее* и *кровавее* будет эта борьба. Мы находимся только в начале!

7 [63]

Апперцепция – это поначалу лишь деятельность («произвольные» движения!)

7 [64]

Моя теория: в *каждом поступке* человек проходит *все развитие* психической жизни.

Уже чувственные восприятия – это действия: чтобы воспринять нечто, должна уже *функционировать активная сила*, которая принимает раздражение, *предоставляет* ему действовать и *приспосабливает* к себе, *модифицирует* его.

Это факт, *что непрерывно производится нечто абсолютно новое.* «Причина и следствие» – это лишь популярное обобщение «средств и цели», т.е. еще более популярной логической функции, которой *ничто* не соответствует в действительности. Нет никаких *окончательных* явлений, кроме как для существа, которое уже создало *начало и конец.*

И в духовном развитии постоянно производится нечто *новое.* Ощущение и представление совершенно *не выводимы друг из друга.* Мысль и чувство!

7 [65]

«Произвольное» движение низших организмов – это – – –

7 [66]

Во-первых: как делают человека своим господином?

во-вторых: как – – –

7 [67]

Вовсе не желательно переваривать все, что породило прошлое: так, я бы очень хотел, чтобы *Данте* оказался нам не по вкусу и не по желудку.

7 [68]

Видеть в «Гамлете» вершину человеческого духа – означает, по-моему, быть скромного мнения о духе и его вершинах. Прежде всего, это *неудавшееся* произведение: его творец подтвердил бы мне это со смехом, если бы я сказал ему об этом в лицо.

7 [69]

Почему наряду с карательным правом не возникло сразу и воздающее право? Почему государство не взяло на себя и благодарность одних лиц по отношению к другим?

«Право», по Иерингу, — *это обеспечение жизненных условий общества в форме принуждения.*

Не сам по себе поступок зол, но постольку, поскольку и т.д.

Например, человек вне закона может быть *умерщвлен* безнаказанно.

Истязания и *пытки* со стороны государства.

Воровство у египтян.

Коллективная совесть и *ответственность.*

Наказывают не за вину.

Преступление как *невезение.*

Различать между дурным (презренным) и злым.

Мораль власть имущих и подданных.

Чудовищная *сложность* возникновения современных моральных определений ценности — но и *чувство* **единства**.

Кто не хочет карать из-за свободы воли, не имеет права и хвалить, благодарить, гневаться, ведь основная вера *всех аффектов в отношениях*———

7 [70]

Чувство мести — это сознание ущерба, во-первых, в действительности, во-вторых, в своей вере в собственную власть (разум, страх и т.д.). И то, и другое требует ответного акта, а именно: 1) *защиты,* 2) *замены* и 3) *восстановления чувства власти* — **совершенно независимо от веры в виновность обидчика**. *Чувство мести не имеет ничего общего с верой в свободу воли.*

7 [71]

Органическое — нравственное.

Свобода воли.

Зло как предварительная ступень добра.

7 [72]

«Что *хорошо* для меня, хорошо и само по себе» – это суждение может принадлежать только сильному, кто *привык устанавливать ценности.*

7 [73]

То, *что* вообще морализируют, наверное, еще никогда не осознавалось как проблема. *Необходимо* ли, чтобы люди вечно морализировали? Или мораль может отмереть, как это произошло или происходит с астрологической или алхимической мыслью? Если необходимо, то для чего? Для жизни? Но что жить можно и без нравственных суждений, доказывают растения и животные. Или для того, чтобы жить счастливо? Вышеназванные животные доказывают также, что жить можно и счастливее, чем человек, – и без всякой морали. Итак, мораль не может быть необходимой ни для жизни вообще, ни для того, чтобы жить счастливо, – чтобы уж не идти совсем далеко и не возлагать на мораль ответственность за то, что человек страдает больше, чем животное: ведь это большее страдание может иметь совсем другие причины, а мораль, может быть, и есть средство воспрепятствовать еще большему страданию. Несомненно лишь, что если бы стать более счастливым и менее страдающим было бы нашей целью, то самым рациональным было бы постепенно принимать животный облик, для чего понадобилось бы во всяком случае отказаться и от морали. А если человек хочет не только жить и не жить счастливее, то чего же он хочет? Мораль же гласит: так-то и так-то следует поступать – почему «следует»? *Итак, мораль должна все это знать*: это «почему», эту цель, которая не есть ни жизнь вообще, ни жизнь более счастливая. Но она не знает этого! Она противоречит себе! **Она приказывает** – но не может оправдаться. *Приказание – вот ее сущность*!

Итак, зачем мораль? Долой всякое «ты должен»!

7 [74]

Чувство «*плохого*» совершенно иное на той ступени, где вина собственно никак не связана с намерением: Эдип (скорее *запятнанность* и несчастье).

Собственно в *благородной* морали нет «плохого», а вот «зло» всегда внушает некоторое почтение или сочувствие.

7 [75]

Поступки, например воровство, *сопровождаются* совсем иными группами чувств и суждений, если они считаются разрешенными.

Сравнивая разные народы, можно доказать, что *нечто* может восприниматься *здесь* как *хорошее*, а *там* — как *плохое*, однако *противопоставление* «хорошего» и «плохого» есть везде: разница только в *рубрикации* поступков. *Но* есть и различия в общем суждении о плохом и хорошем!

7 [76]

Животные следуют своим инстинктам и аффектам, а мы — животные. Разве мы делаем что-то другое? Может, это только *видимость*, что мы следуем морали? А в действительности мы следуем нашим инстинктам, мораль же — только *знаковый язык* наших инстинктов? Что такое «долг», «право», «благо», «закон» — какая инстинктивная жизнь соответствует этим абстрактным знакам?

Если мораль гласит: «ты должен стать *лучше*» — почему «лучше»? Ни из жизни, ни из более счастливой жизни это не вытекает. Следовательно, *недоказуемый императив*, бесцельный приказ — это и есть мораль?

Но ведь «лучше» — невозможно *помыслить* без цели.

7 [77]

Из чего действуют? Вот *мой* вопрос. «Зачем?», «для чего?» — дело второе. Или *из удовольствия* (*избыточной* силы, которая рвется наружу), *или из неудовольствия* (подавление воли к власти, которая хочет освободиться или взять реванш). Вопрос «как действовать?» ставится так, будто нечто может быть достигнуто только действием; однако ближайшее - это с*амо действие как успех*, как достигнутое, *независимо* от последствий действия.

Итак, не *ради счастья*, не *ради пользы* и не ради защиты от неудовольствия действует человек, — но расходуется *определенная масса силы*, захватывая то, на чем она может себя выместить. То, что называют «*целью*», «*назначением*»,

есть в действительности *средство* для этого непроизвольного процесса взрыва.

Одна и та же масса силы может разряжаться тысячью способов: в этом «свобода воли» — чувство, которое в случае взрыва одинаково хорошо служит сотне самых разных действий. Чувство определенной *случайности* действия в ситуации избавления от напряжения.

Мое решение: степень силы оплодотворяет дух, который, представляя множество целей, выбирает одну из них, обещающую разрядку для чувства: таким образом, имеет место двойная разрядка — сначала в *предвкушении* снимающей напряжение цели, потом в самом действии.

«если бы я сделал это, я стал бы себя презирать, я был бы несчастлив». Это означает: не совершать поступков *из-за последствий для моих ощущений.*

Гельвеций полагает, что мы в сущности спрашиваем, *когда у нас появляется возможность действовать*: «каковы будут последствия этого действия для моего ощущения?»

Стендаль о любви, с. 252.

Но *первый* факт уже в том, *что* перед ним открывается такая возможность: благородный видит нечто, о чем обыкновенная душа не имеет никакого понятия.

Имеется чувство избыточно заряженной силы — представленная цель действия дает *предвкушение* разрядки и тем самым *еще больше побуждает к действию*; последующее действие дает собственно разрядку.

Так обстоит дело! *Представленная цель увеличивает жажду разрядки, доводя ее до предела.*

Итак, **счастье**, «удовольствие» как цель действия — это всего лишь средство наращивания напряжения, его нельзя путать с тем *счастьем, которое заложено в самом действии*. Финальное счастье очень определенно, счастье в действии можно было бы обозначить сотней подобных определенных образов счастья.

Итак, «тем самым» — это иллюзия: «я делаю это, *чтобы* пожинать счастье». Так дело не обстоит. Действующий *забывает* о собственно *движущей силе* и *видит* **только** «мотив».

«Счастье достигнутой цели» — *порождение напряжения силы*: такое же предвкушение и нарастающий подъем. *Эвдемонизм*, таким образом, есть следствие *неточного наблюде-*

ния. Действуют *не* ради удовольствия — *но такова иллюзия действующего.*

7 [78]

Дюринг, Cursus, с. 147: «механическое состояние тела — часть состояния космической механики».

7 [79]

«Я не имею права наказывать — потому что он ни при чем». Это «я не имею права» означает: я стал бы действовать *неразумно,* как будто хотел бы наказать дерево, которое кого-то убило.

7 [80]

Подверженные страху, обладающие сильной фантазией и изъявляющие готовность подчиниться самим себе и легко примириться, — из-за страха и боязливой фантазии постоянно думают, что им грозит опасность, и *поэтому* осуществляют *чрезмерную, уничтожающую* **месть** — месть за страдание, которое им по большей части лишь *мерещится в страхе.*

7 [81]

Органическое существо обладает 1) силой химического присваивания и 2) определенными скачками, регулирующими эти химические процессы. Когда *случайно* сходятся оба эти фактора, так что время и сила этих скачков регулируют процессы присвоения и исключения, — возникает органическое существо. Таково последствие *древних видов существ* — с их регулярными скачками и процессами роста.

7 [82]

Жалующийся *не* хочет *признаться себе,* насколько *полезна* была ему боль. В этом проявляется его *инстинкт мести:* он хочет словами причинить боль и показать свою власть над тем, что его ранило.

7 [83]

Насколько мы живем в *удовольствии,* проявляется в том, что боль ощущается нами куда **сильнее**, чем радость.

7 [84]

Истина и мужество — только у *свободных*. (Истина — *разновидность мужества*).

Преступник как несчастливый человек: форма гуманности.

Рабство *портит*.

на большинство обид не реагируют, — им *подчиняются*. (Нет у Дюринга!)

7 [85]

Благородный — добрый

Свойства *личностей* — позднее *перенесенные* на поступки.

7 [86]

Борьба частей за пространство
за пищу
при наличии или отсутствии раздражителя

2) Прямая борьба, приводящая к разрушению или к ассимиляции слабых.
3) Сильные дают больше потомства, чем слабые.

преимущество получают те, кто при меньшей родственной близости легче регенерируются и меньше тратят себя.

лучшая способность прокормиться и меньшие траты на собственные потребности — оборачивать их в моральное чувство! — благоприятные условия для роста и тем самым для единоличного господства.

При недостатке питания первыми вымрут те, кто *потребляет* больше питания.

Преимущество у тех, кто, реагируя на раздражители, расходует себя наиболее экономно, кто благодаря лучшей ассимиляции питания и регенерации укрепляется настолько, что обращает в избыточную компенсацию и раздражение.

В моральном плане: ценность **боли**, *раны*.

Способность сопротивляться давлению дает преимущество.

7 [87]

Мужество, стыд, гнев сами по себе не имеют отношения к понятиям.

Физиологические факты, чье название и *душевное* понятие — лишь символ.

Что сообщает язык о *названиях аффектов*?

ira[1]

Что значит — изменить человека посредством морали? то есть истощить физиологически постоянным страхом или сильным волнением

Изучить воздействие болезней на *аффекты*.

7 [88]

моя задача: расположить добрые инстинкты так, чтобы они оголодали и начали действовать.

7 [89]

О наличии в высшей степени совершенных механизмов приспособления. Ру, с. 43. Выход животных из воды

7 [90]

Только в мужчине проявляются *типичные семейные черты*; менее всего — у раздражительных и возбудимых юношей. Сначала все должно утихнуть, а число внешних воздействий уменьшиться или, с другой стороны, должна уменьшиться *возбудимость*. Так, *стареющие* народы красноречивее в отношении своих типических черт и обнаруживают их более явно, чем во времена своей *цветущей юности*.

7 [91]

Борьба приводит к тому, что *остаются лучшие*.

7 [92]

Соперничество граждан между собой, лишь самые способные добиваются *значительного* влияния: так сохраняется государство.

Относительная самостоятельность частей даже в высших организмах. Ру, с. 65.

7 [93]

О действительном наличии неравенства. Ру, с. 69.

---

1 Гнев (*лат.*)

7 [94]

Как клетка физиологически сосуществует с клеткой, так и инстинкт—с инстинктом. Самая общая картина нашего существования—это *сообщество инстинктов*, с постоянным соперничеством и отдельными союзами между собой. Интеллект—объект соперничества.

7 [95]

Если качество клетки в химическом отношении устроено так, что ассимиляция превосходит разложение, т.е. имеет место избыточная компенсация израсходованного и происходит *рост*, то это важное свойство обосновывает *господство* над всеми другими с<войствами>.

Мы не знаем ни одного организма, ни одной клетки, которая не имела бы этой силы на любой стадии своей жизни: без нее не могла бы *распространяться* жизнь.

Борьба за пищу и пространство происходит в клетке, как только наступает неравновесие в ее составных частях.

Процессы, которые благодаря притоку раздражителей повышают жизненную способность, в частности ассимиляция, при которой раздражитель обладает трофическим действием, стимулирующим процесс питания. Это основное условие для растений, чье *питание* полностью зависит от солнечного света и тепла (электрический свет также способствует быстрому росту и плодоношению).

Итак, *влияние раздражителей на ускоренную ассимиляцию* —в области морали: умножение власти тогда, когда возникает множество *тончайших раздражителей* и увеличивается потребность их *усвоения*, ассимиляции. (В еще большей степени в отношении чужих, иноземных представлений—греки.)

Более легко *возбудимая субстанция* вбирает в себя и *больше раздражителей.*

7 [96]

Право—воля к увековечению определенного соотношения власти. Удовлетворение этим—предпосылка. Все достойное уважения привлекается для того, чтобы представить право как нечто вечное.

7 [97]

Практический вывод. Изменение характеров. Взращивание вместо морализаторства.

работать посредством прямого воздействия на организм, а не косвенного – этического воспитания. Другая телесность затем *создаст* себе *другую* душу и обычай. Итак, *поворот*!

плебейское недоверие к аффектам у Сократа: они безобразны, дики – поэтому их надо подавлять; отсюда идея *благородства* у *Эпикура*, еще до *стоиков*. Эти последние, однако, *понятнее для народа*.

Точно так же христианский святой – это плебейский идеал.

7 [98]

Возникают процессы, где раздражитель необходим, где он *становится жизненным раздражителем*: иначе – распад и исчезновение.

Это процессы самого высокого уровня.

Все это происходит *без* борьбы индивидуумов.

При отборе в борьбе индивидуумов выбираются для длительного сохранения те свойства, которые оказываются полезными для всего индивидуума.

Итак, должно возникнуть много видов морали; борьба их носителей и победа *надолго сохранят* тот вид морали, который *полезен* и совершенно необходим для *жизни* самым сильным.

Бесчисленные *подходы* к моральным оценкам ценностей должны производиться по мере выработки *основных* сильных *чувств*.

Абсолютное требование, чтобы лучшая *мораль* была связана с *самыми сильными индивидуумами*; кто же они?

Все государства и общины суть нечто *низшее* по сравнению с индивидуумом, но *необходимое* для его возвышения.

7 [99]

«Высший разум» **жалобы** в том, что человек еще и *углубляет* свою боль, не торопится отпустить ее – мобилизуя всё *более высокие* силы – ваятель себя самого!

7 [100]

Точно знать, что причиняет нам боль и как легко другой причиняет нам боль, и в то же время предопределять его ход мыслей таким образом, чтобы он не попал на болезненный для нас путь, — в этом суть любезности многих людей: они доставляют радость и заставляют других изливать радость, потому что они *очень боятся боли*. Это называют «*чуткостью*». У кого отталкивающая и грубая натура, тот не обязан ставить себя на место другого и поэтому *чаще причиняет* другому *боль*; он *не предполагает* столь легкую уязвимость.

7 [101]

аристократический принцип, усиливая сам себя, изобретает все более высокую разновидность высших. Властвующий становится все более властвующим над самим собой, излучающим силу: видно, что у благородства много степеней и что в самом человеке заключено нечто *растущее*.

7 [102]

Власть в представлении тех, кому *нужно было* ее *бояться*.

7 [103]

Интерес к себе подобному, к его многообразию возможен лишь тогда, когда ты *интересен себе самому*. *Но чем этот интерес к себе сильнее, тем менее нам по вкусу все чужое: брезгливое отвращение к чужому столь же велико, как и интерес к себе.*

Результатом этого брезгливого отвращения оказывается *уничижение* и *холодность* ко всему чужому.

Но если человек *противен самому себе*, это может *послужить мостом* к *общему человеческому сочувствию* и сближению 1) возникает потребность в другом, чтобы забыть о себе: общительность у многих; 2) возникает предположение, что другой тоже *противен* себе, и как только это замечают, исчезает зависть к нему: «мы равны»; 3) как мы выносим самих себя, при всем недовольстве собой, так мы привыкаем выносить и «себе подобного». Мы больше не презираем, брезгливое отвращение *спадает*: сближение. Так учение об общей греховности и недостойности людей *сближает все теснее*. Даже на по-настоящему сильных смотрят теперь сквозь другую фантазию: «в *сущности* это бедные жалкие люди».

7 [104]

Люди, эти ходячие законодательства

7 [105]

приговор «хорошо» возникает в нас как продукт вкуса с такой деспотической непререкаемостью, будто речь идет о соленых огурцах или о том, каково мне стоять рядом с плюющимся человеком.

7 [106]

не терять аффект дистанции!

7 [107]

Завоевывать — самое естественное следствие *избыточной* власти: это все равно что **созидать** и **рождать**, т.е. это *воплощение собственного образа* в чужом материале. Поэтому высший человек должен *созидать*, т.е. накладывать на других отпечаток своей высшести, будь то как учитель *или как* **художник**. Ибо художник желает **сообщить** *себя*, а точнее *свой* вкус: художник *для себя* — это противоречие. Так же обстоит и с *философами*: они хотят сделать свой вкус *господствующим* в мире — *и поэтому учат* и **пишут**. Всюду, где есть избыточная власть, она хочет завоевывать: этот инстинкт нередко называют *любовью* — любовью к тому, *на ком* желает выместить себя завоевывающий инстинкт. *Тщеславный* хочет нравиться, хочет быть *по вкусу другим*; в этом проявляется недостаток созидательной силы: он «пуст». Ненастоящий, лицемерный, и даже умный, осторожный человек боится вкуса других; предпосылка — все тот же недостаток избыточной силы. В то же время не ведающие колебаний, дерзкие, упрямые, беззаботные, откровенные, стремительные, неосторожные легко обретают то количество силы, которое создает слишком большое напряжение и вынуждает действовать — *вопреки пользе. Этим* объясняется, в частности, что *разумная осторожность* не слишком в чести у сверхсильных: быть умным — легкий признак слабости. С другой стороны, *неумное* действие порой бывает благородным, так что заслуживает похвалы и *бескорыстный*: ведь бескорыстный, т.е. тот, кто действует **не** *умно* и **не** *осторожно*, поступает как тот, кого *переполняют* силы, и какая ему разница, *для чего* их применять. Расчетливого пре-

зирают, но тот, *кто* **рассчитывает** *за всю общину*, **вызывает восхищение**. Ведь предполагают, что он «умен» *не избыточно: считается, что думать тяжело.*

Так возникает похвала мудрости: похвала тому, кто много и хорошо думает, легко считает, взвешивает, и все это не от ума ради пользы, но из любви к общине, с целью *увековечения* ее идей и институтов. Это нечто *редкое*!

7 [108]

Страх перед властью как продуктивная сила. Здесь царство религии. С другой стороны, это представляется высшим *стремлением человека* **соединиться** с тем, *кто сильнее всех.* Таково, к примеру, происхождение брахманизма, возникшего в господствующей касте как фантастическое продолжение потребности власти, вероятно, из-за *отсутствия* возможности ее разрядки в *войнах.*

Слияние с божеством может быть жаждой высшего сладострастия (по-женски истеричной у некоторых святых), или жаждой высшего спокойствия, тишины и духовности (Спиноза), или жаждой власти и т.д. Или даже следствием самой беспомощной боязненности, когда единственным спасением может быть бегство к богу. Самое утонченное — это, пожалуй, «преодоление милости» у мистиков.

7 [109]

Осознанное намерение при вредном поступке принимается во внимание не как само по себе «злое», но из-за того, что оно преувеличивает *опасность чужого, врага.* «Он хочет мне зла» или «он хочет зла».

Пока есть ощущение врага, нет признаков предосудительности и презренности злодеяния. Лишь когда преступник обнаруживает себя *вредным* и *одновременно* жалким, его поступок *осуждается с моральной точки зрения.* Таким образом, мораль начинается с *презрения.*

7 [110]

Тот, кто много и сознательно лжет и живет в ситуации, когда лгать тяжело и опасно, именно по этой причине необычайно чуток к *истине* — в то время как идеалисты и будничные добряки живут в постоянном тумане относительно

себя и своей воли и по сути *никогда* не *могут* сказать правду: их «вкус» недостаточно тонок для этого.

7 [111]

Если поэт хочет платить чистым золотом, он должен платить *собственными* переживаниями; потому и противится поэт, чтобы его ближайшие друзья выступали интерпретаторами: они угадывают, идя *вспять*. А они должны восхищаться тем, *куда* идет человек по тропе своих страданий, они должны научиться смотреть вперед и вверх, а не назад и вниз.

7 [112]

Предположим, *наказания* должны причинять страдания, пропорциональные преступлению; но в этом случае они должны быть пропорциональны и чувствительности каждого отдельного преступника к боли — т. е. тогда не должно *быть предварительного определения наказания за преступление*!

7 [113]

«Хороший» возникает лишь в *чувстве* своей *противоположности* — человека ему, хорошему, *вредного*, но при этом презренного. Усилия законодателей сводятся к тому, чтобы придать многим деяниям *видимость презренности*, связать их с позором, чтобы в чувстве позор навсегда был привязан к действию. У нас всякое преступление ощущается именно так. Иначе обстоит дело, когда преступником начинают восхищаться, когда он вызывает *избыточные* симпатии благодаря своему героизму и презрению к опасности. К примеру, *еретик* и вообще все сектанты часто снискивают уважение, приходящее на смену первоначальному презрению. Люди видят, что *имеют дело с силой*.

7 [114]

Интерес к общему древнее *интереса к себе*, во всяком случае, он долгое время был более сильным чувством. Разница в мировоззрении и вправду была невелика, так что при оценке поступков судили, исходя не из убеждений, а из *последствий*. *Вид* верил в себя и в *свои убеждения* как в *природный факт*, всякий легко ставил себя на место другого, о поступ-

ках не очень-то и задумывались, «они все разумелись сами собой».

7 [115]

Люди поступают совершенно иначе, чем говорят, — в том числе и моралисты. **Зачем** морализировать? Будьте честны! Главное в том, что мы должны. А всякие «*зачем*» — это лицемерие и ложь.

7 [116]

«замещающая добродетель»

7 [117]

Природа ничего не хочет, но всегда достигает чего-то; *мы* же хотим чего-то и *всегда достигаем чего-то другого*. Наши «намерения» — лишь «случайности».

7 [118]

Когда люди все делают для своего счастья, но на деле расходуют мало духа на то, что приносит им счастье, получается, что *раздумья* доставляют им *большое неудовольствие*.

7 [119]

Великие люди, как Цезарь или Наполеон, это живые типы! *Всякое другое* правление – *имитация*.

7 [120]

39) Наши поступки *трансформируют* нас: в каждом поступке задействованы какие-то силы, а какие-то *нет*, т.е. последние пребывают какое-то время в забытье: один аффект всегда утверждает себя за счет других аффектов, у которых он отнимает силу. Поступки, которые мы *совершаем чаще всего*, в конце концов становятся для нас *надежным убежищем*: они сразу требуют себе всю силу, и другим намерениям *трудно* пробиться. Точно так же трансформирует человека регулярное бездействие: в конце концов по каждому человеку становится видно, *преодолевает* ли он себя пару раз *каждый* день или плывет по течению. Вот **первое следствие всякого поступка** — *оно трансформирует нас*, — разумеется, в том числе и *телесно*.

40) К каждому поступку примыкает и *наше мнение* **о нас** в связи с этим поступком. *Наше мнение о нас есть также следствие всякого действия*, оно участвует в формировании нашей общей оценки себя: слабы ли мы, сильны ли, достойны ли похвалы или порицания, следует ли нам опасаться мнения других и можем ли мы позволить себе показаться в любом свете. Возможно, мы привыкаем к самообману, *следствием* чего является намеренная ошибочная оценка и искривление зрения; конечно, ложное видение, в свою очередь, демонстрирует себя в поступках. Лицемерие и недостаток доверия к самому себе, страх перед собой, презрение к себе – *все эти аффекты бессильных натур* непрерывно изменяют и тело. Возникает осознание недостатка самообладания, проявление **неблагородства** – даже в том случае, когда человек живет в одиночестве на острове.

7 [121]

38) Совершенно независимо от окружения происходят постоянные изменения ценности человека – в лучшую или худшую сторону:

1) потому что всякий поступок участвует в строительстве его системы аффектов;
2) потому что оценка, связанная с каждым поступком, также участвует в этом строительстве и становится причиной дальнейших поступков.

Пошлое, неблагородное растет – или уменьшается и т.д.

Пошлости вполне соответствует *телесный субстрат* и, конечно, не только в чертах лица!

7 [122]

NB. Абсурдность всякой похвалы и порицания.

7 [123]

гордость слабых так утонченна, потому что они опасаются, что никто не *верит* в их энергию и силу.

7 [124]

Как недавно это было, когда Кант со всей серьезностью предлагал совершать только поступки и т.д.!

7 [125]

Лично я привык видеть во всех суждениях морального характера лишь неуклюжий вид языка знаков, посредством которого хотели бы сообщить себе определенные телесные факты — тем, у кого есть уши. Но у кого до сих пор были для этого уши!

А то, что таких ушей до сих пор не находилось или на их месте оказывались ложные уши и ложные толкования, а сознание на протяжении тысячелетий напрасно об этом пеклось, *истолковывая само себя*, — есть лучшее доказательство этого.

Итак, я верю, что у понимания морали есть будущее и что с этим лучшим пониманием можно связывать надежды на улучшение человеческого тела.

7 [126]

37) Кто составил себе сколь-нибудь реальное представление о теле — сколько систем работают в нем одновременно, сколько при этом делается для и против друг друга, сколь тонко работают механизмы равновесия и т.д., — тот согласится, что все наше сознание по сравнению с этим представляет собой нечто бедное и узкое, что ни один дух даже отдаленно не способен на то, что требовалось бы здесь от него, и что самый мудрый преподаватель нравственности и законодатель чувствовал бы себя неуклюже и беспомощно среди этого механизма войны долга и прав. Как мало доступно нашему сознанию! Как часто эта малость ведет к заблуждениям и путанице! Ведь сознание — это инструмент, причем далеко не самый необходимый или достойный восхищения, если вспомнить о том, сколь много великого достигается без него. Напротив — может быть, нет другого органа, столь же плохо развитого, функционирующего с таким количеством ошибок: ведь это орган, возникший последним, и поэтому еще ребенок, — простим же ему его *детские шалости*! К этим последним принадлежит помимо многого прочего и *мораль* как сумма традиционных ценностных суждений о поступках и взглядах человека.

Итак, мы должны перевернуть иерархию: все сознательное — *второстепенно*; из того, что оно *ближе* нам и *интимнее*, вовсе не следует, во всяком случае, с моральной точки зрения,

что его нужно оценивать иначе. То, что *ближайшее* мы принимаем за *важнейшее*, — это *старый предрассудок*. Итак, переучиваться! В основных оценках! Духовное следует считать лишь знаковым языком тела!

7 [127]

Нравственность — попытка аффектов осознать друг друга.

7 [128]

34) Преклонение перед *авторитетом* увеличивается по мере уменьшения творческих сил.

7 [129]

35) *Ложные противопоставления*. Все (или многие) ступени еще соседствуют друг с другом, но *высшая* ступень никак не хочет признать низшую путем и средством: она должна быть ее противоположностью! В этом — *аффект дистанции*! У кого его нет или кто его не показывает, тот вызывает величайшие недоразумения, — например Эпикур.

7 [130]

36) *То же самое*. Например, самообладание какого-либо человека у кого-то вызывает мысль: «С ним надо быть поосторожнее, он хладнокровно думает о выгоде». А другой думает при этом: «С ним можно не сдерживаться и быть самим собой: он не выйдет из себя». *Многозначность* всех свойств — в зависимости от соображений ума, красоты, величия.

7 [131]

Будущее науки о морали.

Прощаясь на некоторое время с моральной проблематикой, я хотел бы, опасаясь, что не найду времени к ней вернуться, поделиться некоторыми советами с теми... и т.д.

7 [132]

неужели лишь посредством жуткой игры народных войн и революций можно надежнее и скорее всего достичь *высшего вида*? —

нельзя ли с помощью кормления,
взращивания,
исключения некоторых подопытных групп

7 [133]

Наше тело есть нечто гораздо более высокое, тонкое, сложное, совершенное, нравственное, чем все нам известные человеческие связи и общности: малые размеры его инструментов и слуг вовсе не аргумент против этого! Что до *красоты*, то здесь его достижение стоит выше всего — а наши *произведения искусства* лишь тени на стене против этой не только сияющей, но и *живой* красоты!

7 [134]

Экспансия в состоянии наслаждения (у Майнлендера, с. 64). Оно желает «демонстрировать себя, раскрывая себя — по возможности — всему миру». Объятья, подскакивания, танец, прыжки, смех, крики, вопли, пение, разговор. — Я вижу преизбыток сил, рвущихся наружу.

При неудовольствии происходит примерно следующее: «блеск глаз тускнеет, лицо бледнеет, члены теряют подвижность или сжимаются. Лоб морщится, глаза закрываются, уста немеют, руки цепенеют, человек съёживается, уходит в себя».

Температура меняется: в крайностях становится ниже, в наслаждении и гневе — повышается.

7 [135]

Кардинальные вопросы: поддаются ли темпераменты изменению? *Свойства воли* «можно сравнить с прорезями, в которые стекает воля при малейшем поводе: они расширяются до каналов». «Но уже младенец демонстрирует большие углубления под этими прорезями: характер (свою *форму* темперамента)».

7 [136] *Свойства воли.*

Зависть	Благожелательность
Алчность	Щедрость

Жестокость	Милосердие
Скупость	Расточительность
Лицемерие	Верность
Высокомерие	Смирение
Упрямство	Малодушие
Властность	Мягкость
Нескромность	Скромность
Подлость	Благородство
Косность	Гибкость
Трусость	Смелость
Несправедливость	Справедливость
Скрытность	Открытость
Вероломство	Порядочность
Наглость	Стыдливость
Сладострастность	Воздержанность
Низость	Честолюбие
Тщеславие	Святость

«Настроения»
Состояния воли
«ощущаемые движения»
Ощущение жизни (равнодушие) — его *модификации*:
Радость
Мужество
Надежда
Любовь
Ненависть
Отчаяние
Страх
Печаль.

Двойные движения

Гнев, ярость (воля сначала откатывается назад, концентрируется (ненависть), а затем внезапно устремляется наружу, чтобы разрушать).

7 [137]

30) *Исходная точка похвалы и порицания*: *слабый* человек хвалит и порицает, *потому что* именно так хвалят и порицают, в то время как *сильный* делает мерилом *себя*. Точно так

же делятся моралисты — по их *собственному* ощущению власти — на *законодателей и учителей уже данных законов.*

В борьбе утилитаристов обе партии сходятся во мнении? Бентам чувствует себя законодателем, Рэ — подчиненным.

7 [138]

«Состояние наших мышц определяет в широком охвате наше общее самочувствие, ощущение здоровья и силы, усталости, болезни и слабости — при любых движениях нашего тела мы удивительно точно (как в зрительном процессе) определяем масштаб сокращения, к которому принуждаем свои мышцы. Мы знаем и различные положения мышц, даже когда они пребывают в покое: усталый и особенно парализованный член мы *ощущаем* как тяжелый».

7 [139]

Кажется, что холодные предметы весят больше, чем теплые той же тяжести (по Веберу).

Когда два ощущения с достаточно коротким интервалом следуют друг за другом в одном месте, они сливаются в одно, — так же, как и ощущения, возникающие на очень близких друг к другу местах кожи.

7 [140]

Любовь: сильнейшее излияние, при котором воля хочет прорвать свою сферу, стать всем миром.

Любовь на основе таких свойств воли, как властность
сердечность
жажда славы (наслаждение духовным превосходством)
верность (дружба).

7 [141]

Ошибочные *упрощения*: например, видеть одно средство, упуская из виду сто.

7 [142]

NB. *Нравственное чувство как нечто чрезвычайно сложное. Поэтому* производит совершенно иное впечатление, когда говоришь «хорошо» вместо «полезно»: сюда примешано еще пятьдесят ингредиентов.

7 [143]

Безусловное лишь логически извлечено из условного, как *ничто* из бытия. Как «безусловное» —

7 [144]

27) Все то *почтение*, которое мы до сих пор испытывали к природе, мы должны научиться испытывать при наблюдении за телом: слишком жалкая привычка — давать себя тиранить «большим» и «малым»! Что говорят нам горы и лес — и далекие небесные тела, «что призывают нас к одиночеству» (Эмерсон) — «эти восторги целебны, они отрезвляют нас».

7 [145]

28) Смысл наших садов и дворцов (и, таким образом, смысл всякого стремления к богатству) *в томъ, чтобы удалить весь беспорядокъ и все низкое от нашего взора и создать родину душевному благородству*.

Большинство людей, правда, полагают, что станут *более возвышенными натурами, если* испытают на себе действие прекрасного покоя: отсюда эта страсть к Италии, путешествиям и т.д., отсюда всякое чтение, посещение театра. *Они хотят, чтобы их сформировали*, — вот в чем смысл их культурной работы!

Но сильные натуры сами хотят *формировать и не хотят иметь около себя ничего чужого*!

29) Так люди стремятся к величию природы не для того, чтобы найти себя, но чтобы потеряться в ней и забыться. «*Быть вне себя*» — желание всех слабых и недовольных собой.

7 [146]

Преимущество *холодных* натур: они преследуют свой интерес как более холодный предмет.

7 [147]

Не принимать ничего, что мы не в состоянии возместить, испытывать стыдливость и наслаждение при соприкосновении со всем хорошим, что мы узнаем, — благородно. «Давать себя любить» — низко.

7 [148]

Сострадание матери к ребенку почти такое же, что и наше к самим себе; так же относится художник к своему произведению и его судьбе. В этом нет ничего благородного: ведь наше *сострадание к себе* не имеет ничего общего с самим страданием!

7 [149]

Говоря «цели и средства», пользуются языком знаков, но этими словами обозначают *лишь* **второстепенное в действии** (его отношение к *сопутствующим явлениям* удовольствия и боли)

7 [150]

24) *Презрение к телу* есть следствие недовольства им, а переоценка духа и нравственных *законов* — это состояние тех, кто хотел бы *стать* чем-то более высоким и, блуждая среди «вечных ценностей», надеется стать больше. Эта потребность в непреходящем есть следствие недовольства: здесь воля к культуре является потребностью «недовольного собой».

7 [151]

25) Красота *тела* — художники поняли ее слишком *поверхностно*: за внешней красотой должна *следовать* красота всего организма; высшие художники *побуждают* к *созданию красивых людей*: в этом смысл искусства — оно делает *недовольным* того, кто чувствует себя перед ним устыженным, и заряженным на творчество того, у кого достаточно силы. «Хочу быть *таким*, как этот герой» — вот *следствие* драмы, побуждение творческой силы, обращенной на нас самих!

Эпикур относится к Стое как красота к возвышенному, но нужно быть по крайней мере стоиком, чтобы хотя бы заметить эту красоту! Чтобы ей завидовать!

7 [152]

26) Наше время с его стремлением устранять и предотвращать случайные нужды и заранее затевать войну с неприятными возможностями — это время *бедных*. Наши «богатые» — самые бедные! Истинная *цель* всякого богатства *забыта*!

7 [153]

Тейхмюллер (с. 204): Я *сравнивает* содержание своих идеальных представлений и находит *прежнее* сознание (или сознание, чье содержание дано в воспоминании).

Таким образом, Я *действует* при всяком ощущении времени. «Вневременное *соединение* и сравнение активного *воспоминания, ощущения* и *ожидания*—вот деятельность Я».

7 [154]

Против Канта. Разумеется, я связан *интересом* с тем прекрасным, которое мне нравится. Но это не голый интерес. Выражение счастья, совершенства, тишины, даже молчание произведения искусства, его согласие на то, чтобы его оценивали,—все это обращено к нашим *инстинктам*. Наконец, я ощущаю как «прекрасное» только то, что соответствует идеалу (*«счастью»*) моих собственных инстинктов, например, богатство, блеск, набожность, излучение власти, преданность—все это может ощущаться разными народами как «прекрасное».

7 [155]

20) Достаточно велико, чтобы позолотить презренное, достаточно духовно, чтобы понять тело как нечто высшее,— вот *будущее морали*!

Мы должны *жаждать* в наших намерениях и нашей воле того величия, перед которым *преклоняемся* в природе,— мы должны быть спасителями природы, а не обожествлять ее! «Обожествление природы»—следствие бедности, стыда, страха, глупости!

Наши поступки *должны* быть *поняты* **неверно**, как неверно понят Эпикур! Всякого пророка характеризует то, что его *скоро* понимали: это умаляет его значение! *Сначала нам нужно иметь людей, чье* **значение** *станет заметным через века* —наша «слава» до сих пор была слишком жалкой! Я хочу, чтобы меня долго не понимали.

С другой стороны, мы должны терпеть *неверное понимание* и видеть больше того, что есть: о, вы, только и старающиеся *понять* «великого человека»! Вашей силы должно было бы хватить, чтобы видеть высшие существа на сто миль *вы-*

ше его! Это называю я идеальным: видеть восход солнца там, где — зажжена свеча!

Это было бы высшим блеском *смерти*, если бы она *повела* нас *дальше*, в другой мир, и научила *наслаждаться* всяким становлением — а следовательно и нашей гибелью!

7 [156]

21) *Благородное чувство* **запрещает** нам только *наслаждаться* бытием, оно возмущается гедонизмом — мы *хотим* **совершить** что-то *против него*! Но в основном масса верит, что жить нужно для ничто, — и в этом ее низость.

7 [157]

Суждение о *человеке* с точки зрения *зверя*! Разве для него мы не паразиты?

7 [158]

22) *Паразитарность* как ядро низкого мировоззрения.

чувство, что *нельзя принимать что-либо, ничего не отдавая взамен*, — *благородное* чувство. Ничего даром! Никаких «милостей»! Но и никаких страданий, никаких — — —

7 [159]

23) «Для мудреца природа превращается в огромное обещание» (Эмерсон). Но ты и сам природа и вместе с ней даешь огромное обещание и хорошо следишь за тем, чтобы не выдать прежде времени свою тайну!

7 [160]

18) Боги как причина зла (грех и страдание). I 232

Откуда же взялось плохое у «хороших»?

Из затемнения понимания — а оно нередко дело рук богов.

7 [161]

19) *Aidos*[1] — это побуждение и робость: не оскорблять богов, людей и вечные законы; т.е. инстинкт *почтения* как хрони-

---

1 Чувство стыда, почтительность (*древнегреч.*: αἰδώς).

ческое свойство добрых. Своего рода *отвращение* к тому, чтобы оскорблять почтенного человека.

Греческое неприятие *чрезмерности*, в радостном инстинкте Hybris[1], нежелании выйти за *свои* границы — очень благородно и по-древнему аристократично! Оскорбление Aidos ужасно для того, кто привык к Aidos.

kóros[2] = *ὕβρις* Пресыщение, опьянение *счастьем.*

Hybris и гнев исключают друг друга (Евдемова этика, 1146 в), ибо Hybris предполагает наличие радостного, а гнев — болезненного свойства.

Свободные, умеренные изобрели *состязание* как все нарастающее усовершенствование потребности в выражении власти: благодаря *состязанию* предотвращается Hybris, возникающее от длительной неудовлетворенности влечения к власти.

Зависть — боль от настоящего или прошедшего счастья *друзей*: мысль совершенно греческая.

Если *гнев* «слаще меда», то слаще гнева———

7 [162]

Кто слишком *страдает*, тому *завидует* дьявол и изгоняет его на небо.

7 [163]

14) Когда рабы занимаются философией.

Какие натуры — рабские? Те, кто не знает, что хорошо и что справедливо, говорит Сократ. По Феогниду предать свободного человека — признак рабского состояния ума.

Их зависимость не дает им возможности быть *правдивыми*. I, 266.

7 [164]

Очень странно. Платон, Тимей, с. 86 и далее (1, 281), объясняет болезни души неправильным устройством тела: задача воспитателей и государства — лечить это. Если излечение не достигается своевременно, ответственность несут воспитатели и государство, *а не больные.*

---

1 Оскорбление, дерзость, насилие (*древнегреч.*: *ὕβρις*).

2 Пресыщение; надменность, наглость (*древнегреч.*).

7 [165]

«Болезненная склонность к грабежу храмов» — у греков.

7 [166]

Как мало фантазии у нас в отношении страданий, которые мы причиняем другим!

7 [167]

16) *Современное рабство* — варварство! Где те, *для кого* они работают? Не всегда нужно ожидать одновременного наличия двух дополняющих друг друга каст.

Польза и удовольствие — это *рабские теории* жизни: «благословенный труд» — это их прославление самих себя. Неспособность к otium[1].

7 [168]

15) *Старческий* образ мыслей: по Аристотелю это недоверчивость, слабость восприятия, робость, привычка постоянно искать пользу, а не моральное достоинство.

Истинная радость старости состоит в том, что *тебя почитают*, говорит Перикл. (Симонид полагал, что в наслаждении выигрышем.)

7 [169]

Происхождение морали.

Сами моралисты представляют собой нравственные факты.

Когда благородные занимаются моралью
Когда рабы и женщины Воздаяние
Когда старики
Когда больные и вырождающиеся
Когда бездеятельные
Рост и гибель морали, условия
Моральный *инстинкт.*
органическая функция добра и зла
совесть

---

1 Праздности (*лат.*).

7 [170]

Борьба *различных типов морали* — средство их развития. Застывшие типы морали (китайские).

7 [171]

12) **Сострадание**: я свожу его к непроизвольному подражанию *знакам*, которые видят.

7 [172]

13) Действия, которые составляют благоденствие сообщества, организма, возникли *не ради этой цели*: все нравственные привычки имеют предысторию, всякий вид деятельности *первоначально* имел другую цель и другой *смысл*. Подобно тому, как и зрение не было намерением при возникновении глаз, и как глаз вновь стал использоваться для *выражения чувств*.

7 [173]

Средства для выражения, сообщения себя: *первоначально* не было намерения сообщать себя; всякое *сообщение* есть по сути дела желание принять, *взять*, *присвоить* (механически). Вобрать в себя другого, а потом и волю другого: речь идет о *завоевании другого*. *Сообщить себя* — первоначально означало *распространить на другого свою власть*: в основу этого инстинкта лег старый знаковый язык: *знак* есть (часто *болезненное*) *отпечатывание воли на воле другого*.

объясняться посредством толчков (муравьи).

NB. *Раны* другого суть тоже знаки *знакового языка более сильного*.

Таким образом, *понимание* есть первоначально восприятие боли и признание чужой власти. *Быстро, легко понимать* весьма благоразумно (чтобы получать как можно меньше тумаков)

наиболее быстрое взаимопонимание есть *наименее болезненное взаимоотношение* — поэтому к нему *стремятся*

негативная симпатия — исходно создательница *стада*.

7 [174]

8) Нравственный способ рассмотрения действий: *органические функции* индивидуумов, при которых цель не и<нди-

видуум>, а некий *высший принцип* (высшим принципом может быть и сообщество); или более того: попытка преобразования в органические функции. Когда живые формы встречаются друг с другом, постоянно возникает взаимодействие и совместная попытка создания живого организма. Так ч<еловек> к ч<еловеку>.

Но следует рассмотреть и неудачные действия на предмет этого функционального качества! Их полезность в этом внеиндивидуальном смысле! Организм существует благодаря *борьбе*!

10) NB. Сопутствующие явления многократно *менялись*: кое-что из того, что теперь связывается с неудовольствием, раньше относилось к удовольствию. Даже великие проявления *здравого смысла* раньше могли производить впечатление *вдохновения*: совершенно иная оценка *здравого смысла*, как чего-то демонического.

11) *Наслаждение* от *причинения вреда*; злоба, клевета, вражда из *страсти*. Наслаждение убийством. При каких обстоятельствах оно *естественно*? Когда является патологией? Атавизмом?

7 [175]

9) Разве законы направлены против злодеев? Нет, против *новаторов*, а *не* против злодеев и «плохих»!

«Плохой» сначала был контрастным порождением хорошего.

Так и *нравственная совесть*—нечто *позднее*, одновременно с *нечистой* совестью стала **активной** и *чистая* (*постоянное* **удовольствие** от своих импульсов).

7 [176]

Стремление к счастью глупейшим образом интерпретируется людьми как стремление к *наслаждению*, а *атрофированная способность* к наслаждению считается аргументом против *эгоизма*. Гартман, с. 501.

7 [177]

Сложность современного морального чувства. В современном чувстве присутствует «нравственное»: *инстинкт* почи-

тания, помощи, благородства, преданности, мужества, благочестия, пользы, целесообразности, общей пользы.

7 [178]

4) *О моральном инстинкте.* Более всего у древних и не менявшихся народов.

Мы не наследуем *знания* наших предков как животные — вследствие больших перемен в образе жизни (см. Ру, с. 37); однако у всех остановившихся в своем развитии народов что-то в этом роде сохранилось. Как раз *моральные инстинкты* суть результаты многих сходных опытов малоподвижных народов. Начинается *большое движение* — инстинкты вскоре улетучиваются. Есть целый ряд апробированных правил поведения (прежде всего манеры поведения и жесты, например защита, почитание и т.д.), к которым прибегают инстинктивно.

7 [179]

Теория Эпикура. Боль наступает, когда возникает препятствие для удовлетворения какого-либо *вожделения, желания.* Удовольствие, устранение препятствия — негативно. Искать удовольствия было бы глупо — искать чего-то негативного! Целью может быть отсутствие страдания! Где есть удовольствие, можно предположить предшествующее неудовольствие.

7 [180]

6) Там, где средства власти недостаточны, возникает *запугивание, террор,* поэтому всякое наказание ради устрашения есть знак, что позитивная *добродетель, исходящая* от сильных, недостаточно велика: знак скепсиса по отношению к собственной власти.

7) Власть должна крепко стоять на ногах и иметь свой *центр тяжести. Противоположность* этому: Шмидт (II, с. 269). Этому соответствует определенный тип морали.

7 [181]

5) *Бездействие:* вздохнуть свободно — уже высшая цель! В лучшем случае *праздность* — но не созидание!

7 [182]

NB. *Эгоизм – это не моральный принцип*, не «ты должен!», а только «мне надо».

7 [183]

Проблема борьбы различных типов морали: эллинская идея в борьбе с афинской. *Община* и *имперская власть*. II, с. 273.
1) Борьба моралей

Мужественность нации меркнет (с. 274), что находит отражение и в культуре. Эпикур.

7 [184]

Красота сообщает созерцающей душе *окрыляющую силу*, способствующую **рождению** *благородных мыслей*. Платон.

7 [185]

II, 353. **Предосудительно**, по Сократу, если *не* можешь *отплатить за доброту*. Таким образом, в греческой дружбе «нет безобидного принятия». **Основывать** *свои дружбы* **на оказании благодеяний**! Перикл – Афины. Важно!
2) Мораль *силы*.

7 [186]

Есть непрерывная цепь *обид, вытекающих из обид*, в том числе в мелочах: на войне уже не знают, кто преступник. Кровная месть есть лишь самое сильное выражение подобных процессов среди *равных*.

Расплата.

7 [187]

Радоваться страданию *врагов* – это *не несправедливо*. Сократ, II, с. 357.

7 [188]

Диоген: для добродетели необходимы или *хорошие друзья*, или суровые *враги*.

7 [189]

Ненависть нравственна, зависть — *нет*.

Счастье в нанесении урона врагам. С. 362.

7 [190]

Борьба тканей должна привести к равновесию частей, иначе целое погибнет.

Ткани, обладающие *слишком большой жизненной силой*, обрекают целое на гибель, пусть даже сами по себе они и полезны. Таковы, например, опухоли, т.е. наделенные большой жизненной силой ткани: они развиваются за счет места и пищи других и разрушают целое.

Уже вследствие аномального **ослабления** одной ткани другая может добиться *преобладания*.

Недостаток равновесия между тканями быстро ведет к смерти индивидуумов и к *элиминации* их самих вместе с их *вредными свойствами из рядов живущих*; лишь состояния равновесия сохраняются: так достигается *гармоническое единство целого организма за* счет самоустранения всего отклоняющегося от нормы.

Борьба тканей становится *регулирующим принципом* — принципом *функционального самоформирования наиболее целесообразных соотношений величин*.

7 [191]

К наиболее мощным факторам прогресса государства относится не только борьба с соседними народами и развитие обороноспособности, но и конкуренция представителей одного сословия между собой и *конкуренция* самих *сословий*.

7 [192]

Умолкание перед прекрасным есть глубокое **ожидание**, желание *внимать* самым тонким и далеким звукам. Мы ведем себя подобно человеку, который весь превращается в слух и зрение: красота *имеет что сказать нам*, **поэтому** мы **затихаем** и *не* думаем *о том, о чем мы обычно думаем*. Тишина, задумчивая, терпеливая — это **лишь подготовка, не больше**! Так обстоит дело со всяким созерцанием...

Но что за *спокойствие, чувство удовлетворенности, свобода от напряжения?* Очевидно, происходит чрезвычайно **равномерное** *излияние нашей силы*; при этом мы словно *уподобляемся* высоким колоннадам, через которые мы проходим, придаем нашей душе движения, которые в своем спокойствии и грации суть *подражания* тому, что мы видим. Так же, как благородное окружение сообщает нам благородство манер.

7 [193]

Сначала приспособление к произведению, а **позднее** *приспособление* к *его творцу*, говорящему на языке знаков!

7 [194]

«До сих пор все хорошие свойства организма выводили только из отбора в процессе борьбы за существование среди индивидуумов!»

7 [195]

Защита от чужого: не дать стимулу действовать *формирующе* и противопоставить ему грубую оболочку и враждебное чувство: для большинства в этом *потребность* выживания. *Но самый богатый святой живет среди преступников* как среди своих.

—таким образом, свободомыслие морали имеет границу там, где побуждение чужого воспринимают лишь как *вредоносное*, а не как *стимулирующее*.

Кто преисполнен святости, тот и среди самых злых чувствует себя как дома, а всякое отрицание—удел бедняков.

7 [196]

активному количественному и качественному *выбору питания* со стороны клеток, определяющему все развитие, соответствует то, что человек также *выбирает* события и соблазны, т.е. действует активно в тех обстоятельствах, которые на него обрушиваются,—*защищаясь* таким образом от многого. (См. Ру, с. 149)

7 [197]

Паразит вынуждает хозяина опутать его тонкой сетью капилляров и, соответственно, бóльшим сосудом. С. 151.

7 [198]

Инстинкты – это высшие органы, как я их понимаю: действия, ощущения и чувственные состояния, сросшиеся друг с другом, организующие себя, питающие – – –

7 [199]

Злые как *рудимент* (Шнайдер, с. 29).

7 [200]

Тщеславие и стремление к награде имеют *противоположное происхождение*.

Как слово считалось «конгруэнтным» вещи, так и то, что говорится о человеке, считается «конгруэнтным» ему: люди не *сомневаются* в абсолютном *познании* (познаваемости) человека. Поэтому мнение о ком-либо было абсолютно определяющим, а тщеславие ныне лишь *атавизм*; первоначально инстинкт еще не был так *унижен* (тщеславный теперь настроен скептически по отношению к самому себе). *Прежде не было мысли*, что кто-нибудь обладает какой-либо скрытой ценностью, ценностью для себя. Стремиться к хорошему мнению о себе было идентично тому, чтобы «быть хорошим». Тщеславный *подчиняется*, он хочет нравиться. Тот, кто стремится к награде, хочет, чтобы его воспринимали как *подчиняющего*, он хочет, чтобы им *восхищались*.

7 [201]

Мораль для моралистов

До сих пор моралисты отличались друг от друга в зависимости от своей преимущественной склонности: одни обращали внимание на то, как принято вести себя среди людей, другие – на то, как дóлжно вести себя. Но что у них общего, замечаешь, когда они начинают объяснять роль словечка «как?». «По каким мотивам так поступают? Вот о чем мы спрашиваем» – говорят одни. «По каким мотивам дóлжно действовать? Вот о чем спрашиваем *мы*»

— говорят другие. *То, что все действуют по каким-то мотивам,* — их общая предпосылка и их общая ошибка. Все они проглядели, что на *переднем плане* морального ландшафта — тот факт, *что* люди действуют и что нужно действовать и что так называемые мотивы не дают *для этого* объяснения.

7 [202]

Действительная нравственность бесконечно тоньше, сложнее, духовнее, чем *теоретическая*; последняя смущенно и неуклюже стоит в самом своем начале.

7 [203]

Всякая сохраняющая власть имеет в себе нечто *иезуитское*: она полагает, истина уже *здесь*, нельзя ничего искать. «Право», к примеру, должно быть уже здесь!

7 [204]

Полезность — очень высокий принцип! Да, его нельзя недооценивать! Но она связана со средствами («*низшими целями*») — оценка ценностей и скрижали благ должны уже быть в наличии!

7 [205]

Когда голодаешь, лучше съесть отравленный хлеб, чем не есть ничего!

7 [206]

Воля как *стремление к удовольствию* предполагает, что желание само стремится к своему концу. Гартман.

7 [207]

То, что достигается действием, принимается во внимание: мотив должен находиться в *представлении о результате действия* (например, о достигнутом состоянии души).

7 [208]

«Чего желает человек сразу, без рефлексий, так это удовольствия. «*Счастье*» — это многостороннее, утомительное, продолжительное удовольствие» (Гартман).

7 [209]

У *Эпикура* все дело в том, чтобы *правильно взвесить* соотношение удовольствия и неудовольствия: следовательно, *φρόνησις*[1] есть главная добродетель, фундамент; *мораль здравомыслия.*

Значение чувственного удовольствия в том, чтобы освободить от вожделений и потребностей, которые мешают *ἀταραξία*[2] души.

Блаженство как *конечная цель отдельной жизни.* Аристотель и все!

Итак, всех моралистов до сих пор губило *господство понятия цели.* «Должно же быть какое-то «зачем» в жизни!»

Даже *разумная сознательная жизнь есть часть* развития *бесцельной жизни* — ego.

7 [210]

Собственно *оценка* жизни зависит преимущественно от господствующих настроений: арийцы, когда они пришли на азиатский юг, ощущали всякое действие как страдание и всякое чувство точно так же; глубокий покой в тени был наивысшим бальзамом. *Ошибочное решение при выборе места жительства*, доведенное до крайности и превращенное в решение о ценности жизни. (Даже возникновение *государства* есть результат *усталости!*)

7 [211]

На основе инстинктов образуются *высшие* органы, и эти органы *борются* друг с другом за пропитание, раздражители — — —

Рука пианиста, управление ею и область мозга образуют вместе один орган (который должен быть *завершенным*, чтобы установилась тесная взаимосвязь). *Отдельные части тела, телеграфно соединенные между собой, — т.е. инстинкт.*

Шопенгауэр добавил к этому еще и *неосознанную цель!*

1 Ум, здравый смысл (*древнегреч.*).

2 Невозмутимости, спокойствию (*древнегреч.*).

7 [212]

Существенное в любом действии бесцельно или индифферентно к множеству целей.

7 [213]

Отказ от земного блаженства в пользу тысячекратно большего небесного — это *хороший гешефт.* Христианство и его проницательность!

добро у Гартмана, с. 26.

Награда и наказание у Христа.

Глупо не принимать христианство.

7 [214]

Добро нужно совершать скрытно, чтобы *не получить за него награду уже здесь* (Лука 14 (12–14), — иначе от человека ускользнет награда небесная.

7 [215]

Чем более безнадежны и дики земные обстоятельства, тем сильнее вера в потустороннее воздаяние — когда человек не может *рассчитывать* на земное счастье. Чем более суеверен народ, тем сильнее он верит в ад.

7 [216]

Бессмысленно ли наказание в ситуации несвободы воли? Но тогда мы не имеем права и ничего обещать, брать на себя обязательства и т.д., т.е. *делать что-либо.* А чтобы мы с уверенностью *могли* многое *обещать*, нам даются права, т.е. *преимущества.* Они отнимаются у нас, если мы *не выполняем того, что обещаем* — или прежде данные преимущества компенсируются *позднее.* (Наказание как поздняя *компенсация* за данные нам преимущества, *отъятие* обществом прежде данных нам прав и т.д., *переход в состояние вражды.* Общество *обманулось* в своих расчетах; взамен оно *отнимает* у преступника *столько, сколько может отнять*, например, назначает принудительные работы и т.д.)

7 [217]

Сегодня я сказал: «О, это хороший человек!» При этом у меня было чувство, будто я подержал в руках пре-

красное спелое яблоко с нежной кожурой: чувство нежности, словно меня к нему тянуло; чувство безопасности, словно мне позволено было отдохнуть под деревом; чувство почтения, словно это предмет, которого можно касаться только самыми чистыми руками; чувство сытости, словно я одним махом избавился от ощущения неудовлетворенности. Итак, моральному суждению «хороший» соответствовало *состояние во мне*, которое наступило при мысли об определенном человеке. Это то же самое, как если я назову камень «твердым».

7 [218]

Если блаженство *невозможно* (Гегесий), то цель жизни — отсутствие страданий: *вовсе без цели ее нельзя было бы понять*!

7 [219]

Общее стремление всех античных философов к свободе духа и разрыву всех *рабских цепей*. Это атавизм благородства *праздных*, которым больше нечего делать, как разлагать самих себя.

7 [220]

До последнего избегать причин боли — вот практика. Так сохраняют совершенно пустую *жизнь* и мысли о ней. Остается спросить: тогда от жизни нет спасения?

7 [221]

Эта вера в *цели* ведет к *пессимизму*.

Наоборот: цель в том, чтобы не чувствовать себя счастливым; поплутав по дорогам жизни, человек возвращается ими назад; чем больше он страдает, тем ближе он к *истинной цели* — «здесь не видно даже намека на намеренность» (Шопенгауэр). Гартман, с. 42: «Нравственность — паллиатив перед лицом решимости прибегнуть к радикальному лечению»; с. 43: «*Злодеяния* по отношению к нам — это в сущности *благодеяния*».

7 [222]

Отсутствие ценности жизни признано в цинизме, но оно еще не обернулось *против* жизни.

Нет — множество мелких преодолений и злоязычие здесь всех *удовлетворяют*!

7 [223]

Тейхмюллер: чувства удовольствия или неудовольствия суть *признаки* положения, которое Я как целое занимает относительно какой-либо деятельности: все это *воля*, если мы взглянем на Я как на первую из двух точек; две противоположные основные формы — *вожделение* и *отвращение*. Если же мы взглянем на *другую* точку, то деятельность как таковая остается *бессознательной*, однако относящееся к ней *Что* всякий раз осмысляется, и таким образом это *Что* становится знаком того, что мы хотим обозначить. Соответственно вожделению или отвращению мы называем идеальные точки «злом» или «добром» и таким образом обозначаем содержание соответствующих ощущений или воззрений. Все образы нашего зрительного восприятия и вся наша деятельность находятся в определенных регулярных отношениях: например, вид розы и ощущение ее запаха. Так, уже ребенок обозначает одно как *средство*, а другое — как *результат*.

7 [224]

Первая глупость: вся жизнь есть желание цели
эгоизм есть воля к собственному счастью.

Вторая глупость: нравственно служить чужой *воле* и быть самоотверженным.

тогда цель жизни не может быть в счастье — первое прозрение!

цель нравственной жизни должна заключаться в воле другого.

Но что же такое эта воля другого, как не воля к удовлетворению?

Мое мнение: намерения, желания, цели — вторичны, «стремление к счастью» на самом деле совершенно не всеобщее; но стремление к чужому счастью и отсутствие стремления к собственному («*отрицание*») *совершенно* **невозможно**, тогда как частичное стремление к собственному счастью *возможно*.

Всякое действие многое приносит и другим!

Отдельная воля преследует цель: счастье, – но его невозможно найти!

Тогда отдельная воля должна поставить себе целью волю другого, становясь средством для чужой цели –

Но господин фон Гартман! До тех пор, пока человек **поощряет** *какую-либо волю вообще* – будь то воля ближнего или воля мирового процесса, – он способствует *продлению нищеты*, причем уже после того, как он понимает, что всякая воля в сущности нищета! Тогда поощрение с его стороны – либо безумие, либо *злодеяние*.

Но здесь предполагается *и вторая бессмыслица*: что *возможно неэгоистическое действие*.

Первая глупость: *всякое действие есть желание удовлетворения*.

вторая глупость: существует неэгоистическое действие – действие как *отсутствие воли собственного Я*, но **воля** *чужого Я!*

7 [225]

Постановка *цели* – уже наслаждение; масса силы интеллекта уходит на то, чтобы обдумать цель и средства!

7 [226]

Желание как настойчивое чувство очень приятно! Это сопровождающее явление всякого *излияния силы*.

таково *всякое желание* само по себе (независимо от достижения)

7 [227]

Как можно не замечать глубокий недостаток благородства чувства в Христе, *еврейское* в нем, хороший гешефт и то, как он сердится на глупость – упустить его! Европейцы *вложили* во все это так много благородных чувств!

7 [228]

Мы *выбираем* факты, интерпретируем их – бессознательно. Желания, которые в нас застревают

Вопреки нашим целям и всем *сознательным желаниям* во всех наших действиях присутствует некий высший *раз-*

ум, гораздо больше гармонии и тонкости, чем мы осознанно от себя ожидаем.

7 [229]

Мы все еще не освободились от логической мании стариков: они ничто так не ценят, как диалектику, а также «намерения», «цели».

7 [230]

Большинство людей не способны ни на какие переживания: они недостаточно жили в одиночестве; всякое событие тут же смывает новое событие. Глубокая боль — *редкость* и дается как награда. В повседневной жизни больше *ума*, чем в стоицизме. Защита от скорби.

7 [231]

все наши *цели*, если глядеть на них издалека, смотрятся как попытки и броски костей — мы *экспериментируем*.

Мы должны твердо держаться произвольного и нелогичного в наших лучших целях!

Мы никогда не стали бы действовать, если бы *представляли себе* все последствия.

7 [232]

Слабость воли как следствие дезорганизации и признак гибели.

7 [233]

Кант говорит: под этими словами графа Верри (1781: sull'indole del piacere e del dolore[1]) я подписываюсь с полным убеждением.

il solo principio motore dell'uomo il dolore. Il dolore precede ogni piacere

il piacere non è un essere positivo[2].

---

1 О природе страдания и удовольствия (*ит.*)

2 Страдание — единственная движущая сила в человеке. Страдание предшествует всякому удовольствию. Удовольствие не есть положительное состояние (*ит.*)

7 [234]

«Чувствовать свою жизнь, наслаждаться — постоянно чувствовать, как тебя выносит из нынешнего состояния, которое должно быть столь же часто возвращающейся болью».

7 [235]

«Разумная воля может лишь уменьшить боль и подавить потребности» —

7 [236]

Кардано заключил, что нужно выискивать как можно больше страданий, чтобы посредством их устранения принести себе как можно больше удовольствия.

7 [237]

«Все действия личинки перед окукливанием сводятся не к собственному сохранению, но к сохранению готового насекомого, они соответствуют не потребностям стадии личинки, но потребностям полностью сформировавшейся особи» и т.д. (Шнайдер I, с. 58)

7 [238]

Высшая точка зрения **иезуитства**, в том числе социалистического:

Господство над людьми ради их *осчастливливания*

Осчастливливание посредством поддержания иллюзий, веры.

У меня противоположное движение: --

Господство над человечеством с целью его **преодоления**.

Преодоление посредством учений, от которых оно погибнет, — **за исключением тех, кто их выдержит**

Основное заблуждение до сих пор: «все действия человека *подчинены цели*».

«цель человека — в *сохранении вида* и лишь *постольку* — в сохранении его личности»: *теперешняя* теория.

Так обстоит дело и у чрезвычайных индивидуалистов: мы заботимся о наших *будущих потребностях*!

7 [239]

Первоначальная форма всех защитных движений — *при неприятном прикосновении сжаться, вобрать в себя все части.* Что соответствует этому психологически? Сосредоточение — боль концентрирует нас.

Инстинкт *спрятать что-либо* — это *стыд*, защитная реакция; а также спрятаться, например *покраснеть*, как колибри (действие страха!).

Человека ведут его инстинкты: *цели выбираются* лишь для обслуживания *инстинктов.* Но *инстинкты* — это древние привычки действия, *виды расходования* наличной *силы.*

Нельзя называть «целью» *результат*, которого *достигает* инстинкт!

Предоставить полную свободу своим инстинктам — но часто они *противоречат* друг другу. Действительная жизнь — это *борьба* инстинктов, рост одних, уменьшение других.

«Расход накопленных нервных сил».

«Какое *представление* ведет к действию? То, которое пробуждает *сильнейший* инстинкт. Какое же это? То, которое *обещает* наибольшую приятность, *самое приятное.* Это не правило, допускающее исключения, но *закон*, на котором основывается *зависимость* человеческой воли» (Шнайдер, с. 75).

!! Но *сам инстинкт* первым *вызвал* **такое** представление! — скажу я.

Итак: инстинкты решают, как будут *применены* накопленные силы, а *не то*, что **вообще состоится действие**. «Как?» — вот дело инстинктов.

Итак: когда инстинкт вступает в сознание, он *обещает удовольствие. Обещанное удовольствие* как причина действия? Не действия вообще, а его определенного *направления*! Так и у Стендаля.

Итак: где представления ведут к действию, там человек *должен* следовать представлению, которое *обещает больше всего удовольствия*: сильнейший инстинкт *делает выбор.*

Соответственно должна быть изменена и мораль:
1) сначала нужно обращать внимание на *увеличение силы*,
2) затем определять ее применение, т.е. «как?».

Первое до сих пор не замечали.

7 [240]

Первый факт: общество убивает, пытает, лишает свободы, состояния: совершает насилие посредством ограничения воспитания, посредством школ; лжет, обманывает, преследует (полиция) – и все это *само по себе* не может считаться *дурным*. Оно хочет собственного сохранения и продвижения – вовсе не священная цель: ведь тем самым оно борется против других обществ. То есть все это происходит пользы ради. Но не *безумие* ли! Как раз *эти* поступки следовало бы рассматривать с особым достоинством и почтением – как «право», нравственность, сохранение и забота о добре. Что здесь польза многих ставится выше пользы одного, имело бы смысл лишь при условии, что один не *может* иметь больше ценности, чем целое общество! Здесь, однако, заранее видно *намерение* не допустить даже возникновения таких единственных: уже создан образ человека, который взят за масштаб для сохранения общей пользы. Предпосылкой *общества должно быть* то, что оно представляет *высший тип* «человека» и *из этого* выводит свое право бороться со всем *ему* враждебным как с *самим по себе* враждебным. *Без этой веры в себя* общество «*аморально*» во всех смыслах. А *в* этой вере оно само определяет, *что должно* быть моральным, так это имеет смысл!

7 [241]

(Цель освящает средства.)

Есть поступки, которые мы никогда себе не позволим, даже как средства для *высших* целей, – например, предательство друга.

Лучше погибнуть и верить, что есть более благоприятные обстоятельства для достижения нашей высшей цели. Но что это за высшая цель – сохранить некую общину, государство! Поступок человека, который *приносит в жертву* государство, *чтобы не* предать свои идеалы, может быть *высшим достижением*, которое оправдает в глазах потомков само существование этого государства!

7 [242]

Предпосылка всякого *существовавшего до сих пор* государства: *«человек не должен развиваться, мера уже есть!»* Като-

лическая церковь (самая старая государственная форма в Европе) сейчас лучше всего представляет старое государство!

7 [243]

Для торговли необходим и *патрициат* — т.е. *противовес.*

7 [244]

Устранение людей-*паразитов* — вот смысл *наказания.*

Птицы, которые защищают буйвола от паразитов и этим живут, выражая благодарность тем, что указывают ему на приближение врага. Значение *полиции.* Эспинас, с. 159.

7 [245]

Беспрерывно занимаясь делами, слушать друг друга, уделять внимание друг другу и испытывать при этом чувство безопасности — с. 162.

7 [246]

Симпатия как следствие *настоятельной потребности*

7 [247]

Возводить *наказания* по сути *к войне* или к жертвенным культам (человеческим жертвам).

В одном случае это возвращение к дообщинному состоянию, в другом — *насмешка богов* как главная идея наказания. (Пост I, с. 201.)

Наказание, касающееся несвободных, становится **тем самым** *унизительным* (например телесное наказание). То наказание, которое касается свободных, **тем самым** облагораживается. (Пост I, с. 214.)

7 [248]

«— *единственная прямая оценка ценностей,* которую предполагают, относится к *чувственному благополучию;* все прочее связывают с этой прямой волей, думая тем самым *косвенно* сделать его эффективным. Следование праву, морали, религии должно осуществляться посредством указа-

ния на посюстороннее или потустороннее благополучие» (Бауман, с. 32).

Всеобщая вера в ценность *чувственного благополучия*: всякий поступок должен быть прямым или окольным путем к нему.

7 [249]

Запреты законов имеют смысл лишь тогда, когда *тот путь*, который запрещен, является лишним для достижения чего-либо, т.е. когда есть *другой путь* — стало быть, со всеми запретами связаны совершенно определенные обещания и заверения.

7 [250]

Основной акцент смещается в слове, в обычае, в уважении —

7 [251]

«благо всех, *за исключением собственного*». Гартман, с. 405. Жалкое лицемерие!

7 [252]

Разница между негодяем и человеком чести состоит не только в парочке по-разному отшлифованных извилин —

7 [253]

Сила характера. Принимать множество раздражителей и дать *глубоко* подействовать, много плутать по сторонам, почти до потери себя, очень много страдать — и, несмотря на все это, прокладывать свое *общее направление*.

Сильные характеры обычно холодны, плоски и лишены сопереживания: они не овладевают никем из людей. *Пластическая сила*.

7 [254]

Наш *произвол* больше всего там, где всего больше наша тренированность и наша спонтанная сила: в этом быстрейшая покорность и ловкость повинующегося человека (*свободная воля ощущается всего сильнее* там, где мы творчески наиболее безусловны). Бауман, с. 18.

7 [255]

Книга цитат и сентенций.
Книга анекдотов.
Книга фактов.
Шутки.

7 [256]

Эгоизм не принцип, а факт.

7 [257]

С точки зрения цели в каждом поступке расходуется столько, сколько в солнечном тепле, излучаемом во вселенную.

7 [258]

Индивидуум как *плод* общности, не всегда как средство.

7 [259]

Всякое состояние допускает рассмотрение, будто оно *цель*, или средство, *или* неудачный эксперимент.

7 [260]

Удовлетворение инстинкта следует искать *не* в результате деятельности, а в действии.

Счастье, возможно, есть *равновесие непроизвольных действий всех инстинктов.*

7 [261]

Эксперимент как действительный характер нашей жизни и *всякой* морали: должно быть что-то *произвольное*!

7 [262]

Происхождение христианства в объединениях бедняков. Бауман, с. 22: божественная помощь и взаимная поддержка.

7 [263]

Представление о радостном и полезном результате *действия* вызывает радость, возбуждает, кровь течет живее.

В этом смысле *цель* деятельности обладает возбуждающей, разжигающей удовольствие силой *во время* действия.

Итак: *деятельность* инстинкта связана с удовольствием. Представление о *цели* деятельности, в свою очередь, увеличивает удовольствие, равно как и умножение деятельности (*цель*—это *деятельность другого* инстинкта). Но сам инстинкт не хочет результата своего действия. Наш *разумный инстинкт*, конечно, испытывает наслаждение от *установления цели*—это его деятельность,—а также от обдумывания средств: *логическое наслаждение* во всяком поступке.

В каждом поступке задействованы многие инстинкты. По крайней мере

1) тот, что находит удовлетворение в действии;
2) тот, что находит удовлетворение в установлении цели и средств;
3) тот, что находит удовлетворение в предвосхищении результата.

Инстинкт *удовлетворяет себя*, т.е. он *действует*, *овладевая* раздражителями и *преобразуя* их. Чтобы овладеть ими, он должен бороться, т.е. *сдерживать*, приглушать другой инстинкт. В действительности он *всегда существует, когда действует*, но его питание несет с собой *большие* массы силы, так что и его работоспособность должна быть разной. Сам инстинкт, однако, есть не что иное, как *определенное* **действие**: персонификация.

7 [264]

Воздействие награды и наказания. Бауман, с. 31.

7 [265]

Раздражитель сам по себе не есть ни удовольствие, ни неудовольствие, но он вполне может сопровождаться и тем, и другим; однако *нечто среднее*, не наслаждение и в то же время *не неудовольствие*, существовать не может—*не*удовольствие есть именно не *удовольствие*!

7 [266]

Воля как формирующее?

7 [267]

Удовлетворение: слово предполагает неудовлетворенность и пробуждает предрассудки.

7 [268]

1) *Невинность становления: без цели.*
2) *Поступок, инстинкт, удовольствие, свободная воля.* Домашнее хозяйство наших инстинктов пока что недоступно нашему пониманию. *Во многом ошибочное* самонаблюдение у всех совершающих поступки перешло в мораль.
3) *Тип морали среди властных.*
4) *Тип морали среди несвободных.*
5) *Индивидуум и община.* «Индивидуум как результат». Коллективная совесть.
6) *Наказание, месть, ответственность* (цель освящает средства)
7) *Два движения в будущем.* *Мораль как знаковый язык тела.*
8) Освоение *истории* под руководством раздражителей и инстинктов — нет никакой «объективной истории».
9) *Зло* как предшествующая ступень добра: *творческое* и *созидающее*, новая оценка ценностей и ее история. *Органическая функция зла.* (Человечество как масса силы, которая растет и должна себя тратить)
10) «Жизнь для других» и «неэгоистическое»

7 [269]

В наших поступках намного меньше намерений, чем мы утверждаем. (Тщеславие в допущении целей!) Эмерсон, с. 99.

7 [270]

Будущее человечности — понятие не слишком нежное. *Против* с. 599.

7 [271]

Слова «для того, чтобы» лишают действие его *ценности.*

7 [272]

Гартман, с. 593. «Хорошее», «плохое» соответствуют состояниям судящего.

7 [273]

Индивидуум как множество.

7 [274]

Выход: отрицание моральной значимости. Рождение трагедии.

8. Лето 1883

8 [1]

Жители острова Тонга отрезают в качестве жертвы мизинцы. 2

На Востоке женщина, застигнутая обнаженной, прикрывает лицо — там так прилично!

В Китае стыдливость запрещает женщине показывать ножку, у готтентотов женщина должна прикрывать только затылок.

Белый в Китае — траурный цвет.

Древние культурные народы Америки не знали употребления *молока.*

Китаец ест очень много блюд очень маленькими порциями.

№ 29.

Бывает, что не хотят усвоить недостатки животного, например, трусость оленей (на Борнео): их разрешено есть только женщинам и детям.

Едят и летучих мышей, жаб, червяков, личинки, гусениц. Раскормленные крысы — лакомство у китайцев. «Съеденное сердце тигра делает храбрым» (Ява). Собачья печень делает умным.

Безумное количество риса съедает, к примеру, сиамец.

8 [2]

– как белоголовый орел спокойно и гордо сидит над водопадом Ниагары и нередко ныряет в его дикий туман.

– как альбатрос на недели вверяет себя морю: король птиц

– как кондор в Андах часами парит в бесшумной выси, не взмахивая крыльями

Спокойствие летящего

8 [3]

Сколь большую разницу наблюдаем мы между хождением, плаванием, полетом. И все же это одно и то же движение, только сила притяжения у земли иная, чем у воды, а у воды иная, чем у воздуха! Так и мы должны, как *мыслители*, учиться летать — и не думать при этом, что стали мечтателями!

8 [4]

Авторитет юнкера Кристофа у Шекспира: «я ем много говядины и думаю, что это вредит моему остроумию!»

8 [5]

Наказания у германцев: сбросить на голову жёрнов (в мифах), четвертование лошадьми, топтание лошадьми; сварить в масле или вине (14 и 15 века); также в Средние века — хоронить заживо, замуровывать в стене, морить голодом. Колесование (чисто германское явление), сдирание кожи (изготовление из кожи ремней). Намазать мёдом и предоставить мухам и солнцу. Отрубить правую ногу и левую руку. А также нос, уши, губы, язык, зубы, глаза, половые органы.

8 [6]

Родство по женской линии: детей отдают не в семью отца, а в семью брата матери. Отец принадлежит к другой семье: отец и сын во враждебных отношениях. Отец женится в чужой семье, в ней он только производитель и почти на положении раба. Отцовство — не нечто само собой разумеющееся, а довольно поздно достигнутый правовой институт. Никакой нравственной связи между отцом и ребенком *не существует*! Отец не считается кровным родственником своих детей. Семью скрепляет только *пуповина*.

В общностях родственников по крови нет ни *индивидуального* преступления, ни индивидуальной собственности, ни брака. Только у рода есть права и обязанности. Женщины, как и дети, — общее достояние. В родственных отношениях часто пребывают не отдельные люди, а группы людей. *Групповые браки*.

Теперь субъекты права – так называемые «естественные лица», отдельные личности: они носители прав и обязанностей.

Один древний китаец сказал: он слышал, что если богатых ждет гибель, значит у них много законов.

Брак с нечистой совестью: женщина, прежде чем выйти замуж, должна быть какое-то время гетерой, лишиться девственности. Она должна предоставить себя соплеменникам, прежде чем будет принадлежать какому-то мужчине. Последние остатки jus primae noctis[1] у вождей племени или у священников (например у буддистов в Камбодже)

В некоторых частях Африки, в Индии и на Яве гетера пользуется большим почтением, она осталась верна народным богам. –

Здесь мужчина вместе с женой получает всех ее сестер, там все братья имеют *одну* жену.

У животных самки не украшены, украшения принадлежат самцам: вожделеющие и сражающиеся становятся красивыми.

у нас же «завоевания» совершает женщина

Большая *красота* женщин у людей доказывает, что здесь женщины вожделеют и сражаются; они знают толк в завоевании мужчины. У животных самцы умнее, потому что их подстегивает половой инстинкт. –

В Афинах мужчины были красивее женщин – согласно Цицерону; вероятно, таково было следствие большого ухода за красотой, под влиянием педерастии.

С возникновением *индивидуального* брака возникают *новые обязанности*, согласно которым братья и сестры, свекор и сноха, теща и зять, шурин и золовка не должны разговаривать, есть вместе, даже смотреть друг на друга. Прежде нередко женились сразу на матери и дочери. Отчужденность и холодность считаются обязательными везде, где возникают *индивидуальные* обязанности. Вместе с любовью сразу же рождается и антипатия. Человеческая любовь вообще до сих пор всегда сопровождалась чудовищной ненавистью.

---

1 Права первой ночи (*лат.*)

Верность в браке долгое время представлялась аморальной.

Женщина как собственность, которую более сильный всегда мог отнять у более слабого. Все решает состязание в силе. Красивые жены только у вождей и священников. Молодые люди должны довольствоваться старухами. *Похищение*—самый распространенный способ добыть женщину.

обручальное кольцо—остаток цепи, на которой тащили похищенную

Первоначально между супругами наибольшая «холодность и равнодушие». Женщина куплена или похищена. К тому же тайный укор совести, что брак—нечто противное природе и безнравственное: супруги живут по большей части *раздельно*, не вместе за столом и в постели. Разделение полов—основная идея *китайских* браков. У дома две части: во внешней живет муж, во внутренней—жена. Дверь должна быть тщательно заперта. Каждый должен умирать *в одиночку*. Доведенное до конца separatio quoad thronum et mensam[1].

Более высокие образования половых товариществ: многочисленные маленькие сообщества без всякой связи друг с другом, часто отделенные друг от друга большими лесами, несущие послушание и дань одному князю, который не вмешивается во внутреннее управление маленьких общин (в Индии и на Суматре до сих пор так). Такое сообщество может быть внутренне очень сплоченным—как греческий *πόλις*.

Самое древнее разделение сословий—по *возрасту*: **пиетет**.

Племя тупинамба откармливало своих пленников на длинных веревках и снабжало их наложницами—пока они не покрывались жиром настолько, чтобы можно было их съесть.

8 [7]

Шуточки и издевки над другими лицами носили жуткий для нас характер—прежде всего, издевались над

1 Разделение вплоть до трона и обеденного стола (*лат.*)

пленными. И над сумасшедшими: еще Дон Кихот! *Смех вообще первоначально*—выражение *жестокости*.

8 [8]

Первоначальная личность: священник, колдун, лекарь, судья, вождь. Дождь, мир, хорошая погода, хороший урожай, упитанные тельцы—но и неурожай, засуха, военная неудача или неуспех на охоте, дурная погода.

Презрение к немощным старикам, непригодным к войне и охоте.

Убийство близнецов, по крайней мере одного из них. В близнецах ищут доказательство *супружеской измены* (например у карибов). Германцы думали так же. Это множество считается скотоподобием—как у крыс или собак.

Тут и там считается позорным родить дочь.

Древнегерманский обычай: ребенок лежит на земле, пока отец не заявит, хочет ли он оставить его в живых. *Если он не поднимет ребенка*—его выбрасывают; точно так же поступают и на острове Фиджи.

Вожди отвечают за поведение женщин и детей, за тот урон, который наносят рабы и животные. Компенсацию за совершенное членом племени убийство выплачивает также он. Деньги на обручение. *У таких личностей возникает* совершенно другая *совесть*. Как и *теперь*—у князей и государственных лидеров.

Ответственность долгое время существовала отдельно от совести!

8 [9]

Тип примитивного сообщества: группа родственников, потомки одной прародительницы, живущие в совместном обладании женщинами, детьми и состоянием, так что полностью отсутствуют индивидуальные браки, индивидуальное отцовство и родительство; все в *равной* степени родства, все имущество, движимое и недвижимое, общее, труд общий; все добытое потребляется совместно, все долги—общие, все кровники участвуют в кровной мести и подлежат ей. Чужаки принимаются посредством усыновления.

Над родами стоят родовые союзы и племена. *Домашнее родство* полностью отличается от этого типа и пред-

ставляет собой родственное единство потомков одного отца. Это образование едва ли примитивное: корпоративная группа мужчин и женщин, детей и рабов, объединенных под патриархальной властью вождя или отца дома. Со своими богами, законами, правительством, неотчуждаемой землей. Нет заботы о существовании отдельных своих членов, *первая* обязанность — *сохранность* домашней общности; с принуждением к разводу с бесплодной женщиной; наказуемость целибата; при импотенции мужа жена обязана была родить ребенка от одного из его родственников.

Везде, где организация держится на кровной связи, существует кровная месть: совместная жизнь союза находит выражение как непонятная, сверхиндивидуальная сила, предмет религиозного почитания. Основная тенденция: **между двумя полами** восстанавливается равновесие, вина одного не имеет значения, между полами война. С образованием государства кровная месть съеживается до акта мести преступнику.

Предпосылкой кровной мести является прежде всего то, что она — дело семейное; территориальная или государственная власть поначалу *не* вмешивается. Но она *уже предполагает более высокую организацию* — поединок между равными, принадлежащими к единому целому.
Враждебность по отношению к семье провинившегося в корне отличается от враждебности против всего, что *не* относится к высшей организованной общности. Нет презрения, веры в то, что враг принадлежит к более низкой расе: в кровной мести речь идет о *чести и равноправии.*

Объявление вне закона: некто исторгается из мирного товарищества — и становится совершенно бесправным. Жизнь и имущество могут быть отняты у него кем угодно. Любой может безнаказанно убить объявленного вне закона. Основное чувство: *глубочайшее презрение, лишение достоинства* — например, еще в мусульманском праве в наказание за ересь или оскорбление по отношению к пророку; при этом в случае убийства или ранения еще действует кровная месть и возмещение ущерба. Это — *искоренение*: дом и двор разрушают, женщин, детей и всех, кто есть в доме,

убивают. Например, в перуанской империи инков: если жрица солнца согрешила с мужчиной, то все ее родственники должны были заплатить за это жизнью, дом ее родителей сравнивали с землей и т.д. Так же и в Китае, если сын убивал отца.

Итак: преступления, ставившие на кон жизнь общины, влекли за собой объявление вне закона — испорченный злак вырывают. *Что именно* признавалось таким *неизлечимым и глубоко презираемым проступком*, зависело от того, что считалось условиями существования общины — и поэтому могло быть совершенно различным у разных общин.

На практике существовали самые разнообразные послабления: например, провинившемуся давали время спастись бегством. Ссылка и лишение имущества — последние отголоски того же самого. В частности, лишение достоинства как наказание берет там свое происхождение.

Мирные товарищества: защитные и наступательные объединения, где сотоварищи взаимно ручаются друг перед другом за сохранность жизни и имущества, где нарушитель законов изгоняется и где дети, женщины, скарб и долги общие — *самая древняя* форма.

Государственное образование: оторванное от кровного родства королевство, публичное государственное право, индивидуальная собственность, индивидуальная ответственность за совершенные преступления и долги — *позднейшая* форма. —

Чем определеннее какое-либо органическое единство, например община, стадо, осознает себя, тем сильнее его *ненависть к чужому*. Симпатии к своим и ненависть к чужим произрастают из одного корня.

В сравнении с непрерывностью *общинной* жизни и множеством мыслей, которых она требует, — как мал объем того, что приходится на долю целей и образов, относящихся к отдельному существу! Социальные инстинкты значительно перевешивают индивидуальные. Так и животные нередко совершают вредные для себя поступки, которые идут на пользу стаду.

Общество животных основывается — если воспользоваться здесь современными нравственными понятиями

(которым соответствуют, конечно, совершенно иные ощущения) — на любви, постоянстве привязанностей, воспитании молодых, труде, экономности, мужестве, послушании со стороны слабых, озабоченности со стороны сильных, жертвенности всех. Ни одно общество не может сохраниться без таких качеств, и в сохраняющемся обществе наследуются эти качества: достигнув определенной концентрации, они истощили бы общество, но *внутри него вырабатываются антагонистические силы* — в той мере, в которой этого требует *внешняя* безопасность. А в законченном состоянии покоя с внешней стороны общество *распадается* на *индивидуумов*, между которыми возникает напряжение, как прежде между общинами. Здесь-то и возникает *сострадание* — как ощущение между индивидуумами, которые осознают себя в качестве таковых. (Альтруистические действия первобытных общин имели основой чувство Я, но Я коллективного, и были далеки от сострадания.) Может быть, *один род* и испытывал нечто подобное по отношению к другому роду внутри большого союза, но *не* к индивидууму. Вот происхождение сострадания. Я имею в виду: кровная месть есть древнейшая форма этого уважения к другому роду — как противоположность абсолютному чувству вражды.

8 [10]

Даже «дикари» — невероятно высокоразвитые существа, в сравнении с далеким прошлым.

8 [11]

Человек более *альтруистичен*, чем любое животное, — поэтому он так медленно развивается (ребенок) и так высокоразвит, поэтому ему знакомы и формы чрезвычайного эгоизма. Хищники намного более *индивидуальны*.

8 [12]

Атавизм: блаженное чувство когда-нибудь смочь безусловно подчиниться.

«Ты должен дать себя эксплуатировать, обокрасть, обмануть» — основное чувство католического государства священников, достигшего особого совершенства в иезуит-

стве. *Sacrificio* dell'intelletto[1], древняя и изначальная, — но воспринимаемая не как жертва, а *напротив*, как *мука*

8 [13]

Да, философия пра́ва! Эта наука, как все нравственные науки, пребывает еще даже не в пеленках! До сих пор даже в среде самых свободомыслящих юристов не понимают старейшего *значения* наказания — не имеют о нем ни малейшего понятия; и до тех пор, пока правоведение не встанет на новую почву, а именно — на почву истории и сравнительной этнологии, дело застрянет на стадии злополучной борьбы глубоко ложных абстракций, представляемых сегодня в качестве «философии права» и целиком сосредоточенных на современном человеке. Но этот современный человек существо настолько путаное — и в отношении его правовых оценок, — что допускает самые разные *толкования*.

8 [14]

Мое *первое решение*: **дионисийская мудрость.**

Дионисийское: временная идентификация с принципом жизни (включая сладострастие мученика).

Наслаждение от уничтожения самого благородного и от картины его постепенной гибели — *как наслаждение* от **прихода будущего человека**, *который одерживает триумф* над **настоящим, пусть и таким хорошим.**

8 [15]

Греки как знатоки человека

Упрощение, неприятие всего сложного и мелкие детали

Подчинение логике, *предположение* логико-понятийного даже в характере

Идеализация («красивый и молодой»), отвержение нетипического, бессознательная ложь (никаких обличений себя самого, определенное великодушие)

---

1 Жертва разума (*ит.*)

Политическое принуждение *давать* себя всем понять; нет скрытных индивидуумов (II, 398), тайных чувств (презрение к неспособным к действию, II, 401).

Состязание. Ощущение, с которым любой философ желал доказать свое превосходство над противниками, — с помощью практического обоснования того, что *он* более счастлив. «Добродетель есть счастье» — эта максима Сократа подменяла всякое психологическое наблюдение; они защищают *себя* («смысл фактов» вырастал *лишь* в качестве реакции в состязании с мифическим смыслом, а не как изначальная сила). (Может быть, они *были* проще? Но какое *невероятное множество* различных *индивидуумов.*)

Благородство (*γενναῖος*, то же самое что «наивный»!) — *инстинктивные* поступки и суждения считаются *хорошим* тоном; самокопания и самоугрызения почитаются делом неблагородным.

Их воля к «общечеловеческому», прежде всего общегреческому, — их чувство противоположности варварам

Злой человек пользуется отчасти уважением, отчасти сочувствием; он еще не изглодан червем сомнения, нет никакого разрушительного, будоражащего презрения к себе.

«Бесполезная» трата сил (в любом агоне) как идеал, к которому стремится государство (*против* римлян); мотивы угнетенного состояния ведомы им мало, в то время как, например, индиец (брамин) из-за отсутствия инициативы ощущает «всякое действие как страдание».

Стоицизм в нравственно *просвещенном* мире вовсе не был бы возможен. Всякое слово, к примеру, Грациана, Ларошфуко или Паскаля восстанавливает **против** себя *весь греческий вкус.*

они ругаются и чувствуют себя при этом прекрасно (пессимизм Гомера, Софокла, Эпикура — избегание ощущается как нечто «божественное»).

страдания их велики, но они реагируют на них еще большим удовольствием от созидания, а также от произнесения вещей, которые *приятны.*

этот народ чрезвычайно восприимчив к страданию, но его пластическая сила в *использовании* страдания чрезвы-

чайна: к этому относится и сдержанность в *мести* за боль и в погружении в боль—принуждение к *победной* манере как излечение. Следовательно, они склонны быть *недобросовестными* в отношении страдания: их «душа» стала менее зримой, чем более зримыми становились *преодоляющие* аффекты, светлая духовность и храбрость. Злословие принуждало скрывать страсти.

Фукидид как высший пример воздержания от национального неприятия анатомического рассмотрения.

Во времена высшей продуктивности в отношении фигур и противопоставлений (например аполлинийское и дионисийское) *еще отсутствует рефлексия: имеются только факты.*

Изобразительное искусство появляется намного позже. К нему можно добавить и философию Сократа—инстинкт *сводить* множество к *немногим* типам.

Живое *изображение высшего человека*—цель философа.

Полное отсутствие у философов истории моральных оценок ценностей.

Противоборство признанию *другого типа.*

(смотри, например, у Платона: он отрицает *все прочие величины*! Гомер, художественные искусства, проза, Перикл,—а чтобы вынести Сократа, ему приходится его *пере*иначить!)

Общее впечатление: некоторая *поверхностность* психологии (по сравнению с Шекспиром, Данте и Гёте, по сравнению с французами от Монтеня до Бальзака, по сравнению с Грацианом (христианский скепсис), итальянцами Якобом Буркхардом; индийцы также более глубоки в анализе страдающего человека).

Но, может быть, они *были* еще проще? «Юность человечества» подходит к этому представлению.

Именно здесь большая опасность *коренных заблуждений и ложных заключений.* Предположим, изящные искусства греков погибли бы и мы ограничивались бы *суждениями* философов: какие ложные выводы!

Кроме того все их эстетические суждения намного ниже уровнем, чем их искусство.

Вполне **возможно**, таким образом, существенное расхождение: знание греками человека значительно усту-

пает действительному богатству типов и индивидуальностей, а их «человечность» ими мало осознана.

Вероятно, никогда больше не собиралось столько разных индивидуумов на таком небольшом пространстве и никогда больше не было им дано в состязании доводить свои особенности до совершенства.

Если же мы станем рассматривать национальные особенности их интеллекта, то окажется вполне *вероятным*, что знание человека у них осталось *заторможенным. Все их самые значительные силы в этой области действовали заторможено.* Вот *моя* тема.

Свобода Платона в обращении с Сократом (подобно его бюсту в Неаполе)

Свобода, с которой придумывали себе Сократа (в том числе Ксенофонт)

растворение индивидуума в типе (Гомер, Орфей и т.д.).

Неприятие *точности.* Поэзия ценится значительно больше, чем история: вторая трактует человека в целом, а первая – в его деталях. Поэтому поэзия больше приспособлена для познания человека. «Существенные вещи повторяются, нет ничего нового, нет никакого развития» – это истинно по-гречески. Нет никаких размышлений о различных возможностях будущего. Какое дело до анахронизмов! К великим людям пристает и приклеивается сотня разных черт.

Вывод. Все эллинское существо следует рассматривать *глубже.* Свидетельствами мало чего достигнешь. Исторические *факты, поступки* намного важнее, например, для их этики, чем все их *слова.* Мы еще должны *угадать* суть эллинизма: она еще остается в основном *чужой.*

мы бы противоречили их вкусу
наше знание о человеке *бесстыдно*
наша техника: ὕβρις против природы
наша наука мелочна и крохоборна
неправдоподобно, потому что столь многое у нас незаметно (II, 399)
общая беда современности: «самоумаление» (с. 399).

Введение

Инстинкты их интеллекта и чувств	1) Упрощение (они так *понятны*), склонность не замечать сопутствующие черты, энергичное желание сделать одну черту основной.
	2) Логизация — своеобразное очаровывание (диалектика как нечто божественное. Стих Антигоны).
	3) Идеализация («красивый и юный»). Чувство, которое мы удовлетворяем в природе, они удовлетворяли *перед человеком*.
Инстинкты и чувства политической сферы	4) Чувство благородства: уверенность в правильной самооценке, II 397. Неодобрение скромности. Немесис: считать себя достойным великого, которого недостойны другие.
	5) *Политически* ясный воздух, принуждение *давать* себя всем понять.
наиболее развитый инстинкт всей *нравственности*	6) *Агональное* чувство, которое должно побеждать перед публикой и быть понятным этой публике. (Поэтому столь разные индивидуумы *чрезмерно* подчеркивают в себе «общечеловеческое».)

Оценка просыпающегося «*чувства факта*» как следствие самого агона. Похвала Фукидиду.

В устах грека звучало как парадокс, когда он желал видеть в шаре верх совершенства, ибо кривизну и закругление они не любят.

Их чувство природы намного ближе к религиозному, чем наше. У нас всегда главное, чтобы мы были *спасены* от человека, — мы ищем чувств, которых *не* имеем среди людей.

Я открыл греческое: они верили в *вечное возвращение*! Это *вера в мистерии*!

(Место из «Кратила»)

Платон полагает, мертвые в Аиде суть *истинные философы, свободные от тела.*

γνῶθι σαυτόν[1], но не человека.

читать с задними мыслями.

πρόσθε Πλάτων ὄπιθέν τε Πλάτων μέσση τε Χίμαιρα[2].

Цели.

Их слабость указывает на их силу.

Это актеры. Желать и быть совпадают для их интеллекта.

8 [16]

Высший человек,
его самоспасение и самосохранение.

8 [17]

чувство истины у *сильных* (у угнетенных как месть, оправдание—Спиноза).

Самопреодоление морали.

8 [18]

сохранение вида, перечеканенное в моральный принцип!

8 [19]

Полностью освободить от целей абсолютную необходимость: иначе мы не можем пытаться, жертвовать собой, отпускать! Лишь невинность становления дает нам величайшее мужество и величайшую свободу!

8 [20]

Я пишу для себя самого; и какой смысл имело бы писание в эту писаную-переписаную эпоху? Совсем небольшой: ибо, за исключением ученых, никто больше не умеет читать, да и ученые———

---

1 Познай самого себя (*древнегреч.*)

2 Впереди Платон, позади Платон, а посередине химера (*древнегреч.*)

8 [21]

Наша эпоха вставила себе новые глаза, чтобы всюду видеть страдание, и притом с чудовищной гипнотической пристальностью, подобная которой встречалась до сих пор лишь однажды в истории и которая заставляет наблюдающих смотреть в одном направлении———

Когда я был молод, я в сущности принадлежал к отрицателям мира и пессимистам; это понятно и простительно в эпоху, которая кажется созданной для того, чтобы довести до отчаяния именно молодых людей. Молодой человек, чем больше он страдает от собственного становления, желает достичь целого, полного, готового; он желает прежде всего уверенности, *опоры*—но эта эпоха размыслена мыслями всех времен, она недоверчива, такое недоверие еще не встречалось среди людей, и поэтому она часто устает от мыслей, устает от недоверия, часто похожа на старца и «предварительна» в своем Да и Нет: ведь она в каждом случае думает о Да, когда———

И тогда решительный протест одного единственного человека, такого, как Шопенгауэр, *против* бытия в целом выглядит как избавление: оно упрощает———

8 [22]

Всякий человек, которого мы встречаем, вызывает у нас определенные инстинкты (страх, доверие и т.д.). Непрерывное движение нашей инстинктивной жизни во внешнем мире (природе)—не считая непрерывного воздействия электрических атмосферных явлений.

8 [23]

добрые

Поскольку всякий инстинкт неразумен, «полезность» для него не имеет значения. Всякий инстинкт, действуя, жертвует силой и другими инстинктами; в конце концов его тормозят, иначе он разрушил бы все своим расточительством. Итак, «неэгоистическое», жертвенное, неразумное не представляет собой ничего особенного—оно общее у всех инстинктов, они не думают о пользе целого

Эго (*потому что вообще не думают!*), они действуют «против нашей пользы», против Эго, а часто и *за* Эго — в обоих случаях невинно!

8 [24]

Образ мира ищут в философии, которая дает нам наибольшее ощущение свободы, т.е. при которой наш самый сильный инстинкт чувствует себя наиболее свободным для действия. Так, по всей видимости, и у меня!

8 [25]

Бессмыслица всякой метафизики как выведения условного из безусловного.

К природе мышления относится то, что оно *примысливает* безусловное к условному, присочиняет: оно измеряет мир установленными им самим величинами — как «безусловное» в своих основных функциях, как «цель и средства», вещи, «субстанции», логические законы, цифры и образы.

Не было бы того, что называют познанием, если мышление не *преобразовывало* бы мир в «вещи», равные самим себе.

Лишь *благодаря* мышлению существует *неправда*.

Мышление, как и *ощущения*, ни из чего *не выводимо*, но тем самым еще вовсе *не* доказано, что оно первоначально или «в себе»! Тем самым доказывается лишь то, что нам не дано заглянуть *по ту сторону*, потому как у нас *нет* ничего, кроме мышления и ощущений.

8 [26]

Невинность становления.

Путеводитель для спасения от морали.

Фридрих Ницше

Введение.

I. Основные заблуждения морали.
II. Моральность как знаковый язык.
III. Преодоление морали и ее замена.

8 [27]

Кто толкает вперед разумность, тем самым придает новую энергию и противоположной силе — мистике и бреду всякого рода.

Различать *в каждом движении*:

1) что оно *отчасти* есть усталость от предшествующего движения (пресыщенность им, раздраженность от своей слабости перед ним, болезнь);

2) что оно *отчасти* есть вновь пробудившаяся, долго дремавшая, накопленная сила, радостная, смелая, насильственная: здоровье.

9. Май–июнь 1883

9 [1]

Слишком сильно бьет твой источник; он опустошает сосуд, наполняя его.

Рыбьи косточки, ракушки и все прочие забавные вещи, что падают со стола жизни.

Благодеяния твои должны ниспадать как роса на траву в час, когда ночь особенно молчалива.

Именно от тебя, кого я считаю способным на любое зло, хочу я и ожидаю добра.

Пользой и нуждой должен называть ты то, что есть нужда и польза, и хранить святость имени добродетели.

Не основание и не цель делают поступок твой хорошим, но лишь трепет и блеск души во время его совершения.

К чему упражняться в милости, если это не значит: брать на *себя* несправедливость?

Если плечи твои достаточно крепки, что ж, добавь к своей и чужую несправедливость—и пусть люди прославляют твое милосердие.

Познавать—значит понимать вещи так, чтобы они были нам во благо.

«Я хочу», «ты должен», «он обязан»—так они понимают Я, Ты и Он.

Повелительно подступает ко мне переживание; но едва пережито оно, как уже стоит на коленях.

Чувствуешь жажду и горячее дыхание солнца? Оно хочет напиться морем. Видишь, как вожделеет море, поднимаясь тысячью грудей? Оно хочет, чтобы жажда солнца целовала его и упивалась им.

9 [2]

Чтобы верить в Шопенгауэрову волю, нужна очень хорошая *воля к вере*!

9 [3]

Свет полуночи был вокруг меня, одиночество смотрело на меня опьяненным, усталым взором.

—мой голос кричал из меня—

Мертвая тишина спала и хрипела во сне.

Там лежали бессонница и полночь с пьяным взором.

Там лежало одиночество, а рядом с ним мертвая тишина; они спали и хрипели.

9 [4]

Бог, кающийся в пустотах.

Прочь, к бессмертию

9 [5]

О стыде дарящего.

О справедливости (пролетарии).

Об опьянении.

Новейшие монастыри и т.д.

Историческое образование—«я оправдываю».

Честность жалких.

Гении!

«Наказания» как вражда к врагам нашего идеала.

«Брак» на время—

9 [6]

хлопнуть дверью

как было бы смешно, если бы вы захотели уверовать в *меня*!

Вы приходите ко мне, а я не *хочу* вас—но как я должен давать, так вы должны брать!

«Человек партии»—эти слова я хочу сделать ругательством.

Белым волом хочу я быть и тащить плуг; где лежу я, должно быть спокойствие и земля должна пахнуть землей.

Яростно бьет орел крылами, но его шум разбивается о мою волю.

Они больше ничего не испытывают, их кожу лишь царапают. Словно комары расселись на их коже события. Ныне стал ч<еловек> тяжел и безразличен себе, подобно камню на солнце.

Церковь: поддельный свет, подслащенная серьезность благовоний, соблазн ложных страхов; мне не нравится душа, которая поднимается к своему богу—на коленях.

Словно в глаз, заглянул я в жизнь.

Монах с влажными щеками—на луне! Никогда не назову тебя «мужем» на луне! Сладострастно крадешься ты от окошка к окошку по темным углам! Самый ревнивый из котов, ревнующий всех любящих, ты скалишь зубы, глядя в окошко.

9 [7]

Своими добродетелями хотят они выцарапать глаза врагам.

Они поносят, ибо не могут созидать.

Они———

9 [8]

Танцы Заратустры.

9 [9]

Я хотел быть философом *неприятных истин*—в течение шести лет!

9 [10]

Слишком долго принадлежал я одиночеству; так разучился я молчанию.

Устами всецело сделался я, и шумом ручья с высоких скал,—вниз, в долины хочу я низринуть мою речь.

Ненавистны мне все стражи ночи и гробниц, а также те, что дуют в печальный рог.

Я тоскую и гляжу—и вот являешься ты, мой орел; не видел ли ты кого-нибудь———

Я смеюсь над вашей свободной и несвободной волей: никакой воли нет. Из боли и мыслей рождается иллюзия; ее-то называем мы «волей».

9 [11]

Я гляжу вниз на море; спокойно оно и коварно глядит на меня его образ.

Драгоценный образ с белой грудью держит оно на руках; неспешно и коварно крадется оно по песку, что———

так влечет меня море и образ будущего.

Неспешно и коварно отступило море от его белой груди.

Наполовину погребло его под песком, наполовину под ревнивой волною.

9 [12]

Детерминизм можно устранить *так*:

я хочу подчиниться приговору определенных людей; пускай это послужит мне воспитанием, подстегнет и напугает меня — все это средства *навязать* идеал и утвердить его господство.

Органическое = моральное, вот *решение* моральной проблемы.

Отдельного человека *почитают*, поскольку он воплощает какой-нибудь *тип* — к примеру, «священника», «героя» и т.д., — и лишь позднее, когда он «сам по себе».

Есть мораль, по которой добродетельно быть *не* индивидуумом, *но типом*! так что человек *совпадает* в восприятии с типом, почитаемым народом.

9 [13]

Жажды кольца, жажды снова достичь себя — ее жажду я.

9 [14]

Еще не был для вас дух заботой и скорбью — еще не заквашен мыслью ваш хлеб насущный.

Как охотник вышел Заратустра на охоту за безобразными истинами.

Стрелка передвинулась, часы моей жизни перевели дыхание, а затем промолвили: пришел час проповедовать спасение от спасителей.

9 [15]

Как я стремился понять все человеческое, и даже жалких и посредственных...

То тут, то там и жалкое становится честным; тогда нужно слушать его голос и вступать в его болото.

И я когда-то сидел в тростнике, слушая исповеди лягушки жалкого.

Вы хотите быть из лучшего материала? Говорю вам, лучше способны вы лишь обманывать самих себя.

Они пришел к нам, он жил среди нас, *мы* сами были его подземным миром.

Верь мне, З<аратустра> умер, его больше нет. Звезда погасла в пустом пространстве — но ее свет — — —

9 [16]

Разбейте эти маски ухмыляющихся богов! Был ли я шутом, кому они ухмылялись, и не забыл ли <я>, чем эти маски набиты?

Разорвите кожи, на которых будто бы играла душа бога!

Змеиное нутро и нечисть изливается из скрытого тела ящерицы; вздыбленное, свернутое в кольцо, смердящее

В маску бога заполз отвратительный червь.

священный смех

9 [17]

Вы видите лишь мои искры — но вы не видите наковальню, которая есмь я.

И лучше я буду спать на бычьих шкурах, чем на постели удобства вашего и любви — — —

Вы для меня инструменты и часы: я хочу завести вас своей насмешкой, а вы будете жужжать мне.

Не ужасом змеиных волос превращу я вас в камни, но защищусь от вас щитом «красоты». Вы станете немыми перед образом красивого.

С драконом будущего сражаюсь я, а вы, малые, должны сражаться с дождевыми червями.

9 [18]

Вы ловки, у вас цепкие пальцы—но вы не умеете сжать их в кулак!

Лишь если сожмете вы свои цепкие пальцы в кулак, я поверю в вашу силу.

Золотом блестит его глаз: золотой челн плывет в нем по темным водам:

В его глазах приседает и распрямляется он в танце, а вы, кто несет его———

Сухая степная трава, вот кто вы для меня; но я превращу вас в блуждающие огни и в провозвестников огненными языками.

Когда взошел месяц, я подумал, что он хочет родить солнце; так широко, как на сносях, лежал он на горизонте.

Но он обманщик, этот бесплодный, с его беременностью, он не женщина и не мужчина.

9 [19]

чужой петух, которого клюют куры.

он взошел, словно месяц, но лениво возлег на горизонте.

Кто разбирается в лошадях, разбирается и в седлах.

9 [20]

Делал ли я вам всего больнее, когда делал себе всего лучше?

я покаялся в своей несправедливости: несправедливее было мое почтение, чем презрение к вам.

Я покаялся ночной стражей за тысячекратную ложь почитающего и волю его глаза к слепоте.

Тысячекратными злодеяниями я отомстил за все приукрашивания и восторженность.

Много больше ненавижу я вас, бессознательные лжецы, чем лжецов знающих.

Вы лжете о том, что есть, потому и не возникает у вас жажда к тому, что будет.

9 [21]

они задыхаются от своего Ничто: я скормил им их Ничто.

Они погибли от собственного вида: я подставил свое зеркало их безобразию

Когда они погибали от своего Ничто и не могли больше вынести своего вида—тогда был их высший миг.

И чтобы вас отравить, мне понадобились бы стеклянные перчатки

9 [22]

La vie est une tragédie pour ceux qui sentent, et une comédie pour seux'qui pensent.[1] *Гораций Уолпол*

9 [23]

Вы и слышать не хотите слышать о том, чтобы кто-нибудь ходил у вас над головами. И вот вы складываете дерево, и землю, и сор над головами—чтобы заглушить речь моих шагов. Все ошибки и глупости постилаете вы между собой и мной—«черным полом» называете вы это в ваших домах. И все-таки хожу я над вашими мыслями, и они сами должны ходить по моим ошибкам.

Вас срамят широкие лестницы для божественно восходящих; и как здесь над вами ломаются своды и соревнуются друг с другом———

свою тоску вложили вы в уста далекой луне; вы тосковали и по бегству от слов—вдаль и ввысь?

Они называли богом то, что им противоречило: их героизм—ломать в себе человека; но пришло время, когда человек стал сам прибивать себя к кресту.

Все те, кто созидает, ищут новые языки, устав от стоптанного, истончившегося языка,—слишком долго ходил дух на этих подошвах.

Если красота не ваша потребность, что мне ваша страсть к красоте!

Не сытость, а красота должна быть концом желания

Такими вас можно выносить лишь как руины, а то, что вас разрушает, дожди, молнии, ураганы,—все ваши несчастья и бедствия оправдывают ваше существование.

---

1 Жизнь - трагедия для тех, кто чувствует и комедия для тех, кто мыслит (*фр.*).

Учитесь строить с помощью гор: мало лишь двигать горами.

Ваши изречения — «мелкие истины» рядом с трясиной; в них сидит холодная лягушка.

9 [24]

Пусть будет орел мой грозой маленьких белых овечек и пусть называется он хищной птицей!

Знаете ли вы испуг засыпающего? До самых пальцев ног пугается он того, что начнется сон, — и часто просыпается от ужаса.

Тому должна служить и приносить пользу добродетель ваша, из-за чего вы больше всего презираете самих себя. Лишь в этом да будет служение и польза добродетели вашей!

Что мне ваши отечества и родины? Я люблю лишь землю детей, там я хочу оправдать себя как сын моих отцов.

Рыбу хотел я изловить и бросил в море свой невод — но вынул оттуда лишь голову бога: камень послало мне, голодному, море.

божественный маскарад — вот что такое природа.
пепел и уголь, овейте меня
бегущий огонь
сухая трава
треск

9 [25]

Многое должно набраться для *морального* поступка
1) сильная спонтанность
2) предельное напряжение воли Я
это *высший род органических функций.*

9 [26]

Я требую еще и грации от *благородного мыслями.*

9 [27]

дионисийское как доступная мне сторона древности.

9 [28]

Гений и разгильдяйство.

9 [29]

Корсика и Италия.

Демократия как упадок государства.

Отнять у евреев деньги и дать им другое направление.

дионисийское как доступ к грекам.

огромная масса высших ощущений, для которых еще нет ни мыслей, ни целей

для людей расти превыше себя, подобно грекам, не бесплотный фантазм.

9 [30]

Пока еще поток ваших грехов давит на землю

Я приближаюсь подобно сильному ветру, и такой совет даю я тем, кто меня презирает: остерегайтесь плевать – против ветра.

Едва поднялось чудовище плоти из темного ила

Омовением и освящением земли называю я этот праздник

единственный современник себя самого!

Вы хотите лишить силы болезнь, а при этом ослабляете больного, вы, знахари и спасители!

Когда тот, кто мог бы повелевать, уговаривает и прячет под плащом свои королевские руки, я называю это вежливостью.

Моя дикая мудрость зачала в одиноких горах; на жестких камнях родила она свое дитя. А теперь она безумно носится по суровой пустыне, ища для него мягкого дерна, моя старая дикая мудрость.

9 [31]

Я думал, что я богаче всех, – а теперь раздарил всего себя.

Я даже не касаюсь кожи вашей души!

Все больше одинокий и изгнанный, все горячее любовью и желанием отправиться к людям.

Семь одиночеств.

Все типичные *страдания* реформатора и его *утешения*:

1) Утешение: я возлагаю руку на грядущее тысячелетие.

2) Я живу будто в ином времени: высота моя дает мне общение с одинокими и отверженными всех времен

3) Я не ненавижу—я защищаюсь красотой.

9 [32]

Многими порошочками можно мужественного превратить в труса—но и труса в мужественного.

Космическая зависимость

Тихо, оставив свой меч в ножнах, пройди мимо этих врагов: кто на них нападает, оскверняет себя.

Подобно буйволу, близко к морю и еще ближе к лесу живу я.

9 [33]

Инстинкты нужно отрицать как можно дольше—**основной тезис** нравственно-физиолог<ических> исследований.

То, благодаря чему мы ценим человека **сейчас**, существовало всегда. Сначала в чести были л<юди>, потом поступки

9 [34]

Как вынес бы я это, если б не любил сверхчеловека больше, чем вас?

Зачем я дал вам стократное зеркало?

Я преодолел и любовь к вам –любовью к сверхчеловеку.

И как я выношу вас, так и вы сами должны выносить себя—из любви к с<верхчеловеку>.

Для меня вы камень, в котором дремлет самая совершенная из скульптур

И как мой молот ударяет по вам, так вы должны ударять по самим себе—зов молота должен разбудить дремлющий образ.

Люди, которые хотели спрятаться и стыдились ясного неба, создали себе эти сладко пахнущие пещеры.

И лишь когда трава и красный мак разрастутся на развалинах, снова обращу я к этим местам свое сердце.

9 [35]

Надгробное пение у вулкана
Молчание природы – гром.
Золотой гроб.

9 [36]

§ Спасению от спасителей учит Заратустра.

§ Великодушный к земле? нет, справедливый.

§ «Я оправдываю – ибо **я** поступал бы так же». Историческое образование отвратительно мне! оно означает: «я терплю себя самого – следовательно!»

«Ты должен? Я хочу».

9 [37]

Каждый раз, когда я надеваю сильные очки, я поражаюсь тому, как безобразны люди и как можно выносить находиться среди них.

9 [38]

Смысл причинности становится все *слабее*, перемещаясь в обратном направлении (например мифы). *Следовательно*, концепции внутреннего должны быть *наименее* разумны.

Самые *старые* гипотезы должны быть самыми глупыми

9 [39]

«Воля» – понятие, служащее для объединения всех наших страстей.

Страсти – это чувства, служащие для обозначения некоторых состояний тела, которые мы *не* приписываем телу.

«Общие чувства»

Моральные чувства – это страсти, преображенные *ценностными суждениями.*

Влияние *суждения* на *чувство* (даже при наслаждении и боли)

Наслаждение и боль суть ценностные суждения

9 [40]

Как поверхностно и *бедно* все *внутреннее:*

например, цель (образ жевания и действительное жевание)

например, понятие лошади по сравнению с самой лошадью

например, чувство теплоты по сравнению с тем, что происходит

например, Я по сравнению с «Сам»

например, зрение по сравнению с механикой зрения;

например, ощущение биения сердца по сравнению с его механикой

9 [41]

Существуют *только* **телесные** состояния: духовные состояния суть последствия и символы.

Разделять внешний и внутренний мир, как делают метафизики, — это уже чувственное суждение.

Глаз, ухо — тоже «внешний мир».

Нам даны чувства *и внешний мир* — и даже чувства *локализованы в нем.*

Все чувственные впечатления я называю «раздражениями».

«видимость» имеет смысл только для глаза.

Показать «*метафизику метафизики*»!

Исследуется бытие вещей — следовательно, мы должны уже иметь *мнение* о том, что такое *бытие.* **Оно может** ***быть ошибочным***! Например, Я.

9 [42]

Глупость морали в том, что она оценивает сообразно *трудности.*

«*Внутренний* мир» намного тоньше и короче, чем механический. Переоценка!

Неэгоистический поступок – это самообман и близорукость. «Сокращение»

Очищение внутреннего мира.

Когда-то религиозное, эстетическое и этическое представление, скорее всего, были *единым целым.*

Обозначение и ценностная оценка наших телесных состояний – как?

9 [43]

Мне нужно было бы *устранить* мораль, чтобы осуществить мою моральную волю.

Предположим, мораль имеет силу, – тогда я не могу насиловать ближнего своим судом над ним. И не могу терроризировать (запугивать) его.

Да, он невиновен.

Борьба за власть! Осуществить мой идеал *способом*, следующим из моего идеала!

Поступки человека совершенно *не объяснимы его мотивами.*

Индивидуумы *продолжают* действовать в *стимулах.*

Высший дух, привязанный к слабому характеру, – следует устранить.

Презрение к обретению власти и к ее влиянию *противоречит* принципу органического.

9 [44]

1. Страсти = добродетели и пороки.

2. Ценностные масштабы (научного ценностного масштаба до сих пор *не было*)

Стадо и одиночки.

Страх или надежда присоединяются к чувству боли или наслаждения — *и так во всех страстях.*

Гнев (и все аффекты) есть *сначала* состояние тела — интерпретируемое. Позднее интерпретация порождает состояние.

9 [45]

не необходимо и даже не излишне

они набивают рот так, что можно подумать, будто у них переполняется сердце.

Звезда сорвалась вниз и пропала — но ее свет всё еще в пути; когда же он прервет свой путь?

Ты звезда? Тогда и ты должен путешествовать и быть лишен родины.

§ Кающиеся в убийстве бога и их праздник

Вас сначала следует научить *голоду* познания.

Ухо танцора в пальце его ноги.

Сладко противиться и зачесывать назад волосы кустистых чувств.

§ отбить у ч<еловека> охоту к чувствам «наказания» и «вины».

9 [46]

Нужно *преодолевать* все органическое. Помалу и часто!

Как бы я мог захотеть жить, если бы не смотрел *вперед* — поверх вас!

Бойтесь замкнутого! Тигр готовится к прыжку!

Почтение — это тоже страсть, как и поношение. *Почтение* превращает *«страсти» в добродетели.*

Безусловное «должен» я могу выкрикнуть себе очень редко – итак, никаких авторитетов! «Моральное чувство» Канта – ничто! Это *тщеславие хочет*, чтобы одно «Должен» было «Должен» всего мира!

9 [47]

Объединения – вне государства.

Наши мысли приходят откуда-то как раздражители. (Не имеют отношения к«приятно» или «неприятно».)

У слабых я оцениваю плохое и хорошее одинаково. Более сильный – более благородный.

Для отдельного воспитания.

Рабочие должны когда-нибудь жить как сейчас буржуа – но **над** ними будет **высшая каста**, у которой нет потребностей; то есть беднее и проще – но обладая властью.

Право ввести свой *собственный, совершенно индивидуальный кодекс наказания.*

Если ты **не** хочешь *защищать* то, что свойственно *именно тебе, индивидуум*, если ты противоречишь ему, то *противоречие* принадлежит **к** индивидуальной «ответственности» –

9 [48]

Самые влиятельные люди – самые скрытые.

Культура – лишь тонкая яблочная кожица над кипящим хаосом.

Люди *не* одинаковы: так говорит справедливость.

Не польза, а трудность определяет ценность; благородный – результат долгой работы.

Индивидуум est aliquid novum[1] — ни одно действие не является общим с кем-либо.

Воля как иллюзия.

Истина причиняет боль не сама по себе, а потому, что разрушает *веру*.

Изобретатели новых состояний души суть подлинные изобретатели: этим состояниям стремятся *подражать*

Дюринг: никто не желал бы обладать столь злобной душой. Потому-то его философия не привлекает.

Чувство власти. Счастье — это *не* цель; просто чудовищная сила в человеке и человечестве хочет *тратить* себя, хочет созидать, это непрерывная цепь взрывов, которые вовсе не имеют счастье своей целью.

Ведь вы хотите, чтобы вам платили?

«подобные сладкому благоуханию», — но они должны были умереть.

9 [49]

Очищение от мести — вот *моя* мораль. §
«Когда пылал такой огонь?» (как Заратустра)
Я ненавижу того, кто ковыляет перед нами.
Кто идет вперед, а голову поворачивает назад —

Море, для собственного удовольствия распускающее свой павлиний хвост на мягком песке.

9 [50]

§ Пролетарий («Дюринг»)

§ *Опьянение.* Его *пошлая* форма в судорогах покаяния. Предостережение о Дионисе!

---

1 Есть нечто новое (*лат.*)

9 [51]

У различных людей мы находим *одно и то же количество* страстей, которые по-разному называются, оцениваются и поэтому по-разному *направлены. Добро* и *зло* различаются в зависимости от порядка страстей между собой и от господства целей.

9 [52]

Вы полагаете, все дикая игра великанов? Однако слово, прилетающее на голубиных крыльях, направляет волю этих диких: тихий источник...

9 [53]

Ночь: теперь говорят
громче все бьющие ключи –
и ты, моя душа,
тоже бьющий ключ.
Ночь – лишь теперь пробуждаются
все песни влюбленных.
И ты, моя душа,
тоже песнь влюбленного.

9 [54]

Ладан сожжения.

9 [55]

Самого лучшего знания не хватает для веры.

9 [56]

– сон
– пролетарий
– Опьянение. Его самая пошлая форма – муки совести
– Спасение от спасителей
– «Я оправдываю, ибо поступил бы точно так же».
– великодушный к земле? нет, справедливый!
– Хотите, чтобы вам платили?
– Уничтожение и возрождение морали.

9 [57]

Даниэль *Дарк*, bréviaire du Parisien (Ollendorf editeur)[1]

Брэм

Мольденгауэр

9 [58]

Собрание *возвышенных* состояний и предметов.

9 [59]

№ 343. Смешанные мнения и изр<ечения>

---

1 Настольная книга парижан (издательство Оллендорфа) (*фр.*).

10. Июнь–июль 1883

10 [1]

устремляясь ввысь и преодолевая тяжесть, я становился моложе; и когда я укрепился изнутри, я научился и грации.

изобретательные в маленьких хитростях и жадные до покупателей, они ждали – с отощавшими душами, бедные надеждами.

10 [2]

Бурно устремился мой поток в блуждания и непроходимые ущелья – но неужели может случиться так, что поток не достигнет моря?
Озеро нашел я, отшельническое и самодостаточное, но
поток мой ворвался в него и увлек за собою к морю.

10 [3]

неподвижен, как Цезарь.
Вы не знаете меня
Я дал вам наибольшую тяжесть – чтобы от нее погибли слабейшие – ради *воспитания*.
Не сострадать!
я хочу придать форму – и *преобразить* себя и вас
как иначе я вынес бы это!
когда моему Я снились **вы**

10 [4]

Горе человеку и сверхчеловеку, у которого нет высоты, которая выше сострадания!

Малая пропасть между мной и тобой, но кто перекидывал мосты через малые пропасти!

Беседа с *адским псом.* (Вулкан).

По пеплу восхожу я на пепельную гору под вечер; всё длиннее становится моя тень.

Далеко в фиалковом море плывет лодка; — лодочник крестится, завидев, как я иду

Вот направляется в ад Заратустра, — говорит он, содрогнувшись, — давно уже угадывал я этот конец!

Ты заблуждаешься, рыбак! Дьявол не унесет меня — но Заратустра унесет дьявола.

10 [5]

колени твои молятся, но сердце ничего не знает об этом.

Принести *спасение*

Там остров могил, там могилы моей юности; туда хочу я отнести вечнозеленый венок жизни.

Свою юность вспоминал я сегодня, я шел моей дорогой могил. На развалинах сидел я среди красных маков и травы — на моих развалинах.

плывя к острову усопших по спящим морям

Еще живо ты, старое терпеливое железное сердце, и в тебе живет еще неразрешенное, невыраженное моей юности.

10 [6]

Иисус — как сладкий запах.

Сохранение рода *гарантировано* — но что в том толку!

Спаситель

Философы. Познающие. Ученые.

Гений

Свободные духом.

Романтики.

Художники.

Завоеватели, «сильная воля», подвергающиеся насмешкам

Государственные мужи.

Святые.

Верность
Истинность
Сострадание.
Справедливость.
Смелость
Послушание.

И если ты не птица, остерегись устраиваться над пропастью.

Я больше не могу спуститься к вам: глаз мой плывет и не различает тропы, по которой я взбирался наверх.

10 [7]

Черно и очерняюще искусство тарантулов; тарантулами же называю я учителей «худшего из миров»

10 [8]

Я отрешился от жизни: ночным и могильным сторожем сделался я в замке смерти на горе.

Там, наверху, под мрачными сводами охранял я ее гробы, полные трофеями побед; из стеклянных гробов смотрела на меня побежденная жизнь.

Я сам ветер, распахивающий ворота склепов. Я сам гроб, полный пестрой злобой и ангельскими гримасами, я сам хохот жизни в полночном склепе.

10 [9]

один ликует потому, что к мести прибегают и в справедливости, а другой потому, что и в мести прибегают к справедливости. (Дюринг и Корсиканец)

Если бы существовали боги — как вынес бы я, что я не бог! Но богов нет.

10 [10]

Вот что однажды со мной произошло: мне снился мой самый тяжелый сон, и во сне я сочинял мою самую мрачную загадку.

Но смотрите, моя жизнь сама объяснила этот сон. Смотрите, мое Сегодня освободило мое Иначе и попавшийся в него смысл.

И так наконец произошло: трижды ударил гром среди ночи, трижды заревели своды.

Альпа, — закричал я, — Альпа, Альпа. К<то> н<есет> с<вой> п<рах> н<а> г<ору>? Что за преодоленная жизнь идет ко мне, стражу ночи и гробниц?

Когда я видел вас во сне, мне снился самый тяжелый сон.

И я хочу быть вашим страхом — вашим обмороком и вашим пробуждением.

10 [11]

цена холодного разума
созидающий прославляет бедность духа и скепсис
сладкий запах
Середина лета

Мужество требовать чрезвычайного встречается реже, чем мужество его совершить.

Сила и длина решимости и нетребовательность (понимание земного несовершенства

10 [12]

Сладки и вялы, подобно запаху старых дев, вы, ученые.

Вы, спасители, что понимаете вы в человеке!

И почему вы не хотите приманить себя — ко мне?

Но никто мне не ответил.

Ах, вы не знаете, как добр я, одинокий, к голосам. Я стал пьян от ужасных голосов.

«Альпа! – закричал я, – говори же, голос. Альпа!» – кричали из меня мой страх и моя тоска.

<Голос>, что принес ко мне от людей ветер или птица.

10 [13]

Как легко берут на себя тяжесть извинения те, кто ни за что не ответственен.

Но я – ответственен.

10 [14]

Вы, сострадательные, когда вы бросаетесь к людям с *высоты*, – что вам до переломанных членов!

10 [15]

Но царило молчание, ужасное двойное молчание. Ах, вы не знаете ее, двойную тишину, вы, перевязанные сердца!

Альпа! Закричал я. Альпа! Альпа! Страх перед двойной тишиною кричал из меня.

10 [16]

Работать, согнувшись, в темных и душных шахтах – вот самый суровый жребий пленных.

10 [17]

Куда он ушел? Кто это знает?

Но он погиб – несомненно.

Звезда погасла в пустом пространстве.

Непреходящее – символ, сравненье, а поэты слишком много лгут.

Знают они слишком мало и учатся плохо – так что должны они лгать.

А всего милее им царство облаков – там рассаживают они свои пестрые чучела и называют их богами.

А когда они лежат под деревьями в своем саду или на скалистом склоне одиноко беседуют с цветами, они полагают, что их нежные ощущения и есть познание.

Все они верят, что природа влюблена в них и всегда только и прислушивается к их льстивым речам.

10 [18]

Осмельтесь верить в самих себя! Кто же иначе поверит вам? Кто не верит себе—лжет постоянно!

Воля освобождает!—так учу я вас с<вободе> в<оли>.

10 [19]

Этот смех сломал меня, и разорвал внутренности, и распорол сердце.

Сильная воля? Долгая воля нужна мне, жестокосердная вечная решимость.

10 [20]

Любое созидание есть пересозидание—и где созидающие руки, там много смерти и умирания.

И только это умирание и распад; без сожаления ударяет скульптор по мрамору.

Чтобы освободить спящий образ из камня, он должен быть безжалостным; поэтому мы все должны страдать, и умирать, и становиться пылью.

Но мы все тоже скульпторы на службе у его глаза: часто мы сами дрожим перед созидающей дикостью наших рук.

10 [21]

Кто из вас, поэтов, не подделывал свое вино? Немало ядовитых смесей хранят ваши подвалы.

Хотите взглянуть на радугу и на мост сверхчеловека? Сейчас самое время.

Еще шумит грозовое облако, но уже снова светит солнце.

10 [22]

Пророчество.

Однажды будет у меня лето—такое лето, как высоко в горах.

Лето близ снега, близ орла, близ смерти.

10 [23]

Вот что самое непростительное в тебе: у тебя есть власть, но ты не хочешь править.

Разве не видишь, в ком они нуждаются больше. В том, кто может приказывать.

Воля———

10 [24]

Вы голодны духом, — так хватайте же эту истину на закуску: непреходящее — символ, сравненье.

10 [25]

сверхчеловек, полностью за рамками нынешней добродетели, *жестокий* из сострадания — созидающий, без*жалостно* бьющий по своему мрамору.

К последней речи Заратустры.

10 [26]

Играть в большую игру — ставя на кон существование человечества, чтобы, быть может, достичь чего-то большего, нежели сохранение рода.

К п<оследней> ре<чи>

10 [27]

я настигну вас *поздно* — подобно греческим художникам, настигшим вас только сейчас.

Эс<хил>

10 [28]

Беседа с огненным псом
Насмешка над его пафосом
Против революции

10 [29]

Насмешка над революциями и Везувиями. Нечто поверхностное

10 [30]

Вас пока не гонит ни сильный ветер, ни воля
Слишком скованы вы еще и прямы спиной

Ах, вы лишь недавно надуты и округленны, словно парус, проходящий по морю, дрожа от стремительности собственной воли!

Тогда вы должны красиво зваться и иметь хорошую оснастку!

10 [31]

Теперь время горячо, его воздух – пожар; теперь все ходят *голыми*, добрые и злые! Праздник познающего – это мир без одежды.

Лопаются государства
Землетрясения
все видно
Тэн
Отчего *сотрясается* земля: от тихих слов святых
Злоба шторма.
Ликование, что все видно и все разрушается.
Мне становится так хорошо!
Конец всех обычаев и таинственностей.
Сумерки кумиров –
Ничто не вечно!

10 [32]

Холодно течет глубокое познание, словно лед его самые глубокие источники – отрада для горячих рук и поступков.

10 [33]

Люблю шум дурной славы, как корабль рожденную им волну. Легче мой ход, когда путь под килем – – –

10 [34]

Но как я был разбужен вами и пришел к себе, так и вы должны *пробудить себя* – и придти ко *мне*!

Спасители? Связывающими и укротителями называю я вас!

приблизиться к источнику со скромной рукой

10 [35]

Поистине, говорю я вам: только где есть могилы, есть и воскресения!

Скажи свое слово и разбейся о него. Что за дело до тебя!

10 [36]

Ко всем чистым благосклонен я:

вам, посредникам и путаникам, вам, половинным, говорю я: вы не чисты

как мог бы я быть благосклонен к вам, примирителям!

10 [37]

Еще не было сверхчеловеков. Голыми я видел обоих — самого большого и самого малого человека, — и обоих нашел я еще слишком человеческими!

10 [38]

Вы играете и хотите, чтобы любовались вашей игрой — всех вас называю я актерами.

Называете ли вы себя поэтами, или танцорами, или служителями общественной пользы —

Учите ли вы, или рисуете, или музицируете, или играете в «черное по белому» — вы всегда хотите сделать себе имя.

Мать тщеславие

Противоположность тем, кто хочет стереть свое имя и спрятать свою голову — чтобы их *задача* не заметила их и пробежала мимо.

10 [39]

лишь когда я *себе* слишком тяжел, тяжелы мне вы.

10 [40]

1 Смех над нравственным мировым порядком. «Оплачивать».

2 Танцевальная песнь

3 Сон.

4 Огненный пес

5 Посредники.
6 Цена холодного разума
7 Кающиеся духом.
8 Множество обществ (к завоевателям = основателям)
9 Поэты, гении, актеры
10 Ученые
11 Рассыпаться на куски!
12 Философы
13 Социалисты равенства
14 Оправдывающие
15 Пессимисты

10 [41]

О лавочниках
любопытных
довольствующихся малым (мистиках)
о *тщеславии чистых*
О *скульпторах идолов.*
О *чернокнижниках*
оправдывающих
примирителях, посредниках
Еще не было сверхчеловеков.

10 [42]

Наслаждение ветра мистраля
плуга
высоты
жизни
смены времен года (кольцо), органическое
потока
утренней зари
чистого неба
электричества.
Наслаждение как мать болей.

10 [43]

Основное учение: природа — *как человек: заблуждается* и пр.

Очеловечивание природы.

10 [44]

Итак, заключаю я, вера во время полезна для здоровья. (Пессимистам в последнюю очередь)

Есть три одиночества: одиночество созидающего, одиночество ожидающего и одиночество стыда.

Я знаю слово и знак сверхчеловека, но не показываю его, не показываю себе самому.

Что *вы* делали? («Праздник жизни») —— «Это в духе Заратустры»

Учение, *одобренное* сначала чернью, а в конце концов и высшими людьми.

Мы хотим жить как Заратустра, — в стыде перед великой истиной.

10 [45]

1 акт. Искушения. Он считает, что не созрел.
(Избранный народ)
Одиночество от стыда перед самим собой
2 акт. Заратустра, инкогнито присутствующий
на «великом полдне»
Его узнают
3 акт. Катастрофа: после *его* речи *все* отступаются.
Он умирает от боли.
4 акт. Похороны
«Мы убили его»
переубедите основания

10 [46]

К 1) Он отказывается. В конце концов пение детского хора вызывает у него слезы.

Глупец!

2 короля ведут осла.

К 2) Когда процессия не знает, куда следовать, приходят посланники из чумного города. Решение. Как в *лесу*. Огонь на рынке, символ<ическое> очищение.

Уничтожение *большого города.* Конец
я хочу соблазнить *благочестивых*

10 [47]

Заратустра сидит на руинах церкви Акт 4

самый мягкий должен стать самым жестким — и от этого погибнуть.

Мягким к человеку, жестким ради сверхчеловека

Столкновение.

мнимая *слабость*.

он предсказывает им: учение о вечном возвращении — это *знамение.*

Он **забывает себя** и учит **из** *сверхчеловека вечному возвращению:* сверхчеловек *выдерживает его* и *этим карает.*

Очнувшись от видения, он умирает

11. Июнь–июль 1883

11 [1]

бессонная кровоточащая мука

11 [2]

Об ученых.
О стране образованности.
Об отребье.
Похороны.

11 [3]

Кто из нас двоих больший глупец?

Заратустра ответил: тот из нас, кто считает таковым другого.

Что есть плодовитейшая мать трагедий?

Оскорбленное тщеславие.

Кто из нас двоих счастливее?

Тот, кому более не удалось его несчастье.

В том пропасть моя и моя опасность, что я бросаюсь в эту высоту – и, поистине, не в вашу глубину!

11 [4]

Посмотрим, не научится ли львица нежно рычать! –

Ах, если б я мог пастушьими дудками приманивать вас ко мне обратно! Ах, если б львица научилась нежно рычать!

11 [5]

Гнев, оттого что необходимость – из железа и что нам запрещено волить вспять.

Ярость, оттого что время утекает в будущее и не дает силой привлечь себя на мельницу прошлого!

Что нечто страдает, приносит нам наслаждение: это самая старая наша глупость.

11 [6]

В<агнер> обращается к тем, кого доводы делают недоверчивыми, но убеждают величественные жесты.

11 [7]

Я не умею быть до конца серьезным с людьми. Я слишком быстро начинаю смеяться над врагом, потому что он должен был бы очень многое исправить по отношению ко мне. Но в аффекте я легко мог бы убить.

11 [8]

Есть в человеке что-то фундаментально ошибочное — он должен быть преодолен. Попробуй!

11 [9]

Дюринг. Ему достаточно прибавить парочку раздраженных и напыщенных слов: он принимает это за «остроумие»

11 [10]

В Заратустре III появляются:
Кающийся духом
Убийца бога.
Усталые
Пчелиные ульи

11 [11]

Когда горит дом, забывают даже про обед — сказал огненный пес.

Да, а потом наверстывают его на пепелище.

11 [12]

Истинная добродетель та, что ничего не знает о себе: этому вы меня научили.

с тех пор истинную скромность находил я в полях, на изгородях и повсюду:

повсюду растет она, словно черника, там, где ничто доброе не растет.

11 [13]

a Похороны
b Об огненном псе
c Самый тихий час

11 [14]

При всяком действии *достигается* многое из того, о чем мы не думаем.

11 [15]

Слишком горда еще и стыдлива твоя воля. Если ты хочешь –

Пчелиные ульи будут строить они, словно вавилонские башни.

11 [16]

И пусть все, что может разбиться в наших истинах, разобьется! Есть еще миры, чтобы строить!

11 [17]

Об отребье
О тарантулах
Прорицатель
Похороны

11 [18]

Неудовольствие дарящего
О добре и зле
Разговор с королем
О великих событиях
Самый тихий час

11 [19]

Победа над *духом тяжести*

11 [20]

архитектурный стиль для этой души

11 [21]

также приходят некоторые странные святые, в том числе шут.

12. Лето 1883

12 [1]

«Злая мудрость».
Афоризмы и изречения
Фридриха Ницше.

Стрелы.
Афоризмы и изречения
Фридриха Ницше.

1. Общественные мнения — частные лености.

2. Убеждения — более опасные враги истины, чем ложь.

3. Много упрямцев, кто держится однажды избранной дороги, мало тех, кто держится цели.

4. Сначала змея должна стать драконом, чтобы кто-то сумел благодаря ей стать героем.

5. Совсем не говорить о себе — весьма благородное лицемерие.

6. Мало приверженцев у истины не тогда, когда она опасна, но когда она скучна.

7. Мы так любим бывать на природе, потому что у нее нет о нас мнения.

8. Неразумность вещи не аргумент против ее существования, а скорее, его условие.

9. Железная необходимость, о которой говорят люди, обычно не железна и не необходима.

10. Когда нужно много вкладывать, у дня находятся сотни карманов.

11. Кто плохо слышит, всегда слышит немного больше.

12. Увернувшись от одного экипажа, подвергаешь себя большей опасности попасть под другой.

13. Ожидание делает безнравственным.

14. Ученик мученика страдает больше, чем мученик.

15. Преимущество плохой памяти в том, что одними и теми же хорошими вещами несколько раз наслаждаешься впервые.

16. Профессия — это хребет жизни.

17. Доброкачественность брака испытывается тем, выдерживает ли он исключение.

18. Если нет хорошего отца, нужно им обзавестись.

19. Не испытывает скуки тот, кто не научился работать как следует.

20. Некоторые мужчины вздыхали от того, что у них похитили жену, а многие от того, что никто не захотел ее у них похитить.

21. Сомнительно, чтобы бывалый путешественник мог найти где-нибудь более безобразные места, чем на человеческом лице.

22. Мужественных людей склоняют к какому-либо действию, преувеличивая его опасность.

23. Лучшее средство прийти на помощь стеснительным людям — решительно их хвалить.

24. Можно говорить в высшей степени подобающе, но весь мир станет кричать об обратном: так бывает, когда обращаются не ко всему миру.

25. Мечтатель отрицает истину перед самим собой, а лжец — только перед другими.

26. Всякий гурман думает, что для дерева важен плод, но для дерева важно семя.

27. Кто видел чей-нибудь идеал, тот становится неумолимым судьей и дурной совестью этого человека.

28. Почитатели великого человека имеют обыкновение ослеплять себя, дабы лучше воспевать ему хвалу: бедные певчие птицы!

29. Что есть гений? Желание высокой цели *и* средств для ее достижения.

30. Дурное приобретает авторитет благодаря подражанию, хорошее при этом проигрывает, особенно в искусстве.

31. Нужно уметь затенять свой свет, чтобы избавиться от комаров и поклонников.

32. Ты ищешь исключений — и оказываешься ниже тех, кто ищет только правил.

33. У всякого мастера лишь один ученик — да и тот ему изменяет. Ибо он тоже предназначен для мастерства.

34. Не свидетельствует против зрелости духа то, что в нем завелось несколько червей.

35. В одиночестве одинокий пожирает самого себя, во множестве его пожирают многие. Что ж, выбирай.

36. Подмастерье любит мастера иначе, чем другой мастер.

37. Толпу не заставишь кричать осанну прежде, чем въедешь в город на осле.

38. Наши последователи никогда не прощают нам, если мы выступаем против самих себя.

39. Женщина – это праздность творца на седьмой день.

40. Нужно остерегаться слишком рано стать острым, ибо тогда слишком рано становишься – тонким.

41. Кого слишком долго держишь в прихожей своей милости, тот начинает бродить и становится кислым.

42. Тщеславие превращается у гордеца в маску вежливости.

43. Остроумие – это эпиграмма на смерть чувства.

44. Хорошая сентенция слишком тверда даже для зубов времени.

45. Хорошая книга делает остроумными и своих противников.

46. В искусстве священные средства могут освятить и подлую цель.

47. Когда открывает рот твое произведение, ты сам должен молчать.

48. То, что нужно давать вам по частям, вовсе не должно быть из-за этого несовершенным.

49. Хорошие мысли, слишком быстро следующие друг за другом, заслоняют друг другу «вид».

50. Жертвовать приходится при любом действии – как при лучшем, так и при худшем.

51. Есть ли у нас зуб змеи, мы узнаем не прежде, чем кто-нибудь наступит на нас пяткой.

52. Если кто-то в даренем мешке преимуществ обнаруживает хотя бы песчинку унижения, он делает плохую мину при хорошей игре.

53. О каждом известно слишком много.

54. Мать разврата не радость, а безрадостность.

55. Лучше уж мыться грязной водой, чем оставаться грязным.

56. Все, что золото, не блестит: для этого оно слишком мягко.

57. Нужно убрать леса, когда дом построен.

58. Немного здоровья время от времени — лучшее лекарство.

59. Самый опасный приверженец тот, после утраты которого уничтожается целая партия, — т.е. самый лучший приверженец.

60. Самую большую милостыню подает трусость.

61. Люди протискиваются к свету не для того, чтобы лучше видеть, а чтобы лучше блестеть.

62. Прежде чем «искать человека», нужно найти фонарь.

63. Всякое слово — предубеждение.

64. Для любителя изысканного стиля обретенный стиль — мучение.

65. Когда добродетель выспится, она встанет более свежей.

66. Аскет делает из добродетели нужду.

67. Негодяев следует искать не среди преступников, а среди тех, кто ничего не «преступает».

68. Самые остроумные авторы вызывают незаметную улыбку.

69. Антитеза — это узкие врата, сквозь которые заблуждение охотнее всего пробирается к истине.

70. Если у тебя одним талантом больше, ты в более неуверенном положении, чем если у тебя одним талантом меньше.

71. О своей вине забывают, когда исповедались в ней другому.

72. «Если узелок не рвется — раскусить его придется».

73. Чем выше мы поднимаемся, тем меньше мы кажемся тем, кто не умеет летать.

74. Как хорошо звучат плохая музыка и плохие аргументы, когда идешь на врага!

75. Мастерство мастера подразумевает, что он предостерегает учеников от самого себя.

76. Почему человек не видит вещей? Он стоит на пути у себя самого: он *заслоняет* вещи.

77. Кто хочет убить своего противника, должен подумать, не увековечит ли он тем самым его в себе.

78. В большинстве случаев от любви все еще помогает старое радикальное средство: ответная любовь.

79. Некоторые люди имеют полное право поступать так-то и так-то. Но если они потом начинают защищать это право — в их право перестают верить.

80. Из всех средств утешения нуждающимся в утешении особенно по душе утверждение, что в их случае нет никакого утешения.

81. Живые натуры лгут лишь одно мгновение, после которого они уже обманули себя, убеждены и правдивы.

82. Броситься в гущу врагов может быть признаком страха и трусости.

83. Пугливый человек не знает, что значит быть в одиночестве: за его стулом всегда стоит враг.

84. Мы не хотим больше делать причины грешниками, а последствия палачами.

85. Нищих следует упразднить, ибо люди сердятся, когда им подают — и когда не подают.

86. Ученые: так называют сегодня солдат духа, как и — к сожалению — чулочников духа.

87. Это сердце воодушевляет и это дух дает сердцу мужество и делает холодным перед лицом опасности. Что за язык!

88. Лгут языком, но устами и ртом все равно говорят правду.

89. Человек — это зверь с красными щеками: человек — это зверь, которому часто нужно стыдиться.

90. Много говорить о себе — тоже способ себя скрывать.

91. Вы верите, как вы говорите, в необходимость религии? Будьте же честны! Вы верите лишь в необходимость полиции.

92. Женщины чувственнее мужчин, но они меньше знают о своей чувственности.

93. Мораль—это чванство человека перед природой.

94. Мы хвалим то, что нам по вкусу, т.е., хваля, мы хвалим свой вкус; разве это не противно всякому хорошему вкусу?

95. Не существует л<юдей>, ибо не было первого ч<еловека> — так считают звери.

96. И у бога тоже есть свой ад—сказал дьявол: это его любовь к людям.

97. Кто достигает своего идеала, тот тем самым уже превосходит его.

98. Иной павлин прячет от глаз свой хвост и называет это —гордостью.

99. Иногда в конце концов побеждает истина, в этом нет сомнения: ведь за нее сражалось какое-нибудь заблуждение.

100. Познающий чувствует себя воплощением бога в звере.

101. Я прислушивался к эху—а слышал лишь похвалу.

Иной лишь после смерти становится великим—благодаря эху.

102. Бедные художники! Вы хотели их воздвигнуть, а это отребье хочет—быть опрокинутым!

103. Вера делает блаженным, особенно вера в нас.

104. «Наш ближний—это не наш сосед, а сосед нашего соседа»—так думают все народы.

105. Большие одолжения порождают не благодарных, а мстительных.

106. Кто заходит слишком далеко, в конце концов устает и ложится спать на снегу—подобно скептику.

107. Угрызения совести учат кусаться.

108. В похвале гораздо больше навязчивости, чем в порицании.

109. Глупостям холодных людей не верят.

110. Познающий живет среди людей не как среди зверей, но—как будто среди зверей.

111. Своим противникам мы искренне прощаем только их ошибки.

112. Во взоре всякого судьи сидит палач.

113. Последствия наших поступков крепко хватают нас за волосы, не обращая ни малейшего внимания на то, что мы с тех пор «стали лучше».

114. «Но как мог ты поступить так? Это была глупость!»—«Она дорого обошлась мне».

115. Увы! Ты увидел его идеал! Отныне ты будешь видеть в нем лишь его карикатуру.

116. Человек считал бы себя богом, если б у него не было нижней части туловища.

117. Сострадание человечеству было бы тиранией по отношению к каждому отдельному человеку.

118. Нужно не замечать себя, чтобы хорошо видеть.

119. «Люди *не* равны!»—так говорит справедливость.

120. Кто не видит высокое в человеке, тот слишком близко видит его низменное.

121. Когда талант человека тускнеет, становятся виднее его моральные качества — и не всегда это звезды, что становятся видны.

122. От усталости мы подвергаемся нападению и давно преодоленных понятий.

123. Что существует забывчивость, еще не доказано, — доказано лишь то, что мы можем о чем-нибудь не вспоминать, когда хотим этого.

124. Вера в причину и следствие заключена в самом сильном из инстинктов — в инстинкте мести.

125. Когда нам кто-то удобен, мы приписываем это его нравственности.

126. В стремлении *не* познавать самих себя весьма изощренны и заурядные умы.

127. Видеть и все же не верить — первая добродетель познающего; видимость — величайший его искуситель.

128. Что есть «церковь»? — Основательно изолгавшийся вид государства.

129. Носить при себе золото не в монетах неудобно; так поступает мыслитель, у которого нет формул.

130. Кто честен по отношению к человеку, тот скуп даже на вежливость.

131. «Герой весел» — этого до сих пор не замечали трагики.

132. Польза лишь средство, ее цель всегда какое-нибудь удовольствие; будьте уж честны, господа наслаждающиеся.

133. Самые скверные наши свойства отплачивают *нам*, когда поддаются натиску добродетелей.

134. «Теперь я справедлив <gerecht>» и «теперь я отмщен <gerächt>» — звучит сходно — и не только звучит сходно —

135. Никогда ничем не обладают, потому что никогда не остаются теми же. Люди лишь беспрестанно приобретают или теряют.

136. Лучше сделать зло, чем мелко подумать!

137. Свиньи Цирцеи поклоняются целомудрию.

138. Можно в море погибнуть от жажды — как и среди пересоленных истин.

139. С точки зрения потребностей здоровья для переваривания нужна своего рода лень. В том числе для переваривания впечатлений.

140. Красть часто блаженнее, чем брать.

141. В каждой жалобе — мщение.

142. Меня потрясло не то, что ты солгал мне, но что я тебе больше не верю.

143. Каждый мнит себя «знатоком» добра и зла — и заблуждается.

144. Хвалящий обычно делает вид, будто воздает; на самом же деле он желает, чтобы его одарили.

145. Женщины лишаются детскости из-за того, что занимаются детьми как воспитатели.

146. От всего сердца любят только своего ребенка или свое произведение.

147. Кто не делает нас продуктивными, становится нам безразличен.

148. «Для своего ближнего совершают поступки, но не созидают» — так думают все созидающие.

149. Гнев обнажает не человека, но гнев.

150. К кому время относится враждебно, тот недостаточно опередил время — или отстал от него.

151. «Где есть еще море, в котором можно утонуть!» — этот крик несется сквозь наше время.

152. Есть много жестоких, которые слишком трусливы для жестокости.

153. Нужно преодолевать и свою юность, если снова хочешь стать ребенком.

154. «Лишь горячие знают восторги холода» — так говорил свободный ум.

155. Всего несправедливее мы не к тому, что нам противно, но к тому, что нас не касается.

156. В теориях отнюдь не в последнюю очередь привлекает то, что они опровержимы.

157. «Добро и зло — предрассудок бога» — сказала змея.

158. Богов нужно спрашивать только о том, о чем лишь боги могут дать ответ.

159. Иной обретает свое сердце не раньше, чем потеряет голову.

160. Вещи — это только границы человека.

161. Многое делается для нас прозрачным, но это совсем не значит, что мы можем пройти — насквозь.

162. Научиться повелевать труднее, чем научиться повиноваться.

163. Не наши поступки, но наши и других людей мнения о наших поступках — делают из нас добрых или злых.

164. Что истина проста — утверждает заблуждение. Error veritate simplicior[1]

165. Ubi pater sum, ibi patria[2].

166. Можно скорее отклонить просьбу, чем благодарность.

167. У нас наказание пятнает еще больше, чем преступление.

168. Сама по себе истина еще не сила: если она не становится на сторону силы, она обязательно погибает.

169. Мастера видно по тому, что он не ошибается и не медлит.

170. Что сбивало человека с толку? Не вещи и не мнения о вещах — но мнения о вещах, которых нет!

171. Непреходящее — символ, сравненье.

172. Бывает твердость, которая хочет выдать себя за силу.

173. Если человеку только что воздали большие почести и он хорошо поел — тогда он наиболее милосерден.

174. Мы тоньше в наблюдениях о том, замечают ли другие наши слабости, чем в наших наблюдениях за чужими слабостями.

175. Только король играет свою свиту.

---

1 Старая ошибка (*лат.*).

2 Где я отец, там отечество (*лат.*).

176. Улучшить стиль значит улучшить мысль — и ничего больше!

177. Слабейшая сторона классической книги обычно в том, что она написана на слишком уж родном ее сочинителю языке.

178. Мы придаем особенное значение обладанию какой-либо добродетелью лишь тогда, когда замечаем ее отсутствие у противника.

179. Всякую маленькую удачу следует использовать, как больной использует кровать: для выздоровления, и ничего больше.

180. Удовольствие от мелких злых мыслей удерживает людей от многих больших злодеяний.

181. Продолжительные и сильные боли делают тиранами.

182. Если не выращивать своего дьявола, маленькая дьявольщина делает — маленьким.

183. Нужно быть своему другу отдохновением, но и жестким ложем, походной кроватью.

184. Если что-нибудь не удается, нужно вдвойне платить своему помощнику.

185. Будь привередлив, принимая! Отличай тем, что принимаешь!

186. Кто постоянно дает, легко теряет стыд.

187. Когда это великий человек выглядел таким толстым и славным, как человек добрый!

188. «Я прощаю тебе то, что ты мне сделал; но что ты сделал это себе — как мог бы я простить!» — так говорил любящий.

189. Ты говоришь «это мне нравится» и полагаешь, что хвалишь меня. Но ты не нравишься *мне*!

190. Любовь к себе самому есть признак беременности.

191. Для очень одинокого и шум—утешение.

192. Рядом с полубогом и герой становится предметом насмешек.

193. «Сколько десятилетий понадобится, пока он начнет светить?» Таким вопросом измеряют даль и высь человека.

194. Непомерные ожидания, которые женщины связывают с любовью, застилают им глаза в отношении всего прочего—дальнего.

195. «Можно быть беременным только собственным ребенком»—так говорит себялюбие всех созидающих.

196. Он пока обладает полной невинностью восхищения—т. е. он еще не думает о том, что им тоже смогут когда-нибудь восхищаться.

197. Иное бытие не имеет никакого смысла—пусть даже и того, чтобы заставить забыть о другом бытии. Точно так же бывают и опиумные поступки.

198. Одинокий сказал: «я ходил к людям, но никогда не достигал их!»

199. Кто хочет оправдать бытие, должен суметь быть и адвокатом бога перед дьяволом.

200. Кто не способен ни на любовь, ни на дружбу, тот получает удовлетворение—в браке.

12 [2]

Нередко глупость навешивает себе имя покрасивее и называет себя необходимостью.

12 [3]

В том, что вы называете природой, много глупости и неуклюжего нащупывания — но ваш дух поистине принадлежит этой «природе».

12 [4]

Все чувствующее страдает и сидит в заключении, но волящее приходит как освободитель, приносящий радость, — так учу *я* вас «свободе воли».

12 [5]

Там, где перестает смотреть ваша честность, ваш взор ничего больше не видит; о, я знаю вашу волю к слепоте!

12 [6]

Если хочешь все прямое сделать кривым, подумай, что время исчезло и преходящее — ложь.

Мыслить подобное — самое скверное безумие: это будет вихрем для твоих костей и расстройством для твоего желудка.

12 [7]

Они хотят играть самыми маленькими костями и видеть, как танцуют те, кого трудно заметить: гномы бытия, смешные первичные тельца; но они называют это наукой и потеют при этом.

Для меня они дети, которые хотят играть; и если бы было немного смеха в их игре, я одобрил бы их «веселую науку».

12 [8]

Завязанные, напряженные чувства, которые для вас лишь узлы, часто повторяющееся, в чье вечное возвращение вы верите, — вот ваша «действительность», ваше лучшее суеверие.

Лишь когда в истине обрел я удовольствие, я обрел также ложь и обман: из этого удовольствия вложил я в вещи близкое и дальнее.

12 [9]

Все оценки созданы; каждая оценка уничтожает. Но само оценивание – как его уничтожить! Ведь сама жизнь – оценивание!

Оценивать – значит пробовать на вкус.

О вкусах не спорят? О, глупцы, вся жизнь – это проба на вкус, и вкус, и сам спор о вкусах и вкушении!

12 [10]

Вам кажется, будто вы свободны, но вы дергаетесь на наших ниточках. Ценности и мнения хозяйничают над вами и в вас – мы, оценивающие, заводим вас как часы!

12 [11]

И если вы хотите быть свободными, вы должны не только сбросить с себя тяжкие цепи: должен прийти час, когда вы убежите от самых любимых.

Жену свою должен ты быть способен покинуть, страну свою, свою пользу, свою самую драгоценную веру, – и на какое-то время солнце твоей жизни должно зайти.

12 [12]

А кто изобретатель себя самого, тот давно уже считается потерянным.

12 [13]

Сон без сновидений – для меня был бы худшим из зол. А всякое последнее знание называю я своей наивысшей опасностью.

12 [14]

Познавать: для меня это вожделение, и жажда, и оценка, и борьба ценностей. Но, как созидание, всякое познание должно быть и не-познанием.

Видеть насквозь, сквозь преходящую сеть и последнюю завесу, — то было бы великой усталостью и концом всех созидающих.

Но верьте мне, друзья мои, нет ничего непреходящего: оно лишь сравнение!

12 [15]

Быть всецело желанием и, словно орел, парить над дальними берегами: вот что называю я счастьем.

12 [16]

Есть два пути освободить вас от страданий: скорая смерть и долгая любовь.

12 [17]

Когда я создал сверхчеловека, я окутал его большим покрывалом становления и засветил над ним полуденное солнце.

12 [18]

Стань светлым! Стань здоровым! Стань необходимым!

12 [19]

Инстинкт зачатия, цели, будущего, высшего — вот свобода во всяком волении. Только в созидании свобода.

12 [20]

Вы, знающие, беспокоитесь лишь о том, что вам не хватает стыда! Ибо у хорошего яблока есть и пушок.

12 [21]

Старшим из нас казалось безбожным рыться в недрах земли в поисках сокровищ — теперь же явились новые ненасытные!

12 [22]

Когда при виде вредного тебя охватывал ужас, ты говорил: это «зло», — но когда ты почувствовал отвращение, возникло «дурное».

12 [23]

Добродетель как конечный результат большого труда и усилий, сказавшихся лишь на позднейших индивидуумах. «Дар» — то же самое, хорошо используемый механизм.

12 [24]

Судить о чем-либо — это утверждать ощущение, т.е. *узнавать* свое ощущение (что предполагает сравнивание и память).

12 [25]

Прибраться во внутреннем мире! Здесь еще так много фальшивых сущностей! Мне достаточно ощущать и мыслить. «*Воление*», как нечто третье, — это плод воображения. Вообще все инстинкты, потребности, отвращения и т.д. — это не «единства», но *мнимые* «простые состояния». Голод — это чувство неудовольствия и знание путей его прекращения. И без всякого знания может возникнуть последовательность движений организма, целесообразных для устранения голода: *возбуждение* этого механизма *ощущается* при голоде.

12 [26]

Образ *перед* действием — это не понятие его, но *идеал* - - - -

12 [27]

Как многие органы образуются из одного органа, например, из кожи нервная система и мозг, — так и всякие чувства, представления и мысли должны были быть изначально неким *единством*; стало быть, чувственное восприятие есть *позднее* единичное явление. В неорганическом мире это *единство* должно сохраняться, ибо органическое *начинается* с разделения. *Влияние* неорганического друг на друга следовало бы изучить (оно всегда *действие, направленное вдаль*, то есть «познание» обязательно предшествует всякому действию: далекое должно восприниматься. Чувство осязания и мускульное чувство должны иметь аналоги:)

12 [28]

Движения ноги при ходьбе и скольжении — действительно ли это последствия осознанных целесообразных установок? Но ведь и любое сознательное *упражнение* — вовсе не то, что о нем думают. Большинство движений при упражнениях — это попытки, интеллект *утверждает* лишь удавшиеся, он не производит их. Это утверждение очень поверхностно, потому что его образ процесса очень приблизителен. Тем самым не объясняются бесчисленные нюансы, которые должны быть изучены, опробованы и утверждены бесконечно более тонким интеллектом и увидены совершенно другими органами чувств, чем те, что у нас есть. То есть интеллект *не* объясняет эти целесообразности, как не объясняет и «*упражнение*».

12 [29]

Всякая мораль есть лишь утонченная форма мер, которыми пользуется все органическое, чтобы *приспособиться* и при этом *прокормить себя* и *обрести власть*. Отношение одного человека к другому можно обозначить таким выражением из области механики, как *изменение* кривой движения его сущности.

Так и тончайшие изменения сознания должны сначала быть механически возможными, прежде чем случиться. Тем самым и проявление воли зависимо от механических предпосылок.

12 [30]

Остановимся же на чувстве воли! Что мы *осознаем* как «волю»? Мы узнаем, что воля лишь гипотеза. Она может быть верной — или нет.

Нет другой «воли», кроме той, которую мы *осознаем*. То есть к определенным явлениям сознания мы *присочинили* и волю, подобно тому как присочинили «материю» к другим явлениям.

12 [31]

Все органическое отличается от неорганического тем, что оно *собирает опыт* и никогда не равно самому себе в своем процессе. Чтобы понять существо органического,

нельзя принимать его *самые маленькие* формы за *самые примитивные*: напротив, и *самая маленькая* клетка **теперь** наследница всего органического *прошлого*.

12 [32]

Множество компенсирующих механизмов в теле (с. 195)

12 [33]

Сознание локализуется на *поверхности* обоих полушарий. Всякий «опыт» есть механический и химический факт, не застывший, а «*живой*», — но мы ничего не *знаем* об этом!

12 [34]

Где у нас жизнь, там мы предполагаем «дух»; но знакомый нам дух совершенно не в состоянии что-либо делать. Как жалок любой образ сознания! *Он и сам, видимо, есть* лишь *следствие* изменения, которое влечет за собой другое изменение (действие). Всякое действие, которое мы «хотим», есть не что иное, как *видимость явления*, представленного нами —

Всякое сознание лишь **побочное** *проявление интеллекта* (?) То, что мы осознаем, *не может быть причиной чего-либо*. Достаточно лишь сравнить *переваривание* и то, что мы при этом ощущаем!

12 [35]

Воля знакома нам только как нечто сознательное. Но все внезапные взрывы *затемняются* и делаются расплывчатыми, когда их снабжают таким «внутренним миром».

12 [36]

Керубини зависит от Глюка и Гайдна, Спонтини — от Глюка, Бетховена, а в драматургии — от Керубини; Глюк — от Люлли и Рамо. Вагнер — от «Эврианты» (хотя утверждает, что от Глюка).

12 [37]

Наш интеллект не в состоянии охватить многообразие какой-либо умной совместной игры, не говоря уже о том, чтобы воспроизвести ее, как происходит, например, в пищеварительном процессе. Это совместная игра очень многих интеллектов! Всюду, где я нахожу жизнь, я нахожу эту игру! И повелевающее находится во многих интеллектах. Но едва мы попытаемся представить себе органические действия, выполняемые *посредством многих интеллектов*, как они становятся нам совершенно непонятными. Скорее мы должны помыслить интеллект как последнее следствие органического.

12 [38]

Существо наследственности совершенно темно для нас. Почему какое-либо действие становится «легче» во второй раз? И «кто» ощущает это облегчение? Имеет ли это ощущение что-либо общее с тем, что и во второй раз действие осуществляется точно так же? Ведь тогда ощущение различных *возможных* действий нужно было бы *представить* перед тем, как действовать!

12 [39]

Могущественный органический принцип импонирует мне, прежде всего, той легкостью, с которой он соединяется с неорганическими веществами. Я не знаю, как можно объяснить эту целесообразность лишь простым приращением. Скорее я бы подумал, что есть вечные органические сущности.—

12 [40]

Послушай меня немного, о Заратустра,—сказал однажды ученик,—что-то бродит у меня в голове; мне почти что кажется, будто голова моя бродит вокруг чего-то, то есть вертится по кругу.

Что же это такое, ближний наш? Что-то в нас, изменения в нас, которые становятся осознанными: наш ближний—это образ.

Но кто мы сами? Разве мы сами не только образ? Нечто в нас, изменения в нас, которые стали осознанными?

Наше Само, которое мы знаем: разве и это не только образ, нечто вне нас, внешнее, наружное? Всякий раз мы касаемся только образа, а не нас самих.

Разве мы сами не так же чужды себе и не так же близки, как ближний?

Поистине, у нас есть образ человека—его мы создали из нас. А потом мы обращаемся к себе—чтобы *себя* понять! Да, понять!

Скверно, очень скверно обстоит у нас дело с самопониманием!

Самые сильные наши чувства; поскольку это чувства, это что-то внешнее, наружное, образное: это подобия.

А то, что мы именовали внутренним миром,—ах, как оно бедно, и обманчиво, и пусто, и выдумано больше всего!

12 [41]

Счастье добродетели и человеческий разум утомили меня: их великие люди, их спасители, освободители, поэты, мудрецы, справедливые, добрые, сострадательные, тихие, примирительные, восторженные.

12 [42]

Люди науки

Аскетизм духа—для самых одухотворенных. «Кающиеся»

Стадо и Я. Ответственность.

фарисей.

Изобретатель праздников.

облагородить ближайшее.

Критика морали—чтобы сделать нас независимыми от похвалы и порицания

Расплата в потустороннем? Вы хотите, чтобы вам платили?

Без родины.

Очищение от мести—*моя* мораль.

Самые влиятельные жили наиболее скрытно.

Культура—тонкая яблочная кожура!

Люди *не* равны!

Благородный—результат долгой работы

Изобретатели новых состояний души — настоящие изобретатели. Им подражают.
Сила хочет тратить себя — не счастье.
«как сладкий запах»
слабые — опасность
высшая каста, могущественнее, но беднее.
Осуществить наш идеал — борьбу за власть, — *способом*, который следует из идеала.
Индивидуумы продолжают жить в стимулах. Слава.
Нужно очищение внутреннего мира и обучение!
Кающиеся в убийстве бога и их праздник.
Отбить у людей охоту к «вине» и «наказанию»!

12 [43]

Я не хочу, чтобы меня смешивали и путали.

Есть такие, что проповедуют мое учение о жизни, — и в то же время они проповедники равенства; я не хочу, чтобы меня смешивали и путали с ними.

Люди *не* равны — так говорит справедливость. Такое я говорю вам в другой раз.

Сама жизнь, втайне сообщившая мне свой закон, добавила: «и люди тоже не должны быть равны!»

Все более неравными должны становиться люди — ради сверхчеловека! — так хочет сама любовь моя!

О чем промолчал отец, то проговаривается в сыне. И часто сын — лишь обнаженная душа отца.

Угрюмая спесь, затаившаяся зависть: в сыне все это вырывается как пламя и безумие мести.

Моя справедливость в том, — говорит это безумие, — что я мщу всем и браню всех, кто не равен мне.

«Воля к равенству» — такое имя должна носить добродетель, — и мой крик о добродетели пусть возвысится и поднимется против всего, что имеет власть!

Он проповедует жизнь, чтобы причинять боль тем, кто отворачивается от жизни: ведь они могущественнее, чем он, и с более чистым сердцем.

Но сам он, отвернувшись от жизни, сидит в своей норе; я не называю это жизнью: плести паутину как сеть и поедать мух.

Слишком сильно бьет его источник мести — и он опустошает свой сосуд, наполняя его.

Эта вежливость должна быть и в речи; тот, кто мог бы повелевать, прячет под плащом свои королевские руки, он убеждает своей красотой вместо приказов.

«Все в мире не нравится мне, — так думает он, — особенно же, что я никому не нравлюсь». Поэтому говорит он о будущем.

Под конец:

Он мне не по вкусу — вот лучшее мое основание, которым я с ним спорю.

О вкусах не спорят? О вы, глупцы, вся жизнь есть спор о вкушении и вкусах и должна такой быть.

И я сам, глупые друзья мои, что я такое, как не то, о чем спорят: вкус!

Во чреве кита сидит сей провозвестник жизни — кита, против которого говорит он свои речи и который его проглотил.

Все его тайны хочу вывести я на свет — и тогда рассмеюсь ему в лицо, искаженное завистью, своим смехом высоты.

Не ужасом змеиных волос защищусь я от вас, проповедники равенства, но одним лишь щитом красоты!

Я люблю в ветре — что он невидим; видимым хотел бы я быть лишь как как огонь на мачтах, на который, как на добрый знак, изумленно взирают одинокие мореплаватели

Он хотел, чтобы его принимали за бога — но для этого ему нужно было бы спрятать лицо и закутаться в покрывало Исиды.

Но я говорю вам: кто враждебен своему времени, тот недостаточно далек от него.

Воля тиранов взывает из него к свободе: ложь тиранов и соблазн есть его слово «равенство».

Что человек освобожден будет от мести — в том поистине радуга сверхчеловека и мост к высшей надежде.

12 [44]

«Нужно нам научить танцевать медведя, но разве для этого нужно самому быть танцующим медведем?»

Этим вы, учители, хотите сказать мне: «мы хотим быть воспитателями — но сами мы не воспитаны».

Только бы не оскорбить мне тщеславие ваше, учители! Слишком много видел я трагедий, выраставших из оскорбленного тщеславия.

12 [45]

Состязание аффектов.

12 [46]

История ценностных суждений о продуктах питания.

Какую ценность имеет то, что мы действуем (или питаемся) так — а не иначе?

12 [47]

Ученые.
Поэты.
Великие события.
Прорицатель.
О спасении.
Человеческая мудрость.
самый тихий час.

12 [48]

Речь вовсе не идет о праве сильного; сильные и слабые в этом равны, все они растягивают свою власть, насколько могут.

12 [49]

Л<юди> высшие, чем Наполеон.
Аффекты и их взаимная оценка.
Сострадание и чувство солидарности.

13. Лето 1883

13 [1]

Священный смех
Заратустры.

Стрелка передвинулась, часы моей жизни перевели дыхание, — никогда не слышал я такой тишины вокруг, — так что я испугался.

Тогда услышал я беззвучный голос: час настал для тебя проповедовать спасение от спасителей.

Еще не был для вас дух заботой и скорбью — кислым был ваш хлеб насущный, но еще не заквашенным мыслями.

Словно охотник вышел Заратустра на охоту за безобразными истинами — мрачным возвращался он часто из леса.

Твое познание, о человек, означает: искажать и толковать вещи так, как тебе выгодно. Искажающие и толкующие — вот кто вы для меня, познающие!

Повелительно подступило ко мне переживание, но моя воля заговорила с ним — и вот оно уже стоит с мольбой на коленях.

Ты не чувствуешь жажду и жаркое дыхание солнца? Морем хочет напиться оно и вбирать его глубину к себе на высоту.

И вот вздымается тысячью грудей страсть моря. Оно хочет, чтобы жажда солнца целовала его и упивалась им; воздухом хочет оно стать, и высотою, и стезею света. Так

же, подобно солнцу, любит жизнь познающий — самое глубокое хочет он вознести на свою высоту.

Разве уши танцора не пальцах его ног?

Ты звезда? Тогда ты должен желать странствовать, ты, скиталец, и быть лишен родины.

Спокойно дно моего моря; кто бы угадал, что оно скрывает забавных чудовищ!

Непоколебима моя глубина — но она блестит переливами загадок и усмешек.

Смотри, как женщина противится себе самой и как она ведет гребень вопреки упрямству и воле ее золотых волос!

Рты их переполнены, остается нам надеяться, чтобы их сердце перелилось через край.

Вас, современники, я не принимаю всерьез: слишком тонки и прозрачны вы для меня, — рваные покрывала, сквозь которые зияет вечность. И как бы я смог жить среди вас, не глядя на то, что перед вами и позади вас!

Я не нашел вас необходимыми; вы даже не кажетесь мне излишними. Поистине, мало в вас того, что могло бы переполняться.

Звезда сорвалась вниз и пропала — но ее свет все еще в пути. И скажите мне: когда же он прервет свой путь?

Не есть ли море павлин из павлинов? На мягком песке распушило оно свой серебряный хвост, веер из серебра и шелка, — когда устанет оно от себя самого? Так же любит себя и жизнь.

Полночь взглянула на меня пьяным взором — одиночество притаилось рядом с ней и хрипящая мертвая тишина, самая скверная из моих подруг.

И вечна, подобна жажде кольца, моя жажда меня самого: снова достичь самого себя, для этого вертится и крутится каждое кольцо.

Смешны мне вы, ковыляющие! Но бойтесь того, у кого есть спешка и воля — как бы не познать вам его пятку!

Хочешь, чтобы споткнулись о тебя идущие? Тогда ступай им навстречу, повернув голову вспять!

Бойтесь отступившего! Бойтесь тигра, готовящегося к прыжку!

Слишком сильно бил до сих пор твой источник: он всегда опустошал сосуд, желая его наполнить.

Тишина. Скромность высоты.

Я сделаю моим украшением то, что падает со стола жизни, — рыбьими косточками, ракушками и колючими листьями буду я украшен лучше, чем вы!

Благодеяния твои должны ниспадать как роса на траву, когда ночь всего безмолвнее.

На любое зло считаю я себя способным — именно поэтому хочу я от себя добра!

Сами ли вы прославляете себя как поэтов или танцоров или выдаете себя за глас народа и за слуг общественного блага.

Учите ли вы, или рисуете, или музицируете, или играете в игру «черным по белому»:

Дети вы для меня одного порядка и одного желания, что гласит: «ты должен *сделать* себе — имя».

Но есть и другие, более редкие, у них *есть* имя — но они хотели бы его потерять и стереть со всех скрижалей.

Голову свою прячут они в кустах и пещерах или крестят себя выдуманными именами — чтобы их ужасная госпожа не заметила их и гневно прошла мимо.

Что же это за госпожа, что они не хотят быть найденными ею?

Это зову я милостью и смыслом милости — взвалить себе на плечи чужую несправедливость и задыхаться под двойной тяжестью.

Не основание и цель твоего поступка сделало его хорошим, а то, что твоя душа при этом дрожит, и блестит, и проливается через край.

«Ученый»

Вот стоишь ты, столь тощий в ребрах, что сам дивишься себе.

И так говоришь: кажется, бог, пока я спал, тайком что-то похитил у меня? Поистине, достаточно похитил он у меня, чтобы сделать себе из этого женушку.

Удивительна бедность ребер моих!

Взгляните, как наполняется и переполняется он от сострадания ко всему, что именуется человеком: дух его захлебнулся в его сострадании; скоро начнет он совершать великие глупости.

Я прихожу к вам как могучий ветер и такой совет даю тем, кто меня презирает: остерегайтесь плевать против ветра!

Болезнь хотели вы лишить силы, а ослабили больного, вы, знахари и спасители!

Слишком высоко и отвесно живу я над вами: на дереве будущего свил я себе гнездо, сам себе единственный современник.

Когда тот, кто мог бы приказывать, уговаривает, пряча под плащом свои королевские руки, — я называю это вежливостью.

Моя дикая мудрость зачала на одиноких горах; на жестких камнях родила она самого младшего из своих детей.

Теперь, безумная, носится она по суровой пустыне и ищет, все ищет мягкого дерна — моя старая дикая мудрость.

На мягкий дерн сердец ваших, на вашу любовь хотела бы она уложить свое любимое дитя! Но что происходит со мной?

Что знают все, то все и забудут, и если бы не было ночи, кто бы еще знал, что есть свет?

Поистине говорю вам: непреходящее — символ, сравненье. (Жажда кольца

Мы презираем все, что объяснимо. Какая-нибудь глупость, застигнутая врасплох, стоит голой перед тем, кто ее объясняет.

Вы действительно видели когда-нибудь человека, который делал то, что ему полезно?

Бог, который любил бы нас, сделал бы ради нас парочку глупостей! Что мне до вашей похвалы «мудрости» вашего бога!

Счастье твое еще юно — будь терпелив к нему!

Дурной воздух вокруг вас — из-за мыслей, что висят сейчас в воздухе.

Видение было мне недавно в море, образ богини; лениво и коварно плескалась волна о ее белые груди.

Наполовину погребло ее песком, наполовину — ревностью волн.

Слишком долго принадлежал я одиночеству: так разучился я молчанию.

Устами всецело сделался я, и шумом ручья с высоких скал, — вниз, в долины хочу я низринуть мою речь.

Ненавистны мне все вы, ночные и могильные сторожи и те, кто дует в мрачный рог.

Я смеюсь над вашей свободной и несвободной волей: безумие для меня то, что зовете вы волей, ибо нет никакой воли.

Из мыслей и болей родилось то безумие, что зовете вы волей. А раз нет воли, нет и долженствования.

Я подвел хороший итог — но теперь он подводит меня!

У кротости самая грубая шкура.

И то, что мы не совершили, тоже ткет всякое будущее: Ничто тоже мастер всех ткачей.

Иной устает от самого себя — и только тогда наступает его счастье.

Хочешь доброй поездки — запрягай еще и ослика впереди коня твоей воли!

Ранен я своим счастьем: все страждущие да будут мне врачами!

Кто не верит себе самому, лжет постоянно.

Когда ненависть твоя и ревность ленятся и протягивают свои члены — тогда просыпается твоя справедливость и протирает заспанные глаза.

«Познающий»

С истощавшими добродетелями и обветшавшей душой слишком долго сидел он в тени – и умер с голоду от своих ожиданий.

«Великий»

Лишь когда отвернулся я от себя, перепрыгнул я через мою тень – и поистине, друзья мои, прямо в мое солнце!

Разве не скромен я? Я живу у подножия своей высоты и никогда еще не видел я моей вершины: не поддается уговорам мое смирение. Всякий дух приходит ко мне: я люблю его за то, что он хочет стать моим духом.

Похитили у меня то, что всегда я любил, – и вот любовь моя течет потоком через край, вниз, к восходу и закату, с молчаливых гор и грозовых туч боли несется душа моя в долины.

(«Познающий»)

Вы торговались с духом, своим торгашеством отравили вы себе кровь; лишь истекая кровью, можете излечиться вы от яда!

«Гений». Жил ли когда-нибудь сверхчеловек?

В личину бога заполз ужасный кольчатый червь – слишком долго был я шутом божественных кож: клубок змей поселился внутри нее!

Я думал, что вижу, как играет божья душа, – змеиная нечисть и зловоние скрывались под маской. Хитрость ящерицы ползала под божьей личиной!

Освящать смех, натягивая его, словно пестрый шатер, над миром, – вот для чего пришел я: создать новое небо со звездами и новые чудеса ночи, а если нужно мне создать вам еще более темные ночи, для этого принес я вам себя самого.

Тоскую и гляжу я вдаль; на тебя, мой орел, возлагаю я руку, скажи мне: что есть самое далекое, что видел орлиный глаз!

«Оно раздает себя» — говорите вы мне? Нет, братья мои, оно берет себе и будет брать себе все больше и больше!

(Современники).

И кто умеет двигать горы, тот двигает и долины с низменностями.

Чихать должны вы от моего напитка, мои пенистые вина должны щекотать вам нос и приносить наслаждение.

Прошумела мимо волна, и ребенок плачет, потому что унесла она в пучину его игрушки, — но та же волна вырыла ему из мягкого песка сотню других игрушек. Итак, не плачьте, братья, что я прохожу мимо.

О вкусах не спорят? Ах, глупцы, вся жизнь есть спор о вкусах и привкусах и должна оставаться такой!

Я чую запах вашей пыли, давно не проветривались ваши души.

Не к ушам — к рукам вашим обращаю я свое учение. Делайте подобно мне: лишь делающий учит и лишь как делающий буду я вам учителем. Лучше делать, плохо подражая мне, чем сидеть сложа руки и молиться!

Поистине люблю я знойный дух так же мало, как прохладный, но когда они сходятся вместе, возникает то, что я люблю, — бурный ветер.

Я думал, что причалил к острову, — но оказалось, что это спящее чудовище.

Еще не видел я заката, который не был бы рождением и зачатием.

Пусть ударит молния в ваши блюда, а ваши пасти должны будут пожирать огонь! —

Еще не прошел я за учение мое сквозь огонь — но учение мое вышло из моего огня.

То был человек, что висел две тысячи лет на кресте, а ужасный бог творил жестокости и называл их любовью.

«Ничто в мире не нравилось мне — но больше всего не нравилось мне, что ничто в мире мне не нравилось».

Уже простился я с иными — но я не хлопал дверью, и потому не слышали ничего ваши глухие уши.

Как смешон мне всякий, кто *хочет* обратить когонибудь в свою веру!

Вы приходите ко мне, хочу я того или нет; но как я *должен* давать вам, так *должны* вы и брать — *меня* самого!

Белым волом хочу я быть, идущим, фыркая и мыча, впереди плуга; и как спокойствие мое ложится на солнце, мое счастье должно пахнуть землею.

Дико бьет крылами мой орел против моей воли — но шум его разбивается об эту скалу.

Что еще значит для вас «переживание»? Словно комары сидят на них события, прокалывая им кожу, но сердце их уже ничего о том не ведает .

Я не люблю этот бледный жирный месяц: поистине, никогда еще не находил я в нем «мужчину». Он для меня монах: сладострастный, с мокрыми щечками, рыщет он по темным углам, заглядывая в полузакрытые окна, — ревнивее всех котов, что бродят ночью по крышам! Ко всем любящим ревнует он, этот бледный жирный месяц-монах!

Ночь, и опять над крышами
Месяца бродит лоснящийся лик.
Он, сладострастный котище,
На влюбленных всех глядит ревниво,
Этот бледный толстячок-«лунатик».
Закоулками темными шныряет,
В приоткрытые заглядывает окна,
Ночь напролет, как монах похотливый,
Ходит он запретными путями.[1]

О, этот ложный свет, этот подслащенный спертый воздух! Здесь, где душе нельзя летать, но лишь — смотреть в небо, стоя на коленях.

О, жизнь! Как в зрачок, смотрю я в тебя.

Я вижу в тебе, что *ты* смотришь на меня; я угадываю в тебе, что *ты* разгадала меня.

Зима; сегодня хочу я танцевать. Я достаточно горяч для этого снега; на гору хочу я подняться, там будет состязаться мой жар с холодным ветром.

Разве я не роза ветров? Разве не приходят ветры ко мне и не спрашивают мою волю? На все грядущее наложу я свою руку.

Вы думаете, все это лишь дикая игра великанов и неуклюжесть их огромных кулаков? Но лишь одно слово на голубиных лапах направляет волю этих дикарей — слово о ценности, исходящее от самых тихих.

Ночь: теперь говорят громче все бьющие ключи; и моя душа тоже бьющий ключ.

Ночь: только теперь пробуждаются все песни влюбленных; и моя душа тоже песнь влюбленного.

---

1 Перевод И. Эбаноидзе.

Огонь и пожар—моя жизнь; и длиннее век жертвенного ладана, чем миг жертвы. Далеко над морем веет его запах—потрясая одинокого мореплавателя.

Здесь осень, и урожай, и обилие, и время после полдня, и дальние моря—но именно теперь должен я стать птицей и лететь к полдню над вашими головами: из осени вашей прорицаю я вам зиму и ледяную нищету.

Будьте честны: я угадал, во что вы верите всего лучше. Теперь я хочу, чтобы все ваше познание служило *этой* лучшей вере!

Слишком медленно бежит моя речь. В твою колесницу прыгнул я, буря, и тебя хочу бичами хлестать в моей злобе: подобно крику и ликованию хотим мы нестись над морями.

Завершение отбрасывает впереди себя тень; *красотой* зову я эту тень—легчайшая и тишайшая из всех вещей явилась мне как тень сверхчеловека.

Подобно кабаньему рылу должно взрыть мое слово почву вашей души: плугом хочу я называться.

Что со мной? Мои ключи иссякли и отступило мое море; не разверзнется ли и земля под моими ногами, чтобы поглотить меня своей глубиной?

—Прочь, к бессмертию! Via Appia.

И где дыряв ваш разум, туда вы немедленно вставляете ничтожнейшую из затычек, имя которой—«бог».

В темную бурю хочу я исчезнуть—и в последний мой миг хочу быть и молнией, и человеком.

Сладчайшее слово мое покажется вам теперь закваской: вы забродили от мести, и лишь когда вы подкисли-

тесь насквозь и взойдете, расплывшись от злобы и мести, — найду я вас вкусными.

Все ваши тайны я хочу вывести на свет: потому смеюсь я вам в лицо своим смехом высоты.

Темно ваше лицо, действующие: тени рук ваших играют на нем, и спрятан от меня смысл вашего взгляда.

Мысль, спящая в граните и ждущая того, кто ее разбудит.

В чреве кита стану я провозвестником жизни.

Я видел всех вас *нагими* — как же отличать мне ваше добро от зла!

Благодать моя налетает подобно буре, и не желая того, швыряет зазевавшегося, не умеющего уклоняться, на суровые стены.

Он проваливается, и его дьяволы тащат его, и чем больше он проваливается, тем сильнее светится его глаз и вожделение к своему богу.

Современники

Вы шумите против меня, ибо я бью вас своим веслом, — и все же вы должны нести мой челн в бессмертие.

Сама жизнь режет по живому, — собственной мукой умножая свое знание.

Ребенок должен держать передо мной зеркало, на котором написан весь мир.

Он решает свои загадки, но не разрешает их: они не взлетают преображенными к небесным младенцам.

Мысли мои — краски, краски мои — напевы.

Колени мои дрожали, когда я впервые обрел свой путь и пошел по нему; а те, кто видел это, говорили мне: ты разучился своему пути, а теперь разучился и ходьбе.

А теперь разучился я и воле: я привык восходить, но теперь меня несут златые нити, поднимая меня над эфиром.

Разве почивал я когда-нибудь на своей славе? Ложем из колючек была мне всякая слава.

Прочь от вас, людей, влечет меня всякая красота, прочь от всех богов влечет меня всякая красота; тогда я бросил якорь в открытом море и сказал: «да будет здесь однажды остров сверхчеловека!»

И если ваша красота сама не проповедует покаяние, что сможет ваше слово!

С затылком вола и очами ангела — такими нужны вы мне!

Я ослеп.

Моя слепота моя, постукивания и ощупывания слепого да поведают вам о могуществе солнца, которое я видел.

Пусть познание однажды научится, тихо улыбаясь, не ревновать к красоте

Свободно стояли вы пред всяким духом, свободная и радостная цитадель духа. Теперь же хочу я иначе: не только занимать, но владеть должен ваш град моей добродетелью; одержимыми добродетелью должны стать вы.

Нетерпеливо вынес я зиму — а теперь еще злоба апреля играет с моим нетерпением, и нередко выхожу я из себя, сердясь на его затяжное уныние — и насмешливые снежные хлопья.

В первый раз свел я вместе справедливого, героя, поэта, познающего, прорицателя, вождя: над народами раскинул я свой шатер на опорах, держащих и небесный свод, достаточно сильных, чтобы *нести* и небо. (Так должен говорить сверхчеловек!)

Справедливость предстала передо мной; тогда разбил я своих идолов и устыдился. Покаянию предался я и принудил глаз свой смотреть туда, куда ему не хотелось смотреть — и обратить туда свою любовь.

высший вид страсти, утихомирившейся, текущей

(Конец) — и всякий, кто должен однажды страдать, уже и прежде чувствовал себя помазанным и омытым слезами для животной жертвы. Вы называете это моим «счастьем» —

Из полноты простого проистекает его власть. «Горе, неужели должен я стать богом» — говорил он.

подобно водопаду, медлящему и в падении —

человеческим должны мы наполнить природу, освободив ее от божественного маскарада. Мы хотим взять из нее, что нам нужно, чтобы мечтать *превыше* человека. Должно возникнуть нечто более великолепное, чем буря, и горы, и море, — но как человеческий сын!

Тяжело и скрипя, приплетаетесь вы подобно повозкам, спускающим с горы камни, — но при всем вашем достоинстве вы катитесь вниз: глубина притягивает вас к себе!

стертым, заострившимся языком

Рыбу хотел я изловить и бросил в море свой невод — но вынул оттуда лишь голову бога: камень послало мне, голодному, море.

Что мне ваши отечества и родины? Я люблю только землю детей моих, неоткрытую, к которой направляю я в

поисках парус свой через море: оправдать хочу я перед своими детьми, что я сын моих отцов.

Лишь тому должна быть добродетель ваша полезна, ради кого вы презираете себя и свою пользу. Иначе пусть будет презрение к пользе во взгляде вашей добродетели.

Мой орел лютый разбойник и хищник – и да будет он опасностью всем маленьким белым овечкам!

Знаком ли вам испуг засыпающего? До самых пальцев ног пугается он, ибо почва уходит из-под ног его и начинается сон, – и нередко вновь просыпается он от этого испуга.

Ваши изречения и мелкие истины выросли, быть может, на болоте? Вечно слышится из них кваканье холодных лягушек.

Вы должны заново учиться строить с помощью гор: мало уметь двигать горы, вы, познающие! А кто двигает горами – тот передвигает и долины.

Как можно было бы вас вынести, если бы молния не разбила вашу холодную нужду и бессилие и если бы не поросли они пестрыми сорняками. Как развалины и жертвы своих несчастий обеспечили вы себе право на бытие!

Не вкус, а голод пусть будет вам красотой, нужда ваша пусть станет вам красотой – иначе не желаю я вас.

Не в сытости должно умолкнуть потребности вашей и раствориться, но в красоте: тень грядущих богов должна заставить вас умолкнуть.

Чего же ищут все созидающие? Новых языков ищут они все: устали они от прежних языков – больше не желает приближаться к ним дух на стертых, истончившихся подошвах.

Взгляд ваш, обращенный к дальним морям, ваше желание ощупать вершины и скалы – все это лишь язык для

вашей тоски. Лишь людей ищет ваш взгляд и ваше желание — и того, что больше человека.

Они называли богом то, что им противоречило и причиняло боль, — таковы были эти герои. И не умели они иначе любить своего бога, как прибить ко кресту человека.

Итак, будем врагами, друзья мои! Как рушатся своды над вами, играя друг против друга, как свет и тени по-божественному уверенно и прекрасно враждуют над вами:

так и мысли ваши и друзей ваших должны быть по-божественному уверенны и прекрасны во своей вражде.

Вы и слышать не хотите о том, чтобы кто-нибудь ходил над вашими головами. Потому накладываете вы дерева, и земли, и сору между ним и вашими головами — и так заглушаете речь его шагов.

Все ошибки и слабости людей наваливаете вы между собой и мною: «черным полом» называется это в ваших домах.

И все-таки хожу я со своими мыслями над вашими головами; и даже если бы я захотел ходить по своим собственным ошибкам и «черным полам», все-таки был бы я над вами и вашими головами!

А теперь еще пылает лед и невинность моих вершин.

Вы, сокрушители, не поняли еще, что делает сокрушение? В грязи вашего презрения лежала сокрушенная статуя — и из самого вашего презрения пробудилась она внезапно к жизни и живой красоте.

В своем божественном облике, обольстительная в своем страдании, поднялась она, ниспровергатели, — и поблагодарила вас за свое обожествление!

Дионис на тигре; череп козы; пантера. Сон Ариадны: «покинутая героем, грежу я о сверхгерое». Вообще не говорить о Дионисе!

Толкования требует всякое дело: всем отгадчикам подает оно знаки. Новые слова и напевы дал я толкователям — чтобы они заставили громче говорить погодные признаки человека.

Я прорицатель, но за моим взглядом неумолимо следует совесть — значит, я и толкователь моих видений.

Черные пруды, из которых доносится сладкая печальная песнь жерлянки, — вот кто вы для меня, священники. Кто из вас решился бы явиться нагим!

Правильно поступаете вы, наряжая в черное свои трупы, а из речей ваших слышится мне дурно приправленная затхлость мертвецкой.

Как ненавижу я изолгавшиеся судороги вашего смирения! В коленопреклонении вашем вижу я привычки рабов, о вы, льстецы вашего бога!

Когда вчера взошел месяц, мне казалось, что он хочет родить солнце: так широко, как на сносях, лежал он на горизонте.

Но он обманул меня своей беременностью; и скорее еще я поверю в месяц-мужчину, чем в месяц-женщину. Эту притчу дарю я вам, мечтателям и лунатикам.

Бесплодным и пожелтевшим взошел он, — становясь все меньше, все бледнее и все обманчивее. Поистине, нечистая совесть выглядывала из него, похотливого.

На эту землю обращена его похоть, и он стыдится похоти своей, он хотел бы придать своему взору святость и отрешенность.

И пусть возлежите вы, широко и чревато, на горизонте, — поистине, вы не родите мне солнца! (Романтики)

Похотливо взираете вы на землю, но дурная совесть кусает похоть вашу — и вы избираете уныние.

Сухая трава и степь — вот вы для меня, — но я хочу сделать из вас блуждающие огни и провозвестников огненными языками.

Словно в глаз заглядываю я в тебя, жизнь!

Золотом блестит ее глаз: златой челн плывет там по темным водам. Взгляните же на меня: всплывает и ныряет танец этого злата!

Вы ловки и у вас цепкие пальцы. Но вы не умеете сжать их в кулак.

Лишь когда ваши цепкие пальцы сожмутся в кулак, поверю я в вашу силу.

Червь, с которым я сражаюсь, — лишь я сам превратил его в дракона: так юн и мал он был, — я сражаюсь с будущим вашим.

Но если бы *вы* возжелали сражаться и побеждать, мне пришлось бы нынешних драконов превратить в червей!

Инструменты и часы вы для меня и ничего больше: я хочу завести вас своей насмешкой, а вы будете жужжать мне!

И лучше буду спать я на бычьих кожах, чем на постели вашей уютности и любви.

Вы видите только искры мои — но вы не видите наковальню, которая есть я, вы не догадываетесь о жестокости молота моего.

Не ужасом змеиных волос превращу я вас в немые камни — лишь щитом моим по имени «красота» защищусь я от вас.

Слышите раскаты хохота этого щита? Это священный смех красоты: он сделает вас немыми!

Я знаю, как править вами, — а кто разбирается в лошадях, разбирается и в седлах.

Еще похож я на петуха на чужом дворе, которого клюют куры.

Пожаром и опасностью хочу я зваться для всех сухих душ; пусть раскаленный пепел взметается передо мной.

Снова одинок я и изгнан. Друзья мои изгнали меня в мое одиночество и те, кто меня любит. Я хочу говорить со своими врагами.

С теми хочу я говорить, кто меня ненавидит: быть может, я скорее склоню их ко мне, чем моих друзей.

Так желаю я сегодня моих врагов, как когда-то желал всякой истины. Истиной именовал я когда-то все то, что делало мне больно и больнее всего.

Всю злобу души моей хочу я излить на своих друзей: быть может, так склоню я врагов моих к тому, что меня ведет.

На вашу любовь? Ах, не покидает меня мое ужасное знание: кто гнал меня в дикие места и превращал в дикаря?

Напрасно! Напрасно! Ведь вы сами изгнали дикаря: в медведя пещер превратила меня воля друзей моих.

Ах, кто же сделал меня одиноким и диким и превратил в медведя пещер?

Ах, кто сослал меня к холодным камням и непогоде

Не вскричали ли «Нет!» три грома и три удара молнии в полночь?

А когда я рассматриваю мою книгу с картинками, пусть пес и дитя заглядывают мне через плечо.

Грация — это великодушие благородных.

Подобно буйволам почитаю я вас как песок, еще больше как чащу, а больше всего как болото.

Многими порошочками можно превратить мужественного в труса.

Мимо сего врага пройди тихо, оставив свой меч в ножнах. Остерегись нападать на него! Ибо кто на него нападает, тот оскверняет себя.

Болезни солнца, я, земнорожденный, переживаю как собственное затмение и собственной души наводнение.

Я думал, что богаче всех, и еще верю в это; но никто не берет у меня. И потому страдаю я от безумия дающего.

Я не притрагиваюсь к их душе, и скоро я даже не буду касаться их кожи. Через последнюю, самую малую пропасть труднее всего перекинуть мост. Разве я не делал вам больнее всего, когда делал себе лучше всего?

Моя любовь и мой ненасытный голод по вам растет в моем изгнании, и даже мое любовное безумие отдаляет меня от вас и делает непонятнее.

Но я изгнан: они отвратили глаза свои от меня. И я больше не касаюсь даже кожи их душ.

Ах, все растет и растет мой голод по ним, с тех пор как я зовусь изгнанным, — и это безумие любви делает меня еще более чужим и внушающим ужас.

Мое желание говорить. Против молчаливых.

С выпяченной грудью, похожие на тех, кто задержал дыхание, — таковы и вы, возвышенные! молчаливые.

Красотой называю я чувственное откровение добра — *моего* добра! для моих чувств! И что было духом, для меня теперь — так называемый дух!

Теперь пресытился я своей надеждой — и тогда она перестала надеяться (я не принадлежу больше к надеющимся).

Слишком далеко залетел я в будущее, и ужас напал на меня. И когда я осмотрелся, то увидел, что время единственный мой современник. И тогда я затосковал по вам, современники.

И тот, кто хочет приготовить яд для себя, должен надеть стеклянные перчатки.

Я дал им поесть их Ничто, и они подавились своим Ничто.

Я поставил зеркало перед их безобразием — и они не выдержали вида своего: злой взгляд их глаза разрушил их.

Я покаялся во всех этих несправедливостях; еще несправедливее было мое почтение, чем мое презрение.

Как ни слепы вы уже — в глазах ваших обнаружил я еще большую волю к слепоте.

Ах, мне ведомы голубые вечерние дали вашей лжи: поистине, милее мне, чем ваша ложь, ложь тех, кто ведает о своей лжи!

И еще труднее, чем моя гордость, далась бы вам моя скромность, если бы она захотела говорить.

Между двух опасностей бежит мой узкий путь: одна моя опасность — вершина, имя которой «надменность», другая — пропасть, имя которой «сострадание».

«Как перевести мне дыхание и расправить члены, после того как принесу я свою тяжесть на самую последнюю вершину!» — так часто думал герой по дороге. Но когда он был наверху и сбросил наконец свою тяжесть, то не стал *этого* делать, — он укротил и свою *усталость*, и тогда божественный трепет пробежал по его телу.

Слишком велико и слишком длинно было напряжение моей тучи — и вот наконец меж молнией и громом сбросила она вниз свой снег и град; могуче вздулась ее грудь, и могучий раздула она шторм над горами — и наступило ее облегчение.

Поистине, подобно урагану настигают меня свобода и счастье — а вы думаете, будто злодей бушует над вашими головами!

Положив руку на голову: так отдыхает герой, так преодолевает он свой отдых.

Сегодня отпущу я рабов моих на свободу и сам стану слугой им и потехой: напиток свободы должен ударить им в сердце и в голову.

Вы, современники, у меня на переднем плане; но если не хотите вы быть для меня руинами, как потерплю я вас на своей картине! И самое лучшее в вас для меня — это ваши сорняки!

Финики падают с дерева: хороши они и сладки. И от падения сдирается с них красная кожа. Я северный ветер для спелых фиников.

Вы боитесь страстности звуков, вы, арфисты и поэты? Дуновением и мельканием призраков кажется мне перезвон ваших арф — сухими руками трогаете вы сухие струны, но увлекли ли вы хоть раз чье-то сердце? Лишь на жалость к вам можете вы подвигнуть!

Не стирайте и не смывайте с картины женщину — вы, современники!

Как высоко я живу? Никогда еще, поднимаясь, не считал я лестниц ко мне; но *одно* знаю о высоте моей: кров мой начинается там, где кончаются любые лестницы.

— тот, кого за волосы нужно тянуть в небо!

Подобно мешкам с мукою, против воли пылите вы, ученые, вокруг себя! Но кому придет в голову, что пыль ваша — от зерен и от желтой благодати летних полей?

Самое трудное для героя — красота всех вещей: именно прекрасное всего менее достижимо и доступно герою.

Чуть больше, чуть меньше; здесь одного много, а другого больше всего.

Раскатами грома и небесным фейерверком нужно говорить с вялыми и дремлющими чувствами: песни кра-

соты тихи, им дано пробраться лишь в пробудившиеся души.

Думаете, вы сделаны из лучшего материала, вы, мечтатели? Но я говорю вам, вы лишь разбираетесь в одежде и переодевании, вы умеете хорошо скрыть и плохой материал!

Время от времени и самый жалкий человек становится честным: как редко это бывает! Но тогда нужно прислушаться к его голосу и спуститься в его болото.

И я когда-то сидел в камышах и слушал исповеди жалкой лягушки.

И от гордости за пригоршню справедливости вы кощунствуете над всеми вещами и затопляете мир водами вашей несправедливости.

Часами стоят они на улице и смотрят на проходящих мимо людей; а другие, вроде них, праздно сидят в комнатах и смотрят на мысли, проходящие мимо. Я смеюсь над этими созерцательными.

Говорите им Нет и плюйте: тогда они вмиг падут ниц и станут лизать вашу слюну. Но среди скромных всякий священник становится наглым: его смирение мстит за всех смиренных. Нет ничего мстительнее, чем смирение священника.

С расслабленными мускулами и красивый, как подобает милостивому, — и поистине: что есть красота, как не проявление милости?

Когда власть становится милостивой и милость ее нисходит в видимое — красотой называю я такое нисхождение.

Над мрачным морем вашей души никогда не всходило солнце — а еще меньше знакомо вам ваше блаженство на закате.

Сострадание мое стало убийцей: когда я больше всего любил человека, я распинал его на кресте.

Беднее я теперь всякого человека: кубок опустел. Исчезло мое богатство; теперь, поистине, снова стал я человеком.

Я спасу вас от ваших спасителей. Но как бы мог сверхчеловек это вынести — понимать людей! Нужно уговорить людей создать его, а самим ради него погибнуть — чтобы он мог *жить*?

Опасность сверхчеловека — в сострадании. Остережемся придавать ему и сострадание! Но **мое блаженство** теперь в том, чтобы **погибнуть.** (Из последней речи.)

Своими добродетелями они хотят выцарапать врагам своим глаза. Они возвышаются, потому что хотят унизить других.

Кротость допускаю я лишь в могучем — как его самопреодоление; я смеюсь над слабым, верящим, что он «добр», потому что у него хромые лапы.

Когда великий человек был своим собственным поклонником и любителем? Ведь он отступался от самого себя, когда становился на сторону великого!

Сильным хотел бы я стать, а не погонщиком и притеснителем; но куда дует ветер, туда хотел бы отправиться и я; а если я невидим, на мачтах одиноких мореплавателей и открывателей новых земель хотел бы я все же виднеться как огонь.

Подобно столпу должен ты расти ввысь, хрупким и стройным, но внутренне твердым, с затаенным дыханием: так стремится ввысь столп.

«Тогда я хочу умереть! И умирать еще и еще! И жить – чтобы еще раз умереть!» И, умирая, она улыбалась, – потому что любила Заратустру.

Ураган рокотал с неба, еще невидимый.

Тут раздался гром – а за ним наступила тишина; своими ужасными кольцами обвила и сковала нас эта тишина – мир замер.

Потом женщина возвещает о приходе орла и змеи. Знамение. Всеобщее бегство. Чума.

Она притянула к груди своей руку Заратустры.

И опять задышала пропасть: она застонала и выбросила вверх свой огонь.

Вот нора тарантула – хочешь взглянуть на него? Тогда жужжи, как жужжит муха. Вот его сеть; потрогай ее, чтобы она задрожала.

Хочу научить тебя танцевать восторженные танцы: ибо из всех людей ты мне кажешься самым печальным. Безумием хочу излечить уныние твое.

Он поставил портрет обнаженного бога: так и самый южный человек тоскует по (новому) югу.

Ты для меня тарантул – черным сидит на спине твоей треугольник и примета. Кусай же этих поверхностных твоим ядовитым укусом, чтобы души их обрели глубину, и уныние, и черные струпья.

Учителям *пессимизма.*

13 [2]

1 акт. Заратустра среди зверей. Пещера.
Ребенок с зеркалом. (Пора!)
Различные вопросы, с нарастающей силой. Под конец он обольщен детским пением.

2 акт. Город, начало чумы. Въезд Заратустры, излечение женщины. Весна.
3 акт. Полдень и вечность.
4 акт. Мореплаватели.
Сцена у подножия вулкана; Заратустра *умирает, окруженный детьми.*
Похороны.

Предварительные указания.

К 3. Заратустра ничего не видел и не слышал, он был восхищен.

Потом постепенное возвращение к ужасному знанию. Возмущение учеников, уход любимых, Заратустра пытается их удержать. Змея показывает язык. Он окликает, в порыве сострадания, орла – тот улетает от него. Теперь сцена с женщиной, заболевшей чумой. Из жалости он ее убивает. Обнимает труп.

После этого корабль и явление у вулкана. «Заратустра идет в ад? Или он хочет теперь спасти и подземный мир?» Так распространяется слух, что он тоже зол.

Последняя сцена у вулкана. Полное блаженство. Забытье. Видение женщины (или ребенка с зеркалом). Ученики смотрят в глубокую могилу. (Или *Заратустра среди* детей у развалин святилища)

Величайшие похороны в завершение. Золотой гроб падает в вулкан.

13 [3]

Посадите святого на корабль – и само море убежит от него, рокоча от ужаса. Так тишайший из людей накликивает бурю; а кто был волною и ветром, тот на быстрых ногах побежит прочь от меня.

Да, я лес и ночь кипарисовая – но кто не испугается моей темноты, тот отыщет и розы среди моих кипарисов.

Ясным взором хочу наделить вас и страхом перед действительностью: так должны вы учиться лететь за мной в далекое будущее.

И не гневайтесь на меня, если я немного постегаю плетью этого божка: он заснул тут у колодца, этот лентяй; быть может, он слишком долго гонялся за бабочками?

«Да, я нарушила брак, но сперва брак сломал *меня*» — сказала женщина.

«Вот я стал озером с белыми розами, горные ветры играют со мной и смеются как дети. Чего только не забыл я! Кто только меня не забыл! И часто я забываю даже о своей забывчивости». Заратустра с детьми.

Дальняя скала возвращает мне мое слово и смеется над моей забывчивостью: ведь я успел забыть, что кричал вдаль. Ах, чего только не забыл я!

«Он был уже в преисподней?» —

«Конечно, он там был: ведь он был среди нас! Человек, только человек и есть преисподняя!»

«Заратустра мертв? Вы не знаете, что говорите! Разве мы не видим, как он идет! Поистине, он хочет спасти еще и подземный мир и вывести его на свет» — «Он идет в ад, дьявол забирает его». «Поверьте мне, дьявол не унесет его, как бы он смог! скорее он сам *унесет дьявола*!» Корабельщики. Конец.

«В яму, полную снега, бросил я мой дух».

И если звезды не желают падать тебе с неба, зашвырни звезды твои на небо — и да будет такой вся твоя злоба.

«Я говорю — ибо видел. Теперь я должен превратиться в уста — ибо недавно я был глазом и невинностью зеркала». Так говорит художник.

«Ты ведь знаешь, Пана, дитя мое, звездочка моя, златое ушко мое, — ты ведь знаешь, что и я люблю тебя?»

Любовь ко мне переубедила тебя, Пана, я вижу это; но я еще не понимаю воли твоей любви, Пана! —

Когда же он увидел, что змея его показывает свой язык, тогда медленно, медленно изменилось его лицо: против воли открылись ему врата познания; словно молния пронзила глубины глаза его и потом еще одна молния: еще бы миг, и он понял бы… Когда женщина увидела это превращение, она закричала, точно от большой беды. «Умри, Заратустра» –

Левой рукой отстранил он своего орла, который бешено ударял его крыльями, крича и словно побуждая к бегству; охотно унес бы он его на своих крыльях. Справа от него на столе – обломок скалы

Кто хочет быть лишь зрителем жизни, пусть остерегается сидеть там, где солнце жжет ступени, – если, конечно, он не хочет ослепнуть.

«Что же мне делать с ножом твоим, Пана? Срезать ли мне им желтые виноградные кисти? Смотри, какое изобилие вокруг меня!»

И ночами не должен он заходить, но кроваво-красно, будто полуночное солнце, оставаться на горизонте.

Люди, что хотели спрятаться и стыдились чистого неба, создали себе эти сладко пахнущие пещеры.

И лишь когда трава и красный мак покроют стены, а небо станет проглядывать сквозь дырявую крышу, обращу я сердце свое к этим жилищам вашего бога.

Как вынес бы я это, если бы не любил сверхчеловека больше, чем вас!

Для чего же дал я вам стократное зеркало? И вечные взгляды?

Я преодолел и любовь к вам – любовью к сверхчеловеку.

И как я выношу вас, так и вы сами должны выносить себя, – из любви к сверхчеловеку.

Вы камень, в котором дремлет самая возвышенная из скульптур; другого камня не существует.

И как мой молот ударяет по вам, так вы должны ударять по самим себе! Зов молота должен разбудить дремлющий образ!

И если нужно вскочить мне на самого дикого коня моего, копье поможет мне на него взобраться; оно — лучший слуга ноги моей.

Лучшая маска, что мы носим, — наше собственное лицо.

Кладбищенские улицы. Отвести туда, где всего красивее, светлее и веселее. Не в темные места.

И когда я подношу зеркало красоте моей, содрогается душа моя от божественного вожделения — и поклонение заключено в тщеславии моем.

И короли должны вести осла моей мудрости.

А когда я лежал и спал, овца объедала лавровый венок на моей голове!

Когда я стремился вверх вопреки моей тяжести, я омолаживал себя — а когда я внутренне стал тверже, познал я и грацию.

Изобретательные в малых хитростях и особо пристрастные к тем, чей ум ходит на хромых ногах; так стоят они в ожидании перед своим скарбом, эти торгаши!

Горе всем любящим, не ведающим высоты, которая выше любви и сострадания.

По пеплу всхожу я на пепельную гору под вечер; все длиннее становится моя тень.

В глубине фиалково-синего моря качается челн; лодочник смотрит на меня, прикрывая глаза рукой.

Теперь плывет в ад Заратустра—говорит, содрогаясь, паромщик и осеняет себя крестом.

Оставь же крест, ты ошибся! Дьявол еще не унес меня, паромщик! Быть может, я сам унесу его!

Пускай хотя бы поговорит со мной его пес из ада: хочу услышать я ответ из глубин его мести.

Пусть со стоном и рыком изрыгнет наверх огонь и пепел: я люблю, когда дают мне ответ чудовища.

Немногие умеют и в разложении сохранять благородство—и милее мне невинность бесстыжего, чем потупленный взор вашего благоговения и почитания!

Теперь осталась лишь самая малая пропасть между мной и тобой—но увы! Кто мог когда-нибудь перекинуть мост через малую пропасть?

Молятся колени твои и руки возносят хвалу—но сердце твое ничего не ведает о том.

С дающими руками бросился я некогда в высоту, но когда упал, подхватили меня три копья: как жертва прошел я мой путь с высоты на землю.

своей ногой наступил я волку на нижнюю челюсть—и так разорвал ему пасть.

Смеясь, умирают короли севера—

лента, свитая из волоска с бороды девственницы и из звука кошачьего шага—

Кто станет держать чашу у лица моего, чтобы в нее стекал яд гадюки?

Не хочу, чтобы из мудрости сделали приют и больницу для плохих поэтов.

Как будто в будущее ведет лишь один мостик: словно овцы толпятся они на своем мостике.

«познающий, превращенный в созидающего»!

И что вам за дело, если поток мой бросается в блуждания и непроходимые ущелья, — ибо как может поток не найти путь к морю?

Быть может, я нашел в себе озеро — отшельническое и самодостаточное: в него ринулся поток моей любви, — а теперь он увлекает и озеро за собой к морю!

«У нас нет никакого мнения, если нам его не дают, — а нам его дают.

У нас нет никакой силы, если только нас не принимают за сильных, — и каждый думает, что мы сильны» — жалкие современники.

Я выношу и ношу вас и все еще нахожу вас легковесными. И если даже я сгибаюсь под своей собственной тяжестью, что мне за дело, если вы, жуки и летучие козявки, усядетесь на мою ношу!

против «морали»

И когда вместо чистого «я хочу» из грубых глоток понеслось мне навстречу «ты должен», тут началась опасность моя: я возненавидел мое чистое «я хочу» из грубых глоток —

Я уничтожил ваше добро и зло, порвал эти путы — и только так научился я любви к *моему* добру.

Черно и очерняюще искусство всех тарантулов; тарантулами же называю я всех чернокнижников духа, которые зовутся учителями «худшего из миров».

Если бы существовали боги, как бы я вынес, что я не бог? Но богов нет.

Его душа втайне ликует оттого, что к мести еще прибегают в полном соответствии со справедливостью, а моя — оттого, что во всякой мести еще есть искра с наковальни справедливости.

В высокие слова влюблены вы как в свои пестрые чучела — и нога ваша твердо стоит на коврах лжи, вы, мягкотелые! (Идеалисты)

Вы, сострадательные, когда вы бросаетесь с высоты своей вниз к людям, какое вам дело до переломанных членов!

Но все молчало — мрачно и двойственно. Ах, вам неведома эта двойная тишина, расшнуровывающая сердца.

Альпа! — кричал я. Страх и тоска кричали из меня: я хотел снова слышать голос

Голос человека, каким его доносит ветер или птица.

Сильная воля? Это много, но недостаточно. Длинная сильная воля нужна мне, вечная решимость с каменным сердцем.

Как этот смех разбил мне окна! Как вспорол он мне нутро и разрезал сердце!

Вот что самое непростительное в тебе: у тебя есть власть, но ты не хочешь править.

Разве ты не видишь, в ком они больше всего нуждаются? В том, кто может приказывать.

Все они не хотят нести тяжесть того, что не приказано, но они несут самые тяжелые твои приказы.

Редко встретишь волю, которая требует чудовищного, — скорее ты найдешь такую, которая это делает.

Вас не подгоняет еще сильный ветер и воля: слишком скованно стоите вы и слишком прямые у вас спины.

Ах, если бы, округлившись и надувшись как парус, шли вы по морю, дрожа от неистовства и дыхания воли!

Ныне жарок весь воздух, пожаром дышит земля. Теперь вы все ходите голыми — добрые и злые! Так обрел познающий свой праздник.

Да, это мир без платьев. Отчего задрожала земля? Не от тишайших ли слов святого?

Хладен поток всякого глубокого познания, как лед холодны самые скрытые источники: это бальзам всем горячим рукам и поступкам.

Люблю шум дурной славы — как корабль рад сопротивлению волн, разбивающихся о его киль. Легче мой путь, когда кругом клокочет сопротивление.

Но как я очнулся от вас и *пришел к себе*, так призываю и вас проснуться и очнуться от *самих себя*.

Почему, мои братья, не хотите вы «прийти ко мне»?

Близ источника со скромной рукой: так он всего легче наполнит ее для тебя.

Спасители? Связывающих ждете вы и укротителей — вот что нужно сказать в вашу честь.

Сегодня я устал от людей, сегодня я люблю зверей. Мне нужно бросить им свою любовь.

Ах, если бы я был сеятелем и садовником среди зверей! Быть может, нашел бы я земное царство, где произрастает более гордое существо, чем то, которое утомило меня.

Скажи свое слово! Разбейся об него! Что толку в тебе и в твоей скромности!

Несговорчива скромность моя.

Вы желаете доказать, что дед ваш был прав и что истина всегда принадлежала дедам.

Ведь дед скорее народ, чем какой-нибудь внук.

Вы смотрите назад, даже когда идете вперед, — и нередко нужно сталкиваться с вами.

С удовольствием строите вы город будущего—но для него заказываете вы могильные плиты и достоинства ушедших миров.

13 [4]

«Убей его, если есть у тебя на то власть»—вскричал Заратустра еще раз ужасным голосом; и взгляд его пронзил мысли короля.

Я узнаю Заратустру, сказал король, улыбаясь: кто бы еще смог, кроме него, унизить себя с такой гордостью? Но то, что ты отменил, было смертным приговором.

—и он медленно и вполголоса зачитал приговор—так, как будто читал его для себя самого: повинен в смерти Заратустра, совратитель народа.

—и в задумчивости сделал несколько шагов назад, отступив в оконную нишу; ни слова не говорил он больше и не смотрел на Заратустру. Потом он отвернулся к окну.

Ты сказал это, король: образ, что идет перед народом, образ, глядя на который все они становятся художниками, —таким должен быть для народа король!

Время королей прошло: народы не заслуживают более иметь королей.

Уничтожать, уничтожать нужно тебе людей, о король, людей, перед которыми нет образа: то злейшие враги человечества!

Растопчи червя, который <...> созидающего—

А если и короли сами стали такими, то уничтожь и королей, о король, если ты в силах!

Судьи мои и заступники права сошлись, чтобы уничтожить вредного человека; они спрашивают меня, дам ли я осуществиться праву или предпочту ему милость.

Что труднее избрать королю—право или милость?

Право, ответил король: ибо был он милостив сердцем.

Итак, избери право, а милость оставь насильникам—для преодоления самих себя!

Но когда он взглянул в окно, то увидел что-то, отчего преобразилось лицо его.

Заратустра, сказал он с учтивостью короля, прости, что не сразу ответил тебе. Ты дал мне совет—и, поистине, я охотно выслушал его! Но поздно!—И с этими словами

порвал он пергамент и бросил его на землю. Молча отошли они друг от друга.

А что увидел король в окне своем — то был *народ*: народ ожидал Заратустру.

13 [5]

Не за справедливость сражаетесь все вы, праведники, а за то, чтобы победили ваши образы человека.

А что все ваши образы разобьются о мой образ сверхчеловека — смотри, в том воля Заратустры к справедливости.

13 [6]

Учителям равенства.

Вы и слышать не хотите, чтобы кто-нибудь ходил над вашими головами. И вы накладываете дерева, и землю, и сору между ним и своими головами.

Так заглушаете вы звук моих шагов.

Все ошибки и слабости людей наваливаете вы между мной и собой; «черным полом» называете вы это в своих домах

И все-таки я хожу со своими мыслями над вашими головами; и даже если бы я захотел ходить по собственным ошибкам, все-таки был бы я над вами и вашими головами.

Ибо люди *не* равны: так говорит справедливость. И чего я хочу, вы не имели бы права хотеть.

Своими добродетелями хотят они выцарапать глаза врагам вашим: они возвышаются для того, чтобы унизить других.

«Теперь я справедлив» и «теперь я отмщен» — звучит сходно — и не только звучит!

Самые скверные свойства его мстят ему, когда преодолеваются добродетелями

В каждой жалобе его месть.

Я хочу вывести на свет все ваши тайны: потому смеюсь я вам в лицо моим смехом высоты.

Мое самое сладкое слово мое пусть будет вам закваской: вы должны забродить от мести.

И лишь когда убежите вы через края горшка и растворитесь в моей злобе, — лишь тогда я отведаю вас и найду вкусными.

13 [7]

Скульпторы идолов.

Когда обленятся ненависть ваша и ревность и протянут свои члены — лишь тогда проснется справедливость ваша и протрет заспанные глаза.

Чихать должны вы от моего напитка: мои пенистые вина должны щекотать вам нос и приносить наслаждение.

Освящать смех и натягивать его словно пестрый шатер над миром —

а когда понадобится создать вам более темные ночи, принесу я вам новые звезды и новые чудеса ночи.

Подобно кабаньему рылу должно взрыть мое слово почву души вашей: плутом хочу я называться.

Как ни слепы вы уже — в глазах ваших обнаружил я еще большую волю к слепоте.

Ах, как знакомы мне голубые дали вашей лжи — поистине, милее мне, чем ваша ложь, ложь того, кто ведает о своей лжи.

Уже там, где кончается честность ваша, ваш глаз больше не видит.

Лучшая маска, что мы носим, — наше собственное лицо.

Что с того, что вы изображали богов нагими? Так и самый южный человек тоскует по новому югу.

13 [8]

Мученики духа

Ты звезда? Тогда ты должен путешествовать и быть лишен родины, скиталец!

Вот стоит он, столь тощий в ребрах, что сам дивится себе.

И так говорит он: «Кажется, бог, пока я спал, тайком что-то похитил у меня?

Поистине, достаточно похитил он у меня, чтобы сотворить себе из этого женушку. Удивительна бедность ребер моих».

Справедливость предстала передо мной; тогда разбил я своих идолов и устыдился.

Покаянию предался я: я принудил свой глаз смотреть туда, куда ему не хотелось смотреть, и обратить туда свою любовь.

И тот, кто хочет приготовить яд для себя, должен надеть стеклянные перчатки.

Еще несправедливее, чем мое почтение, было презрение мое.

Финики падают с деревьев: хороши они и сладки. И от падения сдирается с них красная кожа. Я северный ветер для спелых фиников.

Из гордости за пригоршню справедливости вы кощунствуете над всеми вещами и затопляете мир водами вашей несправедливости.

И что было духом, для меня теперь—так называемый дух.

Можно в море погибнуть от жажды—как и среди пересоленных истин.

Кто заходит слишком далеко, в конце концов засыпает и на снегу—от усталости.

Угрызения совести учат кусать.

Иногда побеждает и истина: какое-нибудь заблуждение сражалось на ее стороне.

Человек—это зверь с красными щеками: человек—это зверь, которому часто нужно стыдиться.

Есть сладострастники духа—и есть кающиеся духом.

13 [9]

Самое короткое лето

Слишком бурно бил до сих пор мой источник: он опустошал сосуд, желая его наполнить.

Все это еще апрель, и май, и июнь; и каков я сам, близкий снегу, близкий орлам, близкий смерти, таким будет и лето мое: коротким, жарким, печальным и блаженным.

Увы затяжному унынию весны моей! Увы злобе снежных хлопьев моих в июне!

Ночь: теперь заговорят громче все бьющие ключи. И моя душа—тоже бьющий ключ.

Ночь: только теперь пробуждаются все песни влюбленных. И моя душа тоже песнь влюбленного.

Если б я был темен как ночь, как бы стал я жаждать света и пить свет!

Я благословил бы вас, маленькие искристые звезды и червячки-светлячки, и проглотил бы вас.

Но теперь я весь опоясан светом и разбрасываю его вокруг себя: увы, незнакомо мне удовольствие берущего.

И нередко говорил я себе: «Красть должно быть блаженнее, чем брать?» — так говорил я из дальней дали.

13 [10]

Где видел я жизнь, там находил я волю к власти; и в воле служащего находил я еще волю к власти.

Подчиняются большому, чтобы над малым быть господином: это вожделение склоняет нас к подчинению.

Чего нет, то не может желать! Но что имеет бытие — как бы оно могло еще «желать бытия»!

Вы полагаете, что знаете вещи и притом все вещи — так вы устанавливаете ценности и скрижали ценностей. Это суеверие всех оценивающих

Вы для меня лишь река, по которой плывет челн, а в челне, торжествуя, сидят переодетые оценки ценностей.

Так начинается честная наука; она спрашивает: что есть? А не: какова его ценность?

Что есть для человека, благодаря чему он сохраняется: вот наша граница.

Идеал твой еще не есть твоя граница: сила твоя простирается дальше, чем тоска твоего глаза.

Солнце давно уже село, луг сырой, от лесов веет прохладой; неведомое окружает меня и смотрит задумчиво. Как, ты еще жив! Почему ты еще жив?

Что движет нами изнутри, тому мы дивимся как непонятному — изобретаем для этого слова и звуки и тогда полагаем, что теперь оно стало понятным. Это суеверие есть во всем, что звучит: иллюзия уха.

Воля к истине? О, мудрейшие братья мои, это воля к мыслимости мира!

Видимым мир должен стать и в деталях — и тогда вы думаете, будто *поняли*: вот глупость вашего глаза.

Поговорим о том, так ли это скверно; молчать об этом ужасно!

Другие видел я моря, недостоверной казалась мне их голубизна, гримом казалась она мне на дряблой коже: серой и страшной текла под ней кровь. Но здесь кровь моря — голубая.

Нет ничего разорительнее, чем фальшивая помешанность на добре и зле!

«Добрый человек невозможен: в самой жизни — отсутствие добра, безумие и несправедливость. И последней волей к доброте было бы отрицание жизни!»

Вашим добром и злом внушили вы себе отвращение к жизни, утомили свою волю; и сами оценки ваши стали знаками опускающейся воли, тоскующей по смерти.

13 [11]

Путь сквозь многие души.

Я приближаюсь подобно сильному ветру, и такой совет даю я врагам моим: остерегайтесь плевать — против ветра!

Сквозь тысячи душ шел я своим путем, со многими я уже простился, мне знакомы эти последние часы, разбивающие сердце.

Но того хочет судьба моя. Или, говоря вам честно: такой судьбы желает — моя воля!

Кто хочет найти себя самого, должен долгое время считаться потерянным.

Когда великий человек был своим собственным поклонником и любителем? Ведь он отступался от самого себя, когда становился на сторону великого!

В темную бурю хочу я исчезнуть — и в последний мой миг хочу быть сразу и человеком, и молнией!

Я подвел хороший итог — теперь он подводит меня.

Прошумела мимо волна; ребенок плачет, потому что унесла она в пучину его игрушки.

Но та же волна вырыла ему из белого песка сотню новых игрушек. Итак, не плачьте, что я ухожу!

И вечна, подобно жажде кольца, моя жажда меня самого: чтобы снова достичь самого себя, ради этого крутится каждое кольцо.

Повелительно приблизилось переживание, но заговорила с ним моя воля – и тотчас валялось оно на коленях, умоляя.

Уже простился я с иными – но я не хлопал дверью, и потому не слышали ничего ваши глухие уши.

13 [12]

Об оправдывающих.

Пусть ударит молния в ваши блюда, а ваши пасти должны будут пожирать огонь!

Рыбу хотели изловить вы и бросили в море свой невод. Но вынули голову старого бога.

Камень послало вам, голодным, море – и вы смирились.

Вот еще лежит богиня: лениво и коварно плещет волна о ее белые груди.

Наполовину покрыл ее песок, наполовину – почтение волн.

Ваши изречения и мелкие истины выросли, быть может, на болоте? Вечно слышится мне из них кваканье лягушки!

Вы ловки и у вас цепкие пальцы – но вы не умеете сжать их в кулак.

Лишь когда ваши цепкие пальцы сожмутся в кулак, поверю я в вашу силу.

Инструменты и часы вы для меня и ничего больше! И я хочу завести вас своей насмешкой, а вы будете жужжать мне.

«Так было всегда! Так всегда будет!»

И лучше буду спать я на бычьих кожах, чем на постелях вашей уютности.

О всяком человеке знают слишком многое.

13 [13]

Против посредников.

Ко всему чистому благосклонен я; но не к вам – примирителям!

Все вы, посредники и путаники, вы, половинные, вы, усердные примирители, – вы не чисты!

Как божественно ломаются здесь своды и арки, сошедшиеся в схватке, как играют они светом и тенью, божественные игроки:

Так же уверенно и прекрасно станем врагами, друзья мои! Начнем божественную игру — друг против друга!

Вы, затемнители, вы спрашиваете, что станется с вами, когда вы скажете правду, —

но правда должна разрушить мир, чтобы построить мир!

Нужно воспитывать свое сердце — принуждением.

Кто отпускает на волю свое сердце, тот вскоре теряет и голову.

Благородно стыдиться своих лучших вещей, потому что они есть только у нас одних.

«Я сержусь, потому что ты неправ» — так думает любящий.

Я люблю жизнь — я презираю человека. Но ради жизни хочу я его уничтожить.

13 [14]

Общение и общества

Вас, современники, я не принимаю всерьез — слишком тонки и прозрачны вы для меня!

Рваное покрывало, сквозь которое зияет будущее; полуоткрытые двери, у которых ожидают могильщики!

Как смог бы я жить среди вас, если бы не видел того, что перед вами!

Я не нашел вас необходимыми; вы мне не кажетесь даже лишними: слишком мало в вас, чтобы — переполняться!

Вы шумите против меня, ибо я бью вас своим веслом, — и все же вы должны нести мой челн в бессмертие.

Иные женщины говорили мне: «да, я нарушила брак, но сперва брак сломал меня».

И если я должен любить вас до глубины души, вы должны быть моими детьми или моими творениями.

Кто не делает нас плодотворными, к тому мы становимся равнодушны.

Для своего ближнего совершают поступки, но не творят.

Слишком горда и робка еще твоя воля! Если хочешь доброй поездки, запрягай еще и ослика впереди коней твоей воли!

Пчелиные ульи будут строить они, словно вавилонские башни

13 [15]

Новые образы жизни.

Что мне ваши отечества и родины? Я люблю только землю детей моих, неоткрытую, к которой направляю я в поисках парус свой через море.

Оправдать хочу перед своими детьми, что я их отец, — и так освободить прошлое.

Быть всецело желанием и птицей, летящей к далеким побережьям, — вот что для меня счастье.

Полезна или вредна вам или мне истина — что мне до того! Создадим людей, которым истина будет полезна!

13 [16]

Об актерах.

Разве море не павлин из павлинов? И перед безобразнейшим из буйволов распускает оно свой хвост и никогда не устает играть своим веером из серебра и шелка.

Тупо смотрит на него буйвол. Душой своей близкий к песку, еще более близкий к чаще, но всего ближе к болоту; что ему красота, и море, и убранство павлина!

Это сравнение говорю я вам, актерам. Поистине, сам дух ваш — павлин из павлинов и море тщеславия.

Зрителей требует ваш дух — хотя бы то и были буйволы!

Вы играете — и хотите, чтобы игру вашу видели; всех вас называю я актерами.

Прославляете ли вы сами себя как поэты или танцовщики, называете ли вы себя гласом народа или служителями общего блага:

Учите ли вы, или рисуете, или музицируете, или играете в жалкую игру «черным по белому».

Из всякого вашего дела говорит жадное требование: «Хочу *сделать* имя себе!» — так говорит оно.

Вера делает блаженным — так говорите вы все — тем более вера в *нас*!

Я слушал эхо, но слышал только похвалу.

Я хотел строить и надстраивать их — но отребье желало только быть опрокинутым!

Много говорить о себе — тоже средство себя скрывать.

13 [17]

О тарантулах.

Вот нора тарантула: хочешь взглянуть на нее? Тогда пожужжи жужжанием мухи.

Здесь висит его сеть; тронь ее, чтобы она задрожала.

Ты для меня тарантул; черным сидит на твоей спине твой треугольник и примета.

Укуси этих поверхностных ядовитейшим укусом твоим, чтобы душа их обрела глубину, и печаль, и черный струп.

Слишком далеко в будущее залетел я, ужас напал на меня.

И когда я огляделся, — смотри, время было моим единственным современником. И тогда затосковал я по вам, нынешним!

Черно и очерняюще искусство всех тарантулов; так называю я чернокнижников духа, учителей «худшего из миров».

Ты желаешь искривить все прямое? Тогда думай, что время исчезло, а прошлое — это ложь.

Думать так — худшее безумие и яд тарантула. Вихрем будет это для ног твоих и расстройством желудку.

13 [18]

О поэтах.

Непреходящее — лишь уподобление; а поэты слишком много лгут.

Кроме того они знают слишком мало и они плохие ученики — потому и должны лгать.

А всего милее им облака: на них сажают они свои пестрые чучела и зовут их богами.

А когда лежат они на траве под деревьями и посещают их приливы нежности, они всегда думают, что сама природа влюблена в них.

И она является, чтобы поведать им тайны и льстить им; да, поэты гордятся и чванятся этой доверительностью, отличающей их от прочих смертных.

Он проваливается, и его дьяволы тащат его вниз, но чем больше он проваливается, тем ярче сверкают его глаза и вожделение к его богам.

Я умею ездить на вас и класть на вас седла. А кто разбирается в лошадях, разбирается и в седлах.

Вы, арфисты и поэты, что знали вы до сих пор о страстности звуков!

Дуновением и мельканием призраков кажется мне перезвон ваших арф: — тощими руками дергаете вы сухие струны!

И если звезды не желают падать вам с неба, зашвырните звезды ваши на небо — и да будет такой вся злоба ваша!

Мы хвалим лишь то, что нам по вкусу, т.е. мы всегда хвалим, когда хвалим, свой собственный вкус — что противно всякому хорошему вкусу!

Они думали, что отважны, когда говорили: «всякое знание тщетно».

падки к вещам, которые рассказывают друг другу старые бабы

«Блажен незнающий и нищий духом!»

чего уже нет у слушателя вашего, по тому вы заставляете его испытывать угрызения совести и тоску, но я говорю вам: вы должны вызвать у него жажду по «еще не»!

Кто созидает, тот любит себя в своем творении; но так же должен он себя ненавидеть глубже всего — необузданный в этой ненависти.

«Блаженны нищие духом — особенно если это молодые бабенки!»

Кто из вас, поэтов, не разбавлял своего вина? Немало ядовитой мешанины приготовлялось в ваших погребах.

13 [19]

Среди увечных.

И лучше жить мне среди увечных, чем среди этих мнимых полноценных.

Совершенство отбрасывает впереди себя тень: красотой называю я эту тень.

Самое легкое и тихое из всех вещей явилось мне как тень сверхчеловека.

И у бога есть свой ад — сказал дьявол: это его любовь к человеку.

13 [20]

О стыде дарящего.
О воплях о равенстве, против ниспровергателей
Об опьянении (судорогах покаяния) священников.
О защитниках («историческое образование»)
О честности жалких.
О гениях.
О браке на время. Изменница.
О новых сообществах и монастырях.
О наказаниях как враждебности по отношению к врагам.
Ведь вы хотите, чтобы вам платили?
Уничтожение морали.
Сон.
Космическая зависимость. Очеловечивание природы.
Спасение от спасителей.
Научитесь сначала голодать по познанию.
Кающиеся в убийстве бога и их праздник.
Очищение от мести.
О нескромности священников.
Охота на безобразные истины.
Самые большие похороны — вплоть до бессмертия
Отказ от метафизики как требование добродетели — как *жертва*.
Блаженные острова. «Южное».
О скромности.
Ценность пессимиста.
Безумие дающего.
Ученые.
Современники.
Смех высоты. Счастье сеятеля.
Тишина святого.
Искушения (ребенок с зеркалом)
Красота.
Сострадание.

Идеалисты.
соблазнить благочестивых
(Умри, Заратустра!)
костер для сожжения (большой город)

13 [21]

Типичные *страдания* реформатора, а также его утешения. Семь одиночеств.

Он живет словно над временем: его высота дает ему возможность общаться с одинокими и непризнанными всех времен.

Он защищается только своей красотой.

Он возлагает свою руку на грядущее тысячелетие.

Любовь его возрастает, а вместе с ней невозможность совершать ею добро.

13 [22]

1. *Предисловие и первые речи Заратустры.*

Еще три части:

2. *Смех высоты.* (счастье сеятеля)
3. *Заратустра ищет своих утраченных.* (или 7 одиночеств)
4. *Полдень и вечность.*

13 [23]

Свойства сверхчеловека становятся шаг за шагом все виднее.

Смех высоты — пещеры S.A.

К последней сцене явление у Стромболи.

Речь женщины. «Как хорошо ты врачуешь, целитель!»

Всегда десять лет в промежутке. Одиночество.

В начале последней книги в пещере Заратустры появляется ребенок с зеркалом как предзнаменование его победы.

13 [24]

Похвала разуму и его холодности.

Созидающий *хвалит* за то, что наша мудрость открывается как глупость, а наше богатство — как бедность.

Жажда! Если б я был сыт, зачем бы я стал творить! *Оправдание страдания.*

Разгар лета в горах.

сладкий запах, уныние, внезапная смерть, вечер в лесу, где бегают эльфы.

великий человек «пал».

Гимн органическому: Заратустра чувствует свое родство со всем живым в своей воле, глубочайшее понимание природы и морали.

Заратустра говорит: «я наслаждение»:

ветра мистраля
электричества
высоты
смены времен года (кольцо)
чистого неба
утренней зари
потока
органической жизни
жажды солнца к морю
лемеха плуга

(как уговоры)

Умудренные жизнью: питаться так, чтобы создавать себя по своему образу.

Сладострастные и ненавидящие пусть едят растения.

13 [25]

Сначала: смех высоты. Сон. Эпилог.
Смех над спасителями, сострадательными, посредниками, примирителями
Нравственный мировой порядок («оплаченное»)
Идеалисты. «Скульпторы идолов»
Ниспровергатели—отрицающие. Разговор с *огненным псом.*
Поэты
Гении. О павлинах.
Ученые
Образованные
Оправдывающие
Социалисты равенства
Пессимисты. Тарантулы. «Чернокнижники духа».
Метафизики

Познающие – «поток»
(«я гроб, полный злобы и личинок жизни»)
Общество
против «*долгой жизни на земле*» – «разгар лета» – «чистое небо»
Священники и церкви
Возвышенные (для красоты)
Торгаши
Умеренные (мистики природы)
Тщеславие чистых
Любопытные
Романтики (луна). Лечить «печальных» неистовыми танцами, отбросить *стыд*, а потом обнаружить, что мосты к притворству сломаны.

13 [26]
Еще не было сверхчеловека!

13 [27]
Актеры.
Тарантулы.
Огненный пес.
Сон.
Оправдывающие.
Кающиеся духом.
«Оплаченное»
Лето в горах.
новое общество.
Образ жизни.
Сквозь многие души
бродить среди развалин
холодный разум
Органическое – нравственное.
Посредники.
Великому покойнику.

13 [28]
Похороны.
О созерцателях.
Об актерах.

Спасение от спасителей.
Сон.
О прославленных мудрецах.
Герои и красота.
О тарантулах.
Разгар лета.
Разговор с огненным псом.

13 [29]
Огненный пес.
О тарантулах.
Кающиеся духом.
Среди увечных.
Об оправдывающих.
О проповедниках равенства.
Новые образы жизни.
Товарищи и товарищества.

13 [30]
Ребенок с зеркалом.
Ночная песнь.
Танцевальная песнь.
Прорицатель.
Похороны.
О богах.
О прославленных мудрецах.
О возвышенных.
О современниках.
Об ученых.
О созерцателях.
О добре и зле.
Самый тихий час.
О священниках.
О поэтах.
О сострадательных.
Об отребье.
О добродетельных.
О великих событиях.
О человеческой мудрости.

13 [31]

О тарантулах.
Беседа с королем.
Среди увечных.

13 [32]

О поэтах.
О созерцателях.
Похороны.
О человеческой мудрости.
О стране образованности.
Об ученых.
О возвышенных.
Танцевальная песнь.
Прорицатель.
О добре и зле.
Среди увечных.
Беседа с королем.
Самый тихий час.

13 [33]

О блаженных островах.
Об отребье.
О тарантулах.
О прославленных мудрецах.
ночная песнь.
танцевальная песнь.
надгробная песнь.
О самопреодолении.
Возвышенные.
О стране образованности.
непорочное познание.
Ученые.
Поэты.
великие события.
Прорицатель.
Избавление.
Ч<еловеческая> мудрость.
Самый тихий час.

13 [34]

О созерцателях.
Об ученых.
О возвышенных.
О стране образованности.
О поэтах.
О человеческой мудрости.
Прорицатель.
Об избавлении.
Самый тихий час.

13 [35]

О непорочном познании.
Об ученых.
О поэтах.
Прорицатель.
О великих событиях.
О человеческой мудрости.
Об избавлении.

13 [36]

Ребенок с зеркалом.
О возвышенных.
О созерцателях.
О священниках.
О прославленных мудрецах.
Танцевальная песнь.
Похороны.
Самый тихий час.

14. Лето 1883

14 [1]

Философия будущего.

О невинности становления.
Тело и дух.
Нравственное и органическое.
Тысячелетие опытов.
Искусство.
Свободные и несвободные.
Воспитание и пропитание.
Мужчина и женщина.
Свободная смерть.
Новый иерархический порядок.
Греки как знатоки человека.
Музыка и философия.

И т.д. и т.п.,
сплошь доклады и речи.

14 [2]

О зле: натуры низкие хотят верховодить над натурами высокими, злоупотребляя отдельными свойствами высоких (например доверчивостью).

Зло — это *злоупотребление добродетелью других существ*, более высоких (паразитизм).

Организующее насилие первого ранга (например Наполеон) должно находиться в определенном *соотношении* с типом, который должен быть организован (не имеет значения, «благородны» ли его чувства; достаточно того, что он целиком и полностью ценит то, что является *сильнейшим* и определяющим у большинства).

Злоупотребление отсталыми свойствами других, в целом более благородных: паразиты. (Женщины)

Человечество в целом относится к природе с позиции *расчетливого использования*; что же так возмущает нас, если один человек *эксплуатирует* другого? Предпосылка — что он недостаточно *ценен*. Но если предположить, что ценность его (например князя) достаточно велика, это делает его более выносимым и даже дает что-то вроде счастья («преданность богу»)

Люди протестуют против *эксплуатации* со стороны *более низких* существ, чем они сами.

Так я сопротивляюсь нынешнему государству, образованию и т.д.

Зло есть прежде всего суждение о других; если мы что-то в себе называем злом, то это *сравнение*, — мы не хотим, чтобы нами владел инстинкт, который мы *оцениваем* сравнительно *низко*; вовсе не обязательно отрицать его, но он *должен* занять свое подчиненное место и не более того!

14 [3]

Во главе государства должен стоять *высший человек*: все прочие формы суть попытки заменить *его* самоутверждающийся авторитет. (Старый закон лишь потому свят, что *не хватает* законотворческих сил.)

Если инстинкты высшие хотят сохраниться и процветать, должны наличествовать и все *низшие* инстинкты, причем со свежими силами — господство над целым должно находиться в крепких руках! Иначе слишком велика опасность! Учитывая эту опасность, люди хотели уничтожить низкие инстинкты (но при этом лишь *обманули* себя: христианин сохранил свои чувства, но применил их иначе, подобно тому как киники сохранили свою бранчливость)

или «смягчить» их, сделать их умными и не одобрять впредь никаких резких проявлений (например эпикурейцы).

14 [4]

У человечества еще так много всего впереди — как *вообще* можно брать себе идеал в прошлом! Разве что сравнивая его с *настоящим*, которое, вероятно, представляет собой упадок.

14 [5]

Злоупотребление римских императоров *властью* **вывихнуло** все *нравственные понятия* Европы: победила нравственность беспомощных; следствие – чудовищное фальшивомонетничество.

Истинный источник высоких ощущений находится в душе людей власти. Самопорождение радости от себя самого и от своих действий – вот *источник* всех ценностных оценок; вера в себя.

15. Лето–осень 1883

15 [1]

Теперь мои чувства пленяют ясное небо вечности, капля росы

Заклинание противника.

Ценность человека

1) полнота, множественность
2) совокупная сила
3) сообщающая сила

15 [2]

Ненавижу людей, которые не умеют прощать.

15 [3]

Если б вернулся хотя бы один миг мира, — сказала *молния*, — то должны были бы вернуться и все прочие

абсолютная необходимость *в виде щита с изображениями*!

(гл<ава>) астрономическая картина *мира*.

(гл<ава.) по ту сторону середины жизни — жизнь *приносится в жертву*.

15 [4]

Вывод Заратустры о том, что человек, чтобы не чувствовать мысль, должен преобразовать себя *обратно* в животное. Или в сверхчеловека (взращивание посредством выбора *места*, пола, питания и т.д.) *Разрыв с прошлым* (неисторическое мышление для *него* **необходимо**)

образовать нечто вроде «народа»

не отказываться от заблуждений! как условие жизни!

NB. Исполнять трагедии в жизни и *наслаждаться* ими!

15 [5]

Распад *«свободной воли»* и ответственности на **предсказание** и степень вероятности согласно нашим знаниям о самих себе.

Мой страх перед «виноватыми» — это страх обмануться в своем предсказании.

15 [6]

Заратустра не хочет *терять* прошлое человечества, все швырнуть в переплавку. Превращение силы.

15 [7]

Заратустра III. А) внезапное прозрение относительно себя самого. Зачем дарить! Зачем осчастливливать людей! Зачем друзья! Зачем любовь! *Гордость* в том, что он говорит правду! Наступает его *великое презрение.*

1 гл<ава> он ищет своих зверей и более не находит их. Отчаяние одинокого. Не может вернуться!

2 гл<ава> Искушение самоубийством

3 гл<ава> *Раскаяние.* Забвение прошлого. Приказ как *опыт* и игра в кости.

В *последней* речи должна **исполниться** и *надгробная песнь.* — Например, добрый час

присоединиться к созидающим, жнущим, празднующим; это происходит в возгласе: *что вы сделали?*

4 гл<ава> Буря, радуга, львица — голуби

Наконец: хочешь ли ты?

«Не *я* — но я хотел бы создать того, кто скажет: Да».

В конце животные приходят на небо (гордость и ум возвращаются)

гл<ава IV **Порядок празднования**, исходящий из всей системы мировоззрения.

Каждую главу в третьей книге З<аратустры> заканчивать словами: «Заратустра, хочешь ли ты этого снова?»

15 [8]

Мольденгауэр

Скотт. Монастырь, Аббат.

Галлер староисп.

Пиндар

Кольридж
Цинцендорф
Фон дер Гольц
Мейстер Экхарт и *мистики*
Сведенборг

15 [9]

Заратустра 3 как *извержение вулкана*

Заратустра 4 — «я тот, кому приносят клятвы».

Человек — нечто текучее и пластичное, из него можно сделать что угодно.

30 лет оставаться *твердым*.

Заратустра 4: подобными солнцу должны вы быть — а чего только *не* делает солнце!

15 [10]

Тип законодателя.

его развитие и его страдания.

Какой *смысл* в том, чтобы давать законы?

общий тип з<аконодателя>, который является для **многих** законодателей *герольдом*.

Основное учение: достигать совершенства и **удовлетворения** на каждой ступени — *не* перепрыгивать!

Сначала законодательство. *После перспективы сверхчеловека* ужасным образом становится выносимым и учение о вечном возвращении!

15 [11]

в духовном нет причины и следствия (зеркало)

15 [12]

Наслаждаться всяким глубоким солнечным блеском и приятностью как подобием и предзнаменованием — а *не самими по себе*!

потому что мы хотим создать существо, от которого всё ослепнет.

15 [13]

(гл<ава>) устанавливать порядок празднеств
праздник космических знаков

праздник земли
праздник дружбы
великий полдень.

Копай, червь!

О, как бы мог я проклинать того, кто похож на человека!

Но нет даже облегчения в проклятии!

Насмешка над «доверием к жизни»!

15 [14]

Заратустра 4. Учение о разделенной радости.

Заратустра 3. *Начало.* Мое *преждевременное* счастье создало мне облака и тени

15 [15]

Я хочу апостолов и пока *никаких* тихих закоулков и общин.

15 [16]

Шуми, ветер, шуми! Отбери у меня всякое довольство!

15 [17]

замучен моим счастьем — ведь оно скоро снова пройдет!

я забрасываю удочки над своей головой — далеко в море будущего.

Заратустра 3. *Против довольства мудреца* — против «веселой науки»

Гибель блаженных островов *пробуждает* его! *Счастье* в его *неудаче.* Великое страдание, когда он понимает, что **утратил** все прежние *плоды жизни*: огромная неудача! Наконец он решает учить своему учению *стократно*!

15 [18]

Ты *внушил* себе *отвращение* ко всему человеческому? Но *не* ради человека!

Теперь я ясновидящий, мой алмазный меч рассекает любую тьму. Слишком долго желал я ясновидения.

Бесконечный процесс нельзя мыслить иначе как **периодами**

3. Почему ты не разогнал их? Они обрели друг друга — настало время искать других.

Удачные дни должны идти на крепких ногах.

15 [19]

Законы как хребет: работая над ними и устраняя

Заратустра дает пример того, **как** нужно относиться к закону: он отменяет закон законов — мораль — посредством высших

выполнимость больше, чем прежде (индивидууму доступно толкование)

NB. закон должен **быть выполним** — а из выполнения **должен** вырасти новый идеал и его закон!

15 [20]

Как только вы начинаете думать, что *наряду* с абсолютной причинностью существует еще бог или цель, — мысль о необходимости становится *невыносимой*.

15 [21]

Заратустра 3. Злой демон *из доброты* — следствие всякой теологии.

Заратустра 3.

– *Гимн* скромности.

– *Гимн* одиночеству.

Отсутствие успеха и его утешение.

В **заключение**:

Заратустра сам стал *мудрецом*, радующимся своей *глупости*, и *бедняком*, радующимся своему *богатству*.

глупец и счастливый бедняк — как обладатели несметного *блаженства надеющегося*, *тоскующего* и *профицающего*

Заратустра 3. Я скрывал самое ужасное возражение против жизни: она со временем становится *скучной*

новый святой, *освящающий* природу

новый художник

Спасение *злых*

Заратустра 3.

Господствовать? Отвратительно! Не хочу навязывать *мой* тип. Мое счастье — *множественность*!

Проблема!

Призвать к агону! Прежде всего тех, кто хотел бы спрятаться, — *тихих, благочестивых*, — заявка на господство!

Одиночество — лишь средство познания!

против всех лишь *наслаждающихся*!

Одиночество тоже подпадает под эту точку зрения!

Самопреодоление *и всякая* добродетель не имеют никакого смысла, кроме как средства для формирования *господствующей силы.*

15 [22]

Заратустра 3 о соблазне одержимых властью и благородных — глубочайшее презрение к любителям уюта, ищущим покоя

15 [23]

Друг мой, ты, словно пробка, создан для света и для поверхности всех морей — тебя нарекли счастливым

15 [24]

Заратустра 3 Да, если бы ты это мог! Заратустра —

Заратустра 3. Он *восхваляет* вместительность души — он *пробовал на язык* все добрые и злые вещи.

15 [25]

Я люблю себя дурной и нерешительной любовью — и думаю иногда, что, пожалуй, заслуживаю лучшей любви, чем та, которой я себя награждаю.

15 [26]

Ваша ложная любовь к прошлому крадет у вас будущее (божественное происхождение ценностей)

15 [27]

Заратустра 3. Если даже ты хочешь только *твоего* идеала, ты *должен принудить* к нему весь мир.

ты унижаешь свой поступок, если совершаешь его *ради* одной цели

Массы нужно принуждать к разумному, да еще и стегать плеткой для их же пользы

Заратустра — я разучился сочувствовать себе.

забыть Я. (Эмерсон, с. 237.)

Заратустра 3.

дарящий, созидающий, учащий — это прологи к *господствующему*.

До какого *несчастья* я не дорос? Каждый переживает только *собственное* несчастье.

Заратустра 3. Против *авторитета*. Когда умолк всякий голос, вы сделали из этого закон.

Заратустра 4. Сила, которую ты можешь *мыслить*, должна быть конечной и определенной — но непреходящей.

15 [28]

Нельзя благословлять своих врагов — но настает время, когда не остается друзей, и тогда благословляют для того, чтобы их не проклинали.

15 [29]

Всякая мысль, подобно жидкой лаве, сама строит вокруг себя крепость и душит себя «законами».

15 [30]

Не мое море отступает — моя земля растет, мой новый пыл вздымает ее вверх.

Блажен тот, кто перерастает свой успех.

Этой мыслью я тяну за собой будущее.

Сделать новую звезду из обломков старых.

15 [31]

Не делать благо людям — *завершать* само бытие, рассматривать себя как завершителя

3. Самая большая боль: бесполезная трата себя Заратустрой как **вечное** повторение.

Решение: попробовать еще раз!

Не грехи и слабости ваши, но все ваши совершенства нес я на себе, когда *больше всего страдал из всех людей.*

15 [32]

(гл<ава>) О счастье мудреца от своей глупости (*незнание* последних результатов —)

(гл<ава>) О богатстве бедняка (вечная тоска)

15 [33]

Эгоизм и индивидуализм

Эгоизм *неверно* определяют как расчетливый, альтруизм — как *нерасчетливый*, а государственного деятеля как трезво взвешивающего!

15 [34]

разжигающий меня незримыми молниями.

Ты хотел одаривать из своего избытка — но так же, как ты должен быть созидающим, должен ты и раздаривать себя самого.

И поистине, ты сам лучшее из того, что есть в твоем преизбытке

Тут лежит тот, кто умеет *взять* свое право — но кто же здесь мог бы дать ему это право!

Как бы я мог любить человека ради человека!

15 [35]

3. Заратустра, грехи мои приношу тебе в жертву и сбрасываю их на тебя (*потрясен*)

мысль — бог — молот

Если ты стоишь достаточно высоко, ты **должен** воспитывать — поднимать к себе наверх!

Казнь богов.

(гл<ава>) Похвала *первородной* природе.

15 [36]

Где опасность, там и я — расту из земли.

Разгуливать под огнем орудий, которые стреляют по дальним целям.

«Путешественник при оружии, в нетерпении из опасения, что его могут задержать».

Полководец не должен предоставлять отдых ни победителям, ни побежденным

быть невозмутимым, когда приходит большая опасность.

«хочу это сделать или умереть»

«Без гнева ни в чем не бывает победы»
(Аристотель).

прекрасен и страшен вид Заратустры, конец 4.

Позади войска разумный полк устрашения.

«заблуждения, порожденные добродушием, в опасных оказиях хуже всего» (Клаузевиц)

Не путать *мужество из чувства чести и самолюбия* с органическим мужеством: принуждение, при котором *утрачивают* многие способности.

«Хитрость лучше насилия».

«Как мала эта земля для великого честолюбия!»

«Любовь к славе — истинная *заслуга* князя» (Фридрих).

15 [37]

«Я раздал все, что у меня было, и теперь у меня нет ничего, кроме большой надежды». Заратустра 4

Заратустра 4. Нуждаюсь ли я в вас? Но вы нуждаетесь во мне!

15 [38]

Для воспитания необходимы обычаи, которые будоражат кровь и закаляют при виде страданий.

Инстинкт уничтожения, неумолимо суровый

15 [39]

Уважать веру толпы и опекать ее — даже если ты скептик, верой нужно *владеть*.

Осторожность и недоверчивость в вопросах собственной безопасности вовсе не исключают презрения к смерти.

«там где речь идет о жизни, нельзя доверять даже собственной матери»

Это моя тайная кольчуга.

«Обман — самое важное на войне» — лисья шкура.

«Мнение — половина действительности» (Нап<олеон>).

Нужно *сберегать* репутацию там, где речь идет о большом благе.

Благородство, хитрость, отвага, храбрость, решительность, предусмотрительность, упорство, глубокое рассуждение

Преднамеренное *безумие:* мнить себя любимцем богов, чтобы воздействовать на массы

Прийти на помощь богам!

«Люди слишком просвещены, теперь уже нельзя совершить ничего великого» (Нап<олеон>).

Предопределенность всех событий. «Все великие вещи висят на волоске» (Нап<олеон>)

их темперамент выбивает их из фатальной пассивности — «на лошадь, с саблей в руке, самому *стать* судьбою».

15 [40]

С помощью «для того, чтобы» создали принуждение и *уничтожили свободу*. Для освобождения *целей*.

15 [41]

Совершенный так же мало извлекает пользы намеренно, как намеренно наносит вред.

15 [42]

Идеал *врача*

пожертвовать жизнью. Подобно борцу на арене, отказаться от всего иного и даже не быть уверенным в победе

эпикурейское счастье как счастье *выздоравливающего*

15 [43]

Я хочу иметь *мои* события — даже если буду вынужден применить к ним насилие.

Они хотят, чтобы их любили, эти слабые!

Не то, что ты опрокинул идола, — но служителя идола в себе самом —

И если должен я быть виновным, то я хочу, чтобы все мои добродетели упали на колени перед виной

В лоне вещей лежит счастье, так что все мое счастье бросает тени на его огни.

15 [44]

Конец 3. Чувство растраченности и разочарования — «ты слишком рано»

Заратустра 4. Общее извержение нравственных чувств, вулканическое — в Заратустре *нуждаются*

15 [45]

Заратустра варится в собственном соку.

Он осознает свою решимость как *величайшее решение* об участи человечества.

«привести вселенную к согласию, к гармонии и к познанию»; человеческая душа как высшее *произведение искусства* в ней.

Величайшее сознание важности!

вселенная не *ищет* своего спасения, но *находит* его.

15 [46]

Заратустра 3. Вперед, хромоногий, ворюга, — или я прыгну и т.д.

так он на меня закричал.

Жизнь сама создала эту самую трудную для жизни мысль — она хочет *преодолеть* самое высокое свое препятствие!

Шут.
Король. приходят в отчаяние как великие люди
Женщина.

15 [47]

народ, как и ребенок, может только *верить*: во *что* он должен верить —

этот добрый реализм рассмотрения таков же у Рэ в отношении морали.

15 [48]

Заратустра 4, *новый иерархический порядок людей*

Плохие (сильные,
слабые и т.д.)

сложные, с волей к страданию, заблуждениям и опытам, уклоняющиеся от своего пути и вновь возвращающиеся — *не боящиеся* и самого ужасного пути

сделать небо *свободным.*

Чистая глубина, где даже звезда становится пятном.

3, проблема: моя воля делать добро (и мне самому!) *принуждает* меня к полному *молчанию.*

Но моя воля к сверхчеловеку заставляет меня говорить и жертвовать даже друзьями.

Заратустра 4. То, что считается у нас *дурным*, использовать слабых, соблазнять благородного на поступок, которого он *должен* стыдиться. *Великое поношение друзей*!

Я лежал на солнце — и тут появилась чернейшая туча. Словно воронка стала она надо мной, упираясь в солнце.

Само солнце — — —

Мысль эта ускользает от меня!

Заратустра 3. После нескольких глав страха и нерешительности — вызов *великой мысли.*

Конец: у меня молот! — Блаженство!

И если черви внушают вам такое отвращение, что вы ускоряете из-за них свой шаг при подъеме, — то они имеют право на существование!

15 [49]

холодный эгоизм — использование слабых: почему это противоречит ощущению?

одна и та же личность по-разному воспринимается нашими разными инстинктами

15 [50]

Познание как *заблуждение.*

Законы природы — тоже лишь давние *привычки.*

Предположим, у некоего человека сильная воля; тогда скептическая философия лучше всего сможет привести его волю к действию.

Сплошные скорые поезда!

богатые одеваются слишком тепло

Нравственность *слабых* как *мимикрия*, желание «принять».

15 [51]

желать средств *не только* ради цели!

Совесть—это чувство, сообщающее нам об *иерархическом порядке* наших инстинктов.

15 [52]

Бессознательная память

Приятность (как наиболее длительное счастье у древних философов)

Против всей *метафизики* достаточно *скепсиса*

15 [53]

Вложить все блаженство в скепсис (сомнение в *пессимизме*)

15 [54]

(гл<ава>) *неудобный*—как жизненный принцип (добродетель!)

15 [55]

Ограниченность *нравственной* точки зрения—всякий индивидуум воздействует на все космическое существо—знаем ли мы об этом или нет—хотим ли мы этого или нет!

15 [56]

(гл<ава>) процесс плавки и переплавки благочестивого священника.

15 [57]

(гл<ава>) **призыв** герольда к *отдельным людям* (и их идеалы)

15 [58]

Закон для законодателей

Из *молящихся мы должны* превратиться *в благословляющих!*

15 [59]

одержимые властью

———

15 [60]

Гартман, р<азные> пр<оизведения>
Ранке — папы
Вельхаузен
Фон дер Гольц
Дреер
Мольденгауэр
Цинцендорф
Бентам — Бенеке

«Буддизм» *Керна*
Лейпциг, Отто Шульце

16. Осень 1883

16 [1]

По аналогии с человеком нужно представлять и природу как заблуждающуюся, пробующую, добрую и злую — как сражающуюся и преодолевающую себя.

16 [2]

Есть три одиночества — одиночество созидающего, одиночество ожидающего и одиночество стыда. Я знаю слово и знак сверхчеловека, но не говорю, не открываю этого себе самому. *Жить в стыде перед великой истиной.*

16 [3]

Во втором акте являются разные группы с подношениями. «Что вы делали?» — Они говорят. — «Это сделано в духе Заратустры».

Учение о возвращении станет поначалу улыбаться толпе, холодной и почти лишенной внутренней потребности. Самый обыкновенный инстинкт первым даст свое согласие. **Великая истина последней склоняет на свою сторону высшего человека**: *в этом страдание человека истины.*

Акт 1. Одиночество из чувства стыда перед самим собой: *невысказанная мысль, для которой он чувствует себя слишком слабым (недостаточно твердым). Искушения ввести его в заблуждение.* Посланники избранного народа приглашают его на праздник жизни.

Акт 2. Он инкогнито присутствует на празднике. Выдает себя тем, что избегает почестей.

Акт 3. Счастливый, он возвещает о сверхчеловеке и его учении. Все отступаются. Он умирает, когда его покидает видение, в горести оттого, что причинил такое страдание.

Похороны. «Мы убили его». Полдень и вечность.

16 [4]

Самый мягкий должен стать самым твердым — и от этого погибнуть. Психологическая проблема.

Повелительно подступило переживание, но заговорила с ним моя воля — и тотчас валялось оно на коленях, умоляя.

Разве ухо танцора не в пальцах ног?

Еще жива для нас добродетель Заратустры! Звезда сорвалась вниз в пустом пространстве, но свет ее еще в пути — и когда же он прервет свой путь?

Хочешь стать помехой идущему? Тогда ковыляй перед тем, кто спешит.

И то, что мы не совершили, ткет будущее вместе со всеми; Ничто тоже ткач и ткацкий мастер.

Иной устает от самого себя — и только тогда наступает его счастье, сохраненное *для него.*

Чихать должны вы от моего напитка, мои пенистые вина должны щекотать вам нос и возбуждать сладострастие.

«Оно раздает себя» — говорит ваша леность? Нет, оно берет себе — и будет брать себе все больше.

16 [5]*

Глубокая бесплодность девятнадцатого столетия. Мне не встретился ни один человек, который действительно привнес бы новые идеалы. Дольше всего заставлял меня *надеяться* характер немецкой музыки. *Более сильный тип,* синтетически связывающий наши силы, — вот моя вера. Все кажется декадансом. Нужно так направить это умирание, чтобы дать самым сильным возможность обрести новую форму существования.

---

* Написано в 1888 г.

16 [6]

Никакого нетерпения! Сверхчеловек — вот наша следующая ступень. *Сюда*, к этому ограничению, относится *сдержанность* и мужественность.

16 [7]

Делайте как я: только делающий учится, только как делающий стану я вашим учителем.

Пусть ударит молния в ваши яства, а ваши пасти научатся пожирать огонь!

Крыльями своими хлещет гордость моего орла мою волю — но об эту скалу разобьется и буйство гордости.

Разве я не роза ветров? Разве не приходят ко мне все ветры и не сообщают мне свою волю?

В темной буре хочу я исчезнуть — и в последний мой миг хочу быть и молнией, и человеком.

Вы шумите против меня — но что с того! Я бью вас моим веслом: ведь вы должны нести мой челн в бессмертие!

Разве почивал я когда-нибудь на своей славе? Ложем из колючек была мне всякая слава.

Может быть, для Заратустра 3: *Это книга семи одиночеств.*

«А ныне пылает и лед, и невинность моих вершин».

Вы для меня сухая трава и степь; но я превращу вас в блуждающие огни и в провозвестников огненными языками.

Золотом блестит его темный глаз: златой челн плывет в нем по темным водам.

Вы умны и у вас умные пальцы — но лишь когда ваши пальцы сожмутся в кулак, поверю я в вашу силу.

Я умею класть на вас мои пестрые покрывала – а кто разбирается в лошадях, разбирается и в седлах.

Все еще похож я на петуха на чужом дворе, которого клюют даже куры.

Несправедливости больше в почтении, чем в презрении.

Как высоко я живу? Никогда еще, поднимаясь, не считал я ступеней: *там, где кончаются все лестницы, начинается кров мой и двор.*

Тебя еще придется тащить за волосы на твое небо!

Вы, мечтатели, полагаете, что сделаны из лучшего материала? Вы просто лучше разбираетесь в одежде и переодевании! Вы умеете лучше скрыть свой материал!

Обычно я невидим, но на мачтах одиноких корабельщиков и открывателей я все же хочу быть огнем и знаком надежды.

Не замер ли мир? Ужасными кольцами обвила меня и сковала эта тишина!

Женщина сказала: «Да, я нарушила брак. Но сперва брак сломал меня!»

Соблазнить того, кто нас любит, на поступок, за который ему стыдно перед собой и нами, – из всего ужасного это самое ужасное.

И если звезды не желают падать тебе с неба, зашвырни на небо звезду свою – и да будет такой вся твоя злоба.

Если кто-то бросается к людям с высоты, какое ему дело до сломанных членов?

Вы смотрите назад даже когда идете вперед – так что нередко приходится с вами сталкиваться.

Я слушал эхо, но слышал лишь похвалу.

Много говорить о себе — тоже средство себя скрывать.

Кто не делает нас плодотворными, становится нам безразличен.

Можно действовать ради ближнего, но не созидать ради него.

Иной раз и в самом деле побеждает истина — когда какое-нибудь заблуждение сражается за нее.

Уже там, где кончается ваша честность, глаз ваш перестает видеть.

Его скверные свойства заставляют его поплатиться, когда их преодолевает добродетель.

Он уговаривает так, что убеждает сами доводы бежать за ним.

16 [8]

Заратустра достигает наивысшей своей *нужды* — и тем самым наивысшего *счастья*; шаг за шагом он становится все несчастнее *и* счастливее. В миг, когда обе стороны достигают наибольшего контраста, он погибает. (*К плану*.)

16 [9]

«Вот речи Заратустры о семи одиночествах»; в них должно быть описано, как **нужда** *растет* параллельно счастью. Дарение, как и созидание, показывает свое **другое** лицо. *Твердость* в добродетели — *мука* в сострадании и справедливости: одиночество и скитальчество для друга будущего; *созидание как волшебство приносит с собой* **разрушение чар** *по отношению ко всему сущему*; отвращение к высшим экземплярам делает для нас чужими тех, над кем еще следует работать, и т.д.

16 [10]

Овладеть всей аморальностью художника в отношении моего материала (человечества) — вот мой труд последних лет.

Овладеть духовной свободой и радостью, чтобы творить и не поддаваться тирании чужих идеалов. (В сущности, не так важно, *от чего* я должен был освободиться, — но моя форма *освобождения* была художественной: я набрасывал *образ* того, что меня до той поры сковывало — к примеру, Шопенгауэр, Вагнер, греки (гений, святой, метафизика, все предшествующие идеалы, высшая нравственность); в то же время это было и *данью благодарности*.

16 [11]

Мне пришлось *освободиться от наваждения*, будто природа должна *разучиться* **ставить перед собой цели**.

Освобождение от *мировой усталости*: для этого мое учение об *освобождении человека от самого себя*.

«они познали — и им стало противно действовать» с. 35. Рождение трагедии. «Она *спасает* искусство — а через искусство спасает для себя жизнь». **Основная мысль**. *Моя последующая жизнь — следствие*.

Стать художником (созидающим), святым (любящим) и философом (познающим) в *одном лице — моя практическая цель*!

Отказ — чтобы найти пространство, и силы, и мужество для творчества. (Ограничиться человеческим — в противоположность «мировому процессу» и «иному миру».)

Чтобы освободиться от старых идеалов, я с благосклонностью обратился к *идеалам противоположным*: стал искать лучшее даже *в современности*.

Я освободился от образования, традиционного типа ученых

«Пессимист интеллекта».

«Интеллектуальная совесть». Возникновение: «истинное первоначально было *полезнее* и *почетнее*» (Смешанные мнения и изречения, с. 13).

Моя насмешка над нескромностью сторонников *мирового процесса*, мое неверие в «инстинкт познания в себе»; весь смысл истории я свел к трем инстинктам. В них заключено все.

Ненависть к кантовскому обскурантизму, к кантовскому учению о незаинтересованном удовольствии и о молчании воли.

16 [12]

Благодари того, кто принимает!

16 [13]

Имей сочувствие к своей ноге, чтобы ей не нужно было вступать в болото: того, кто предает своего друга, ты не должен даже пинать ногой.

16 [14]

Для **преодоления** традиционных идеалов (философ, художник, святой) нужна была *история их возникновения.*

На место любящего святого я ставлю того, кто с любовью и справедливостью переживает все фазы культуры, — исторического человека высшего благочестия.

На место гения я ставлю человека, который *созидает человека* превыше себя (новое понятие искусства: против искусства произведений искусства).

На место философа я ставлю свободный дух, который превосходит ученого, исследователя, критика и остается жить поверх множества идеалов, который исследует алогичные свойства бытия, не становясь иезуитом: освободителя от морали.

Шопенгауэр как воспитатель (с. 60): «Лишь когда, в нынешней или грядущей жизни, мы сами будем приняты в этот возвышенный орден философов, художников и святых, будет поставлена и новая цель нашей любви и ненависти; *пока же у нас есть наша задача*».

Ценность заблуждения (иллюзии)
забвения
наконец, ценность зла
вражды

16 [15]

Мои расхождения с Рэ: основное — привязанность к происхождению и освобождение от него; это не «эгоизм» или «отсутствие эгоизма».

Ему не хватает исторического взгляда на чрезвычайно различные ценностные скрижали добра.

Ч<еловеческое>, с<лишком> ч<еловеческое>, с. 79.

Разное происхождение чувства справедливости и тщеславия.

Я оспариваю мысль, будто эгоизм вреден и предосудителен: я хочу создать для эгоизма чистую совесть.

Я утверждаю, что стадный инстинкт есть изначально самый сильный и властный инстинкт и что всякое индивидуальное действие (действие не по традиции) сначала воспринималось как зло.

Они говорят: лишь по привычке считать что-либо предосудительным———

Рэ полагает, что *польза* есть *нечто меньшее*: весь его способ рассмотрения находится под влиянием предрассудка морали.

С. 47: «если в наказаниях ничто не напоминает о том, что они суть средства устрашения, то должна возникать видимость, будто они—возмездие» Почему? Что такое *возмездие*? Он полагает, что чувство справедливости возникает из-за видимости возмездия. Но понятие возмездия не исследовано. Не замечают и того, что и всякое наказание возникает из мести.

«Вынужденные действия не *могут* быть наказаны» (с. 49). Еще как могут! Он имеет в виду: не *должны* наказываться, это было бы несправедливо! То есть он сам исходит из нравственных предпосылок.

Чувство справедливости, т.е. желание возникновения страдания как *возмездия*. По Рэ это следствие двух заблуждений: 1) что наказание кажется возмездием и 2) что волю считают свободной.

Он полагает, что не было бы и *возмездия*, если бы ближнего *считали несвободным*. Подумаем, на что здесь направлено возмездие: в первую очередь, это воспрепятствование, сдерживание дальнейшего вреда. Для падающего камня не требуют возмездия.—Он прав.

Рэ ошибается, постулируя происхождение чувства справедливости *из* наказания и *после* наказания: напротив, наказание возникает *из* чувства справедливости.

Причинившего вред должно постигнуть возмездие, потому что он подорвал сознание нашей власти: это преступление против нашей самооценки.

Совершенно недостаточно сказать: целью, хорошей с моральной точки зрения, обладают те, кто желает пользы для других, потому что это совпадает с их пользой; важнее всего то, *о какой пользе* идет речь.

Его интересует только возникновение *суждений* «хорошо» и «плохо» — а *меня* интересуют совершенно определенные свойства действий, их истинная полезность (по отношению к мнимой).

Первоначально мораль была самопрославлением властных и господствующей касты.

Удовольствие и неудовольствие — это *сопровождающие* явления, а не цели.

16 [16]

Блуждающий огонек на болоте.

16 [17]

Эрзац мести: поняв, что нас обидело посягательство на наше чувство власти, следует подумать о том, как усилить чувство власти. Духовная бедность проявляется в упорном стремлении нанести оскорбившему ответный вред, и притом еще больший. Пока таково наше уголовное право. Когда нарушают закон, оскорбляют *общинное чувство власти: компенсировать вред могут* и какие-нибудь благородные поступки или смелые предприятия, направленные на благо общины! Таким образом одни представители общины призваны исправлять то, что сотворили другие ее представители; действия и тех, и других одинаково излишни. Но если оскорблен *отдельный* человек, то он должен подняться ступенькой *выше*, тем самым восстановив и расширив свое чувство власти. Вся общность несчастных и неимущих должна быть стимулом и лестницей для благородных. Но нельзя наказывать за отдельные действия; действия — это симптомы существования в целом, нет никаких одноразовых действий. Едва я понимаю, что «человек на это способен», как мое отношение к нему меняется: с этой минуты я считаю его врагом и хочу не только бороться

с ним, но и уничтожить его. *«Он больше не принадлежит нам»* — вот наша мера.

Моя программа: устранение наказания — для нас. Бессмысленность возмездия. (Если нечто есть зло, то наказывающий также творит зло.) Не в устрашении смысл, а *в защите от дальнейшего вреда* (наряду с гневом на собственное простодушие)

16 [18]

Против Рэ: где страдание, там совершено нечто против пользы — природной пользы, нечто противопоказанное.

16 [19]

Если верно, что точка зрения общинной пользы определила ценность бескорыстия, то *теперь* остается спросить: верно ли, справедливо ли это суждение? Полезен ли благожелатель?

16 [20]

Где есть живое, там бывают внезапные взрывы силы — субъективным чувством является тогда «свободная воля». Число и сила таких взрывов прежде всего определяют ценность живого — а потом уже *направление* этих взрывов. Когда мы говорим о «мотивах поступка», мы всегда имеем в виду лишь «мотивы направления».

16 [21]

Цель: совершенствование всего *тела*, а не только мозга!

16 [22]

О массах мы должны думать так же решительно, как и природа: они сохраняют вид.

16 [23]

Из моего *первого периода* выглядывает ухмыляющаяся физиономия *иезуитства*; я имею в виду — сознательную иллюзию и ее насильственное внедрение в качестве *основания культуры*. Или же: *буддизм* и стремление к Ничто (шопенгауэровское противоречие между теорией и практикой непреодолимо). Жертвой первой опасности пал В<агнер>.

16 [24]

NB! История высшего человека. Выращивание лучшего человека чудовищно болезненнее. *Продемонстрировать идеал требующихся для этого жертв на примере Заратустры*: он покидает родину, семью, отечество. Жизнь в презрении к господствующей морали (его *презирают*). Мука опытов и заблуждений. Отказ от всех наслаждений, которые приносили прежние идеалы (их ощущают то как враждебное, то как чужое)

16 [25]

Наслаждение от причинения боли, потому что это приносит усиление чувства власти—более всего в том случае, если до этого оно было уменьшено, т.е. наслаждение от мести.

Наслаждение от *добрых дел* выросло на той же почве: *великодушие*—это сублимированная месть и поэтому *очень большое* наслаждение.

16 [26]

Все живое распространяет вокруг себя свою силу, насколько может, и подчиняет себе все более слабое—так оно испытывает наслаждение от себя самого. *Нарастающее «очеловечивание»* в этой тенденции заключается в том, что люди все *более тонко* ощущают, *насколько трудно* действительно *подчинить* другого: грубое насилие показывает нашу власть над человеком, но в то же время еще больше *отчуждает* от нас его волю—иначе говоря, делает менее готовым подчиняться.

16 [27]

Моральная оценка ценностей относится прежде всего к различению *высших* и *низших людей* (или каст). Мораль—это прежде всего самопрославление властных и презрение к тем, кто лишен власти. Не «добрый» и «злой», но «благородный» и «низкий»—вот первоначальное ощущение. Лишь **потом** благородными или низкими начинают называть и отличающие их *действия* и *качества*.

16 [28]

Вор действует не для того, чтобы обрести наслаждение властью, он не осознает то воздействие, которое оказывает на других своим поступком. То же относится и к *разбойнику* или

к тому, кто убивает другого, чтобы что-нибудь у него отобрать. Но они признаются, *что боятся нас,* следовательно———

16 [29]

В какой мере оскорбление можно признать несправедливостью? При оскорблении возникает *потребность в возмездии*—что это такое? Не путать с чувством, когда мы узнаем врага и пытаемся пресечь наносимый им дальнейший вред. Или когда хотим получить назад отобранное либо что-то другое взамен. Есть при этом и известное *ожесточение.* Сам по себе враг не воспринимается как плохой, но у оскорбленного почти всегда возникают *упреки в собственный адрес:* нельзя было быть такими беспечным, оружие наше было не в порядке, давно надо было обратить внимание на предупреждения и т.д. *Это недовольство самим собой* (т. е. *уменьшение уважения* к самому себе) и составляет главную причину такой ожесточенности в мести—и такой утонченности в ее исполнении.

Вследствие того, что все *оплачивается* и у всякой вещи обнаруживается эквивалент, фантазия стала выискивать эквивалент и нанесенному урону—и говорить о *возмездии.* Но в сущности намерения тут несколько *иные,* не сводящиеся только к *выплате компенсации.* Возмездие—лишь лицемерное украшательство того, кто мстит. «Вина».

Чувство мести исчерпывает себя, если обидчик унижен и компенсирует урон,—вот тогда он *побежден.*

Намерение в уроне изначально не принимается во внимание—важно лишь то, что урон нанесен и каков он, *после чего* следует наказание. *Урон оплачивается*—вот древняя форма, а *вовсе не враждебное состояние ума.* Возмущение возникает *от урона,* т.е. от *успеха врага,* а не потому, что он враг. *Чувство побежденного* состоит в потребности в возмездии, а не в ощущении несправедливости.

Месть, жажда возмездия—заключаются *не* в ощущении того, что совершена несправедливость, а в чувстве, что я побежден и теперь всеми доступными мне средствами должен восстановить собственное значение.

Несправедливость возникает лишь тогда, когда нарушен *договор,* когда таким образом попраны *мир* и верность

слову. Это возмущение *недостойным* деянием, недостойным предполагаемой тождественности ощущений. В этом должно быть нечто низкое, презренное, что ставит деяние на более низкую ступень. Ответное намерение может состоять лишь в том, чтобы *поставить* недостойное существо *на эту более низкую ступень*, отделить его от нас, вытолкнуть, унизить, опозорить. *Смысл наказания.*

Смысл наказания *не* в устрашении, но в поддержании общественного порядка, состоящего в том, чтобы поставить кого-то на более низкую ступень: *он больше не принадлежит к тем, кто* **равен** *нам.*

Всякое установление, которое *этого* достигает, достаточно. «Изгнание». В этом направлении должно развиваться уголовное право!

16 [30]

Заратустра 3. *Другим* дозволено **подчиняться** — а их тщеславие велит им представлять себя зависимыми не от великих людей, но от *«принципов»*.

16 [31]

Ожесточенность *против нас самих*, в мести, в мелких натурах быстро оборачивается возмущением против врага и желанием обвинить его в чем-нибудь *презренном.*

16 [32]

Насилие и высокомерие властных по отношению к подчиненным: развитие ума и человечности идет в том направлении, чтобы сделать это насилие и это высокомерие все более утонченными. Но как власти не наслаждаться собою!

Высочайшим отношением остается отношение *созидающего к своему материалу*: это последняя форма высокомерия и превосходства. И лишь в ней уничтожается *органическая форма*: подобно тому, как тело зависимо от импульсов воли и в то же время наслаждается самим собой, когда им лучше всего владеют.

16 [33]

Освобождение от морали.

Органическое—нравственное (соперничество аффектов и господство аффекта над интеллектом)

Месть, несправедливость, наказание.

Кто верит в добро и зло, тот никогда не сможет использовать зло в качестве средства для добра; всякое телеологическое мировоззрение обречено, если не абсолютно порывает с нравственностью.

Могла бы существовать история предубеждений по поводу питания; *при этом* остался бы вопрос: *какой ценностью* обладает тот факт, что едят именно то-то и то-то. Итак, вопрос: какой ценностью обладает тот факт, что в определенное время поступают так-то и так-то?—остается отделенным от вопроса: какую ценность придавали поступкам *раньше*? История *прежних* оценок и их обоснований есть нечто иное, чем сама оценка.

Ни один человек не скажет: в том, что камень падает, заключена мораль. Что ж! Человек поднимается—и в этом тоже еще нет морали!

Коллективная совесть. *Атавизм* в оценке неэгоистического.

16 [34]

Слабейший поддается и подчиняется, если месть не имеет смысла.

16 [35]

«Что определил Заратустра, то произойдет: как может его великая душа изменить свое решение!»

16 [36]

Запомним, что человек—хищник из хищников! Говорят, он любит себя,—но насколько же ничтожна эта любовь!

16 [37]

Заратустра замечает, что он существует не для друзей. «Кто мои друзья!» Ни для народа, ни для отдельных людей! *Ни для многих, ни для немногих! Преодолеть дружбу! Признаки* ее преодоления—в начале III части.

Эмерсон, с. 426. Изображение *мудреца.*

16 [38]

Разгадав Пану, Заратустра умирает от сострадания к ее состраданию. Перед тем – миг великого презрения (высшее блаженство!).

Все должно осуществиться, особенно то, что сказано в предисловии.

16 [39]

Предельная сдержанность, тончайшее умолчание препятствует *всякому большому успеху*: как только ч<еловек> *полностью сливается с истиной, он движет всей природой.* III часть Заратустры.

16 [40]

Речь идет о большем, чем о дарении: **о созидании,** *о насилии!* Основная мысль второго одиночества (Начало III части).

Наши «подарки» опасны!

16 [41]

Овладение человечеством с целью его преодоления.

Преодоление через учения, от которых оно погибает, **исключая те, которые их выносят.**

16 [42]

Поначалу все отворачиваются от Заратустры (*изобразить это шаг за шагом!*) Заратустра в восторге, ничего не замечает. Пана хочет его убить. *В тот миг, когда она замахивается кинжалом, Заратустра все понимает и умирает от боли, вызванной этим состраданием. Четко изобразить это!*

16 [43]

«Истина», «уничтожение иллюзий», «в том числе и *моральной* иллюзии» – как **великое средство преодоления** человечества (его **саморазрушения!**). III часть.

NB. Все болезненные трудности развития, изображенные на примере Заратустры, следует показать, в первую очередь, как *страдания высшего человека,* которые он испытывает от общения с посетителями.

16 [44]

«*Из любви причинял я величайшее страдание*, теперь же я уничтожен страданием, которое причинил —

16 [45]

Когда все уходят, Заратустра протягивает руку к змее: «что посоветует мне моя мудрость?» — и она кусает его. Орел рвет ее на куски, лев бросается на орла. Увидев битву своих зверей, Заратустра умирает.

16 [46]

Нет времени для меня? Хорошо, я подожду. Какой смысл во времени, у которого «нет времени»!

16 [47]

Благодарственная молитва выздоравливающего Заратустры.

16 [48]

Заратустра как «осень», как «плуг» и т.д. — различные мелодии!

16 [49]

Речь о невинности становления. Прославление sub specie aeterni[1].

Освящение самого малого.

Приносящие клятву.

Новые короли.

Разрушение скрижалей (из части 4, начало 3 сцены)

Великий человек как *соперник великой природы*.

Два движения (к последнему человеку и к сверхчеловеку).

Освобождение зла.

Гораздо более долгая юность во многих странах, ремеслах и искусствах — детство.

Новые учителя как предваряющие высших художников (придающие им тип)

Тяжелейшее познание как молот.

---

1 С точки зрения вечности (*лат.*).

Похвала милосердию (в пользу грядущих)

Заклинание врагов! (они нужны нам ради наших идеалов!)

Превратить наших равновеликих врагов в богов и таким образом возвыситься и испытать превращение!

Единство созидающего, любящего, познающего — во власти.

Воля к страданию — к глубокому восприятию страдания — как средство превращения.

Паразит как плохой. Мы не должны лишь наслаждаться бытием: неблагородно.

Ликующая совесть: как молитва.

Против хвалы и хулы. Светить на столетия вперед; предопределение будущего.

Победа над прошлым — а затем излечивающее забвение, божественное окружение.

Священный смех.

Утешительная песнь (на мою музыку).

Учение о вечном возвращении — *поворотный момент истории.*

16 [50]

Одиночество *на какое-то время* необходимо, чтобы существо полностью и всецело стало — исцеленным и твердым.

Новая форма общности: утверждаться посредством войны. Иначе дух становится вялым. Никаких «садов» и простого «уклонения от масс». Война (но без пороха!) между различными мыслями! И их войсками!

Новое благородное сословие, посредством выращивания. Праздники основания семей.

Новый распорядок дня; физические упражнения для всех возрастов. Соревнование как принцип.

Половая любовь как соревнование за принцип становления, будущего. «Господству» учатся, упражняются в твердости и в мягкости. Едва овладевают каким-либо состоянием, как уже стремятся следующему.

Учиться у злых, давать и им возможность участвовать в соревновании. Использовать вырождающихся. *Наказание* должно быть наделено правом на *использование* преступ-

ника — в качестве объекта для экспериментов (для нового пропитания); наказание освящается *употреблением* некоторых для величайшей пользы грядущих.

Мы *щадим* свою новую общину, потому что она представляет собой мост к *нашему* идеалу будущего. А *для* него мы работаем и заставляем работать других.

Места жительства.

Вид общности.

Войны.

Новая аристократия.

Опыты (наказания и пр.)

Освободить женщину в женщине.

Многочисленные блуждания души индивидуума. Долгая юность.

Время одиночества.

Новый выбор места жительства (индийцы как предупреждающий пример!)

Освободить женщину в женщине!

Телесная сила должна быть на стороне величайших мыслей — пока должна идти война между отдельными мыслями!

16 [51]

План к Заратустре III.

Заратустра 3: **переход от свободного духа** и отшельничества к *необходимости* **властвовать**; дарение преображается — из него возникает воля учиться принуждению брать. *Тирания художника первоначально как укрощение и закаливание самого себя!*

Психология властвующего. (Потребность *в друзьях оказывается* потребностью *художника в инструментах*!)

Заратустра 3: поначалу бегство от «неизъяснимой истины», скепсис, поношение самого себя, преднамеренная слепота, нарастающая нищета, чувство слабости. 7 одиночеств — попытка спрятаться, отдохнуть в одном из прежних миросозерцаний. *Возражения* против его учения

не заставляют себя ждать. Соблазнители тоже. (Вставить «утешительную песнь».)

Самое тяжелое страдание—не из-за него самого, а из-за того, что от его учения истекают кровью его *самые любимые*. Но в то же время благодаря этому переживанию Заратустра возвышается до величайшей твердости по отношению к самому себе и к ближним и начинает *думать только о «будущем»*.

В конце—*лев*, третье животное Заратустры,—символ его **зрелости** и **мягкости**.

«Благодарственная молитва выздоравливающего»: ею заканчивается 3 часть.

16 [52]

Любовь к друзьям пытается заставить Заратустру удержать при себе свою *великую истину*—и после того, как он сам вполне ее осознал. *В этом проблема властвующего*: **он жертвует тех, кого любит, своему идеалу**.

16 [53]

Союз жертвующих собой на *могиле* Заратустры. Ранее они убежали от него; теперь, когда они находят его умершим, они становятся *наследниками* его души и поднимаются на **его высоту**. (Это последняя сцена Заратустры 4— *«великий полдень» -ясное-глубокое небо*)

16 [54]

Все *предостерегает* Заратустру от того, чтобы говорить дальше: предзнаменования. Его прерывают. Один убивает себя, другой сходит с ума. Настроение божественной дерзости у художника—ему *нужно* к свету. Когда же он *одновременно* показал истину вечного возвращения и сверхчеловека, его захлестывает сострадание.

Его нарастающее возвышение (*при этом возвышении он проходит все ступени* **зла**—*ради своей цели. Он* **учитель** *зла, твердости и т.д.*) и «сияние на альпийских вершинах»—а у его слушателей нарастающее помрачение. Под конец дождь и т.д.

16 [55]

План к Заратустре 4.

1. Шествие победителей, город, охваченный чумой, символический костер для сожжения. 30
2. Возвещение будущего: его ученики рассказывают о *своих поступках.* 30
3. Последняя речь с предзнаменованиями, перебивами; дождь, смерть. 30
4. Союз на его могиле — прославляющие — великий полдень — ясный, полный предчувствий и *жуткий.* 30

16 [56]

«Хочешь этого снова?»

Прозорливость относительно своего дарения и учения, о любви к своим друзьям.

Он чувствует, что на нем лежит высочайшая ответственность.

Что счастье!

Воля к страданию и сила характера для *пути* (холодные, суровые, паразитирующие).

Эксперимент — всякая настоящая жизнь!

Мораль до сих пор — от слабости: *желание* авторитета и придумывание себе опоры.

Противоречие между добром и творчеством — в этом проблема мудрости.

16 [57]

Инстинкты будущих людей уже здесь и требуют удовлетворения — хотя мы еще и не осознали их. Так, даже в значительном индивидууме есть видимая забота о потребностях, которых еще нет.

16 [58]

Вот речи о семи одиночествах, с которыми Заратустра обратился к своему сердцу, когда он покинул своих друзей и зверей; в ту пору он охотно покинул бы и себя самого.

16 [59]

Нужно освободить женщину в женщине!

16 [60]

Недостаточно создать учение, нужно еще *насильно изменить* людей, чтобы они его приняли! — Заратустра наконец-то понимает это.

16 [61]

Нужно преодолеть *прошлое в нас*: по-новому скомбинировать инстинкты и все их вместе направить к одной цели, что очень трудно! Это вовсе не только злые инстинкты, которые нужно преодолеть: так называемые добрые инстинкты тоже нужно подчинить себе и по-новому освятить! Искушения:

предаться отдыху в прежних миросозерцаниях.

Насмешливый скепсис и самоуничижение: что ты можешь «создать»!

«ты недостаточно силен! Предоставь это сильным!» Наслаждайся своей усталостью! Восхищайся собой!

уговори себя, что твое сострадание — добродетель и что ты жертвуешь своим познанием ради счастья других.

Признайся себе, что эта воля к созиданию — желание господства, которое нельзя удовлетворить на ближайшем пути. «Друзья»? Ты хочешь иметь *инструменты*!

И к чему излагать эту истину! Даже если бы тебе было *позволено* верить, что это истина! Для тебя больше нет никаких обязательств! Никакого «долга перед истиной»!

Ты отравляешь всем наслаждение насущным, ты сам учитель великой усталости!

ты ослабляешь добродетель и делаешь ее менее достойной похвалы, т.е. менее желанной. Ты *крадешь* у человечества силы, необходимые, чтобы бежать к цели!

16 [62]

Степень психологической утонченности определяет, *трактует* ли кто-либо свои действия как добрые или злые. И не только утонченность, но и его мстительность, досада, добродушие, легкомыслие и т.д.

16 [63]

NB. *Сама мысль не высказывается в третьей части* — лишь подготавливается.

Сначала—*критика* всех прежних учений.

Какие средства утешения он утратил.
веру и доверие к высшей мудрости и доброте
веру в добро, голос долга и т.д.

Дурная совесть (к чистой совести примешивается страх, недоверие к себе, скепсис, необходимость молчания, подмена и т.д.)

Песнь парящего.
Человек как соперник великой природы.

Страх перед последствиями учения: может быть, из-за него погибают лучшие натуры? А худшие его принимают?

Решение в Заратустре III: ты должен возвыситься над моралью, ты ее разглядел; все твое *уныние—ее* последствие.

нет для человека иного средства *преодолеть себя.*

Самое малое умолчание парализует всю его силу: он чувствует, что до сих пор *уклонялся* от одной мысли—и теперь она со всей своей силой обрушивается на него! Это борьба: кто достаточно *силен*—Заратустра или мысль?

Зачем истина? Это *стало* сильнейшим инстинктом—воля к истине! Заратустра не *может* иначе!

буду ли я считать отныне вперед или назад—я держу в руках ленту бесконечности и———

Глупцы говорят: «но тогда бесконечность была бы уже завершена»; но нужно хранить чистоту в различении слов и не называть один раз началом то, что в другой раз назовешь концом.

Его успокоение: он не предвидит последствий!

величайшая мысль действует всего медленнее и всего позже!

его последующее воздействие—это эрзац веры в бессмертие: он умножает добрую волю к жизни?

Может быть, он и не прав,—пусть другие поборются с ним!

16 [64]

1. Одиночество в стыде, слабости и молчании перед великой мыслью.

Зачем истина!

2. Одиночество, утратившее всякое утешение.

3. Одиночество с искушениями.

4. Одиночество без друзей и даже с сознанием, что друзьями надо пожертвовать.

5. Одиночество высочайшей ответственности.

6. Одиночество в вечности, *по ту сторону морали*: созидающий человек и доброта. Нет иного решения, как *создать* другое существо, которое не будет страдать так, как мы.

Детерминизм: «я – *фатум* для всего приходящего!» – вот *мой* ответ детерминизму.

7. Одиночество больного. Утешительная песнь. Усталость, умолкание. Исцеление страданием.

13 с<траниц> каждая. Всякий раз преодолевающая мысль в конце.

NB. *Все сомнения есть признак воли к страданию, углубление боли – когда боль достигает своей наивысшей точки, Заратустра отбрасывает ее:*

великий заключительный момент (лев): **я хочу!!!**

Гимн в конце – *победоносный.* (10 страниц)

16 [65]

Третья часть – это самопреодоление Заратустры как *образец* самопреодоления для всего человечества – в пользу сверхчеловека.

Для этого необходимо преодоление морали.

Ты жертвуешь своими друзьями – они достаточно глубоки, чтобы от этого погибнуть; и они еще не создали мысль (что еще удерживает *меня*!)

Вот последний контраргумент, который выдвигает против себя Заратустра, – самый сильный *враг. Теперь Заратустра созрел.*

В 4 части Заратустра умирает, когда видит боль своих друзей и они его покидают. Но после смерти на них нисходит его дух.

Институты как *последействия* великих одиночек и как средство укоренить великих одиночек – пока не образуются плоды.

16 [66]

Борьба за применение *власти*, которая представляет человечество! Заратустра призывает к этой борьбе. (4 ч<асть>. Речи Заратустры)

16 [67]

Эвдемонистически-социальные идеалы ведут людей *назад* – они, может быть, добиваются возникновения весьма полезных *видов работников*, они изобретают *идеального раба будущего* – низшую касту, *без которой нельзя обойтись*!

«Счастье познающих» и их *прежняя* **глухота** к результатам познания – насмешливая песнь.

16 [68]

Краткая движущая сила у художников: они останавливаются на запечатлении своего идеала и *не следуют сами этому идеалу* – насмешливая песнь. А тем более публика! *Они должны быть учителями* – эти художники!

16 [69]

Скольким *жертвует* полководец, князь, человек, ответственный за себя самого, – это нужно чтить!

16 [70]

На самом деле люди всегда пытаются *обойтись* без великих одиночек, сбиваясь в объединения и т.д. Но они полностью зависят от этих образцов.

16 [71]

Конфликт господствующего – это *любовь к дальним в ее борьбе с любовью к ближним.*

Быть созидающим и *добрым* – это не противоположности, но *одно и то же*, только в *дальней* **или** *ближней* перспективе.

16 [72]

Слабые должны слушаться.

16 [73]

Обрести меру и середину в стремлении преодолеть человечество — *для этого нужно отыскать высший и сильнейший тип человека!* Изображать высшую тенденцию **в ее самых малых проявлениях** — совершенство, зрелость, краснощекое здоровье, мягкое проявление власти. Ежедневно трудиться, как художник, в каждом произведении доводить себя до совершенства, быть безупречным. Честность в признании истинных мотивов, как и подобает властным.

NB. *Безумие тоски* может все погубить!

16 [74]

NB. Внутренние трудности третьей части в конце должны оказаться *излишними*: они должны сами *себя устранить* перед лицом **главного прозрения**.

16 [75]

Всякая жертва, которую приносит господствующий, взвешивается стократно.

16 [76]

Возможно, главное прозрение: само органическое — это закон, мы не *можем* иначе; абсолютный детерминизм. Множество возможностей, которые мы *видим*, запутывает нас.

16 [77]

Наибольшая масса силы одиночек так же расточительна, как солнце. Разве нет?

16 [78]

Любой факт, любое произведение обладает *новой* значительностью для каждого нового времени и каждого нового типа человека. История всегда высказывает *новые истины*.

16 [79]

Заратустра 3. *Вся* эта **нужда** *вопреки страданию* явилась из чувства, что сил еще недостаточно, — *инстинкт* слабости, который поначалу *препятствовал* действию (даже самому высказыванию мысли!). *Воля к страданию мгновенно* появляется тогда, когда *власть* **достаточно велика**.

«Самый тихий час» был искушением.

16 [80]

NB. Настроение Заратустры *лишено* безумно-нетерпеливого ожидания сверхчеловека!

в нем есть **покой**, **ожидание**, но всякое *действие* приобрело **смысл** в качестве пути и средства — и должно быть выполнено **хорошо**, **совершенно**.

Покой великого потока!!! Освящение мельчайшего!!! *Всякое беспокойство, сильную тоску, всякое отвращение* нужно изобразить в 3 части — и **преодолеть**!

(кроткая мягкость 1 и 2 частей) и т.д.; *все* это признаки *еще не* уверенной в себе силы!)

С *выздоровлением* Заратустры предстает **Цезарь**, неумолимый и добродушный, — уничтожается пропасть между созиданием, добротой и мудростью. Покой, свет, *отсутствие чрезмерной* тоски, счастье в *правильном, в духе вечности использованном моменте*!

16 [81]

По ту сторону середины жизни — окончательная, безвозвратная жертва!

16 [82]

(4) Речи: великая *честность* относительно *морали* — как и подобает властному.

Собрание захватывающих вещей жизни.

16 [83]

(Заратустра 3.)

Рекапитуляция: во что бы то ни стало создать сверхчеловека. Но ты влюбляешься в своих друзей и в себя самого! Мысль отяжелила нас.

1. Прозорливость.
   Скитания по морю.
2. Заклинание истины.
3. По ту сторону середины жизни—безвозвратная жертва.
4. Насмешливая песнь о пессимистах.
5. Я как фатум.
6. Великая природа и человек.
7. Песнь парящего.
8. Что друзья! Похвала друзьям (погибшим), тихим созидающим, приукрашивающим мир. Похвала *надежде*—только теперь!
9. по ту сторону добра и зла
10. Насмешка над теми, кто доверяет жизни.
11. Насмешка над художниками.
12. Сочувствие господствующим и их страданиям.
13. Скепсис как искушение.
14. Истина—ложь.
15. О, если бы был тот, кого я могу проклинать!
16. Разговор с молнией. Я сам прорицатель.
17. Понимание, что чувство *слабости* ведет его дух.
18. Желая сочувствия, он ищет своих зверей и находит пещеру разрушенной.
19. «Великое презрение» Заратустры.
20. Искушение самоубийством. Змея в горах.
21. Болезнь. Забытье.
22. Радуга. Львица с голубями. Похвала первозданной природе, которая все устраивает к своему счастью.

против отшельничества

16 [84]

(Заратустра 4.)

1. Приглашение.
2. Триумфальное шествие.
3. Благодарственная песнь выздоравливающих.
4. Великий полдень.
5. Новая общность. Я нашел человека *низким*, мелкие добродетели, мелкие дурные свойства.
6. Куда? (места жительства)

7. Новое благородное сословие и его воспитание. (множественность и единство) (*властные* и *малые*)
8. Женщина в женщине.
9. Ульи и рабочие. *Малые* и их добродетели
10. Разделение времени и дня. Одиночество. Простота пропитания. Преодоление различия между «богатыми и бедными».
11. Новые войны (против тех, кто лишь наслаждается).
12. Наказание и злые. Новая жалость в пользу грядущих. Злые как разрушители достойны уважения. Ибо разрушение необходимо. Кроме того и как источник силы.
13. Жизнь как опыт: счастье в *угадывании* или *испытании* (скепсис). Смерть и наслаждение в устранении себя — как препятствия жизни.
14. Разбивание скрижалей. Идеальный «законодатель». Клич герольда.
15. Освященное Я. «Себялюбие и любовь к господству» прежде всего. Тейхмюллер, с. 131. Реабилитация всех инстинктов, доселе осуждаемых как слишком сильные и неуместные.
16. Спасение предшественников. Великий полдень, полный объединенных противоречий.
17. Похвала холодному диалектическому разуму как царскому = сильному для чувства. Благодарное око. Отторжение чудовищного.
18. Освящение смеха и танца. (тело как свидетельство роста)
19. Порядок празднеств.
20. Невиновность становления. Борьба со случаем, новое «бессмертие». «Воля к страданию»
21. Великий вопрос.
22. Восхваляющие.

16 [85]

К *выздоровлению* Заратустры — в конце *третьей части*.

Заратустра размышляет подобно богу — стоит ли ему делиться своими мыслями с людьми. Каковы мотивы бога по отношению к человеку?

Перетолковать религию с этой точки зрения: отношение бога к человеку.

Заратустра 3. «*Я* сам счастлив» – когда он **покинул** людей, *он возвращается к себе самому. Отступает* от него словно облако. Тип *жизни* для сверхчеловека – как эпикурейский бог.

божественное страдание – содержание 3 части Заратустры.

человеческое состояние законодателя привлекается только в качестве примера.

его сильная любовь к друзьям представляется ему теперь болезнью – он снова успокаивается.

Когда поступают приглашения – он *мягко отказывается.*

Главное учение: в **нашей** *власти преобразовать страдание в благословение, яд – в пищу*. Воля к страданию.

Человеческое налетело на меня, тень его легла на меня, и тут я испытал слабость.

16 [86]

Господствовать? Навязывать мой тип другим? Отвратительно! Разве мое счастье не в том, чтобы наблюдать множество *других*? Проблема.

Призывать к борьбе за власть именно тех, кто охотно прячется и желал бы жить для себя самого – а также мудрецов, благочестивых, тихих! Насмешка над их *услаждением* одиночеством!

Все *творческие* натуры борются за влияние, даже если живут в одиночестве; «*посмертная слава*» – лишь фальшивое обозначение того, чего они хотят.

Чудовищная задача господствующего, который воспитывает себя самого: вид человека и народа, которым он хочет править, должен быть подготовлен в нем самом; *вот где* прежде всего нужно ему стать господином!

Всякая добродетель и самопреодоление имеют смысл только как подготовка *господствующего*!

Против всех **лишь** *наслаждающихся*! Одиночество тоже самоуслаждение, даже если это одиночество самоистязающего.

Мой алмазный меч рассекает любую тьму: теперь я стал ясновидящим — ведь я слишком долго желал ясновидения!

Удачные дни хотят ходить на крепких ногах.

Требование: новый закон должен быть *выполним* — а из его выполнения должно вырасти преодоление и более высокий закон. Заратустра демонстрирует отношение к закону, *устраняя* «закон всех законов» — мораль.

Законы как хребет.

работать над ними и созидать — исполняя их. Традиционное рабство *перед* законом!

Заратустра сам стал мудрецом, который радуется своей глупости, и бедняком, который радуется своему богатству. Сцена: *шут и бедняк* в 4 части.

Я хочу утвердить не идеал мудреца, а *сто идеалов глупцов*. Заратустра 4.

Против брюзгливого актерского стоического величия «мудреца».

Тип законодателя, его развитие и его страдание.

Какой смысл вообще имеет — давать законы?

Заратустра — это герольд, созывающий множество законодателей.

(К 4 части.) Сначала законодательство. Потом, после того как благодаря ему созданы предпосылки для возникновения сверхчеловека, — великий и ужасный миг! Заратустра провозглашает учение о вечном возвращении — которое только теперь впервые становится **выносимым** и для него самого!

16 [87]

Если окружающие люди суть *лишь некое наше восприятие*, тогда *господство* — нечто вроде *само-обладания*, и воля быть господином равняется высшей степени победы над собственным страхом и состраданием и превращению другого в *нашу* функцию — т. е. созданию организма.

16 [88]

Права, которые я завоевал *для себя*, я не *отдам* другому, он сам должен *похитить* их! Подобно мне — пусть возьмет их у меня *силой*! Поэтому должен быть закон, который

исходит от меня и как будто хочет всех кроить по моему подобию, — чтобы в противоречии с ним отдельный человек открыл сам себя и обрел силу.

Новая оценка человека; прежде всего вопросы:
сколько в нем власти?
как много в нем инстинктов?
насколько он способен к сообщению и восприятию?
Господствующий как *высший* тип.
Оплодотворить прошлое и зачать будущее — вот что для меня настоящее!

Сам Заратустра — шут, прыгающий через бедного канатоходца, — к 3 части; насмешка над самим собой.

Первая сцена третьей части, может быть, «Странник» и разговор с **молнией**, которая **неожиданно** проясняет: так же неожиданно проясняется для него его воля.

Насмешка над рабской *покорностью* в морали (старому закону какого-нибудь человека)

Сформировать продолжительного индивидуума (*народ*), чтобы его мысли перевести в плоть, кровь и волю

Кто *берет* себе право, тот не *отдаст* его другому, но станет противиться тому, *кто попытается его взять*: любовь отца, который противится сыну.

Великий воспитатель как природа: он должен громоздить *препятствия*, которые надо *преодолеть*.

Против всех наслаждающихся: неблагородно только *так* относиться к жизни! Всякое наслаждение воспринимать как *отдых*! Только тогда бывает подлинное наслаждение!

Всего сильнее нас наказывают за наши добродетели.

Человек придает поступку ценность — но как поступок может придать ценность человеку?!

Прохладно, светит луна, на небе ни облачка — стоит не жить.

16 [89]

Заратустра, начало 3 части. Рекапитуляция. Ты хочешь учить о сверхчеловеке — но ты влюблен в своих друзей и в себя самого и создал из жизни усладу. Блаженные

острова размягчили тебя — и вот ты становишься *угрюм* и страстен и косишься на своих врагов. Признак слабости: ты уклоняешься от мысли.

Но ты должен уговорить мир и уговорить человека разбить себя.

(Реформатор, увядающий в собственной общине: враги его недостаточно сильны. Тогда должен появиться его главный враг — мысль.

Мысль как возражение *против* жизни и ее продолжения)

16 [90]

Угрызения совести: месть себе самому.

и этот совет советую я всем врагам моим и всем оплевывателям и охаркивателям:

как учитель великого презрения (в предпоследнем)

Как иначе вынес бы я это — учить вас великому презрению? —

17. Осень 1883

17 [1]

А если однажды не станет у тебя сил выносить жизнь, ты должен постараться полюбить ее — такой всегда была уловка мудрецов.

Поистине самым смелым приемом их искусства была вера в бога — именно тогда, когда они чувствовали близость дьявола.

Они научились менять имена — и так вводили себя в заблуждение относительно вещей: вот в чем все искусство этих мудрецов!

Для собственной пользы большинство людей слишком помешаны: их счастье делает их сумасшедшими.

Они жертвуют всем ради чего-нибудь одного — ради какой-нибудь любви; это упрямство и влечение к себе витает над всеми.

Из любви их проистекает горячее безумие — но оно плохой счетовод и презирает добродетели торгашей.

Но добродетели торгашей, пальцы торгашей, к которым прилипают деньги, их холодный глаз — все это даже ниже достоинства зверя.

Все, за что можно заплатить, немногого стоит: это учение я выплевываю в лицо торгашам.

Есть вещи, хотя торгаши этого и не подозревают, в присутствии которых говорить о деньгах бесстыдство.

Деньги ходят по всяким рукам — поэтому учись прикасаться к деньгам в перчатках.

Благословенна небольшая бедность: ибо все торгаши стремятся к большому богатству.

17 [2]

Торгаши учителя инструменты князья	} все они представляют ценность друг для друга

О *злых* (стремящихся к господству — в этом *признак* зла).

17 [3]

Кто всегда слишком щадил себя, в конце концов от этого заболевает.

Он говорит хриплым голосом — но вовсе не из-за грубости души: любой ветерок делает этого неженку хриплым!

Лучшая, плодороднейшая страна — *в конце* (*о злых*)

17 [4]

Заратустра потешается над прежними нападками на злых и себялюбивых, страстных (в пользу *слабых*).

17 [5]

Нередко отчаявшегося можно научить силе не иначе, как говоря о его слабости.

Одни — *обжоры*, другие — лакомки; те и другие достойны презрения!

Родители и взращиватели

17 [6]

Против **шума**

Посредством питания можно образовывать и преобразовывать душу

солевыми ваннами и упражнениями — неужели не исцелить больные души?

Некогда и над кухонной ступкой произносили клятвы и заклинания

Чтобы изменить душу, нужно изменить тело.

Священные железные опилки и костяные осколки, египетские ночи, запертые в ларцах,

угли, брошенные в огонь, совсем его потушили — он был слишком мал

17 [7]

О, эти узкие затхлые души торгашей! Когда монеты прыгают в сундук, торгаш прыгает вслед за ними.

У кого душа была кошельком и чьим счастьем были грязные бумажонки — как же может очиститься их кровь?

До десятого колена еще течет она бледной и ядовитой, с запахом гнили.

бледной и пенистой

17 [8]

Этому разучились: нет больше добродетели для всех,

есть высшие и низшие люди: одинаковые права для всех — вопиющая несправедливость.

17 [9]

О торгашах.
Об учителях одного дня.
О князьях.
О законах.
О благочестивых.
О быстроте.
Великое проклятье.
Город.
— О науке — Посещение шута. — Издевки.
— Заратустра ищет пещеру. Символ.
— Отшельник. — Речь.

17 [10]

И если я не могу жить, как мне угодно, тогда я не хочу жить, — так думает и самый святой.

Хочет ли инстинкт быть *удовлетворенным*? Хочет ли он от себя самого свободы и мира? Хотела ли когда-нибудь воля без-волия?

Созиданием — вот чем занят любой инстинкт: даже когда он на какое-то время засыпает — лишь для того, чтобы проснуться для созидания!

Но вы извращаете сущность воли до отвращения и воли против себя

вы неправильно толкуете голос *усталой* воли

Не есть ли сон изобретение смерти? А кто хочет спать — тот устал до смерти? Сопеть и храпеть может и самый живой.

Писаки и пискли, заядлые бездельники, пыхтящие честолюбцы, назойливые и бесстыдные.

«Повседневной добродетели достаточно» — и в добродетели нужно учиться скромности

17 [11]

Об умалении.

Большой город как костер, на котором сгорают:

1) глубокие мысли и т.д.

беспомощен как труп

17 [12]

Берегитесь, богатые: ваша мелкая благотворительность множит нетерпение и возмущает больше, чем любая скупость: вы истекаете подобно толстым бутылям с узеньким горлышком — нередко уже ломали горлышки таким бутылям.

Этот сосед и его мелкая нужда, этот город и его мелкое счастье — все это медленно разжижает твою силу: ты разучиваешься причинять великую боль.

17 [13]

Довольные свиньи или доходяги попрошайки — неужели нет никакого другого выбора?

Сладострастный глаз над желчной душой

Когда откапывают мертвых, многие живущие заболевают: под насыпью живут болезни и дурные испарения.

Могильщики выкапывают себе болезни———

Мы начинаем как подражатели и кончаем так, чтобы нам подражали, — это наше последнее детство.

Жалость самого великого тверда, словно рукопожатие великана.

Я желал быть светом для вас, но я вас ослепил; так сетует всякое солнце, выжигающее глаза.

Как пройду я через городские ворота? — сказал Заратустра. — Я разучился быть карликом.

Самое великое в великом — от матери: отец лишь случай.

Что они должны рожать, называется у них будущим; они не понимают своего счастья и не гордятся «свободой».

Спускаясь со своих снежных вершин, я могу найти любой цветок; я слишком человек, я еще и почти зверь.

И бешенство мое мне подвластно

и не ко всякому, кто зовет их, приходят дети.

Вы кашляете, но это не довод против сильного ветра.

Пасть ваша рычит: есть и пить! Брюхо ваше при этом рычит: побольше! Похотливый глаз ваш: хорошо!

Ах, сказал Заратустра, не могу я избежать ада — подземного мира, где все мертвое восстает *против* меня и где все тени говорят: жизнь — это пытка.

Болезни ваши восстают против вас и обвиняют вас в добродетелях, которыми вы кичитесь; а что не годится вашему телу, то———

От ваших публичных мнений вы делаетесь еще больнее, чем от ваших публичных девок, — и это самые тайные ваши болезни.

Великое лицемерие царит между вами: те, что приказывают, лицемерно хвалят добродетели тех, что повинуются.

Рожденный господствовать, где мог бы я отыскать учителя господства? Поэтому пытаюсь я уговаривать там, где должен был бы приказывать!

Но уговоры означают лесть высших по отношению к низшим и господина — — —

И лишь когда все идет по нашей воле, все идет и по нашему желанию.

Извивается, словно перед пыткой: не говорит, но пытает себя молчанием.

О, Заратустра, защитник жизни! Ты должен быть и защитником страдания!

Люди должны стать злее. Заратустра 4: это самая большая боль моя — я должен *сделать* их злее!

а там, где я вижу длинные пальцы торгаша, я предпочитаю выбрать худший жребий.

Черное печальное озеро раскинулось перед тобой — и это тоже нужно тебе преодолеть!

жить среди карликов

Сплющенные дома вижу я — должно быть, ребенок вынул их из коробки. Сплющенные души

В темноте иное ощущение времени, чем при свете.

испорчен множеством мелких успехов — все ему давалось легко — искренен и приветлив, но низок, подобно двери, через которую не пройдет великан.

Мудрая забывчивость и искусство ловить любой ветер в свои паруса—две новые добродетели.

Лишь тот, кто плывет к своей цели, имеет попутный ветер.

Перехитрить случай и вести его за руку—приведите ко мне случай, он невинен как дитя.

Учение о *жизни* в Заратустре 4: ужасающе-дифирамбическое.

Семена жизни, разбрасываемые от звезды до звезды.

Красота скрывает мужчину

—чтобы сделаться гладким и твердым, нужно вывести в толпу свое тайное одиночество.

«это причиняет боль, значит, это плохо»—это старейшее и новейшее заключение и вообще самая вульгарная из вульгарных вещей.

С тех пор как я узнал о происхождении плохого, я смеюсь над всякой болтовней о хорошем и плохом.

По ту сторону хорошего и плохого

Я почитаю добродетель, когда она—осторожность беременности; но что мне до добродетели бесплодности!

17 [14]

Бережность к самим себе, мудрая забывчивость, блаженство надеющегося, мягкость того, кто еще прячет свое одиночество,———

Страх сделал людей неподвижными: слабость их выросла из страха перед чудовищем «себя- и властолюбие».

Что же ты, чудовище, воешь в ночи? Извиваешься в муках, чем же утешить тебя?

Дурным сном спишь ты, дурные сны видишь и стонешь от дурных мыслей.

Вы желаете добра себе и даже мне — зачем же мне причинять вам боль своею болью!

Я могу причинить много зла вам и мало добра — так дайте же мне помолчать!

Я печален вместе с тобой и досадно мне за тебя: как жаль, что я недостаточно силен, чтобы избавить тебя от злых грез!

Широко раскрыты глаза твои, сонные, полумертвые, печальные глаза, — раскрыт рот твой и булькают в нем, задыхаясь, звуки

страх перед тобой парализовал их — почтение вновь расковало им ноги

теплое дыхание, протянутые члены

сонный — с открытыми глазами и все же без взгляда в них, потерявший сам себя, что-то ищущий в раздражении

в бурю я доверяю тебе еще больше

неисчислимые мести твои и оскаленные зубы

Так лежит предо мной судьба моя, словно море, в темной печали, раздосадованная, постаревшая, еще заспанная, с открытым ртом, в забытьи.

Ах, открытое око, еще без взгляда, тепло дышащее, [——]

17 [15]

Вот печальное черное море, подобно судьбе моей, раскинулось предо мною — открытое око, сонное и еще не смотрящее на меня.

Ах, море дышит теплым дыханием, подобно судьбе моей, мечется оно на своей подушке из скал и стонет от злых предчувствий.

Я печален вместе с тобой, темное чудовище, и досадно мне за тебя. Как жаль, что я недостаточно силен, чтобы освободить тебя от злых грез!

— Что ты делаешь, Заратустра? Ты хочешь песнью утешать море? Бывал ли ты уже сочувствующим зрителем собственного будущего?

Ах, ты, любвеобильный глупец, обильный доверием! Даже ко всему страшному! Каждое чудовище хочешь ты погладить!

Дуновение теплого дыхания, немного мягкой шерсти на лапах — и вот уже льются из флейты твоей манящие звуки; поистине, тоскуешь ты по *всему* живому!

Лучше бы ты верил своей судьбе, ты, блаженно-доверчивый, когда она, подобно морю, ревет тысячью глоток: лучше уж их оскал во время бури, чем эта черная ночная досада!

Нежность твоя ко всему живому — вот опасность твоя, о Заратустра! И горе тебе, если не будет у тебя созидающей воли!

Но созидающие должны стать твердым молотом! Ко мне, ты, ужасный кузнец, сам кующий твердый молот.

17 [16]

Ныне все устроилось к лучшему! Ибо лавочники носят сабли и усы, да и сам полк достался кривоногим.

Ныне все устроилось к лучшему!

Лучшие правители лишены принципов, таких как счастье для народа, — и мои лучшие друзья среди них

Он не жаждал преступлений, вкус его был слишком здоровым и светлым для подобных соблазнов.

Но он не щадил и себя и совершал преступления, пойдя короткими путями.

А если прямая линия совсем не путь, кратчайшим путем будет непрямой

Лишь кораблекрушение выбросило его на его обетованную землю

Величайшая опасность лежит позади нас — там, где находятся блаженные острова

Я невысокого мнения о молитве, тем более о проклятии, — а теперь призываю вас проклинать всех трусливых дьяволов, что визжат и хотят, сложа ручки, молиться.

море сошло с ума — белоснежное чудище еще достаточно снег, чтобы себя выпить и сойти с ума.

А теперь вы толкуете мне о молитве

Козы, гуси и прочие крестоносцы, ведомые святым духом

тебя вскроют ножом: они думают, что ты проглотил злато

Я Заратустра, безбожник, — кто безбожнее меня?

рассказ вечером у костра (вместо учения)

возлагая корону себе на голову

с голосом, похожим на грифельный штифт.

они всюду ползают, словно вши

вожделение любит сумерки: приключение подобает дню.

Увы, кто бы стал их развлекать, если бы это не было их пропитанием!

Они должны сражаться с диким зверем голодом, иначе их развлечение будет развлечением диких зверей — с нами.

Есть услужливые и служащие, есть и самостоятельные — они должны поставить самих себя.

Итак, пока я хвалю себя сам. Теперь пора и вам хвалить меня.

чахлые и больные

позеленевший и огорченный

к тому, что живет рядом, быстро привыкаешь, а где засиживаются на одном месте, там вырастают обычаи.

и всегда я буду при вас как масло в воде – сверху; разве что нас сильно взболтают.

рабски и сломленно

Вы называете это ходулями – но это сильные ноги гордости

Он вздымается и переливается через все края: быть может, его заквасила судьба?

строптивый и самому себе плохой жених

«нечаянность» – плохая аристократия, хотя и самая старая

трубачи и прочие бабочки

17 [17]
У всего, что легко, и сильно, и хорошо

«Мудрость – это муки творчества»; *доброта*
инструмент и средство, подобно – – –

Возле каждой лавки – винный погреб
там ищут они вина
А кого не согревает и горячее вино, тот ищет тепла у горячих бабенок.

Кораблекрушение выбросило его на берег.

17 [18]
В Заратустре 4 – *ни одного* «**Я**»!

17 [19]

Что ты клевещешь на себя самого?

17 [20]

маленькая тайная община и ее дурно одетое самомнение

З<аратустра> безбожник?

Тебя преследуют, за голову твою назначили цену

Что ж, пусть нас хорошо преследуют: до сих пор успех всегда был нас стороне хорошо преследуемых.

17 [21]

Откуда пришел Заратустра? Кто отец его и мать? Судьба и смех—вот кто отец и мать Заратустры: немилостивая судьба и очаровательный смех дают такое потомство.

Веселость как тайное предвкушение смерти.

«Я ищу Заратустру. Я потеряла Заратустру».

17 [22]

воля к злу: он становится светлее и прекраснее

о строптивцах

происхождение добродетели

Разве я пришел, чтобы обличать пороки и предостерегать от карманных воров?

17 [23]

Небо объято пламенем и море плюется в меня

17 [24]

пошлые и слишком мелкие даже для самых маленьких преимуществ, они перебирают сор своего счастья.

Богаты они, но глаза их остаются глазами вора.

их запихивают в добротные платья—теперь они закутанные старьевщики и стервятники.

Проклятье—братство ненависти и молнии

Я проследил истоки – и это избавило меня от всякого почтения; мне одиноко и чуждо все для меня.

Но в конце концов сама почтительность моя расцвела – и смотри! Выросло у меня древо будущего –:

Теперь сижу я в его тени.

17 [25]

хорошо преследовали, но плохо ловили!

испорченная, тепловатая, пенистая кровь

вы хотели избавить человека от дикости, но вы лишь ослабили его

волка вы превратили в собаку, а самого человека в – лучшее домашнее животное человека.

17 [26]

О писаках и писклях

17 [27]

привести к единству высочайшее напряжение множества противоречий – вот *цель*.

отдельные инстинкты *унижают и убивают* того, кто не умеет привести их к прекрасному единству, – низкие морали – их *ценность*.

высшая диалектика и сросшаяся с ней сила чувства.

самое ужасное – себялюбие и властолюбие *святых*.

17 [28]

Хор глупцов: «когда-то мы были мудрыми»

17 [29]

стремительное движение – и цель и покой на любом отрезке пути

Заратустра застал людей *опустившимися*.

злой в качестве разрушителя заслуживает почтения, ибо разрушение *необходимо*.

Любовь к себе и ненависть к себе — синтез.

«Кто из нас искуситель?» — сказал Заратустра и улыбнулся — потому что о чем-то вспомнил.

наполнить великий полдень разрешенными противоречиями.

Сейчас время маленьких людей

17 [30]

Есть актеры вопреки знанию и есть актеры вопреки воле.

Некоторые волят, но большинство лишь волимо.

В левой пятке больше смысла правой пятки, чем у них в голове.

Пока тоска считается *злом*, вы *никогда* не сможете вывести из нее ничего хорошего честным путем, а честный путь — единственный, которым вы *должны* из нее что-либо выводить. Поэтому *я* обладаю органической моралью.

17 [31]

Заратустра 4 под конец: осуществление

Заратустра 1 вступление: бедные (мелкие, лишние) как богатые; мудрые, которые любят почувствовать себя иногда глупцами и незнайками (стать *шутами* — **праздник шутов**)

Хоры бедных
шутов

Заратустра 3, 1 Предчувствие, что произойдет страшное.

3, 2 *мнимый* глубочайший покой *странника.*

собирать самые болезненные вещи

17 [32]

быть сожженным не за свою веру, а за свое *сомнение*!

Ты быстро скачешь к цели, но твоя хромая нога прискачет одновременно с тобой!

Мораль — делать добро ближнему? Но ведь сначала нужно знать, что *для него добро*!

17 [33]

О слугах.

а) богатые

б) короли

Ныне царствуют священники и купцы.

17 [34]

Есть тайное знание: не нужны теперь отдельные великие преступления — нужно *много мелких.*

я вовсе не желаю «*счастья других*»! Скорее уж желаю им неприятностей и отчаяния *в зависимости от обстоятельств*!

Что? Говорить «*правду*»! Я хочу высказать свое *чувство*, не **скрывая** себя! (Сп<енсер>, D<ata of> Eth<ics>, с. 269).

Эгоизм не противоречит *героическому образу мыслей*!

Великодушие! Сколько же чуждых и враждебных мыслей обрело власть через вас, вы, мыслители!

пойманные в ее *узкое* сердце

17 [35]

Глубокое недоверие к судьбе, готовность к внезапным решениям, дурное управление

Люблю ли я людей? Люблю ли я себя? Но они так же принадлежат к моим планам, как и я сам.

17 [36]

Заратустра 3. *О скуке.*

17 [37]

Мне нужно много альтруизма для моего эго и его удовольствий!

ἀκρασία[1] !!

17 [38]

Вот выбор, перед которым я себя поставил: *чего я не желал прежде, того* я **должен желать** *после* (исправлять, присоединять, ограничивать — но способен ли я на это!)

17 [39]

§ Сделать *богатым* бедного (Эмерсон, с. 383).

§ Блаженство обширной души, большая лестница, ведущая вверх и вниз..

Против закостеневшего «мудреца».

Мир — **проказы бога**

Грех как *наслаждение* самоустранением.

17 [40]

вы не замечаете, как чудовищен *всякий* органический процесс сам по себе, какое в нем единство противоречий.

Снова окунуться в противоречия после опьяняющего мгновения примирения.

обширнейшая душа, которая может обширнее всего затеряться в себе самой

мудрейший, который бросается в море глупости

необходимейший, который бросается в случайности

существующий — в *становлении*

имеющий, который *волит*

все время приближаться и убегать

душа, **для которой все игра**

17 [41]

§ <Заратустра> 4. Что такое *плохо*?

§ <Заратустра> 4. Высшая душа, описание сверхчеловека.

---

1 Невоздержанность, неумеренность (*древнегреч.*)

Вы разве не видите, что время—это лишь высокомерие, а пространство—распущенность? И какое мужество свободы может быть мужественнее моего катящегося колеса из причин и следствий?

они не хотят, чтобы кто-нибудь причинил им боль—поэтому они заранее делают ему приятное, эти трусы!

17 [42]

Эпиктет как **противоречие**

17 [43]

11245 Реклю.

17 [44]

Предостерегающий: Заратустра! Все готово к тому, чтобы погибнуть. Уговори твоих спасаться, отказавшись от их самодостаточного уединения.

Заратустра: пускай соберут мне моих и пускай созовут их герольды на великий полдень.

17 [45]

Рецепт наслаждения

Делайте что хотите, но остерегайтесь кого-нибудь задеть,

Делайте что можете, но остерегайтесь привлекать внимание.

17 [46]

они хотят научиться *играть*, но еще не научились *серьезному*.

Можно было бы уже и летать—но прежде тебе нужно научиться *танцевать* как ангел.

Не делать *прыжков* в добродетели! И для каждого—свой путь! И не для каждого—высота! Зато каждый может быть *мостом* и *учением* для других!

17 [47]

Может быть, как раз в наше время непозволительно так думать о смысле и ценности искусства и художника, как это делаю я; быть может, еще менее позволительно — так писать, как я пишу; возможно, меня ждет за это расплата.

17 [48]

Слабый свет — но большое утешение

необходимо глубокое недоверие (к природе)

формирование *сильных* людей.

Делайте что хотите — при условии, что вы способны хотеть, а не вас хотят.

Любите ближнего своего как себя самих — при условии, что вы любите себя самих

17 [49]

Теперешний обычный человек — мой злейший враг; я познакомился с ним благодаря Рэ.

У него не было х<арактера>. Что же делать? Пришлось украсть.

17 [50]

Не *верить* в бога.

Следовательно, вещи вовсе *не* подчиняются желанию бога. (Против трусливой *преданности*, сделавшей человека **слабым**; вопреки этому я учу *глубокому недоверию*).

17 [51]

Заратустра 3. Он удивляется: что сделало людей столь *маленькими*?

Противоположность своим друзьям

нравственные *слова* как актерское средство само-*возвеличивания*.

его отвращение постоянно нарастает

Какое блаженство для меня — иметь *друзей* и знать, что *в них живут* мои мысли!

безумное увлечение

Счастье хочет, чтобы не искали его, а находили. Не нужно искать того, что имеешь.

Кому нечего делать, тому Ничто находит занятие

Что я хочу сделать вам, того вы не *можете* мне сделать! И если я не хочу, чтобы вы мне сделали что-то, почему *я* не могу сделать вам это?

17 [52]

§ против сомнительной справедливости

§ против *мягкости* — будто лишних людей нужно щадить! «Ах, как необходимо все лишнее!» — говорите вы мне

§ против *слабости*, вызванной *доверием*. Я учу глубокому недоверию.

§ против боязни *пролить кровь*.

короче говоря: против морали как *ослабления*.

§ против общин в духе христиан-гернгутеров.

Заратустра 4. Сначала вам нужно найти *силу для разрушения*!

17 [53]

они становятся все *слабее* — с тех пор как я не видел их.

Со временем — полное равнодушие к насмешкам над моими блаженными островами, куда *бежали* некоторые.

Заратустра 4. Самое время снова *раздуть* пламя.

Теперь необходимо бросить бога — *иначе* человечество *станет* слишком **вялым**.

17 [54]

Упрямство в самоуничижении, простирающееся до того, что оно требует мести *свидетелю*

поэтому бог должен *умереть*!

Новые звери: я хочу начать сначала, по-*новому*.

Заратустра 4. Всеобщая революция — погружение островов как *предзнаменование*.

17 [55]

Заратустра 3. Утешение святого возмущает Заратустру, он распознает *причину* слабости.

Ну что ж! Еще раз!

Святой: ты хочешь всего этого еще раз? И *уходит.*

После этого Заратустра заклинает самую трудную мысль.

З<аратустра> 3. В слабости твоя опасность!

З<аратустра> 3. Гримаса дьявола.

З<аратустра> 3. Было ли необходимо путешествие?

Счастье бегает за мной: это потому, что я не бегаю за женщинами, а счастье — женщина.

17 [56]

Еще слишком рано для Заратустры: до сих пор я был еще своим собственным предтечей

На *середине пути* возникнет *сверхчеловек.*

успех всех хорошо преследуемых вещей

Мои могилы открылись, моя заживо погребенная боль восстала: она выспалась, укрытая саваном, чтобы теперь проснуться.

не идти по чужому илу

<Заратустра> 4. Высший момент: во имя всего бытия *еще* раз!

17 [57]

Мысль о том, что своим происхождением мораль обязана законодателям — — —

17 [58]

Остерегайтесь прежде всего половинчатого воления: будьте решительны и в лени и в действии. А кто хочет быть молнией, должен долгое время быть тучей.

Долгому молчанию должны вы учиться – и никто не должен видеть ваше дно. Но не потому, что вода ваша мутна и облик ваш непроницаем, а потому, что у вас слишком глубокое дно.

17 [59]

А кто добивается добродетелей сильных, должен забыть о добродетелях слабых, – и в вашем отказе не должно быть презрения.

Как ты научишься танцевать, если ты даже не научился ходить! А над танцующим есть еще летающий и его благодать.

Уже чувствую я, что сплю: быть может, я скоро проснусь?

Нужно только красть там, где невозможно грабить: так говорит закон чести среди мошенников.

17 [60]

Рецепт:
1) укреплять волю
2) никакого сладострастия
3) учиться молчать
4) учиться одиночеству
5) глубокое недоверие и глубокое доверие
6) *искать* своего врага, но *находить* своего друга.

17 [61]

Я хочу, чтобы ты ничего не делал «для», и «потому что», и «чтобы», но делал все ради самой вещи и из любви к ней.

Польза оскверняет всякую вещь и всякое действие, ибо все, что становится средством, лишается святости

17 [62]

Выращивай себя самого – как новый долг
Похвала **случаю** при поиске друзей
Учение о *долгой воле* вместо счастья

Уничтоженные старые ценности

17 [63]

Так много добра, так много слабости! Еще не время быть добрым.

§ *Об общности трусов*

Камень твой становится трухой!

создать хребет воле

§ Наше достоинство как *вечный* тип.

§ Наука ничему не учит его, кроме своей *текучести* и *непостоянства.*

17 [64]

Даже в тюрьме заблудилось крылатое любопытство моей свободы.

17 [65]

Проклятье: лучшие ушли, не оставив детей.

17 [66]

Заратустра 3. Ты медлишь, из-за этого———

Скромно обнимая свое маленькое счастье, так же скромно коситься в сторону другого маленького счастья.

Увы, ты хотел купить его, но предложил слишком мало и только укрепил его добродетель!

17 [67]

Счастье мое жарко сияло надо мной в полдень у моего моря; я люблю сильный ветер и знаю, откуда он и куда идет. Скоро стану я сильной бурей

так выращивать свою волю, чтобы она стала долгой волей и высоким деревом с обширной кроной.

§ не хочу, чтобы путали *добродетели сильных.*

17 [68]

Речь Наполеона—презрение к людям. Он направляет свою нацию к высшим целям и вновь укрепляет ее во мне-

нии, что право на жизнь имеет лишь тот народ, что обрел веру в свое *высшее* право.

сделать *твердым*	вместо мягкого
длящимся —	вместо мимолетного
гордым —	вместо скромного.

совесть
заточенная стрела—

Не говорите мне о событиях! Никакого события с вами не произойдет—кроме вас самих

17 [69]

§ <Заратустра> 4: великое презрение перед лицом *вечности индивидуума.*

Затем—спасение: взгляните! Я учу вас сверхчеловеку.

§ <Заратустра> 3: ни у кого из них нет веры в их *высшее* право. Народы, мудрецы и т.д.

Окончание Заратустры 3. «Вставай, бездонная мысль! Теперь я вырос для тебя! «Сделать твердым как камень» Ты мой молот!—

Блаженство первозданной природы—Гимн.

<Заратустра> 3. Начало. Ты уже многое *оставил*—

Длинная надгробная речь с насмешкой в конце

Почтение к властолюбивым, *выплеснувшим* свое *презрение* к *слабым* людям.

17 [70]

А кто до сих пор больше всего презирал людей—не был ли он благодаря этому их лучшим благодетелем?

Уберите ребенка—его взгляд убивает!

17 [71]

завернутый в черную тучу,—несу ли я вам чуму?

вечная удовлетворенность бросилась в свою противоположность

17 [72]

журналисты как *мародеры*, отнимающие что-то у полумертвых и мертвых

Заратустра 4: «пусти их ко мне!»

«Ты приносишь хорошее известие: болото зашевелилось».

Если высший человек не будет господином своего народа, тогда им станут лавочники.

Говори утром и вечером: презираю лавочников, хочу поломать им пальцы.

Лучше уж ссоры <Händel>, чем торговцы <Händler>.

против *учителей*, которые не являются образцами

Заключение:

Смотри, вот блаженство против воли

17 [73]

A. Blanqui

l'éternité par les astres

Paris 1872.

17 [74]

страдания высших из-за несовершенства низших

<страдание> бога из-за человечества

вы научились душить свое честолюбие; быть последними среди вас — этого вам хотелось больше, чем быть первыми

Страдание высшего человека — не из-за низкого в нем, а из-за того, что есть еще более высокое

17 [75]

Заратустра 3. *Одиноким, безбожным, ужасным, жутким* должен был показаться Заратустра отшельнику —

хищный *лев*, и в самом святом находящий безумие и произвол

17 [76]

Всегда наживать себе превосходящих нас *духом врагов*—иначе жизнь будет тусклой

Разве я пришел сделать людей счастливыми?

Кто ищет наслаждения, найдет мало—даже для других

Наслаждение как женщина: она бегает за тем, кто ею пренебрегает.

17 [77]

Заратустра 3. Начало. <Заратустра> доволен: *посевы хорошо всходят*.

У него большие *планы* на учеников—но сначала они должны созреть.

17 [78]

вы подсчитываете счастье и при этом забываете о будущих поколениях

Неверные расчеты касательно *счастья:* нужно *хотеть* несчастья.

пожертвовать счастьем современников ради *будущих людей.*

Спросите женщин: рожают не потому, что это доставляет удовольствие.

17 [79]

У нашего интеллекта будут свойства, которые присущи ему как интеллекту, *и другие* свойства, которые присущи ему как человеческому интеллекту; собственно, об этом теперь и идет спор, здесь нужно не надоедать, но разделять, сомневаться и учить.

17 [80]

не измерять ценность явления попутными явлениями—например, роды болями! Это было бы скверно!

«Вот нечто, желающее мне *приказывать*. Почему же мы боремся — давайте выясним, кто сильнее!» Так возникает *зло*.

Ах, мое уныние! Если же мне удастся все-таки рассмешить его — ангелы растают в слезах, когда увидят эту улыбку. В предвечерний час, когда всякий свет становится тихим.

Не осталось никого в живых, кто любил бы меня; как же мне любить жизнь!

эта мысль! Когда он лишь касается меня кончиками пальцев, я дрожу и краснею — а сердце бьется у меня в горле.

теперь я это знаю и счастлив и даже устал от этого счастья — но теперь «довольно»! Так говорите вы, но *я* хочу *совершить* то, о чем заставил вас думать

Художники

Их сердце было вежливо даже с дурными случаями; они считали это мудростью ежа — выставлять иголки против судьбы.

Вот нечто, что приказывает, — и даже не живая душа с глазами и молниями из глаз, а — — —

Когда часы легкой поступью проносятся над нами, под вечер, когда даже всякий свет становится тише —

Вот лежит, растянувшись, длинное море — без стыда за голубую свою наготу?

А если нет у меня лестницы, я взбираюсь по собственной голове

Заратустра, сказал кормчий, мне это не нравится!

Разрыв изобразить на примере моего расставания с В<агнером>.

Вокруг меня стало так тихо; вот что такое тишина: когда никто не думает обо мне и все обо мне говорят.

Он несокрушим, а если и жалуется, то из снисходительности к вам, закутывая в плащ свою твердость.

Ах, иго мое тяжело! Иго высшей страсти.

Я всегда искал только мой дом, это тяжелейшая моя одержимость.

17 [81]

Ошибочно видеть в альтруизме *утонченную форму* эгоизма. Это значило бы ставить его слишком высоко.

Инстинкты, чьи проявления считаются самыми себялюбивыми – невоздержанность в еде, половое вожделение, стремление к богатству, – являются таковыми в наименьшей степени. О *самости здесь* еще нет речи: речь лишь о сохранении экземпляра «человека».

Ограничение этих вожделений (или *осложнение их удовлетворения*!) есть следствие страсти к *себе*, чувства *самости*.

самые пошлые инстинкты хотят быть удовлетворенными *в первую очередь* – и *только* за счет других.

17 [82]

–подобно тому как звуки колоколов бегают в мягкой обуви –

А когда мороз заставляет наши души трещать и хрустеть, мы ликуем – и не хвалим страну, где текут масло и мед.

В толще льда запрятанная драгоценная капля сладкого терпкого вина – вот что для меня счастье; а если бы существовали боги, они позавидовали бы мне из-за этой капли!

И если кто-то хочет лечь под *наше* солнце, мы смеемся в раздумьях, спрашивая себя, для того ли мы сделаны, чтобы делать кого-то счастливым!

Счастье для нас великое исключение и удивление: мы боимся его и нас в нем, мы нежно отталкиваем его, подобно недоверчивым влюбленным.

17 [83]

хитрые словно двери, которые тихо открываются, чтобы через них дул воровской ветер

17 [84]

Взгляните же на это чистое небо! Не проглотило ли оно, не выпило ли все звезды — и все же вновь обрело невинность.

Счастье мое спустилось некогда в долину, где искало укрытия, мое сладкое, жаркое, упоенное собой счастье; там я встретил эти чистые души, распахнутые словно гостеприимные ворота.

Горе, он шевелится и гложет меня, мой червь глупости, бездна мысли!

17 [85]

Заратустра, сказал отшельник, до сих пор я считал тебя мудрецом, но что больше всего поражает меня в тебе, так это то, что ты, как я теперь вижу, еще и умен. Самое скверное позади нас — и ты избежал его.

и посмотрел на него косым взором.

беспомощные добродетели

17 [86]

Если же я преодолею все это, кто же преодолеет меня? Итак, эта победа станет печатью моего завершения!

как бы я осмелился призвать тебя и взглянуть на тебя!

17 [87]

Тогда лишь станет Заратустра сражаться за победу с самым большим своим драконом, когда он овладеет самой большой своей болью.

Беженцы и потерпевшие кораблекрушение были теми, кто открывал новые земли: полуразрушенные всегда были завоевателями.

Заратустра, если мы не погибнем из-за тебя, то мы благодаря тебе спасемся. Таких скверных вещей я не видел еще, но самое скверное лежит *позади нас.*

Но рулевой, который последним услышал речь Заратустры, снял перед ним шляпу и с почтением произнес———

17 [88]

Веселая наука—совершенно необходимая вещь для того, кто думает как и я, и *хочет* того же.

17 [89]

Почет тебе и завершение, о, Заратустра!

18. Осень 1883

18 [1]

Если ты не можешь молиться, почему же ты хотя бы не проклинаешь? Разве ты не видишь, что мы боремся за жизнь?

Я боюсь тебя, потому что ты кусаешься, когда мы боремся за жизнь: ты выглядишь как человек, уверенный в своей жизни.

Или в своей смерти — сказал Заратустра.

А когда мы спасаемся, мне хочется сказать: «это не бог — этому научил меня Заратустра».

Во всех вещах я обнаружил дерзость и назвал ее божественной. А поскольку я обнаружил такую дерзость и в моей душе, то и душу свою я называю божественной.

Ты веришь в чудеса и в чудотворцев; истинная нужда научила бы тебя еще и молиться. Старые фальшивомонетчики духа отпечатали и твой разум фальшиво.

Он возлагает руку на тысячелетия.

18 [2]

О суете.

4. когда Заратустра был выброшен кораблекрушением на берег, верхом на волне, он удивился: «где же судьба моя? Я не знаю, куда мне идти. Я теряю самого себя». Он бросается в *суету*. Затем, охваченный отвращением, он пускается на поиски **какого-нибудь утешения** — себя

18 [3]

летящий (как первооткрыватель, который возлагает свою руку на тысячелетия)

18 [4]

4. О *малых.*
5. Лавочники
и т.д.

18 [5]

Если кости выпадают не в нашу пользу, разве это причина не играть в кости? Напротив – в этом соль.

18 [6]

С *болезненнымъ* возбуждением Заратустра испытывает силача, шута, летящего, пытаясь *вновъ обнаружить в них себя, – напрасно!*

Лишь *после того* как он узнает о смерти друзей

Ни в одном человеке он не находит себя – и тогда ищет *зверей.*

§ великая **насмешка** над собой *как защитником жизни*

3. Рассказ *кормчего.* Ужасная ночь Заратустры.

4. Веселость.

18 [7]

Не люблю ханжей и саламандр. Терпеть не могу блуждающие огни и все, что исходит от болота.

Разве жизнь – это болото?

18 [8]

Маленькая песня, но большое утешение для того, кто умеет ее петь – поистине то должна быть прекрасная певчая птица!

18 [9]

Чрезмерное страдание было в нем – оно прорвалось и устремилось в отцовское море.

Отцовским морем назвал он бога – справедливые мужи прозвали его за это богохульником.

18 [10]

Ах, душа моя, как сурова ты с тем, кто больше всего любил тебя!

18 [11]

самовластный, зависящий только от себя [——] — и при этом герой

18 [12]

Когда звенит злато — подмигивает публичная девка. А публичных девок больше, чем золотых монет. Кто продажен, того называю я публичной девкой. А продажных больше, чем золотых монет.

18 [13]

Лучше всего презираю и больше всего люблю я жизнь — и нет в этом никакой глупости и противоречия.

сердечная мука

18 [14]

§ Голова моя глупа, но сердце мудро.

§ Все идет и проходит — и все возвращается.
— само это прохождение возвращается
Это Теперь уже было — бесчисленное количество раз

Этому учению еще никогда не учили. Как? Бесчисленное количество раз учили ему — бесчисленное количество раз учил ему Заратустра.

18 [15]

Боль учит квохтать кур и художников. Спросите женщин: рожают не потому, что это доставляет удовольствие.

Я видел сложенный для сожжения костер: трухляв и подавлен, дожидался он искры — собственная тяжесть подавляла его

Мальчикам прошептал он жалобу свою, пересохшей гортанью прохрипел он ее, но мальчики его не услышали

Мальчикам нужно кричать — силой распахивать двери их глаз и ушей

18 [16]

В глупейшем мире и *малый разум* имеет несказанное удовольствие.

Часто и сам я не знаю, что следует мне отвергать; всего охотнее погружаюсь я и испытываю *себя.*

Претворять силу в *меня*, постоянный рост. Если допустить, что бог есть, то мир был бы придуман недостаточно глупым для него.

18 [17]

рассматривать боль с великодушием — нередко третье поколение **завершается** лишь *нашей* болью; т.е. в нем вырастает новая сила.

с великодушием в отношении *грядущих поколений* — и в этом великодушие созидающего, который любит свое произведение больше, чем сегодняшний день.

всего опаснее довольные (довольные — *данными* идеалами), особенно довольные угрюмцы.

18 [18]

Разве я пришел поносить пороки? И предостерегать от карманных воров и лентяев?

Разве не пришел я учить их моим богатствам и тоске моего преизбытка

18 [19]

О *князьях.*

Об *учителях.*

О *злых.*

О *славе.*

Разговор с молнией.

18 [20]

О *великой тоске.*

О божественном вожделении.

О беременности.

18 [21]

оттеснить моих врагов за их ворота и запечатлеть красками бледность на щеках ворот их

путь через все семь одиночеств; в конце — змея

18 [22]

Разве я не учил тебя — сверхчеловеку?

18 [23]

Что знаете вы о сладострастии! Что можете вы знать о сладострастии!

Одно дело — сладострастие и совсем другое — рождение. Спросите женщин: рожают не потому, что это доставляет у<довольствие>

Боль заставляет квохтать кур и художников. Сладострастие молчит — слушайте же мое слово о славе.

так, с благословенным телом своим, радостная и довольная, дожидается беременная.

18 [24]

Если добродетель твоя в ушах, посмотрим, как ты выдержишь шумную жизнь. Наша добродетель наказывает нас больше всего.

18 [25]

Моя судьба, убереги меня от всех мелких побед! Сохрани меня для одной победы — великой, как судьба.

С тобой говорю я, *рок души моей*, судьба.

я внезапен и неожиданен, как явление духа

я не ведаю страха, а великая опасность нужна мне, чтобы избавиться от отвращения, которое внушает мне жизнь.

18 [26]

Как много *пещер* у жизни!

Наша привычка к пещерам, наша тоска по ним — путь сквозь мрачные ходы и лазы

18 [27]

Ты, молния, режущий алмаз, золотой зигзаг! Ответь мне, чтобы я увидел, вправду ли остры твои грани.

Я нередко принимал тебя за мыслителя — ибо мысль, подобная тебе, пробирается сквозь тучи и будит гром, шумно спящий за облаками.

18 [28]

Среди бела дня научился я ходить — твердыми ногами легко проходить день.

Во сне и в мечтах — скажи мне, чему я научился, если душе моей хорошо во сне и в мечтах?

18 [29]

NB. Когда я несу наверх *ярмо*

Герольд всех полуденных братьев

18 [30]

Лицемеры, мышеловки

– Разве я хитрый лавочник и звенящий кошелек?

И в старые добрые времена всякий день приносил мне дурную газету

Эту заносчивость мудрости обрел я во всех вещах, ибо она говорит всем вещам ходить на шутовских ногах.

Как можно меньше разума: больше она не вместит в свою небольшую котомку, эта заносчивая мудрость, когда днем обрабатывает поля и бродит по округе.

Как м<ожно> м<еньше> р<азума> — это, точнее говоря: случай. За случаем по пятам взад и вперед следуют вещи — — —

Счастье и невинность — самые стыдливые вещи на земле: они хотят, чтобы их не искали. Нужно *обладать ими* — и даже не знать, что ими обладаешь.

Ваши мысли встали передо мной: их смысл — бессмыслица, шутка — глупость и сумасбродство, — но они не стоят и не ходят — — —

Все говорит, все выдает, и что сегодня еще хрипящий призрак, то завтра уже звук трубы на рыночных площадях.

Моя нога—нога коня; на ней семеню я рысцой, ночью и днем, чрез камень и пенек, в поле вдоль и поперек и, как дьявол, радуюсь всякому быстрому бегу [—]

Рука моя—рука дурня: горе столам всем и стенам и всем тем местам, что оставлены дурням— [—]

Уста мои—уста народа: чуждо говорю я для всяких лисиц пера и чернильных каракатиц

18 [31]

О воле к страданию
О блаженстве против воли.
Перед восходом солнца
О самоумалении.
Зимняя песнь
О прохождении мимо
Возвращение одинокого.
Другая танцевальная песнь.

18 [32]

Себялюбие—позорное, грязное слово для всего живущего; а что оно может расти и творить превыше себя

что всякая вещь ходит беременная своим будущим: сладострастие беременных доходит иной раз до абсурда———

18 [33]

Его счастье зовется добродетелью властных—его льющееся и переливающееся через край счастье, его властительное дарение.

18 [34]

Все говорит, все заболтано; и что сегодня еще слишком твердо для зуба времени, завтра уже будет висеть из сотен ртов, изгрызанное и обглоданное.

Все говорит, все пропускается мимо ушей; хоть в колокола звони про свою мудрость—торгаши на базаре все равно перезвонят ее звоном своих грошей.

Все говорит, никто не хочет слушать. Все воды стремятся к морю, всякий ручей слышит лишь свой собственный плеск.

Все говорят, никто не желает понимать. Все падает в воду, ничто больше не падает в глубокие колодцы.

Все говорит, все судит по справедливости. Несправедливость преследуют — хорошо преследуют, но плохо ловят.

Все говорит, ничто не удается; все кудахчет, никто не хочет откладывать яйца.

О, мои братья! О, если бы вы научились у меня тишине! И одиночеству!

Все говорит, никто не умеет сказать. Все бежит, никто больше не учится ходить.

Все говорит, никто не слышит, как я пою, — о, если бы вы научились у меня тишине! И страданию одиночества!

18 [35]

Богам давно уже пришел конец: они сами засмеяли себя — до смерти.

Это случилось, когда из уст одного из богов вырвалось самое безбожное слово — слово: у тебя не должно быть иного бога помимо меня; так забылся старый сердитый бородач.

Таким жалким в ревности еще никогда не был бог, как в этом своем завете: «у тебя не должно быть иного бога помимо меня»

И все боги смеялись тогда, покачиваясь на своих тронах, и восклицали: «Разве не в том божественность, что существуют боги, а не бог?»

Шут Заратустра, как божественно говорил ты с последним человеком, который еще верит в бога!

18 [36]

И когда я совершил самое трудное и в блаженной усталости праздновал победу моего преодоления, тут вскричали они: нечаянно задел я их тщеславие.

Все они хотят сделать из себя правило, а кто может лишь карабкаться, тот повелевает: «ты не должен летать».

Я суров к себе и часто мщу за эту суровость, чтобы пристыдить этим несправедливость других — их н<есправедливость> ко мне!

И даже если это ваша *вина* — я беру ее на себя и называю *моею* виновностью.

18 [37]

Как же мог бы я отговорить от этого твою волю, волю льва. Ведь я читаю всю волю твою в твоих очах.

18 [38]

Благословляю тебя, о, Заратустра, так, как если б ты был одного со мной бога и сыном одной надежды.

Такой, каким я тебя вижу, — как мог бы ты желать зла? Разве не сразу я понял твой язык

Вот теперь твой язык — и я бы немало поразился, если б смог ты кого-нибудь уговорить своей речью — разве что мертвецов и шутов

Уж скорее поверю, что уговорил ты зверей прежде, нежели людей: чудны звери твои! Эта безобразная змея и бьющая крыльями птица!

Так говорил отшельник, ибо боялся он зверей Заратустры; и стоило змее лишь слегка приподнять голову, как отпрыгнул он в сторону и убежал.

Так расстались они друг с другом, веселясь, словно д<ети>.

18 [39]

Это *мое* слово, что хотело меня задушить!!

Это *моя* змея, что заползла мне в глотку

18 [40]

Самое трудное научился я делать втайне: чьи глаза могли видеть, как отправлялся я в одиночестве по ужасным и новым морям?

И когда я повернулся спиной ко всем любимым прежде кумирам, кто *видел*, как я ухожу? Никем не замеченный, ушел я в выжженную пустыню.

18 [41]

Скрепление печатью

18 [42]

И каждый раз, когда я вспоминал о моем одиночестве, я говорил издалека: «о прекрасное одиночество!»

18 [43]

«Человек есть нечто, что *должно* преодолеть»; для моих ушей это звучит как смеющаяся танцующая мудрость. Но они думают, я говорю им — ползти ко кресту!

Конечно, прежде чем учиться танцевать — нужно учиться ходить.

18 [44]

Жить ради будущего §
разбивание *скрижалей*.

18 [45]

Спасение! Прочь выплевываю я голову змеи!
Спасение! Волю научил я волить вспять
Самый тихий час. Заратустра, ты созрел — львица, голуби

Каждый раз *середина* — когда возникает *воля* к *будущему*: *предстоит величайшее событие*!

Полнота и сладость
О, сладость моего сердца!

18 [46]

Или страшились они моих проклятий? Ибо проклятье мое — братство ненависти и молнии

Мелкие преимущества сделали их мелкими — а теперь они еще роются в мусоре счастливых случайностей!

Едва подкисла их судьба — как они взошли и перелились через все края

В крошечной тайной общине своей, в темноте испарений всяких святош

мягкий, текучий, скромный

18 [47]

У меня пригоршня мужества для жизни, а в руках маленький ключик — он ведет к Ничто.

У меня пригоршня мужества для Ничто; я знаю, что всякое Ничто — — —

Пригоршня силы, мое Я, — насмешка вселенной сил!

Чего я хочу? — Сделать *мужество* маленьким ключом для неудавшихся

Мужество у немногих: проводить свою волю сквозь слишком многих

Сочинять и созидать *более высокое*, чем до сих пор созидал человек

плыть в бытие безо всякой ответственности, учить блаженству, которое говорит: хочу всего этого еще раз *ради этого мига.*

18 [48]

Кольцо колец

I если когда-нибудь я мечтал о том, чтобы быть серединой и полднем человечества.
II если все великое в прошлом я возвратил и заставил сиять светом альпийских вершин.
III если я лепил будущее словно воск.
IV если разбил я скрижали и сбросил их с горы.
V если я когда-нибудь выходил — дерзость скепсиса.

18 [49]

Человек есть нечто, что должно преодолеть: вот учение о жизни как о великом самопреодолении.

18 [50]

Я дающий законы, я пишу новое на моих скрижалях; и для самих дающих законы я закон, и скрижаль, и клич глашатая.

18 [51]

Если я защитник жизни, то это значит, что я не должен быть защитником ее вечных поворотов! —

Возвращение великого и малого и всех клубков и узлов причин и следствий.

18 [52]

Мудрость моя, гордая кошка, ушла прочь от меня, гордость моя упорхнула в воздух в поисках приключений!

Теперь сижу я наедине с моей глупостью — мир тих как сад, воздух утомлен благовониями.

Как мило заботиться мне о глупости: она не желает сидеть смирно и все норовит свалиться со стула; устанет ли она однажды от самой себя?

Не устает она и распевать песни, а мелодиям научилась она у детей, распевающих на вечерней заре, когда небо занавешено багряным блаженством.

Я прощаю ей, ибо она не ведает, что поет; а поскольку я одинок, то распеваю вместе с ней ее глупости — приходя в отчаяние от ее вечных падений со стула.

18 [53][1]

По дороге наткнулся я
на ослиные уши - «и-а!»
а вот и змея - увы,
моя, но без головы.

18 [54]

приберег ты все свои пурпурные и смарагдовые наслаждения

зарницы счастья моего

18 [55]

Дюринг — человек, которого пугают его собственные мысли и который улегся перед своей философией, словно вечно гавкающий и норовящий укусить цепной пес.

1 Перевод И. Эбаноидзе.

18 [56]

преодоленный человек сам был отцом сверхчеловека.

Так учу я и учу неустанно: человек есть нечто, что должно преодолеть, ибо я знаю, что он *может* быть преодолен: я видел его, сверхчеловека.

18 [57]

«Есть ли у меня время дожидаться моих зверей? Если это *мои* звери, они сами меня найдут». Молчание Заратустры

«у меня, отшельника, ищете вы слов последнего успокоения — последнего покоя глубокого мира — ах, разве в том высота отшельника?

И если слово ваше пройдет мне сквозь ухо, и мозг, и ноги, станете ли вы еще искать и найдете ли друзей?»

О, Заратустра, — сказал после этого отшельник, — это лишь твой язык, мне он неведом, а потому ты скорее убедишь зверей, нежели людей.

18 [58]

Как много теплоты умеем мы — держать при себе

18 [59]

Раз! Вздымается ночь — из глубин мира восходит ее песнь сквозь ухо, и мозг, и ноги.

Два! Глубоко всякое горе. Но еще глубже удовольствие, что кладет тебе руку на грудь — проникая сквозь мозг и ноги.

18 [60]

Ибо какие бы закатились солнца, что некогда светили *тебе* с высоты, тебе и невинности вершин твоих!

18 [61]

Нечто несказанное одинаково присуще виноградной лозе и буре; в этом несказанном должен ты быть и лозой, и бурей.

18 [62]

измождён [—] ожиданиями своими,

на темных тропах, над которыми мне светят зарницы надежды

18 [63]

3.

Конец

19. Осень 1883

19 [1]

Утешение 1) что многое еще не угадано
2) что так много можно сделать *хорошо.*

Любовь, заступающаяся за страдающего злого.

морские тропы

разбить старые скрижали

19 [2]

§ Помнишь ли ты еще, о Заратустра, как ты впервые был среди людей в лесу, как кричали над тобой птицы и как чувствовал ты *великую покинутость*

2) великую *покинутость* среди спутников, когда ты устал от дарения

3) великую *покинутость* самого тихого часа
В отличие от одиночества

19 [3]

Мечтатели и угрюмцы и все, что между вечером и ночью летает, ползает и ковыляет на хромых ногах.

19 [4]

Жевателями гальки называю я всех слишком довольных и дружелюбных:

свиные желудки — так я их называю
они молятся всему как своему богу —
у них вкус обжор, всепрожорный —

19 [5]

О, мои братья, ради злобы одной поступлю и я как грезящие об ином мире: смотрите, я рисую их на песке! Пусть придет тот, кто сможет собрать их с песка!

Для иных *любая* вера — уже благодать; что ж, пусть они хватаются за нее!

О, мои братья. Есть среди вас и такие, что умеют уничтожать вещь, *вы*смеивая ее. И поистине — хорошо убивать смехом!

Таких называю я следующими моему примеру: я явился их прологом.

А тем, кто вовсе лишен покоя, пока не увидит мир с изнанки, советую я:

разве мир — не озорство бога?

19 [6]

смех освящает и все злые инстинкты; а чтобы все тяжелое стало легким —

19 [7]

И каждый раз, когда лев смеялся, испытывал Заратустра такое непривычное волнение, что хватался за сердце: ибо он чувствовал себя так, как будто с его сердца упал камень, еще один и еще один.

19 [8]

Возвращение.
Другая танцевальная песнь.
Заклинания.
Выздоравливающий.
Старые и новые скрижали.
Отшельник.

19 [9]

Ты шевелишься, потягиваешься? Хрипишь. Нет больше ничего нового, — хрипишь ты, — дай мне поспать!

В том-то и дело — нет больше ничего нового, ты сам себе глубочайшая мысль: теперь ты проснулся!

19 [10]

Вы должны *желать* победы; т.е. еще недостаточно быть воином и копьеносцем жизни.

Вот и шепчу я фризам ли, саксам ли на ухо: если желаете победить, вы должны *желать* победы!

Жизнь когда-то завербовала вас в копьеносцы — это верно; но теперь я советую вам завербовать жизнь в свои слуги.

19 [11]

Чего у нас нет, но что нам необходимо, то нужно брать: так я взял себе чистую совесть.

19 [12]

Я среди вас как алмаз средь кухонных углей; они не верят мне, когда я говорю им: о, мои братья, ведь мы близкие родственники!

19 [13]

Благосклонный к морю и ко всему морскому, он больше всего благосклонен, когда нам противоречит —

19 [14]

О новых королях.

«Вскоре разыграется буря!» — ужасается душа моя, прорицательница, — ибо в ней уже бушуют грядущие бури.

(города, и царства, и короли великого презрения)

А пред бурей хромают затяжные сумерки, смертельно усталая, смертью упившаяся печаль, говорящая зевающими устами. «Все равно, все пусто, все было» — так зевает она, и волочит свою ногу, и не может ни заснуть, ни умереть от усталости.

19 [15]

Или кто тот — кого ты любишь?

Шарманщик!

благословлять, т.е. *давать* случаю красивую душу.

Выбор: прежде и потом
формирующая сила против *прошлого*
Покой ожидающего
Мужество отважного
Чистый, т.е. без цели.

19 [16]

Лесные звери
О будущих песнопениях
твоя тоска [—]

20. Осень 1883

20 [1]

Ты следуешь путем величия: теперь для тебя вершина и пропасть — одно.

Не оглядывайся: в том пусть будет твое лучшее мужество, что позади тебя нет больше тропы.

Здесь никто не прокрадется за тобой: где ступила нога твоя, там путь стерт и стоит надпись: «невозможность».

Твоим последним пристанищем стало теперь то, что раньше было твоей последней опасностью.

Утекло время, когда ты еще мог быть желанием: теперь ты должен быть дланью, и волей, и хваткой желания.

Некоторые волят, но большинство лишь волимо.

И всякое добро ты можешь себе доставить как человеку, который может и отказать себе в нем.

Есть актеры вопреки знанию и актеры вопреки воле.

Если бы мы могли *вынести* наше бессмертие — это было бы для нас высшим.

Для того ли пришел я, чтобы учить маленьких людей их маленьким добродетелям? Они и сами их находят и крепко обижаются на меня, что я не завидую их находке.

20 [2]

В море.

Речь, обращенная к его друзьям. Я хотел их пощадить, не рассылать их как апостолов, я стал слишком ласков к ним — и тем самым их *уничтожил*.

До сих пор напрасно!

Жизнь, безвозвратно пожертвованная сверх меры.

Ужасная мысль вечного возвращения расточительности.

Растраченное человечество (и вся борьба и величие — вечная *игра* без цели) (змея и пастух)

Блаженство против воли (выздоравливающий и наслаждение поверхностным)

Видеть в великой природе.

Разыскивает своих зверей, нуждаясь в сочувствии.

Проницательность в своем желании одаривать. Путник, молния.

Сочувствие к тиранам и творцам народа.

«Я попробую еще раз». Решение. Скепсис, обращенный против всякого пессимизма. Забвение, новое начало, как у всех пророков.

По ту сторону добра и зла. (Заключение.) Готов ко всему.

20 [3]

Набросок к Заратустре 3.

1. В море. «Дуй, ветер». *Как Колумб.* Предчувствия, движущие силы, куда?

Безвозвратная жертва. Странник. Поздняя осень.

2. *Место отдыха. Счастье* свободного духом. Не привязан и к своим друзьям (ты *освободил* их!) Что такое *один*! «Странник». Помедли в счастье своем! Настроение «веселой науки» и критики.

3. Похороны и речь, обращенная к друзьям. Самая большая нежность одинокого.

4. Изгнан, в бегах, презираем. Собрать воедино все несчастья основателей религий, приходящие *извне.*

5. Тщета! Бесполезность! Несчастье, приходящее *изнутри.*

6. Проницательность в отношении своего «дарения» и своей «любви». В этом его себялюбие — чувствовать себя златой цепью и замком от многих Я; это выдает господствующего. **Цель**: *лично изобразить* единство многообразного, красоту безобразного, необходимость случайного. Государство как *средство.*

7. Ему остается только тиранить самого себя — с неограниченной *волей к страданию.* Насмешка над прежними пессимистами.

8. *Заклинание* самой болезненной истины (*возможности*). Каково вечно переживать ее снова и снова!

9. Великая природа и человек.

10. Насмешка над доверяющими жизни. О, если был бы хоть один, кого я мог бы проклясть!

11. По ту сторону «добра» и «зла» — тартюфство слабых. Спенсер 2, с. 110

12. Насмешка над художниками, которые *отдыхают* в образе того, что создают. Истинный смысл славы: хочу быть занозой и царапать до крови всех приходящих.

13. Насмешка над удовольствием познающих; «здравый и вульгарный»

14. Последняя ступень: растраченное человечество. Сочувствие к господствующим и их нужде и насмешка над ними.

15. Он разыскивает своих зверей. Пещера разрушена. Глубочайшее одиночество.

16. Он раздирает свою змею, пастух умирает, он борется со своим орлом.

17. Болезнь. Горячечный бред, «летающий».

18. Отшельник как искуситель.

19. Выздоравливающий. О блаженстве против воли.

20. *Воля*: попробуем еще раз! Скепсис, обращенный против пессимизма.

21. Явления: радуга, львица со стаей голубей, детские хоры.

22. Гимн первородной природе. «Я как fatum».

20 [4]

Пока еще *должно* действовать, т.е. пока *приказывают*, не достигнут синтез (*устранение* морального человека). *Невозможность поступить иначе*, инстинкты и приказывающий разум *превыше* цели: наслаждаться самим собой в действии. Тейхмюллер, с. 55.

сама воля должна быть преодолена — *не* черпать всякое чувство свободы из противоположности принуждению!

Стать природой!

Ошибка Аристотеля — с. 65

ибо вожделение не движет и приказывающий разум не движет.

воля не движет, она — попутное явление.

20 [5]

Против эпикурейцев — они *освободились* от одного заблуждения и наслаждаются теперь свободой, как те, кто

был в заключении. Или они совладали или *думают*, что совладали с противником, которому они завидовали, не сочувствуя ни тому, кто ощущал себя не пленным, а *укрытым, ни* страданию преодоленного.

20 [6]

Оценивать *низших* людей по их воздействию на *«людей великих»*:

1) *паразиты*—те, кто вьет себе гнездо в слабостях сильных и великих

2) *унылые*, которые досаждают великим, словно комары, своими мелкими страданиями и так умаляют их—да еще и затуманивают чистое небо своими стенаниями.

3) *добродушные*, которые не умеют сопротивляться и портят приказывающего, превращая его в презирающего.

4) *любящие удовольствие*—своими наслаждениями они делают жизнь мелочной

20 [7]

«Кто выносит, *что* следует, и ради того, *ради чего* следует, так, *как* следует, и тогда, *когда* следует, и соответственно испытывает страх и проявляет отвагу, тот мужественен» Арист<отель>

Освободитель от иллюзии «бога» или тем более «бога и человека».

Ограничение живущими на земле.
вечное значение *индивидуума*. эго.

20 [8]

Не жаловаться на гамлетовский манер! NB.

План к Заратустре 3.

1 Заратустра в море.

2–10 Заратустра узнает о гибели блаженных островов. Речи против своих истинных *врагов*.
Потрясающее воздействие его *похвалы* своим друзьям:
город *опрокинут*, Заратустра должен **вырваться** —он *презирает* **слабость** города. Ужасный выплеск его презрения и похвала тиранам и злым.

11–12 Одиночество Заратустры. Напрасно! Слишком поздно! Смерть мальчика со змеей.—Символ.

13 Заратустра болен, в отчаянии ищет свою пещеру. Его звери разбегаются, не узнавая его, пещера разрушена.

14–20 Речь отшельника. Заратустра видит, что в доверии к богу заложен последний источник всякого *ослабления*. Еще раз! Решимость.

21–22 Заклинание самой ужасной, глубочайшей мысли. Первородная природа — гимн.

Блаженство против воли (как ревнивец подталкивает впереди себя свою жену и нежен даже в своей суровости).

20 [9]

Заратустра 3.

Несколько речей «на могиле»

почему они должны были уйти от вас?

Под конец сочувствие ко всем властителям и тиранам, изливающим свое презрение на *слабых людей* (свою собственную волю они довели до высшей точки)

они (народ, мудрецы, добрые) не имеют больше веры в то, что у них есть *преимущественное право* быть более высоким человечеством: я *вскрываю* их самое глубинное *сомнение* в этом!

«я не хочу, чтобы добродетели сильных путали с добродетелями слабых».

Проклятье, что лучшие *должны* уходить!

О господстве трусливых.

к характеристике друзей (трогательная **похвала в конце**!)

1. укреплять волю
2. никакой похоти
3. учиться молчать
4. одиночество
5. глубокое недоверие и глубокое доверие
6. искать своего врага, но находить своего друга.

20 [10]

Заратустра 4.

Король и шут дают представление о том, что приход Заратустры *необходим*.

Заратустра сужает круги — большие речи, в которых он многое *исключает*. Все более мелкие круги — на все более высоких горах.

Поначалу исключаются 1) паразиты, потом 2) лицемеры, 3) слабые, добродушные, потом 4) бессознательные лжецы морали.

Последняя сцена: изображение *высшей души*, которая может глубже всего спуститься; обширнейшей, которая может дальше всего заблудиться; необходимейшей, которая может ринуться в случайности; сущностной, которая влюблена в становящееся; обладающей, которая требует и *хочет*; постоянно убегающей и снова догоняющей; целиком себялюбивой и поэтому целиком *во всем*; той, для которой все игра; мудрости, которая бросается в море глупости; смеха и слез; мира, который есть разнузданность бога; избавления от всех прежних окостеневших «мудрецов» и т.д. Сам грех как наслаждение само-устранения.

Все существа — лишь **предварительные упражнения** в *единении*. **Усвоение** *противоречий*.

Спасение от случайности: то, чему я *дал* произойти **со мной**, я могу позже **исправить** — и, следовательно, после случившегося *желать* того, чего сначала я не хотел.

весь в себе самом цель

После этого Заратустра рассказывает, *переполненный счастьем сверхчеловека*, о **тайне** всего — вечном возвращении.

Воздействие. Пана хочет его убить.

Наконец он это понимает, проделывает все превращения — вплоть до самых победоносных, но когда он видит ее сломанной и поверженной, *смеется*. Смеясь, поднимается на скалу — но, добравшись доверху, умирает счастливым.

Чарующее воздействие *смерти*: хвалящие.

20 [11]

Об одной победе.

Такой, каким я увидел его тогда в победе и в смерти: друг, божественные миги и молнии бросивший в мою темную юность –

мужественный и глубокий, к радости устремленный даже в буре сраженья, кровоточивший страданьем когда лишь приблизилось знамя врага –

из умирающих – самый беспечальный, из победителей – самый удрученный, в раздумьях и предчувствиях стоящий на своей судьбе – торжествуя от победы своей, смеясь, что победил, умирая –

приказывая, когда умирал, – а приказывал он, *чтобы уничтожали и не щадили* –

О, воля моя, все, что во мне и надо мною! ты, моя необходимость! Дай, чтобы я так победил, – и сохрани меня для одной этой победы!

Сохрани и побереги меня и защити от всех мелких побед, ты, судьба души моей и поворот всякой нужды, – моя необходимость!

20 [12]

Разве не ведаю я, подобно тебе, всякую радость – и ту радость, что дает нам предвкушение смерти: ибо то великое бремя, что я нес, понуждало меня иной раз ликовать в великой опасности

Маленькая тайная община в темноте и испарениях всяких святош: *всем* им нужны комнатки и каморки для их молитвы!

Ты, как и я, «нечаянность», – а это самый старинный род на земле.

не в *вашу* страну обетованную хочу я следовать за духом, которого вы называете святым: среди его крестоносцев всегда видел я коз и гусей

доверчивы и простодушны, но подобны воротам, чрез которые может пройти лишь низкое.

20 [13]

Торжественные пустышки, звучно проповедующие свое мрачное учение и ложь.

Хотел бы я видеть уже тот столп огня, который сожжет ее, – ибо такие столпы огня должны предшествовать великому полдню.

Сколько *пещер* у жизни

Перед восходом солнца.

20 [14]

Во всех вещах нашел я дерзость, которую называю божественной. Эту дерзость нашел я и в собственной душе.

Эту дерзость мудрости нашел я во всех вещах. Хотя и ходит она на шутовских ногах.

Как можно меньше разума – больше не вместит она в свою котомку, когда бродит по округе и обрабатывает поля.

За случаем по пятам бегают вещи – туда и обратно, вверх к мудрости.

В том ее блаженная надежность, что все вещи она притягивает к себе только случайностью.

20 [15]

Невинными вещами питаясь охотнее всего, и притом лишь немногими из них, нетерпеливый и готовый улететь: как мог бы остаться я совсем непохожим на птицу?

Смертельно враждебная духу тяжести даже телом – куда только не устремлялась за ним моя враждебность! Куда только не летала и где только не блуждала моя крылатая смертельная ненависть!

20 [16]

Прорицатель
Уничтожающий
Созидающий
Соединяющий
Открыватель (море)
Танцор – смеющийся
Летящий – победитель

21. Осень 1883

21 [1]

(*К* 3.)

Заклинание труднейшей истины.

Насмешливая песнь над всеми прежними пессимистами.

Насмешливая песнь над всеми религиями и их попытками бегства.

Насмешливая песнь над социалистами, иезуитами и эпикурейцами.

Насмешливая песнь над прежними художниками.

Сочувствие и *почтение* по отношению ко всем великим законодателям, полководцам и завоевателям.

Что друзья!

Преодоление природы посредством великих людей.

Песнь летящего.

Утешительная песнь больного. Усталость: тишина. Воля к страданию.

«я — фатум»

«по ту сторону морали». Вдалеке от всякой хвалы.

скепсис как искушение

самоубийство как искушение

Гимн выздоравливающего.

Завоевать землю, которую мы *заслуживаем*, не важно, в чьих руках она сейчас

21 [2]

План к Заратустре 3.

Одиночество в стыде и молчании перед величайшей мыслью. Избегая зверей

<Одиночество> одной-единственной воли, которая прячется от каждого, но каждого возвышает

Одиночество
без друзей, даже с чувством, что ими пришлось пожертвовать.

Одиночество, у которого не осталось никаких *утешений*, *песнь-насмешка* над всеми прежними пессимистами (выходящая далеко за пределы любого *прежнего* образа мыслей).

Одиночество и искушения. *Песнь-насмешка* над всеми религиями с их попытками бегства

Одиночество высшей ответственности. *Песнь-насмешка* над социалистами, иезуитами и эпикурейцами.

Одиночество по ту сторону морали, в перспективе вечности. Преодоление великой природы человеком. Песнь летящего.

Одиночество больного. Утешительная песнь. Усталость и тишина. Освящение страданием. Воля к страданию и к углублению страдания.

«Я хочу!»: гимн выздоравливающего и победоносного. *Смеющийся лев и голубиная стая.* (*Попытка*—не больше! Он сам и его мысль.) Четыре зверя (гордость с мудростью—власть с мягкостью) являются, приближаясь друг к другу

21 [3]

План к Заратустре 4.

1. Приглашение.
2. Победное шествие. Чумной город. Костер (сожжение старой культуры).
3. Праздник весны с пением хоров.
4. *Отчет* перед Заратустрой: «что вы сделали?» (изобрели?)
   Вид общности (как на Корсике).
5. Места обитания.
6. Войны и поединки.
7. Новое благородное сословие.
8. Опыты (со злыми, «наказания» и т.д.)
9. Освободить в женщине женщину
10. Рабы (ульи). Учиться выносить покой. Больше машин. Преобразование машины в нечто красивое
11. Время для одиночества. Распорядок дня.

12. Длинная молодость и превращения.
После этого большие речи Заратустры, подобные молитвам.
некоторые странные святые тоже приходят как ученики; а также шут (Эпикур?).
13. Исцеление смехом. Будущее танца. Победа над духом тяжести.
14. Невиновность становления.
15. Освящение самого малого.
16. Разбитые скрижали. Похвала *холодного* разума!
17. Спасение злых от морализирующих судей!
18. Заклинание врага.
19. Новые короли – как образцовые учители.
20. Вечное «Я» и его освящение. Детерминизм и его решение. Нет морали и абсолютной ответственности, мы *устанавливаем их для себя.* Благословение инстинктов.
21. **Решающий момент**: Заратустра спрашивает толпу на празднике: «хотите ли вы всего этого еще раз?» – и все отвечают: «Да!»
В это время он умирает от счастья.
(небо ясное, низкое)
(полное предчувствий, ясное, зловещее)
(глубочайшая тишина, звери вокруг Заратустры, он закутал голову, руки распростер по скале – как будто спит)
воющий пес
что-то светлое, ужасное, тихое пронизывает все их мысли
В конце – хвалебные речи у его тела.
Хвалящие.
22. и т.д. Великий полдень как поворотный пункт – два пути. Молот для преодоления человека: высшее развитие индивидуума, *так что он должен погибнуть от себя самого* (а не от ошибок диеты, как прежде!) (*как смерть пришла в мир*!)
Что счастье!
Созидающий как самоуничтожитель. *Творец* из *доброты* и *мудрости.* Всякая прежняя мораль *превзойдена*!
В конце: *похвалы – ужасные клятвы*!

21 [4]
Хор безбожников (преодоление церквей)
Хор честных (преодоление морального тартюфства)
Хор кающихся духом (преодоление идеалистического тщеславия)
Орден суровых сердец (преодоление сострадания)
Шуты.
1. Новая иерархия человека и новое распределение прав.
2. Необходимость рабства.
Посетители у Заратустры, его просят о помощи.
1) всеобщее восстание рабов
2) размягчение сердец, слабость
3) помрачение и умопомешательство
счастье общины (но одиночки им наслаждаются!)
счастье правдивых (против всей тягостной игры в прятки)
Предзнаменования.
Пожар большого города.

21 [5]
Конечно как пространство, бесконечно как время.
в нерушимости дана вечность и безначальность
в определенности – граница множественности новых форм

21 [6]
Человек есть нечто, что должно преодолеть. Я *держу молот*, который его преодолеет!
Эта мысль делает Заратустру блаженным в конце третьей части.
тем самым он достигает *зрелости.*

Прежние попытки бегства от величайшей мысли:
нирвана, мысль о блаженном Ничто.
чудесное превращение по ту сторону и затем вечная жизнь (христианство)
озверение – как логический вывод эвдемонизма, социализма, иезуитства.
абсолютный скепсис по отношению к нашему духу и практическое бездействие. «Что я знаю о поступках!»

Детерминизм: я сам — судьба и *с давних пор определяю бытие.*

Множество инстинктов борется во мне за *главенство.*

в этом я отражение всего живущего, и это я могу объяснить.

Внезапно открывается ужасная кладовая правды. Есть бессознательное самосохранение, предосторожность, сокрытие, защита от самого трудного познания: так я жил до сих пор. Я скрывал от себя кое-что, но неустанное проговаривание и переворачивание камней укрепили мой инстинкт. Теперь переворачиваю я последний камень — и ужасная истина *предстает передо мной.*

1. *Заклинание истины из могилы.* Мы создали его, мы его разбудили — высшее проявление мужества и чувства власти.

Насмешка над всем прежним пессимизмом!

Мы боролись с истиной, мы узнали, что единственное наше средство ее вынести — создать существо, *которое ее выносит*, — пусть даже мы сами при этом снова ослепим себя, чтобы не видеть ее. Но сделать это мы уже не в состоянии!

откусить змее голову!

Мы создали тяжелейшую мысль — а *теперь давайте создадим существо*, для которого она окажется блаженной и легкой!

Чтобы созидать, мы сами должны предоставить себе большую свободу, чем нам была дана когда-либо прежде; для этого — освобождение от морали и облегчение праздниками (предчувствия будущего! праздновать будущее, а не прошлое! сочинить миф будущего! жить в надежде!) Блаженные миги! А потом снова задернуть занавес и *обратить мысли к твердым, ближайшим целям*!

22. Конец 1883

22 [1]

Наедине с собой и с моей ликующей совестью

На островке были рядом твои друзья и твои враги среди них; как сладко любить и ненавидеть!

Разве отец не должен противостоять сыну и в лучшем? И кто добыл себе некогда право, не станет передавать его сыну – из любви к нему.

Всего суровее наказывают нас за наши добродетели. Итак, учись угадывать, в чем твоя добродетель: в том, за что тебя суровее всего наказали.

Одинокие дни хотят ходить на смелых ногах.

Проницателен стал я: алмазный меч рассекает мне всякую тьму.

Отражение их счастья легло на меня словно тень, а когда они почувствовали себя сильными, на уверенных ногах, подкралось ко мне недоверие с сестрой своей слабостью.

Нужно освободить женщину в женщине! И пусть женщина жаждет мужчины – но не мужественности!

Пока еще нет времени для меня. Но что это за время, у которого нет времени для Заратустры!

Мне говорят, что люди любят себя. В самом деле? Мне всегда казалось, что люди и по отношению к самим себе – хищники из хищников.

«Что Заратустра определил, то случится: как может такая великая душа изменить свое решение!»

Пожалей ногу свою, чтоб не ступила она в болото: да не коснется она человека, предавшего своего друга.

Вот как узнаю я очень богатого: он благодарит того, кто у него берет.

Тот истинный оратор и сверх-оратор, кто убеждает даже основания так, что они бегут за ним.

Быстро скачешь ты к цели своей; но твоя хромая нога сидит вместе с тобой на коне и прискачет не позже тебя.

Вот почему я страшусь за тебя: как только достигнешь вершины, ты *споткнешься.*

Есть актеры вопреки знанию и актеры вопреки воле.

Некоторые волят, но большинство лишь волимо.

Прошло время, когда ты еще имел право желать.

Маленькие добродетели необходимы маленьким людям – но кто убедит меня в том, что маленькие люди необходимы!

Ты не завидуешь их добродетелям – этого они тебе никогда не простят!

Ты идешь путем величия – теперь для тебя и пропасть и вершина – одно.

Не оглядывайся: в том пусть будет последнее твое мужество, что позади тебя нет дороги.

Здесь никто не должен прокрасться за тобой: где ступила нога твоя, там путь стерт и стоит надпись: «невозможность».

Теперь стало твоим последним прибежищем то, что прежде было твоей последней опасностью.

Вот его глупость: он не выносит предупреждений и птичьих голосов и бежит от них в свою пропасть, *потому что* предупрежден о ней.

«Случаем» называют это слабые. Но я говорю вам: что могло бы мне выпасть, чего не укротила бы моя тяжесть и не притянула бы к себе?

Смотрите же, как варю я каждый случай в моем соку; если он готов, называется он «моей волей и судьбой».

Как мог бы я предложить гостеприимство тому в моей случайности, что чуждо моему телу и воле! Смотрите же, лишь друзья приходят к другу.

Из самого моего счастья взлетали предостерегающие птицы.

Повелительно приблизилось переживание, но заговорила с ним моя воля — и тотчас оно стояло на коленях, умоляя.

Хочешь ли ты стать помехой идущему? Хочешь ли ковылять впереди того, кто спешит?

Нужно столкнуться с тем, кто идет вперед, глядя назад, — чтобы он не лгал впредь своим глазам своими ногами.

«Оно дает себя» — говорите вы, уютные, но ведь сама уютность постоянно берет себе и будет брать все больше!

Даже то, чего мы не сделали, ткет ткань всего будущего: наше Ничто тоже ткач и паук.

Иной устал от самого себя — и только тут настигло его счастье, сохраненное для него, — а он всегда бежал на слишком быстрых ногах!

Чихать придется вам от моего напитка: да наполнят ваши ноздри щекоткой и сладострастием мои пенистые вина.

Спросите ногу мою, нравится ли мне ваша мелодия: ведь ухо танцора — в пальцах ног.

Вот последняя моя человечность: я, мягчайший, стал самым твердым —

Почивал ли я когда-нибудь на своей славе? Словно ложе из колючек была мне всякая слава.

Разве я не роза ветров? Разве не приходят ветры ко мне и не сообщают о своей воле?

А теперь пылает и лед и невинность вершин моих.

Теперь похож я на петуха на чужом дворе, которого клюют даже куры.

В вашем почтении больше несправедливости, чем в вашем презрении.

Делайте как я: только делающий учится, и только как делающий хочу я быть вашим учителем.

Пусть ударит молния в ваши яства! Чтобы пасти ваши научились сначала пожирать огонь!

Вы шумите против меня, подобно волнам, — но я бью вас по голове своим веслом. Смотрите, вы несете мой челн в бессмертие.

Вот стоит моя воля: об нее разбивается прибой моей гордости.

В блуждающие огни, в провозвестников огненными языками хочу превратить я вас; до сих пор были вы лишь сухой травой и степью.

В темноте глаза его мерцало золото: златой челн плыл в нем по темным водам.

У актеров нет времени дожидаться справедливости — поэтому о нетерпеливых нередко думал я: не актеры ли они.

Все они хотят устоять — и называют это справедливостью. И — «приведением в порядок» —

—слишком снисходительны — одни; слишком податливы — другие.

Нужно красть, если невозможно грабить: так говорит голос чести среди мошенников

Уже чувствую я, что сплю: быть может, я скоро проснусь?

Как хочешь ты научиться танцевать, если сперва не научишься ходить? Но над танцующим — летящий и блаженство верха и низа.

А кто добивается добродетелей сильных, не должен заглядываться на добродетели слабых, но сурово проходить мимо этих красивых служанок.

Ах, как жаль, что ты полагаешь, будто обязан презирать там, где ты лишь отказываешься!

Однажды я заметил, что потерял терпение; тогда вышел я поискать его — и искал хорошо. Но вы думаете, мои друзья, что я снова нашел его? Напротив — но в пути своем я нашел столь многое, что непременно должен рассказать вам об этом и повести за собой, — и клянусь, что вы при этом сами потеряете терпение. Ведь вы не думаете, будто я хочу чего-то другого, ибо лучшее из того, чему я научил-

ся и что нашел за это время, гласит: «*для многих* настало время потерять терпение».

А тем более для вас, мои друзья!

Остерегайтесь всякого полужелания и решайтесь на леность так же, как на поступок.

А кто хочет однажды поражать молниями, должен долгое время висеть тучей на небе.

Долгому молчанию должны вы учиться, и никто не должен видеть ваше дно.

И не те лучшие молчуны, кто закутывает лик свой и замутняет воду свою, так что сквозь нее нельзя видеть.

Но светлые, храбрые, прозрачные, — вот лучшие молчуны, чье дно столь глубоко, что его не увидишь и сквозь самую светлую воду.

Ведь их молчание не выдает себя как молчание.

Слишком рано еще для меня: до сих пор я был еще своим собственным предтечей и зовом глашатая.

Не должен ты ходить по чужому илу: в том искусство твое, чтобы легко пробегать, подобно божественному взору презрения.

Все хорошо преследуемые вещи до сих пор имели успех.

Вскрылись мои могилы, моя заживо погребенная боль снова встала. Она пыталась выспаться, закутавшись в саван, чтобы теперь — горе мне — очнуться ото сна!

Счастье мое бегает за мной, — сказал Заратустра, — потому, что я не бегаю за женщинами, а счастье — женщина.

И человек так унизился перед богом, так надломил свое упрямство, что возжелал смертельной мести, — и теперь обречен умереть тот, кто все видел!

Месть *свидетелю*——

Вот в чем хитрость стыдливости: она и себя саму хочет уверить, что лишь уклоняется от насилия,—но больше всего ей хочется уступать и быть отчаянием более слабых.

Кому нечего делать, тому Ничто находит занятие.

Если я не хочу, чтобы вы мне что-то делали, почему *я* не могу сделать вам это? Поистине, что я должен сделать вам, вы не можете мне сделать!

У них всех нет характера—что ж! Им нужно его украсть.

Делайте что хотите, но будьте сначала теми, кто может хотеть!

Любите ближнего своего как самих себя—но прежде будьте теми, кто любит самих себя.

Малый огонь, но большое утешение для корабельщика, которого ночь хочет выдать дикому морю.

Забытье—это божественное совершенство. И кто хочет подняться ввысь и летать, должен сбросить в глубину много тяжести, чтобы стать легким; это называю я божественным легкомыслием.

Издалека люди плохо думают друг о друге. Но два человека вместе—как смогли бы они не благоволить друг другу!

Одиночество созревает: оно не насаждает.

Увы, ты хотел купить его, но предложил слишком мало и теперь лишь укрепил его добродетель, ибо однажды она уже сказала «Нет».

Скромно обнять свое маленькое счастье и при этом скромно коситься на еще одно маленькое счастье—

Даже в темницы залетала моя заблудившаяся свобода со своим любопытством.

Так много добра вижу я, так много слабости: все вы честны и приветливы друг с другом, словно песчинки.

Польза оскверняет любую вещь и любое действие: ведь что такое святость, если она не сидит в сердце и в совести вещи и действия!

Я хочу, чтобы ты ничего не делал «для того чтобы», и «потому что», и «так как», — но делал все ради самого дела и из любви к нему.

И если некто до сих пор лишь бесконечно презирал людей, — разве не был он благодаря этому их величайшим благодетелем?

«Чего хочет от нас этот человек, эта темная туча? Он хочет принести нам чуму!»

«Спрячьте детей: такие глаза обжигают юные души».

Вы лжете о событиях и случайностях! С вами никогда ничего не случится, кроме вас самих! И что зовете вы случайностью — это вы сами: происходящее с вами и выпадающее вам!

Счастье мое стояло надо мной жарким полднем, солнце мое жадно пило из моря — а теперь приходит ночь с облаками и внезапным ветром.

Хорошо знаю я, откуда и куда дуют ветры

посадить его волю так, чтобы стал он высоким деревом и давал тень своим дальним потомкам, — долгой должна быть воля!

Что же называете вы своей совестью? Не закон, а то, что вы нуждаетесь в законе и в руке, которая поддержит вас, спотыкающихся пьяниц!

«мягкий, мимолетный, скромный»

нужно ли мне теперь бранить развратное счастье? Или «мачеху природу»?

Из похвалы и хулы строишь ты ограду вокруг тебя.

А если ты не можешь вынести жизнь, постарайся полюбить ее: такой всегда была уловка мудрецов.

Самой смелой их уловкой было верить в бога, когда они слишком близко чувствовали дьявола.

Они научились подменять имена; так обманывали они самих себя в отношении вещей. Смотрите, в этом всё искусство самого мудрого!

Для своекорыстия большинство людей слишком безумны: их счастье делает всех их безумными.

Они всем жертвуют ради одного — в этом и есть любовь. Это своеволие и себялюбие висит над всем.

Из их любви бьет ключом их горячее безумие — но оно плохой счетовод и презирает холодные добродетели лавочников.

Ибо добродетели лавочников, их прилипающие к деньгам пальцы и похотливые глаза — все это даже ниже достоинства зверя.

Мало ценится все то, что можно оплатить: это учение выплевываю я лавочникам в лицо.

Деньги проходят через пальцы всех — поэтому учись прикасаться к ним в перчатках.

Да будет благословенна маленькая бедность: ибо все лавочники стремятся к большому богатству.

Где звенит злато, там правит шлюха.

Кто всегда слишком щадил себя, тот в конце концов заболевает от этого.

Он говорит хрипло, но не из хриплого горла; всякий порыв ветра делает этого неженку хриплым!

Часто нельзя сделать отчаявшегося сильным иначе, как рассказав ему о его слабости.

Одни обжоры, другие лакомки — и те, и другие достойны презрения.

Родители и воспитатели.

О, эти узкие души лавочников! Когда деньги прыгают в сундук, следом прыгают и души лавочников.

Чья душа была глиняной копилкой и чьим счастьем были грязные бумажонки — как же их кровь может стать когда-нибудь чистой?

До десятого колена еще будет она течь вялой и гнилой: потомки лавочников непристойны.

О писаках и писклях. Об учителях одного дня.

Отойди от меня, мой искуситель, — сказал Заратустра старику, целуя его дрожащую руку; произнося это, он улыбнулся, ибо вспомнил о чем-то.

Это время маленьких людей.

В левой пятке больше смысла правой, чем в голове.

Хор шутов, т.е. мудрецов, которые временами чувствуют себя невеждами и дураками.

Хор бедных, т.е. малых, лишних, для которых легка их ноша. (Эмерсон, с. 283).

Быть сожженным не за свою веру, а за сомнение в своей вере —

Я не желаю больше скрывать того, что чувствую; что толкуете вы мне об истине!

Дух его попал в клетку его узкого сердца.

Разве люблю я людей? Но они входят в мои планы — вот и вся моя любовь.

Недоверчивый и уязвленный, готовый к внезапной воле, решительный в ожидании и в засаде

Чего я не хотел прежде, того я должен желать после — другого выбора у меня нет.

Против надутых мудрецов, освобождаясь от них, — душа, для которой всё *становится игрой.*

Они хотят, чтобы никто не причинял им боль, и поэтому заранее делают всем приятное, — эти трусы!

«Делайте что хотите, но остерегайтесь привлекать к себе внимание! Делайте что можете, но остерегайтесь задевать друг друга!» Рецепт обыденности.

В добродетели не бывает прыжков.

искать своего врага, найти своего друга.

Рецепт: долго желать, никакого сладострастия, учиться молчать, учиться одиночеству, учиться глубокому недоверию

камень становится хрупким

создавать хребет для воли — посредством организации

Проклятье тому, что лучшие уходят, не оставляя детей.

Убийце бога, искусителю лучших, другу злых

Кто до сих пор больше всего презирал людей, разве не был он их величайшим благодетелем?

—Мародеры, умеющие еще что-то похитить у этих мертвецов и полумертвецов

Лучше уж раздоры <Händel>, чем торговцы <Händler>!
Говори утром и по вечерам: «Я презираю лавочника, я хочу сломать ему длинные пальцы».

Страдание возвышенного человека не в его низком, а в том, что он знает: «есть и более высокое». Быть *прижатыми* к высоте, словно шар, — это называют они «подниматься».

Вы задушили их честолюбие! Быть среди вас последними было куда привлекательнее для них, чем быть первыми!

«Наслаждение — это женщина, она бегает за тем, кто ее отвергает».

Вы рассчитываете счастье всех и при этом забываете о будущих поколениях — о счастье *большинства*!

Спросите у женщин! Рожают не потому, что это доставляет удовольствие.

«Оно хочет мне приказывать? Что ж, поборемся друг с другом: быть может, моя воля окажется сильнее!» К возникновению зла.

Уже не живет никто из тех, кого я любил — как же мне еще любить жизнь!

Ангелы обливаются слезами от его улыбки

Усталый и счастливый, подобно всякому творцу на седьмой день.

Мое сердце было вежливым даже к дурным случайностям; быть колючим по отношению к судьбе казалось мне мудростью ежа

Часы бегут на легких ногах по нашим сердцам

А когда у меня не было лестницы, я всегда вставал на свою собственную голову.

Вот только что такое тишина: никто не думает обо мне и все обо мне говорят.

Я искал себя и место, где бы я чувствовал себя как дома, — то было мое самое тяжелое испытание.

Я искал мое тяжелейшее иго — и обрел себялюбие.

Он неколебим и если жалуется, то больше из снисхождения к вам: он накидывает плащ на свою суровость.

Я не хвалю землю, где текут — мед и молоко.

«Все худшее осталось позади нас»

«я считал тебя мудрым — но больше всего поражает меня в тебе твой ум.

беспомощные добродетели.

«Я хочу жить так, как хочется, — иначе мне не хочется жить» — так думает и самый святой.

Там, где был у меня только страх, наконец появится и желание; о, бездонная мысль, теперь я учусь любить и бездну!

Властолюбие и себялюбие возвысило ложь до предела.

Взгляни же на камни самых высоких гор! Разве не образовались они в глубинах моря?

Берегитесь, богатые: маленькая благотворительность ваша возмущает еще больше, чем великая скупость. Вы истекаете, подобно толстым бутылям с узеньким горлышком, — нередко уже отбивали горлышко таким бутылям.

Этот сосед и его мелкая нужда его, этот город и его мелкий воздух — все это каждый день отнимает твои силы. Как же ты здесь научишься создавать великих существ!

Беспомощный, словно хладный труп

«Будем же скромны и в добродетели! С удовольствием ладит лишь скромная добродетель» —

Писаки и пискли, испускающие пар честолюбцы, назойливые и бесстыдные —

Неужели инстинкт и в самом деле, как вы учите, хочет быть «утоленным»? Хочет ли он освободиться от себя самого и обрести спокойствие? Хотела ли когда-нибудь воля ничего не волить?

Созидание — вот импульс любого инстинкта, а если он на какое-то время уснул, то спит он лишь для того, чтобы потом бодрствовать.

Нужно выспаться, чтобы бодрствовать.

Вы же извращаете сущность воли, сводя ее к упрямству и волению против себя, вы ложно понимаете слова усталой воли, посапывания и всхрапы спящего.

Разве сон — это изобретение для смерти? И разве тот, кто хочет спать, смертельно устал? Посапывать и храпеть может и самый живой.

Равные права для всех — невиданная несправедливость, ибо оказываются обделены высшие люди.

Всегда больше всего нахваливают справедливость, ей достается хвала *большинства* — тех, кому нельзя иметь равные права!

Он высиживает свое несчастье, словно яйцо.

О, ты, познающий, и у тебя есть назойливость! И да будет тебе наградой то, что ты видишь фасад всех вещей!

Дух его угасает — и виднее становится все его хорошее и дурное; он темнеет — ах, если бы сейчас стали виднее лишь новые звезды!

22 [2]

План к Заратустре 3.

На море (ранней ночью)
О блаженстве против воли.
Об умаляющей добродетели.
О костре.
Самопознание Заратустры (как предательство друзей). Теперь приходит беда.
Рассказ.
Защита Заратустры:
1) от законодателей и князей,
2) от лавочников,
3) от учителей одного дня,
4) от благочестивых.
Великое проклятье.
Рассказ.
Утешение шута — о науке — все едино, равно и т.д.
Заратустра ищет последнее, что его любит, — напрасно.
Разговор с молнией. Вечное «напрасно!»
Мальчик и змея
Заратустра болен. Святой
Ответ З<аратустры> святому.
Решение.
Похвала первородной природе как фатуму.
Ходьба выздоравливающего.

22 [3]

Это предательство — стремиться к величию: у кого оно есть, тот стремится к доброте.

Глубочайшая любовь не знает, как себя назвать, и спрашивает: «Не ненависть ли я?» Стоит только однажды — — —

Не поступаем ли мы наяву, как во сне? Мы всегда сочиняем и придумываем себе человека, с которым общаемся, — а спустя миг обо всем забываем.

Когда мужчина и женщина прекратят не понимать друг друга? Их страсти идут разным шагом — они по-разному отмеряют время.

Учиться не обращать на себя внимание полезно — чтобы видеть *далеко*.

А кто верит в свою жизнь после смерти, тот, конечно же, научился быть мертвым и при жизни.

Верующий больше всего ненавидит не свободный дух, а новый дух, у которого новая вера.

Тягостные, унылые люди становятся легче от ненависти и любви: так они поднимаются на свою поверхность.

Дело проясняется: оно больше не касается нас. Остерегайся не достичь достаточного прояснения относительно себя самого!

Сочувствие ко всему роду — приводит к черствости к отдельному человеку.

Ужасные переживания ищут себе ужасных людей.

И я тоже бронза с бронзовой судьбой: так я всегда чувствовал, когда заговаривали вы о судьбе.

У него для себя свой собственный бог — но с тех пор, как я увидел этого бога, я стал считать его лишь обезьяной бога.

Есть такая закоренелая ложь, что ее зовут «чистой совестью».

Они бегут за тем, кто внушает им, будто они потеряли свой путь. Им льстит слышать, что у них был путь.

Великие мысли, исходящие из сердца, и малые мысли, исходящие из головы, — плохи и те, и другие.

Хочешь, чтобы мерили тебя по замыслам твоим, а не по твоим результатам? Но откуда взялись твои замыслы? Из результатов!

Кто не смог найти путь к своей цели, живет более дерзко и легкомысленно, нежели тот, у кого вовсе нет никакой цели: он хочет растерять и забыть свою утрату.

Опасность для мудреца — безумно влюбиться в глупость.

Он жертвует собой, но не из жалости, а от богатства: он отдает — отдает *себя самого*!

Дьявол, друг познания, держится подальше от бога: богов видно лишь издалека.

Любовь проявляет все высокое и редкое в человеке, поэтому она приукрашивает — обманывает относительно него (и прежде всего — обманывает его самого!). Но взгляни, что происходит, когда некто знает, что любим, но сам *не любит*: тут душа выдает даже свой осадок.

Не только стадо, но и пастух нуждается в баране-вожаке.

Почему ты в стороне? — Я пока не нашел никого, кому мог бы подчиняться, и никого, кем бы хотел повелевать.

Слон, пытающийся *стоять* на голове.

Вы полагаете, дело сделано, если вам удалось сделать безвредной молнию? Но *я* хочу, чтобы она работала на меня. Так я думаю обо всем злом в тебе и во мне.

Невинность во лжи есть признак доброй веры в какое-нибудь дело.

Любят всегда только свое вожделение, а не то, чего вожделеют.

В темноте иначе чувствуешь время, чем при свете.

И там, где я вижу длинные пальцы лавочника, я предпочитаю вытянуть короткий жребий.

Вот черное печальное море — и через него должен ты перейти! Заратустра 3.

Сплющенные дома, напоминающие глупые детские игрушки; пусть ребенок спрячет их обратно в коробку! — сдавленные души.

Доверчивые и открытые, но низкие, подобно дверям, впускающим лишь низкое.

Испорчен многими мелкими успехами: все давалось ему легко, он так и не познакомился с лучшей серьезностью.

Люди должны стать злее — вот самая большая боль познающего! А кто хочет создать высших людей, должен сделать их и более злыми — вот боль доброго и созидающего!

О, Заратустра, защитник жизни! Ты должен быть и защитником страдания! Я не могу освободить тебя от ада; преисподняя должна восстать против тебя, а тени — свидетельствовать: «жизнь — это пытка».

Похотливый глаз — добавка к желчной душе

Если большой город сам выносит себя на сушу, он приносит суше не удобрения, но гниль и мерзость.

Где тот воспитанный и ученый, кто сможет приказывать? Своими учениями послушания должен он сначала подольститься и втереться в доверие к тем, кто подчиняется.

Ваши добродетели не подходят вашему телу: болезни тела вашего обвиняют добродетели ваши, которыми вы так гордитесь.

Больные общественным мнением и публичными девками: это и есть их самые тайные болезни.

Великое лицемерие среди вас: те, что приказывают, притворяются, будто обладают добродетелями тех, кто подчиняется.

Я стараюсь уговаривать там, где должен был бы приказывать: того требует мое дурное воспитание. Такие уговоры ничем не лучше лести: тут высший льстит низшему.

Если все идет согласно нашей воле, все идет и согласно нашим желаниям.

Все прошедшее — это текст с сотнями смыслов и толкований, — и поистине! Один путь ко *множеству* будущих! Но кто придает будущему только один смысл, тот определяет также и одно толкование прошедшего.

«Еще не настало время быть мне шутом» — говорит Заратустра, когда шут говорит: «Отбрось все от себя, танцуй и будь человечен с собой и с нами!»

Одиночество одного — это бегство больного, одиночество другого — бегство от больного.

Одни делают народ безумным и изобильным, так что сосуд переполняется, — они служат тирану; а другие делают так, что тиран переполняется, трескается и лопается, — они служат народу.

Он смеется как молния — но потом долго грохочет как гром.

Довольные свиньи или гибнущие в сражении — неужели у вас нет другого выбора?

Могильщики выкапывают себе болезни; под старым прахом покоятся дурные испарения. Не следует копаться в грязи.

Он подражает самому себе: это его второе детство.

Сочувствие великого сурово — подобно рукопожатию великана.

Разве не жалуется солнце: «я хотело светить им, но выкололо им глаза — я их ослепило!»

«Как пройду я через городские ворота? Я разучился жить среди карликов».

Самое великое в великих — материнское. Отец — всегда лишь случай.

Даже мое неистовство слушается меня.

Под моими вершинами и моим снегом я нахожу все пояса живого

и не всегда приходят дети к тому, кто их пускает к себе.

Вы кашляете и думаете, что это возражение против сильного ветра.

«Мы хотим есть» — рычите вы; брюхо ваше добавляет: «Много!» — а ваш похотливый глаз: «Хорошо!»

Что есть пошлость пошлостей? Из всех выводов самый древний и самый юный: «Это причиняет боль — значит это *плохо*».

С тех пор как я понял это «значит» и это происхождение плохого, я смеюсь над всем вашим «Хорошо и Плохо»! По ту сторону вашего «Хорошо и Плохо» звучит мой смех.

Красота *прячет* мужчину.

Чтобы стать гладким и твердым, нужно присоединиться к толпе, но захватив с собой и свое тайное одиночество.

Рассеянные, подобно семенам жизни, от звезды к звезде?

Ужасный дифирамб жизни в Заратустре 4.

Пусть приходит ко мне случай! Он невинен как дитя.

Перехитрить случай и вести его за руку.

Лишь тот, кто знает, куда он плывет, знает также, какой ветер для него попутный.

Две новых добродетели — мудрая забывчивость и искусство ставить паруса по ветру.

Женщины становятся мужеподобными: слишком мало мужчин.

В доброжелательности много презрения к человеку, но нет ничего от ненависти и любви к человеку.

Когда дьявол сбрасывает с себя кожу, вместе с нею спадает и его имя.

Укоры совести — укоризна бога, а если это бог любви — то укоризна из любви?

Я вижу *их* звезду и восхищаюсь — но теперь они думают, что это *моя* звезда.

Не слушайте, что они говорят, — но смотрите на их рот! Языком они могут лгать, но ртом говорят правду!

Для чего же создана вся природа, если не для того, чтобы были у меня знаки, чтобы *говорить* с душами!

Теперь все устроилось к лучшему! Ибо лавочники носят теперь сабли и усы, да и сам полк достался кривоногим.

Вот черное печальное море; подобно моей собственной судьбе, лежит оно передо мною —

Ах, эта тяжелая ночная угрюмость! Его око открыто, но еще сонно и незнакомо смотрит оно на меня.

Теплым дыханием дышит на меня море, подобно судьбе моей, и мечется на своих скалах-подушках, и стонет будто от злых предчувствий —

Я печален вместе с тобой, ты, темное чудовище, и на себя самого досадую я из-за тебя. Ах, мне недостает сил избавить тебя от злых грез! —

Что ты делаешь, Заратустра? Ты хочешь утешать песнью море? Стал ли ты уже сочувственным зрителем и предсказателем собственной судьбы?

Что ты делаешь, любвеобильный глупец, ты, безмерно блаженный в своем доверии? Но ты всегда доверчиво подходил и ко всему ужасному, желая еще погладить всякое чудовище.

Дуновение теплого дыхания, немного мягкой шерсти на лапах — и вот уже текли соблазнительные звуки из твоей флейты; полный тоски, приближался ты ко всему живому!

Теперь познакомься с этим чудовищем!

Пусть лучше ты довершишься своей судьбе, когда она рычит, подобно морю, из тысячи глоток, пусть лучше ее зубы оскаливаются против тебя в бурю, — чем такая тяжелая ночная угрюмость.

Нет ничего более злого, чем спящее море и беременная судьба; как переберешься ты через этот черный поток, если не хочешь сам быть более черным и злым, чем он?

Что бы ни встретилось тебе отныне, явится как судьба: кончилось время, когда тебе еще мог встретиться случай!

Если ты не можешь молиться, почему же ты хотя бы не проклинаешь?

Я боюсь тебя, потому что ты смеешься, пока мы боремся за жизнь: ты выглядишь так, будто уверен в своей жизни.

В своей жизни или в своей смерти – сказал Заратустра.

Если мы спасемся, я хочу сказать: «бога нет, этому меня научил Заратустра».

Я прощаю тебе твое недоверие, но я и ни гроша не дам тебе за твое доверие.

Ты еще веришь в чудо и чудотворцев, истинная нужда могла бы научить тебя молиться. Старые фальшивомонетчики духа сделали и твой разум фальшивой монетой –

Мне противно, хотя я всего лишь три дня – – –

Веселость – это тайное предвкушение *смерти*, избавляющей нас от великого бремени нашей задачи.

Заратустра: Откуда идет Заратустра? Кто его мать и отец? «Судьба и смех – вот мать и отец Заратустры; жестокая судьба и прелестный смех произвели на свет этого отпрыска».

Небо пламенеет, море плюется в него

маленькая тайная община и темные испарения всяких святош

22 [4]

Сцена на корабле.

Впечатление уменьшения человека. Его *страх* нарастает.

Смерть и гибель островов.

Заратустра ищет самого себя в суматохе:
среди строптивых (злых),
среди причиняющих насилие,
среди ваятелей,
среди открывателей,
среди безумцев.

22 [5]

Разве я пришел для того, чтобы предостерегать от карманников и поносить пороки?

Тебя преследуют

Что ж, пусть преследуют хорошо: до сих пор успех был лишь на стороне хорошо преследуемых.

Они пресыщаются своей ненавистью и яростью и встречают на своем одиноком пути светлые видения, которые говорят им: «Почему бы наконец не любить!» —

«Столь сладка ярость любви!»

Кораблекрушение выбросило его на землю, верхом на гребне волны прибыл он в свою землю обетованную.

У всего, что светло, и сильно, и хорошо, — этот бог — — —

Возле каждой лавки видел я винный погреб: их душа мерзнет, они хотят согреться горячими винами или найти тепло у горячих бабенок.

Знай: для созидающего мудрость и доброта — это не свойство, но средство и состояние.

упрямый — сам себе плохой супруг

«Нечаянность» — не лучшая аристократия, пусть даже и самая древняя.

Трубачи и другие мотыльки

«Судьба твоя немного тебя подкислила — а теперь ты взошел и переливаешься через края» — говорит шут Заратустре.

Вы называете это ходулями, но это сильные ноги гордости, — длинные ноги!

Услужливый и коленопреклоненный, испорченный и сомнительный, позеленевший и унылый

«как же мне не быть среди вас словно маслу в воде — всегда сверху! — нужно как следует потрясти нас, чтобы это изменилось», — сказал Заратустра капитану, удивляющемуся его веселости.

что живет вокруг вас, то в скором времени становится вашим соседом — образуя привычку. А где долго сидят, там вырастают обычаи.

больные и одержимые

«Так хвалю я себя сам, и мне того довольно. Но теперь ваша очередь меня хвалить».

Есть услужливые и служащие — но есть еще самостоятельные, они должны поставить себя сами — или упасть.

— они падают на вас — подобно статуям полубогов!

Я, безбожный Заратустра, говорю: кто безбожнее меня? Я стану учеником его.

такой всегда должен был сам надевать на себя корону: он всегда считал священников слишком трусливыми.

Рассказы вечером у костра

против шума: он убивает мысли

с голосом, похожим на грифельный карандаш

они снуют всюду, где есть больные и шелудивые, подобно вшам, — почему же не давить их!

величайшая опасность позади нас — вперед, туда, где блаженные острова. Мы отправились вовремя.

«Или слишком поздно», — сказал Заратустра.

проклинать всех ваших трусливых дьяволов, любящих повизжать, и складывать ручки, и молиться.

Козы, гуси и прочие крестоносцы, ведомые святым духом

«тебе еще вспорют брюхо, Заратустра: ты выглядишь как тот, кто проглотил злато»

Горе, кто захотел бы общаться с ними, если бы это не было бы их пропитанием?

Они должны бороться с диким зверем голодом — или их общение было бы общением дикого зверя — с нами.

Их скука была бы здесь наседкой

Пошлые и достаточно мелкие для ничтожных привилегий, они еще роются в мусоре счастливых случайностей

Богаты они — но глаза их остаются воровскими глазами. Старьевщики. Стервятники.

Мое проклятье — братство ненависти и молнии.

Я исследовал причины — и охладел ко всякому почитанию; вокруг меня стало чуждо и одиноко.

Но почтительность внутри меня — тайно пробилась наружу и стала древом, в тени которого я сижу, — древом будущего.

«Я почитаю будущее»

хорошо преследуемый, плохо пойманный

испорченная, тепловатая, пенистая кровь

волка сделали вы собакой, а самого человека—домашним животным человека

22 [6]

Я почитаю добродетель, если она—предусмотрительность беременного; но ваши добродетели—добродетели тех, кто никогда не родит.

Все великие вещи ходят кривыми путями, но нужно смотреть на них, раскрыв глаза: в том было их мужество, чтобы идти к цели кривыми путями.

Кривыми путями идут к цели своей великие люди и течения, но они идут к *своей* цели. В том их высшая ценность, что не боятся они и кривизны.

22 [7]

способным к войне, способной к рождению—такими хочу видеть я мужчину и женщину:

Не лучший вкус тот, которому все по вкусу: я люблю строптивые и прихотливые желудки и языки, которые говорят «Я».

Никто не хочет получить ее в подарок—так что ей приходится продавать себя!

Господствовать и не быть больше слугой бога: это средство облагородить себя еще осталось у человека

22 [8]

О воле к страданию.
О видении и загадке.
О блаженстве против воли.
Перед восходом солнца.
Об умаляющей добродетели.
О прохождении мимо.
Зимняя песнь.
Об отступниках.
Возвращение.

23. Конец 1883

23 [1]

Маленькая невинная история, натворившая, однако, много бед; я расскажу ее вам — а беды вы можете пересказывать себе сами!

Жил-был однажды мальчик, которому дали понять взглядами и словами: «Твой отец не отец тебе вовсе!»

Это огорчило мальчика и погрузило в раздумья, и наконец сказал он себе в сердце своем: «Что может быть на свете прекраснее, чем иметь родного отца?»

А когда он научился молиться, то первым делом попросил: «Боже, дай же мне настоящего отца!»

Мальчик рос, а с ним вместе его тайная любовь к отцу и его молитва, —среди женщин и священников вырос он: —

Юноша, обретший глубину среди женщин и священников, робеющий перед любовью и даже перед словом «любовь»

ставший глубоким и жаждущим хотя бы росинки любви, подобно тимьяну в ночи —

жаждущий и дрожащий от своей жажды, друг ночи, ибо ночь полна стыда и ароматного благовония —

Благовонием священников благоухала и сама душа его — и невинностью женщин; но она стыдилась еще этого благоухания.

И как юноша, молясь, обычно жаждет любви женщины, так он, молясь, жаждал любви отца и стыдился еще молитв своих.

И вот случилось, что молитва его растеклась по светлым облакам и из светлых облаков прозвучал глас: «Вот возлюбленный сын мой, к которому я благоволю».

Возможно ли! — сказал юноша. Я возлюбленный сын того, кого молил я дать мне отца? Бог — мой отец! Возможно ли это?

Этот старый всемогущий, с наморщенным лбом и надутыми губами, бог евреев — мой отец! Возможно ли это?

Но он сам говорит это, а он никогда не лжет! Что же мне остается? Верить ему!

Но если я сын ему, то и сам бог; но если я бог, как я могу быть человеком? Это невозможно — но я должен верить ему!

Человек во мне — это, верно, лишь потребность его любви, ибо как я жаждал иметь отца, так он, верно, жаждал детей.

Раз я человек, то это, должно быть, ради людей: я должен привлечь их к отцу моему –

– привлечь их к любви: о, эти глупцы, которых еще нужно привлекать к любви!

Они должны любить бога: это учение легко и благодатно; легкое бремя возлагается на нас, божьих детей: мы должны делать то, что больше всего любим делать.

Это учение и эту мудрость легко усвоить: даже нищие духом должны протянуть к ним руки

Кое-что в человеке едва ли божественно: когда испускаешь нечистоты, как можно быть богом?

Но еще хуже обстоит дело с другими нечистотами, именуемыми грехом: его люди хотят оставить в себе, не испуская.

Но теперь я должен в это поверить: можно быть богом и испражняться; итак, я учу их испражняться и становиться богами.

23 [2]

Старую мудрость испил я недавно, невероятно старое и крепкое вино мудрости.

23 [3]

О славе.

Одно — вожделение, другое — рождение. Спросите женщин! Рожают не потому, что это доставляет удовольствие.

Боль заставляет квохтать кур и художников. Вожделение лепечет — выслушайте же мой лепет о славе.

Вожделение — запечатлеть свою руку на тысячелетиях, как на воске. Вожделение — писать на воле тысячелетий, как на меди.

Вожделение — растворять звезды будущего в кубке своей воли; вожделение — почтительно высыпать целые миры на ковер вечности.

23 [4]

Раз! Вздымается полночь! Издалека принесенное ветром сюда, наверх, из глубин мира, ищет ее слово у меня, отшельника, своего последнего успокоения?

Два! Последнее успокоение глубокого мира — это ли высота отшельника? Ищет ли она, когда ее звук проникает в мои уши и в самую мою сердцевину, — ищет и находит примирение?

Три!

23 [5]

О путях познающего.

«Как пришел ты, Заратустра, к своей мудрости; может быть, прилетел? — так спрашиваете вы меня. — Мы хотим научиться у тебя лететь к своей мудрости.

Хорошо спрашиваете вы; хорошим должно быть и учение. Тому, кто хорошо спрашивает, уже дается половина ответа.

Многими путями и способами пришел я к моей истине, не по одной лестнице поднялся я на высоту, где глаза мои унеслись вдаль.

И никогда не спрашивал я людей, но спрашивал и испытывал сами пути. Спрашивать и испытывать — вот мой путь.

Среди людей всегда был я тем, кто хорошо скрыт: поднимался ли я, или летел, или стоял, раздумывая, — они не видели меня своими глазами.

Они не слышали меня своими ушами: часто прислушивался я к эху — но слышал лишь похвалу.

Я шептал это им на ухо, отплывая в неизведанные ужасные моря, — значит ли это, что я что-то скрывал? А потом, когда у них на глазах я отправлялся в неизведанные ужасные пустыни, — кто из них *видел*, как я путешествую?

И когда по веревочной лестнице влезал я в иные окна, когда проворно взбирался на иные мачты — хорошо скрытым от них оставался я в приключениях своих и злых проделках.

Злое блаженство часто виделось мне на самых высоких мачтах, словно огонек — малый свет, но большое утешение для заплутавших корабельщиков и потерпевших кораблекрушение.

Другое блаженство и другую злобу познал я, когда налетел весенний ветер: когда поднималась и поднималась вода подо мной, вздымая льдины, — тогда я ликовал.

Довольно нашел я слабых и нежных, — они называют себя добрыми и нежно обходятся с добродетелями; довольно и лицемеров, злоупотребляющих именем справедливости.

Обманывающие сами себя говорили со мной, те, у кого ложь невинно сидит на губах их и сердцах; иные паразиты порой жадно толпились у пиршественного стола моей мудрости.

23 [6]

Только когда испытываете жажду, пейте; и только когда гонит вас дух, танцуйте. И учитесь лжи только затем, чтобы понять, что значит говорить истину!

Голод лишь должен гнать вас обратно к истине; а когда вы наполнитесь добрым вином истины, вы пожелаете и танцевать.

23 [7]

Пролог.

О, мои братья! Научитесь сначала у меня тишине! И одиночеству!

23 [8]

О последнем утешении.

Смотри, как все устроено для мастерской созидающих душ: все, что *необходимо* созидающим душам, здесь в *избытке* — и **боль** тоже.

23 [8]

3. О самоумалении
Зимняя песнь.
О прохождении мимо.
О правителях.
О наслаждающихся.
О ваятелях.
О злых.
О законодателях.
Об открывателях.
Перед восходом солнца (обет)
О лице самого одинокого.
Другая танцевальная песнь.
Об одиночестве.
О великой тоске.
О смехе и полете.
Беседа с молнией.
О вечности.
О свободной воле. (Вниз!)

1. О воле к страданию.
2. О блаженстве против воли.
О прохождении мимо.
Перед заходом солнца.
Да! И аминь!
О великом томлении.
Другая танцевальная песнь.
Вниз!
Зимняя песнь.

О беременности.
Об одиночестве.
О славе.
О правителе.
О ваятелях (учителях).
О злых.
Беседа с молнией.
О лице самого одинокого.
О смехе (и духе тяжести).
Песнь парящего.

О законодателях (разбивание скрижалей)
О наслаждающихся.
Об открывателях (случай)

23 [10]

1. О воле к страданию.
2. Об увиденной загадке.
3. О блаженстве против воли.
4. Перед восходом солнца.
5. Об умаляющей добродетели («Сильные»).
6. Об отступниках.
7. О прохождении мимо.
8. О единой победе.
9. О путях познающего.
10. Зимняя песнь.
11. О великом томлении.
12. Возвращение.
13. О трояком зле.
14. Другая танцевальная песнь.
15. Новые скрижали.
16. О духе тяжести.
17. О выздоровлении.
21. И еще раз!
22. О кольце колец.

(18–20 пропущено)

– О воле к страданию.
Об увиденной загадке.
– О блаженстве против воли.
– Перед восходом солнца.
– Об умаляющей добродетели.
– Об отступниках.
– О прохождении мимо.
О воле к победе.
– Зимняя песнь.
О великом томлении.
– Возвращение.
– О трояком зле.
– Другая танцевальная песнь.
– Новые скрижали.

– О духе тяжести.
– Выздоравливающий.
И еще раз!
О кольце колец.

Заклинание
О лице самого одинокого.
О воле к кольцу.
О великом томлении.
И еще раз!
О кольце колец.

Об утешении в великодушии («боль»)
Устранение *греха* (ибо нет бога).
(одна притча)

О последнем утешении
Без греха.
О князьях и народах –

24. Зима 1883–1884

24 [1]

К грекам трудно приблизиться, от них даже скорее отдаляешься, если рассматриваешь их слишком долго: это мой личный вздох, с которого мне хочется начать изложение моих наблюдений о греках как знатоках человека. С ними вполне можно жить некоторое время, придерживаясь прямо противоположных им взглядов, и тогда мы постигаем, что наша чуждость им оказывается еще поучительнее, чем наше чувство близости.

Быть может, грек увидел бы некое кощунство по отношению к природе, некоторый недостаток стыдливости в нашем желании копать глубоко для обнаружения человека. И напротив, мы поражены, когда слышим *γνώμη*[1], что «если есть знание, за ним должно последовать и действие» и что добродетель должна быть блаженством; все это звучит для нас столь чуждо и невероятно, что мы начинаем присматриваться: а не в шутку ли это говорится. Такое впечатление, будто они надевали на интеллект еще одну кожу.

24 [2]

философские последствия *античности:*

– «польза»

– бог и человек (точка зрения до Коперника)

– удовольствие как мотив

– логика, завышенная оценка сознания.

– душа

«вещи самой по себе» столь же мало, как и «абсолютного познания».

---

1 Мнение, изречение (*древнегреч.*).

На место основных истин я ставлю основные вероятности – *предварительно принятые* **направляющие принципы**, согласно которым можно жить и мыслить

эти принципы не произвольны, но соответствуют срединному срезу привычки.

Привычка есть следствие *выбора*, произведенного моими различными аффектами, которые *стремятся* к *хорошему самочувствию* и к *самосохранению.*

24 [3]

рассмотреть созидающую силу

насколько она жертвует ресурсами организма (нередко разрушительно)

как она, вызывая беременность, преображает другой организм и доводит его до величайшей опасности.

Степени созидающей силы

1) актер, производящий хорошее впечатление, например Фостен
2) поэт, скульптор, художник
3) учитель (Эмпедокл)
4) завоеватель;
5) законодатель (философ)

всюду тип еще должен быть найден, кроме самых низких ступеней: еще не проследили историю радостей и страданий. *Ложные* позиции – например, когда философ ставит себя *вовне*, – но такое состояние только *временное*, необходимое для беременности.

24 [4]

Вечное возвращение.

Книга пророчества.

1. Изложение учения и его *теоретических* предпосылок и следствий.
2. Доказательство учения.
3. Предположительные последствия того, что в него *верят* (приводит к *разрыву*)
   а) Средства вынести его
   б) Средства его устранить.

4. Его место в истории — *середина.*
Время величайшей опасности.
Основание олигархии *над* народами и их интересами: воспитание для общечеловеческой политики.
Противоположность иезуитству.

24 [5]

К возникновению *логики*

первоначальный хаос представлений

представления, которые смогли ладить друг с другом, выжили; большая часть погибла — и погибает.

Созидание — как *выбор* и *завершение выбранного.* (*Это существенно* при всяком волевом акте

24 [6]

относительно немецкой культуры у меня всегда было чувство *упадка.*

мое знакомство с ее находящейся в упадке разновидностью часто делало меня *несправедливым* ко *всему* феномену европейской культуры.

Старческая, китайская музыка Канта — это замирающий звук.

Немцы всегда приходят слишком поздно, последними, — и относят что-нибудь в *глубину,* например:

зависимость от заграницы (чрезвычайная полифония!): *Кант* — Руссо — сенсуалисты, Юм — Сведенборг

Шопенгауэр — Индия и романтики, Вольтер.

Вагнер — французский культ безобразного и великой оперы, *Париж* и бегство к первобытному состоянию. (брак с сестрой

Закон *опоздания* (провинции — в Париж, Германии — во Францию,

как случилось, что именно *немцы открыли греческое*

чем сильнее развивают какой-либо инстинкт, тем **привлекательнее** бывает однажды **броситься** в его *противоположность.*

Стиль упадка у Вагнера: отдельный *оборот* становится *суверенным,* подчинение и распределение — случайны. (Бурже, с. 25).

24 [7]

обе великие (найденные немцами) философские точки зрения

становления, развития

ценности бытия (однако нужно сначала преодолеть жалкую форму немецкого пессимизма!)

соединены мной *решающим* образом

все становится и вечно возвращается

—*ускользнуть невозможно*!

Предположим, мы *могли бы* судить о ценности; что из этого следует?

мысль о вечном возвращении как *избирательный* принцип, на службе у *силы* (и варварства!!)

Человечество *созрело* для *этой* мысли.

Объяснение того, что это *не вещь сама по себе* и

Великие отрицания. } 1) нет *познания самого по себе*!
2) *нет добра и зла самих по себе*!
3) *нет цели и нет происхождения*!

Сущность *органического*—самое безобидное понятие.

Цели как явления, сопутствующие *потребностям*. Также и философии: *наша* потребность ныне в том, чтобы *де*морализировать мир—иначе нельзя будет жить. Абсолютная «несвобода воли» вызывает, с *моральной* точки зрения, отвращение.

24 [8]

В отношении чувства власти люди делятся на:

А) жалких—тех, кому достаточно удовлетворить свои мелкие потребности; сюда относятся тщеславные, а также «добрые».

Б) неудовлетворенных, желающих добиться удовлетворения извне

В) верящих в свое могущество

Г) и т.д.

24 [9]

Психология заблуждения

Когда мы что-то делаем, возникает *чувство силы*, нередко уже до действия, при одном представлении о том, что нужно сделать (как при виде врага или препятствия,

которое нам, как мы думаем, *по плечу*); это чувство постоянно сопровождает нас. Инстинктивно мы полагаем, что это чувство силы и есть причина действия, «сила». Наша вера в причинность есть вера в силу и ее действие; это перенос нашего переживания, при котором сила и чувство силы идентифицируются. Но ощущаемая таким образом сила никогда не двигает вещи, «не приводит мускулы в движение». «У нас нет никакого опыта, никакого представления об этом процессе». «Мы также мало знаем о силе как двигателе — о *необходимости* движения». Сила должна быть принуждением! «Мы лишь узнаем, что одно следует за другим, — не чувствуя принуждения, как и произвола в том, что одно следует за другим». Причинность возникает лишь посредством примысливания принуждения в последовательность происходящего. Благодаря этому возникает и определенное «понимание» — т. е. мы «очеловечиваем» процесс, делаем его более знакомым нам: знакомое есть в таком случае привычное человеческое представление *о связи чувства силы с принуждением.*

24 [10]

«Необходимость может, конечно, означать и то, что «если наступает А, последует и Б. Степень вероятности (уверенности), с которой можно ожидать такой последовательности. Эта уверенность основана на опыте: всегда за А следовало Б и никогда не следовало нечто иное. Понятийное обоснование — в том, что процессы, *аналогичные* отношениям А и Б, подстраиваются под знакомую последовательность А и Б».

«Ощущение силы не может происходить от движения. Никакое ощущение вообще не может происходить от движения.

Об этом свидетельствует лишь кажущийся опыт: в некоей субстанции (мозге) посредством передачи движения (раздражения) рождается ощущение. Но рождается ли? Разве доказано, что ощущение там еще *не* существует? Так что его проявление *следует* оценивать как *созидающий* акт начинающегося движения? Бесчувственное состояние этой субстанции — только гипотеза! не опыт! Ощущение таким образом — *свойство* субстанции; есть субстанции ощущающие».

«Узнаем ли мы о некоторых субстанциях, что они *не* обладают ощущением? Нет, мы только не узнаем, обладают ли они таковыми. Невозможно вывести ощущение из не обладающей ощущением субстанции». Горе торопливости!

24 [11]

«Я хочу идти», но: 1) я *должен* идти, а *воление* здесь возникает только между прочим, это предварительный образ, не вызывающий действия; 2) этот образ невероятно сырой и неопределенный в сравнении с тем, что происходит, он понятиен и абстрактен и покрывает бесчисленные варианты действительности. Потому он никак не может быть причиной действия. *Исключить цели.*

24 [12]

Когда офицер приказывает «на караул!», солдаты исполняют команду. Он приказывает, и тогда они хотят. В действительности то, что они теперь делают, означает у каждого из них нечто совершенно *разное*,—но для восприятия грубыми органами *все выглядит одинаково.* Кто действует сообразно целям, часто находит их выполненными, т.е. он смотрит грубо и понятия не имеет о действительно происходящем. Что мир происходящего *соответствует нашему несовершенному образу происходящего, покрывается* им,— в этом состоит вера учителей цели. Чем меньше знания, тем легче сохраняется вера.

24 [13]

«В процессе формирования мышления должен был наступить такой момент, когда приходит осознание: то, чем обозначались свойства вещей, суть ощущения ощущающего субъекта; тем самым свойства переставали принадлежать вещам. Остается «вещь сама по себе». Различение вещи самой по себе и вещи для нас базировалось на старом наивном представлении о том, что вещи сами обладают энергией; однако анализ показал, что их сила вымышлена, как и—субстанция. «Вещь аффектирует субъект?» Корни представлений о субстанции—в языке, а не том, что существует вне нас! Вещь сама по себе—вовсе не проблема!

Сущее нужно будет мыслить как ощущение, в основании которого нет ничего бесчувственного.

В движении не дается никакого нового *содержания* ощущения. Содержательно сущее не может быть движением, то есть — *формой* бытия.

NB. Объяснение происходящего можно испробовать, во-первых, посредством представления образов происходящего, которые ему *предшествуют* (цели).

Во-вторых: посредством представления образов происходящего, которые за ним *следуют* (математико-физические объяснения).

Эти два объяснения не стоит смешивать. Итак: физическое объяснение, наглядное представление о мире из ощущения и мышления само по себе не может выводить или порождать ощущения и мышление; более того, физика должна *последовательно* конструировать ощущаемый мир **как лишенный ощущения и цели** — вплоть до высшего уровня, человека. А телеологическое объяснение — это лишь *история целей* без *всякого* физического элемента!

24 [14]

Множественность сил, связанных единым процессом питания, мы называем «жизнью». К этому процессу питания в качестве средства его осуществления принадлежат все так называемое чувствование, представление, мышление, т.е.: 1) сопротивление всем другим силам; 2) их упорядочивание по образам и ритмам; 3) оценивание с точки зрения присоединения или отделения.

1. Человек — существо *формообразующее.*

Человек верит в «бытие» и в вещи, потому что он — существо формо- и ритмообразующее.

Образы и формы, которые мы видим и в которых нам представляются вещи, вовсе не существуют. Мы сильно упрощаем и соединяем некие собственные «впечатления» посредством фигур, которые *сами* и создаем.

Кто закрывает глаза, обнаруживает, что формообразующий инстинкт продолжает упражняться в производстве бесконечного ряда форм, которые не соответствуют действительности.

2. Человек — *существо ритмообразующее.* Он вкладывает все происходящее в эти ритмы, это его способ справиться с «впечатлениями».

3. Человек — это *сопротивляющаяся* сила — по отношению ко всем другим силам

Его способ *пропитания* и присвоения вещей состоит в приведении их к «формам» и ритмам: *понимание* — это прежде всего *создание* «вещей». *Познание — это средство пропитания.*

24 [15]

Наука *не* спрашивает, что привело нас к этому волению, — *более того*, она *отрицает, что воление вообще имело место*, и полагает, что произошло нечто совершенно другое, — короче говоря, что вера в волю и цели представляет собой иллюзию. Она не спрашивает о *мотивах* действия так, как если бы они существовали в нашем сознании еще до действия; она разлагает действие на механическую группу явлений и ищет предысторию этого механического движения — но *не* в чувствовании, представлении, мышлении. **Поэтому** она не может принять чужое объяснение: ее материал как раз ощущение, *которое должно быть объяснено.* Ее проблема именно в том, чтобы объяснить мир, не прибегая к ощущениям как причинам; иначе пришлось бы причину ощущений искать в ощущениях. Ее задача совершенно не выполнена.

Итак: или никакой воли — гипотеза науки, — или свободная воля. Последнее предположение — господствующее чувство, от которого мы не можем отделаться, даже если гипотеза и *была бы* доказанной.

Популярная вера в причину и следствие строится на предпосылке, что свободная воля является *причиной всякого следствия*: только тут и возникает чувство причинности. То есть здесь заложено и чувство, что всякая причина *не* есть следствие, но что причина всегда первоначальна — если причиной является воля. «Наши акты воли *не необходимы*» — это *заложено* в понятии «*воли*». Необходимо следствие *после* причины — так мы чувствуем. Гипотезой является и то, что наше воление является в каждом случае долженствованием. Но воление — это воление цели. Цель

содержит ценностную оценку. Откуда берутся ценностные оценки? Является ли их основой твердая норма всего «приятного» и «болезненного»?

Но в бесчисленных случаях мы многое *делаем* болезненным из-за того, что вкладываем в это нашу ценностную оценку.

Объем моральных ценностных суждений: они играют роль почти в каждом чувственном восприятии. Благодаря этому мир для нас предстает *окрашенным*.

Мы вложили цели и ценности, обнаружив тем самым чудовищную *латентную силу* в нас самих, но при *сравнении* ценностей выясняется, что и противоположное почиталось ценным, что существует много ценностных шкал.

итак, нет «ценности самой по себе»

при анализе отдельных шкал выяснилось, что они выстраивались в зависимости от *условий существования* различных ограниченных групп людей (иногда ошибочно) с целью их выживания.

при рассмотрении *нынешнего* человека выяснилось, что мы пользуемся *совершенно различными* ценностными суждениями и что в них нет больше творческой силы; основа — «условие существования» — теперь отсутствует в моральном суждении. Все это стало гораздо более необязательным и уже давно не таким болезненным. Стало *произвольным*. Хаос.

Кто создает *цель*, которая стоит над человечеством и даже над отдельным человеком? Прежде хотели *сохранить* посредством морали. Но теперь никто не хочет ничего *сохранять*, да и нечего сохранять. Итак мораль, *пытающаяся придать* себе цель.

Сохраняющая вид

24 [16]

О происхождении наших ценностных оценок.

Если разложить наше тело в пространстве, мы получим о нем точно такое же представление, как о звездной системе, и разница между органическим и неорганическим перестанет бросаться в глаза.

Гимн во славу ценностной оценки.

Некогда движения звезд объясняли воздействием осознающих цели существ—теперь в этом нет нужды; так же и в отношении движений тела и возможностей самоизменения давно уже никто не пытается обойтись понятийным аппаратом определяющего цели сознания. Подавляющее большинство движений не имеют к сознанию никакого отношения—*как и к мифу ощущений.* Ощущения и мысли—слой *очень тонкий* и *незначительный* по отношению к неисчислимости происходящего в каждый миг. И, напротив, обратим внимание на то, что и в самом мелком происшествии царит *целесообразность*, которая не по плечу самому лучшему нашему знанию: таковы предусмотрительность, отбор, соединение, исправление ошибки и т.д. Короче говоря, мы обнаруживаем деятельность, которую следовало бы приписать *неизмеримо более высокому интеллекту*, чем тот, которым мы обладаем. Мы учимся быть *не слишком высокого мнения* о сознании: мы разучиваемся брать на себя полную ответственность за самих себя, поскольку мы, как обладающие сознанием и целеполагающие существа, —лишь ничтожная часть этого. Из бесчисленных воздействий каждого мига—состояние воздуха, электричество и т.д.—мы почти ничего не замечаем; итак, может быть достаточно сил, которые мы не ощущаем, но которые сильнейшим образом воздействуют на нас. Наслаждение и боль—редкие и незначительные явления на фоне тех бесчисленных стимулирующих воздействий, которые одна клетка, один орган оказывает на другую клетку, другой орган.

Это фаза *скромности сознания.* В конце концов мы понимаем само сознательное Я лишь как инструмент на службе более высокого, всевидящего интеллекта—и тогда мы спрашиваем себя, не есть ли всякое *сознательное воление, все сознательные цели, все ценностные оценки* лишь **средства**, с помощью которых должно быть достигнуто *нечто* существенно *иное*, чем это представляется нашему сознанию. Мы *полагаем*: речь идет о нашем *удовольствии* и *неудовольствии*... Но удовольствие и неудовольствие могут быть средством, с помощью которого мы можем *добиться* чего-то такого, чего нет в нашем сознании... Следует показать, насколько *поверхностно* все сознательное, насколько *раз-*

личны действие и образ действия, насколько *мало* мы знаем о том, что *предшествовало* действию, насколько фантастичны наши чувства, вроде «свободы воли» или «причины и следствия», насколько мысли суть лишь образы, а слова лишь знаки мыслей; необъяснимость всякого действия, поверхностность всякой похвалы и порицания – насколько *существенно* **изобретение** и **воображение**, в котором мы сознательно живем, насколько все наши слова – лишь изобретения (в том числе и аффекты) и насколько *связь человечества* основана на таких изобретениях, в то время как истинная связь (через зачатие) идет своим неведомым путем. *Изменяет* ли людей на самом деле эта вера в совместные изобретения? Или весь этот идейный и оценивающий аппарат и *сам* лишь *выражение* неведомых изменений? *Существуют* ли на самом деле воля, цели, мысли, ценности? Быть может, вся сознательная жизнь есть лишь *зеркальное отражение*? И даже когда кажется, что ценностные представления *определяют* человека, на самом деле происходит нечто другое? Короче говоря: предположим, что удалось объяснить целесообразность в действии природы без включения целеполагающего Я; может ли быть так, что *наше* целеполагание, наше воление и т.д. есть лишь *знаковый язык* для чего-то существенно иного – не-волящего и бессознательного? Лишь *тончайшая видимость* той самой естественной целесообразности органического, ничем по существу не отличающаяся от него?

Короче говоря: во всем развитии духа речь идет, может быть, о *теле*: это **чувственная** *история* того, как *образуется более высокое тело*. Органическое поднимается на более высокую ступень. Наша жажда познания природы – средство, с помощью которого тело хочет себя усовершенствовать. Или более того: производятся сотни тысяч экспериментов, чтобы изменить питание, условия жизни, образ жизни тела, а сознание и все ценностные оценки в нем, все виды удовольствия и неудовольствия – все это признаки этих *изменений* и *экспериментов. В конце концов речь идет вовсе не о человеке: он должен быть преодолен.*

24 [17]

Он думает, что присутствует при возникновении организмов; что можно было в этом процессе видеть и осязать? Что запечатлеть в цифрах? Какие правила проявляются в движении? То есть человек хочет представить себе все происходящее как *происходящее для глаза и осязания*, следовательно, как движение, — и хочет найти *формулы*, *упрощающие* всю эту чудовищную массу опыта. *Редукция всего происходящего* к критериям чувствующего существа и математика.

Речь идет об *инвентарной описи человеческого опыта* — на основе предположения, что человек или, вернее, *человеческий глаз и понятийная способность* были вечными свидетелями всех вещей.

24 [18]

Наука до сих пор была устранением полнейшей путаницы вещей посредством гипотез, которые все «объясняли», т.е. основывались на неприязни интеллекта к хаосу. Та же самая неприязнь охватывает и меня, когда я рассматриваю *себя самого*: свой внутренний мир я хочу представить как *схему*, преодолевающую интеллектуальную путаницу. Мораль была таким *упрощением*: она учила о человеке как о существе *познанном, знакомом*. Теперь же мы уничтожили мораль и снова стали *совершенно темными* для себя самих! Я знаю, что ничего не знаю о *себе самом*. *Физика* является в таком случае *благодеянием* для души: наука (как путь к *знанию*) приобретает новое волшебство после устранения морали — и поскольку *только здесь* мы обнаруживаем постоянство, то мы и должны всю нашу жизнь *устраивать* таким образом, чтобы *сохранять* ее. Из этого следуют своего рода *практические выводы* об **условиях нашего существования** как познающих.

24 [19]

Мораль *правдивости* в стаде. «Ты должен быть познаваем, должен выражать свое внутреннее четкими и постоянными знаками — иначе ты опасен; а если ты зол, то способность твоя к притворству — самое вредное для стада. Мы презираем скрытного, непознаваемого. *Следовательно*,

ты должен самого себя считать познаваемым, ты не имеешь права быть *скрытым* от себя самого, верить в свои *изменения*». Итак: требование правдивости предполагает *познаваемость* и *постоянство* личности. На самом деле это задача воспитания — привести члена стада к *определенной вере* в человеческую сущность: воспитание *сначала создает эту веру*, а потом уже требует «правдивости».

24 [20]

Вера в аффекты. Аффекты — это конструкция интеллекта, *выдумывание причин*. Все телесные *чувства*, которые мы не понимаем, мы интерпретируем интеллектуально, т.е. находим в тех или иных личностях, переживаниях и т.д. *основание* для того, чтобы чувствовать себя так, а не иначе; т.е. нечто отрицательное, опасное, чуждое *интерпретируется* так, будто оно является причиной нашего недовольства; на самом же деле мы сами *присоединяем* это к недовольству ради возможности *осмыслять* наше состояние. Частый прилив крови к мозгу, сопровождающийся ощущением удушья, **интерпретируется** как *гнев*: личности и вещи, которые вызывают наш гнев, являются катализаторами определенных физиологических состояний. Впоследствии в результате долгой привычки определенные процессы так тесно связываются с определенными чувствами, что при виде определенных процессов немедленно возникают и эти реакции, приносящие с собой сгущения крови, возбуждение семени и т.д.: тогда мы говорим о «возбуждении аффекта».

В «удовольствии» и «неудовольствии» уже заложены *оценки*: раздражения различаются по тому, насколько они полезны для чувства власти.

24 [21]

Вера в воление. Это вера в чудеса — полагать какую-либо мысль причиной механического движения. *Последовательность науки* требует, чтобы мы, освоив мир в *мыслительных* образах, сделали *мыслимыми* и аффекты, вожделения, волю и т.д., т.е. чтобы мы **отрицали** *их как заблуждения интеллекта*.

24 [22]

Оскорбления превратились в наказания в той мере, что некоторые наказания связывают с людьми *презираемыми* (например рабами). Те, кого *чаще всего* наказывали, были людьми презираемыми, так что *в конце концов* в наказаниях оказалось заложено и нечто оскорбительное.

24 [23]

На всех ступенях жизни мы обнаруживаем самое сильное и постоянно упражняемое свойство — *мышление.* Даже в любом познании и видимом претерпевании! Очевидно, оно становится со временем свойством самым *властным* и *требовательным* и тиранизирует все остальные силы. В конце концов оно становится «страстью в себе».

24 [24]

——— самоотверженность могла бы *способствовать* злу. А добродетель — стать глупостью и противоречием себе. Кто хотел бы *сделать* людей лучше, смог бы добиться этого не средствами доброты, но путем сопротивления своим благожелательным наклонностям.

24 [25]

высшая справедливость и мягкость как состояние *слабости* (Новый Завет и первые христианские общины).

(совершенной bêtice[1] у англичан отличаются Дарвин, Уоллес)

Ваша справедливость, вы, возвышенные натуры, подгоняет вас к suffrage universel[2] и т.д.; ваша «человечность» делает вас мягкими к преступлениям и глупости. *Со временем это приведет к победе глупости и неразборчивости в средствах.*

(Приятность и глупость — *середина.*) (Например Бисмарк —

Внешне: эпоха чудовищных войн, переворотов, взрывов

---

1 Глупостью (*фр.*).

2 Всеобщему праву (*фр.*).

Внутренне: все большая слабость человека. *События как раздражители*. Парижанин как европейская крайность.

Вывод.

1) Варвары,

сначала, конечно, в формах традиционной культуры (например Дюринг)

2) Суверенные индивидуумы (в которых скрещиваются варварские *массы сил* с необузданностью по отношению ко всему прошлому).

Эпоха величайшей глупости, жестокости и убожества *масс* и *высших индивидуумов*.

24 [26]

Внутри: незнание — куда? *Пустота*.

Попытка преодолеть пропасть опьянением.

Опьянение музыкой

Опьянение как грозное трагическое наслаждение гибелью всего самого благородного.

Опьянение как слепая мечтательность отдельных *людей* (или *эпох*) (как ненависть и т.д.)

Попытка бессознательного труда — в качестве инструмента науки.

Открыть глаза на многие маленькие радости — например, как познающий. Скромность по отношению к самому себе.

обобщение скромности — вплоть до пафоса

мистика, упоительное *наслаждение* вечной пустотой.

искусство ради искусства, «le fait»[1], «чистое познание» — как наркоз отвращения к *себе* самому.

какая-нибудь постоянная работа, какой-нибудь маленький и глупый фанатизм

смешение всех средств — болезни от всеобщей невоздержанности. (Чрезмерность убивает наслаждение.)

1) Слабость воли как результат.

2) Контраст *ощущения* чрезвычайной гордости и унижения мелочной слабости.

---

1 «поступок» (*фр.*).

24 [27]

Мораль для моралистов.

1 Мало знания о наших следствиях. Ложные предположения о наших побудительных основаниях.
2 Смена моральных именований; нежелание добрых что-либо замечать.
3 Мотивы моралистов, познающих себя, кающихся и т.д.
4 Здоровье и болезнь и их проявление у добрых и злых. Тело как учитель. Мораль как знаковый язык.
5 Зло как органическая функция. Добро как вырождение, остановка и т.д. «Альтруизм».
6 Совесть общины и отдельного человека. Отдельный человек позже большинства.
7 Будущее нравственности. Религии.

24 [28]

Мои новшества.

Дальнейшее развитие пессимизма.

пессимизм *интеллекта.*

критика *морали*, устранение последнего утешения

Распознавание признаков *упадка.*

всякое сильное действие — под покровом безумия

культура — изолированная, несправедливая и поэтому сильная

1.) Мое *сопротивление* распаду и нарастающей слабости личности. Я искал новый *центр.*

2.) *Познание* невозможности этого стремления!

3.) **После этого** *я пошел дальше по пути распада* — и **нашел** там **новые** *источники силы* для *отдельного человека.* Мы **должны** *быть разрушителями*!

я познал, что состояние *распада*, в котором **отдельные** *существа* **могут достичь** *небывалого совершенства*, — есть **отдельный случай и отражение всего бытия**. Теория **случая**; *душа как выбирающее и питающееся существо* **постоянно** проявляет себя очень умно и творчески (обычно эту *творческую* силу не замечают! понимают ее лишь как «*пассивную*»)

я познал *активную*, творческую *силу* в случайном

— случай и сам есть лишь *столкновение созидающих импульсов*

Парализующему ощущению всеобщего распада и несовершенства я *противопоставил* идею *вечного возвращения*!

24 [29]

Страх перед смертью как *европейская болезнь*.
Легко взращиваемый страх,
даже у глупых рыб
стадные животные обычно *пугливы*,
тонко улавливают сигналы бедствия.

Моральные суждения (страх и неприязнь), рано вбиваемые в голову. Выступать **против** других мнений свойственно всем учителям добродетели.

24 [30]

Соединить скепсис с *героическими* чувствами.

Скепсис слабости и скепсис мужества.

Вообразить человека *без морали*, который повсюду вызывает прямо противоположные суждения.

Наполеон.

24 [31]

Жалость и любовь к человеку как развитие полового инстинкта.

Справедливость как развитие инстинкта мести.

Добродетель как наслаждение сопротивлением, воля к власти.

Честь как признание подобного и равносильного.

неприязнь к расчетливым *лягушкам*

Все добродетели—физиологические *состояния*: в особенности органические функции ощущаются как необходимые и хорошие.

Все добродетели в сущности утонченные *страсти* и возвышенные состояния.

24 [32]

Несвобода или свобода воли? Нет *никакой воли*.

Индивидуум—это нечто совершенно *новое* и *создающее новое*.

24 [33]

Индивидуум – это нечто абсолютное, все поступки – только *его* собственные.

Ценности для своих поступков он черпает в себе самом – поскольку он вынужден *совершенно индивидуально трактовать* и традиционные слова. По крайней мере толкование формул у него сугубо личностное, даже если он не создает новых формул; он постоянно творит как интерпретатор.

24 [34]

Все действия, прежде чем их пожелать, должны быть подготовлены механически. Или: «*цель*» возникает в мозгу *обычно* лишь после того, как все готово для ее достижения. Цель – это внутреннее раздражение, не более.

Нет никакой «воли»: это всего лишь такая же упрощающая концепция разума, как и «материя».

24 [35]

Наши органы чувств как причина внешнего мира? Но ведь *они* сами лишь объекты воздействия наших «чувств». Наш образ глаза есть продукт *глаза*.

24 [36]

1) Нет *материи* – нет атомов (с. 53)

2) Нет пространства. (Предрассудок о «пустоте материи» породил предположение о пространстве.)

3) Причины и следствия тоже нет. Но: если здесь возникло напряжение, то и в остальном мире тоже *должно* возникнуть напряжение. (А возникновение напряжения – это, в свою очередь, *«последствие»* того, что где-то в другом месте исчезло напряжение.) Однако эта последовательность *невозможна. Одновременно* происходит напряжение здесь, а *там* – его снижение. Процессы, которые действительно связаны между собой, могут происходить только *абсолютно одновременно*. Мы берем одну точку в качестве «последствия»; например, падение человека после выстрела. Но это огромная цепь связанных между собой «последствий». Если бы было необходимо время для «последствия», *был бы плюс* **без** относящегося к нему минуса,

по крайней мере, мгновениями: т.е. одна и та же сила была бы то больше, то меньше

Фогт (с. 654).

мы должны предполагать наличие *живого ритма*, а *не* причины и следствия!

4) мы не должны предполагать никакого *созидания*, потому что с таким «понятием» ничего не поймешь. Вдруг создать из ничего силу, которой здесь нет, — какая же это *гипотеза*! (против Фогта, с. 2 и далее)

5) Мы можем по «моральным инстинктам» человека узнать о происхождении организма, по процессу его становления делать заключения о становлении простейших организмов. Моральные инстинкты — это история саморегуляции и образования функций целого (государства, общины): как отдельный человек приводится к *чувству функции*?

Индивидуум – это яйцо. Образование колонии — вот задача всякого индивидуума

24 [37]

Omnia naturalia facienti sunt indifferentia, sed abstinenti vel neganti bona aut mala[1].

---

1 Все натуральные вещи равны в своих поступках, но в воздержании или отрицании – хороши или плохи (*лат.*)

Примечания

Список сокращений, принятых в примечаниях

ВН — «Веселая наука».

ВН-п — «Веселая наука» (приложение).

ГМ — «К генеалогии морали».

ДД — «Дионисовы дифирамбы».

ЕН — «Ессе Homo».

НР (РВБ) — «Несвоевременные размышления: Рихард Вагнер в Байрейте».

НР (ИЖ) — «Несвоевременные размышления: О пользе и вреде истории для жизни».

НР (ШВ) — «Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель».

РТ — «Рождение трагедии из духа музыки».

СВ — «Случай "Вагнер"».

ПСДЗ — «По ту сторону добра и зла».

СИ — «Сумерки идолов».

СЕТ — «Странник и его тень».

ТГЗ — «Так говорил Заратустра».

УЗ — «Утренняя заря».

ЧСЧ — «Человеческое, слишком человеческое».

ЧСЧ(СМИ) — «Человеческое, слишком человеческое» (приложение).

Vs (Vorstufe) — предварительная стадия: заметки, использованные в чистовой рукописи

1. Таутенбургские заметки для Лу фон Саломе. Июль–август 1882

Тетрадь N V 9a

1[1] *Madonna del Sasso. (Locarno)*— Паломническая церковь XVI века, расположенная на холме над городом Локарно в Швейцарии.

1[5] Ср. 5[1] 60.

1[6] Ср. 1[10]; 3[1] 2; ТГЗ I *О свободной смерти.*

1[7] *Suaviter in re, fortiter in me*— Парафраз изречения «Fortiter in re, suaviter in modo» («По существу дела – твердо, по способам мягко») из сочинения генерала иезуитов Клаудио Аквавива (1543–1615) «Industriae ad curandos animae morbos» («Наставление к излечению болезней души»), изданного в Венеции в 1606 или 1611 году.

1[8] Ср. ВН 262; 3[1] 224.

1[9] Ср. 3[1] 34.

1[10] См. прим. к 1[6].

1[11] Ср. 3[1] 264.

1[13] Ср. ВН-п 7; т. 9, 4[313].

1[15] Ср. 1[101]; 3[1] (эпиграф); 3[4]; ВН-п *К новым морям.*

1[17] Строки из стихотворения Лу фон Саломе «Молитва к жизни» («Gebet an das Leben»), которое она передала Ницше перед отъездом из Таутенбурга. Ср. также: Friedrich Nietzsche – Paul Ree – Lou von Salome. Die Dokumente ihrer Begegnung. Auf der Grundlage der einstigen Zusammenarbeit mit Karl Schlechta und Erhart Thierbach. Hg. von Ernst Pfeiffer, Frankfurt/M, 1970, S. 450 (далее – Pfeiffer).

1[19] Внесенный позднее перечень понятий, которые уже были рассмотрены Ницше или еще должны быть рассмотрены.

1[23] *Асколи*, Грациадио Исайя (1829–1907) – знаменитый итальянский лингвист, считающийся основателем теории о первичном родстве индоевропейских и семитских языков.

1[24] Ср. ТГЗ I *О пути созидающего*, 3[1] 222.

1[25] Ср. 3[1] 223; 5[1] 59.

1[26] Ср. 3[1] 282.
1[29] Ср. 3[1] 26.
1[31] Петер Гаст (настоящее имя – Генрих Кёзелиц), ученик и друг Ницше, датирует фрагмент 2 октября 1882 г.; на самом деле он относится к началу августа 1882 г., как следует из письма Пауля Рэ от 6 августа 1882 г., адресованного Лу фон Саломе; см. Pfeiffer, S. 177.
1[32] Ср. 1[65].
1[37] Ср. 1[60].
1[45] Ср. 1[109].
1[46] Источник цитаты не установлен.
1[47] Ср. 3[1] 20; ПСДЗ 86.
1[49] Ср. 3[1] 47; 12[1] 115.27.
1[50] Ср. 1[111].
1[52] Ср. 3[1] 15; ТГЗ I *Предисловие* 4.
1[55] Ср. 5[1] 43.
1[57] Ср. 3[1] 48.
1[58] Ср. 3[1] 14; ТГЗ I *О друге.*
1[59] Ср. 3[1] 13.
1[60] Ср. 1[37].
1[62] Ср. 5[1] 68.
1[63] Ср. 3[1] 12.
1[64] Ср. 5[1] 67; 3[1] 11; 4[29].
1[65] Ср. 1[32]; 3[1] 10.
1[66] Ср. 3[1] 9; ТГЗ I *Предисловие* 2.
1[67] *Героическое... бога...* – Ср. 1[70]; 3[1] 222.
1[69] Ср. 1[32].
1[70] Ср. 1[24.67]; 3[1] 122; 5[1] 66; 1[43.108]; 3[1] 50.49.8; 1[72.73]; ПСДЗ 129.133.
1[72] Ср. 1[70]; 5[1] 65.
1[73] Ср. 1[70]; 3[1] 8; 5[1] 64.
1[75] Ср. 3[1] 7.
1[76] Ср. 3[1] 7.
1[78] Ср. 5[1] 53.
1[79] Ср. 1[34.80]; 3[1] 51.60.
1[83] Ср. 4[39]; т. 9, 11[195].
1[84] Ср. 1[108] 1.
1[85] Ср. 12[1] 193.
1[86] Ср. 1[108] 2; 5[1] 63.
1[87] Ср. 1[108] 4; 5[1] 62; ПСДЗ 114.

1[88] Ср. 1[108] 5–6; 5[1] 61.
1[90] Ср. 3[1] 6; ТГЗ I *О любви к ближнему*.
1[91] Ср. 5[1] 19.
1[92] Ср. 3[1] 4; 12[1] 120; ПСДЗ 275.
1[93] Ср. 3[1] 3; 12[1] 121; ПСДЗ 130.
1[97] Ср. 3[1] 51; 12[1] 72; ПСДЗ 140.
1[99] *Лилиенфельд*, Павел Федорович (1829–1903) – русский социолог, представитель биоорганической школы (органицизма), рассматривавшей общество как подобие живого организма, а социальное расчленение общества – как аналогичное разделению функций между различными органами.
1[100] Цитата из «Книги песен» Франческо Петрарки (сонет 248).

Тетрадь N VI 1a

1[101] Ср. 1[15]; 3[1] (эпиграф); 3[4].
1[102] Ср. 3[2].
1[104] Ср. 1[21].

1[108–111] = *Таутенбургские заметки для Лу фон Саломе.*

1[108] Pfeiffer, S. 211; ср. 1[84.86.87.88]; 5[1] 63.62.61.
1[109] Pfeiffer, S. 212; ср. 1[45].
1[110] Pfeiffer, S. 214.
1[111] Pfeiffer, S. 215; ср. 1[50]; 3[1] 17; ПСДЗ 139.

2. Лето–осень 1882

Тетрадь N V 9a

2[1] Ср. Hermann Oldenberg, Buddha. Sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde. Berlin, 1897, S. 162, Anm. 1 (в личной библиотеке Ницше – издание 1881 г.): «В пророчестве Будды о Меттейе, следующем Будде, который появится на земле в далеком будущем, говорится: “Он будет предводителем толпы из сотни тысяч юношей,

подобно тому как я предводитель толпы из сотни юношей" (Чаккаватти суттанта)».

2[2] *Карус*, Карл Густав (1798–1869) — немецкий медик, художник и философ. Среди его работ: «Лекции о психологии» (1831) и «Психика. Об истории развития души» (1846).

2[3] Вероятно, выписка из каталога.

2[8] Зачеркнуто Ницше; ср. 3[1] 27.

2[9] Ср. 3[1] 307; ПСДЗ 103.
Возвестите... Заратустра. — Из: *Возвестите же мне:* [*не*] *достигло ли солнце полудня? Не свернулась ли уже* [*в его свете*] *в кольцо змея, именуемая вечностью* [, *в его свете? Итак, пришел час Заратустры*]? *Слепнет Заратустра.*

2[10] Ср. 5 [1] 109; 12[1] 185.

2[13] Ср. 3[1] 209.

2[14] Ср. 3[1] 210.

2[16] Ср. 3[1] 199; ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*

2[17] Ср. 3[1] 200.

2[18] Ср. 3[1] 198; ТГЗ I *О друге.*

2[19] Ср. 3[1] 197.

2[20] Ср. 3[1] 196; ТГЗ I *О войне и воинах.*

2[21] Ср. 3[1] 195.

2[22] Ср. 3[1] 192; ТГЗ I *О целомудрии*; первая черновая редакция, зачеркнутая Ницше: *Чувственность клянчит подобно собаке, желающей кусок мяса; то же и в духовном отношении двух полов друг к другу.* Схожие тезисы можно встретить и в заметках для Лу фон Саломе, относящихся к этому времени: см. Pfeiffer, S. 208.239.

2[23] Ср. 5[1] 110.

2[25] Ср. 3[1] 190.

2[26] Ср. 3[1] 191.194; ПСДЗ 160.

2[27] Ср. 3[10] 193; ПСДЗ 161.

2[28] Ср. 3[1] 189; ТГЗ I *Предисловие* 4; ср. тж. Евр. 12:6; Притчи 13:25; Откр. 3:19.

2[29] Ср. 3[1] 221.

2[30] Ср. 3[1] 188.

2[31] Ср. 3[1] 180.

2[32] Ср. 3[1] 187.

2[33] Ср. 3[1] 178; ТГЗ I *Об укусе змеи.*

2[34] Ср. 3[1] 179.

2[35] Ср. 3[1] 177.
2[36] Ср. 5[29].
2[38] Ср. 3[1] 212; ТГЗ I *Об укусе змеи.*
2[39] Отсылка к следующим афоризмам: ЧСЧ 237 («Возрождение и Реформация»); УЗ 88 («Лютер—великий благодетель»), ВН 149 («Неудача реформаций»).
2[41] Ср. 3[1] 66; 12[1] 114; 31[52]; 32[9]; ТГЗ IV *Праздник осла.*
2[42] Ср. 3[1] 73; 5[1] 57
...к последнему познанию... — Из: *к истине.*
...стену познания. — Из: *истину.*
2[43] Зачеркнуто Ницше; ср. 3[1] 65.
2[44] Ср. 3[1] 61; ПСДЗ 92.
2[45] Ср. 3[1] 52.
2[46] Ср. 1[108]; 3[1] 53.
2[47] Ср. 3[1] 64.72; ПСДЗ 79.
2[49] Ср. 3[1] 54.
2[50] Ср. 3[1] 55.

3. Лето-осень 1882

Тетрадь Z I 1

3[1] Заглавие и эпиграфы: *Туда... вечность.* — Ср. 1[15]; 1[101]; 3[4] (в последнем случае речь идет о ранней редакции стихотворения); *По ту сторону... афоризмов* — из: *Desayuno* / «*разочарование*»; [«*il sait... Nevers*)] источник не установлен.
3[1] 1 Ср. ТГЗ I *Об укусе змеи.*
3[1] 2 Ср. 1[6]; 1[10]; ТГЗ I *О свободной смерти.*
3[1] 3 Ср. 1[93]; 12[1] 121; ПСДЗ 130.
3[1] 4 Ср. 1[92]; 12[1] 120; ПСДЗ 275.
3[1] 5 Ср. ТГЗ III *Странник.*
3[1] 6 Ср. 1[90]; ТГЗ I *О любви к ближнему.*
3[1] 7 Ср. 1[75.76].
3[1] 8 Ср. 1[73].
3[1] 9 Ср. 1[66]; 5[1] 245; ТГЗ I *Предисловие* 2.
3[1] 10 Ср. 1[32.65].
3[1] 11 Ср. 1[64]; 3[1] 445; 4[29]; 5[1] 67; ПСДЗ 91.

3[1] 12 Ср. 1[63].
3[1] 13 Ср. 1[59]; 12[1] 147.
3[1] 14 Ср. 1[58]; ТГЗ I *О друге.*
3[1] 15 Ср. 1[52]; ТГЗ I *Предисловие* 4.
Ср. ПСДЗ 148.
3[1] 17 Ср. 1[50]; 1[111]; ПСДЗ 139.
3[1] 18 Ср. 4[43].
3[1] 20 Ср. 1[47]; ПСДЗ 86; первая редакция: *В основе всех чувств, испытываемых мужчиной по отношению к женщине, все еще лежит презрение к женскому роду.*
3[1] 21 Ср. 4[37]; ТГЗ I *О базарных мухах.*
3[1] 23 Ср. 1[50.111]; ПСДЗ 85.
3[1] 26 Ср. 1[29].
3[1] 27 Ср. 2[8].
3[1] 28 Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
3[1] 30 Ср. ТГЗ I *Предисловие* 9.
3[1] 31 Ср. ПСДЗ 135.
3[1] 32 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 33 Ср. 12[1] 65; ТГЗ I *О кафедрах добродетели.*
3[1] 34 Ср. 1[9].
3[1] 37 Ср. ТГЗ I *О пути созидающего.*
3[1] 38 Ср. 12[1] 118; ТГЗ III *Странник.*
3[1] 39 Ср. 12[1] 119; ТГЗ II *Об ученых; О тарантулах.*
Во многое...объяснение. — Первый вариант: *Зачастую нечто считается абсурдным лишь потому, что абсурдны его объяснения: в результате получается подлый фокус.*
3[1] 41 Ср. ПСДЗ 90.
3[1] 42 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 43 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 44 Ср. 12[1] 117; ПСДЗ 82.
3[1] 46 Ср. ТГЗ I *О любви к ближнему.*
3[1] 47 Ср. 1[49]; 12[1] 115.27; ПСДЗ 97.
3[1] 48 Ср. 1[57]; ПСДЗ 136.
3[1] 49 Ср. 1[70]; ПСДЗ 133.
3[1] 50 Ср. 1[70]; ПСДЗ 129.
3[1] 51 Ср. 1[97]; 12[1] 72; ПСДЗ 140.
Брак...разочаровать. — Ср. 3[1] 60; 1[34.79.80]; 4[44]; 5[1] 46; 12[1] 200.
3[1] 52 Ср. 2[45].
3[1] 53 Ср. 1[108]; 2[46]; 5[17]; ТГЗ I *О ребенке и браке.*

3[1] 54 Ср. 2[49]; ср. тж. письмо Ницше к сестре Элизабет от начала сентября 1882 г.
3[1] 55 Ср. 2[50].
3[1] 58 Ср. ТГЗ I *О базарных мухах.*
3[1] 59 Ср. ПСДЗ 89.
3[1] 61 Ср. 2[44]; ПСДЗ 92.
Кто хочет... врагом. — Vs: *Кто не имел людей своими врагами, тот никогда [не подчинит их] не станет их господином.*
3[1] 62 Ср. 22[3]; т. 13, 20[31].
3[1] 63 Ср. афоризм французского писателя и моралиста Люка де Клапье Вовенарга (1715–1747): «Les grandes pensées viennent du cœur», процитированный Артуром Шопенгауэром в «Parerga und Paralipomena» 2, 9; ср. 22[3]; т. 13, 20[29].
3[1] 64 Ср. ТГЗ I *О пути созидающего.*
Пошлость... не любили. — Ср. 2[47]; 3[1] 72; ПСДЗ 79.
3[1] 65 Ср. 2[43]; 4[44]; 22[3]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 19.
3[1] 66 Ср. 2[41]; 12[1] 114; т. 11, 31[52]; т. 11, 32[9]; ТГЗ IV *Праздник осла.*
3[1] 68 Ср. 4[42]; ПСДЗ 164.
3[1] 70 Ср. 22[3].
3[1] 71 Ср. 22[3]; ПСДЗ 165.
3[1] 72 Ср. 2[47]; 22[3]; ПСДЗ 79.
3[1] 73 Ср. 2[42]; 5[1] 57.
3[1] 74 Ср. 22[3]; т. 11, 31[38]; т. 11, 32[9]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 7.
3[1] 77 Ср. 12[1] 112; ТГЗ I *О букусе змеи*; отрывок перечеркнут Ницше; первый вариант: *За спинами всех судящих стоит палач.*
3[1] 78 Первый вариант: *Кто возвысился над добром и злом, тот в любой трагедии видит лишь невольную комедию и далек от мысли придавать огромное значение трагическим натурам.*
3[1] 79 Ср. ПСДЗ 6; ср. тж. письмо Ницше к Лу фон Саломе от 16 сентября 1882 г.
3[1] 82 Ср. 22[3]; ПСДЗ 180.
3[1] 83 Ср. ТГЗ I *О друге.*
3[1] 84 Ср. ТГЗ I *О базарных мухах.*
3[1] 85 Ср. 3[1] 149; ТГЗ I *О базарных мухах*; первый вариант: *Страх перед окружающими — основная черта чрезвычайно любезных.*

3[1] 86 Ср. 12[1] 113; ПСДЗ 179.
3[1] 91 Ср. ТГЗ I *О друге.*
3[1] 92 Ср. ТГЗ II *О сострадательных.*
3[1] 93 Ср. ТГЗ I *О дереве на горе.*
3[1] 94 Ср. 12[1] 192; ПСДЗ 150.
3[1] 96 Ср. ТГЗ I *О бледном преступнике.*
3[1] 97 Ср. ТГЗ I *О пути созидающего.*
3[1] 98 Первая редакция: *А. «То, чему ты учишь, еще не твоя философия!» Б. Почему нет? А. «Если бы она была твоей,* (1) *ты хотел бы лишь танцевать— по крайней мере, один раз в день,* (2) *походка твоя была бы иной: хотя бы раз в день тебя можно было бы увидеть танцующим! Танец для меня— доказательство истины, доказательство силы»*. Более поздний вариант: *Шаг выдает, идешь ли ты по своей колее.* Ср. ТГЗ IV *О высшем человеке* 17.
3[1] 104 Ср. ПСДЗ 176.
3[1] 105 Ср. 22[3]; ПСДЗ 175.
3[1] 107 Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
3[1] 108 Ср. ТГЗ *I О друге.*
3[1] 109 Ср. ПСДЗ 174.
3[1] 110 Ср. ТГЗ *I О друге.*
3[1] 111 Ср. ТГЗ *I О бледном преступнике.*
3[1] 116 Ср. ТГЗ I *Об укусе змеи.*
3[1] 118 Ср. ПСДЗ 65а.
3[1] 122 Ср. 5[17]; 12[1] 111; ТГЗ I *О базарных мухах.*
3[1] 124 Ср. 5[1] 209; 12[15]; 13[15].
3[1] 125 Vs: *Человек верит в вещи, которых не существует, например в самоотверженность, всегда в ущерб вещам, которые существуют, например себялюбию.*
3[1] 128 Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
3[1] 129 Ср. ТГЗ I *О друге.*
3[1] 130 Ср. 4[104]; 5[1] 166; ТГЗ I *Предисловие* 4.
3[1] 132 Ср. 31[52]; 32[8]; ПСДЗ 65.
3[1] 137 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 138 Ср. ТГЗ II *О сострадательных.*
3[1] 139 Ср. 12[1] 109; т. 11, 31[53]; т. 11, 32[9]; ПСДЗ 178. *Познающий...зверей*—Ср. 12[1] 110; ТГЗ II *О сострадательных.*
3[1] 140 Ср. ПСДЗ 155.
3[1] 141 Ср. 12[1] 108; ПСДЗ 170.

3[1] 142 Первая редакция: *немного доброй воли жить — и «воля к жизни» приносит мало страданий.*
3[1] 143 Ср. 5[25]; ПСДЗ 154.
3[1] 146 Ср. 5[1] 167; ПСДЗ 151.
3[1] 149 Ср. 3[1] 85; ТГЗ I *О базарных мухах.*
3[1] 150 Ср. ПСДЗ 63.
3[1] 151 Ср. ТГЗ I *О друге.*
3[1] 154 Ср. ТГЗ I *О дарящей добродетели.*
3[1] 156 Ср. ТГЗ I *Предисловие* 9.
3[1] 158 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 159 Ср. ПСДЗ 156.
3[1] 160 Первая редакция: *Нет более жалкого зрелища, чем попытки добрых доказать, что великие люди сотворены по подобию их бога.*
3[1] 162 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 163 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 164 Ср. 5[33].
3[1] 167 Ср. 12[1] 187.
3[1] 168 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
и...провоняют. — Из: *и мораль покинет мир: ее заговорят до смерти.*
3[1] 169 Ср. ТГЗ I *О целомудрии.*
3[1] 170 Ср. 12[1] 106; 13[8]; ТГЗ II *О тарантулах.*
3[1] 171 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 172 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 173 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 174 Ср. ПСДЗ 157.
3[1] 175 Ср. ТГЗ I *О пути созидающего.* Первая редакция: *Любое ощущение, не убивающее нас, будет убито нами.*
3[1] 176 Ср. ПСДЗ 158
3[1] 177 Ср. 2[35].
3[1] 178 Ср. ТГЗ I *Об укусе змеи.*
3[1] 179 Ср. 2[34]; ТГЗ I *Об укусе змеи.*
3[1] 180 Ср. 2[31].
3[1] 182 Ср. 4[229]; ТГЗ I *О бледном преступнике.*
3[1] 183 Ср. ТГЗ I *О бледном преступнике.*
3[1] 185 Ср. ПСДЗ 159.
3[1] 186 Ср. ТГЗ I *Об укусе змеи.*
3[1] 187 Ср. 2[32]; ТГЗ I *О любви к ближнему.*
3[1] 188 Ср. 2[30].

3[1] 189 Ср. 2[28]; 5[17]; ТГЗ I *Предисловие* 4; ср. тж. Евр. 12:6; Притчи 13:25; Откр. 3:19.
3[1] 190 Ср. 2[25].
3[1] 191 Ср. 2[26]; 3[1] 194; ПСДЗ 160.
3[1] 192 Ср. 2[22]; ТГЗ I *О целомудрии.*
3[1] 193 Ср. 2[27]; ПСДЗ 161.
3[1] 194 См. прим. к 3[1] 191.
3[1] 195 Ср. 2[21].
3[1] 196 Ср. 2[20]; ТГЗ I *О войне и войнах.*
3[1] 197 Ср. 2[19].
3[1] 198 Ср. 2[18]; ТГЗ I *О друге.*
3[1] 199 Ср. 2[16]; ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
3[1] 200 Ср. 2[17].
3[1] 202 Ср. 12[1] 104; ПСДЗ 162.
3[1] 204 Ср. ТГЗ I *О друге.*
3[1] 205 Ср. ПСДЗ 100.
3[1] 206 Ср. 12[1] 105; ТГЗ II *О сострадательных.*
3[1] 207 Ср. ТГЗ I *О любви к ближнему.*
3[1] 209 Ср. 2[13].
3[1] 210 Ср. 2[14].
3[1] 211 Ср. 4[96]; 5[17]; ТГЗ I *Об укусе змеи.*
3[1] 212 Ср. 2[38]; ТГЗ I *Об укусе змеи.*
3[1] 214 Ср. ПСДЗ 67.
3[1] 216 Ср. 31[53]; 32[9]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 9.
3[1] 217 *свиньи Цирцеи*—Ницше имеет в виду эпизод из гомеровской «Одиссеи», когда волшебница Цирцея обращает в свиней спутников Одиссея.
3[1] 218 Ср. ТГЗ I *О целомудрии.*
3[1] 220 «*Я*»... *человечество.*—Ср. 1[20].
3[1] 221 Ср. 2[29].
3[1] 222 Ср. 1[24]; ТГЗ I *О пути созидающего.*
3[1] 223 Ср. 1[25]; 5[1] 59.
3[1] 224 Ср. 1[8].
3[1] 225 Ср. 1[38]; 25[171].
3[1] 226 Ср. 1[40]; ПСДЗ 66.
3[1] 229 Ср. 31[53]; 32[9]; ПСДЗ 69.
3[1] 230 Ср. ТГЗ I *Об укусе змеи*
3[1] 233 Ср. 31[53]; 32[9]; ТГЗ IV *О высшем человеке.*
3[1] 234 Ср. 12[1] 151; ТГЗ II *Прорицатель.*
3[1] 235 Ср. ТГЗ I *О войне и воинах.*

3[1] 240 Ср. ПСДЗ 68.
3[1] 241 Ср. 31[53]; 32[9]; ТГЗ IV *О высшем человеке.*
3[1] 242 Ср. 31[53]; 32[9].
3[1] 243 Ср. 12[1] 101; 13[16]; 16[7]; 23[5]; 31[35]; 31[36]; 32[10]; ПСДЗ 99.
3[1] 244 Ср. ПСДЗ 102.
3[1] 249 Ср. 12[1] 100; ПСДЗ 101.
3[1] 250 Ср. 12[1] 410.1–2.
3[1] 251 Ср. 12[1] 102.
3[1] 252 Ср. ПСДЗ 72.
3[1] 253 Ср. УЗ 556.
3[1] 256 Ср. ПСДЗ 71.
3[1] 258 Ср. ПСДЗ 70.
3[1] 259: *Из-за того... дольше.*] Ср. 4[70].
3[1] 260 Ср. 12[1] 163.
3[1] 264 Ср. 12[1] 97; ПСДЗ 73.
3[1] 267 Ср. ТГЗ I *О пути созидающего.*
3[1] 270 Ср. 12[1] 98; ПСДЗ 73а.
3[1] 272 Ср. 4[104]; ТГЗ I *Об укусе змеи;* ПСДЗ 181.
3[1] 273 Ср. 12[1] 99; 13[8]; 16[7]; т. 11, 31[36]; т. 11, 32[9]; ТГЗ IV *О высшем человеке.*
3[1] 275 Ср. ПСДЗ 75.
3[1] 276 Ср. ПСДЗ 77.
3[1] 279 Ср. ТГЗ I *Об укусе змеи.*
3[1] 281 Ср. ПСДЗ 78.
3[1] 282 Ср. 1[26].
3[1] 287 Ср. 4[200]; 4[42]; 12[1] 96; 13[19]; ТГЗ IV *В отставке;* ТГЗ II *О сострадательных.*
3[1] 290 Ср. ПСДЗ 76.
3[1] 297 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 298 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 299 Ср. ПСДЗ 95.
3[1] 300 Ср. 12[1] 146; 13[14]; ТГЗ III *О блаженстве против воли.*
3[1] 301 Ср. ТГЗ I *О дереве на горе.*
3[1] 302 Ср. ТГЗ I *О любви к ближнему.*
3[1] 303 Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
3[1] 305 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 307 Ср. 2[9]; ПСДЗ 103.
3[1] 309 Ср. ТГЗ I *Предисловие* 4.
3[1] 313 Ср. ПСДЗ 94.

3[1] 313 «*Ella... в нее!* – Ср. ПСДЗ 236
3[1] 317 Ср. 4[42].
3[1] 318 Ср. ПСДЗ 173.
3[1] 324 Ср. ПСДЗ 172.
3[1] 327 Ср. ПСДЗ 96.
3[1] 328 Ср. 12[1] 148; 13[14]; 16[7]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 11.
3[1] 329 Ср. ТГЗ I *О любви к ближнему.*
3[1] 330 Ср. ТГЗ I *О бледном преступнике.*
3[1] 335 Ср. ПСДЗ 98.
3[1] 336 Ср. 12[1] 93.
3[1] 338 Ср. 12[1] 95.
3[1] 339 Ср. ПСДЗ 182.
3[1] 340 Ср. 5[35].
3[1] 341 Ср. 5[35]; 12[1] 53; 13[12]; ТГЗ II *О сострадательных.*
3[1] 342 Ср. 12[1] 94; 5[35].
3[1] 345 Ср. 5[35].
3[1] 346 Ср. 5[35]; ТГЗ I *О радостях и страстях.*
3[1] 347 Ср. 5[35]; 5[33]; 12[1] 142; ПСДЗ 183.
3[1] 348 Ср. 5[33].
3[1] 349 Ср. 12[1] 90; 13[16]; 16[7]; ПСДЗ 169.
3[1] 350 Ср. 5[33].
3[1] 351 Ср. 5[35].
Женщины...чувственности – Ср. 1[50]; 12[1] 92.
3[1] 352 *Я...личности.* – Ср. ТГЗ I *О друге*
3[1] 354 Ср. ТГЗ I *О свободной смерти.*
3[1] 355 Ср. ПСДЗ 104.
3[1] 356 Ср. 12[1] 91; ТГЗ II *О добродетельных.*
3[1] 357 Ср. УЗ 275.
3[1] 360 Ср. ПСДЗ 97.
3[1] 361 Ср. ПСДЗ 185.
Номер 363 пропущен в рукописи Ницше.
3[1] 364 Ср. ТГЗ I *О войне и воинах.*
3[1] 367 Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
3[1] 368 Ср. 4[95.110]; 5[1] 29; ТГЗ I *О целомудрии.*
3[1] 369 Ср. ПСДЗ 106.
3[1] 370 Ср. ПСДЗ 107.
3[1] 371 *Периандр* (ок. 660 – ок. 585 до н. э.) – правитель Коринфа приблизительно с 627 г. Периандра причисляли к семи греческим мудрецам.
3[1] 374 Ср. ПСДЗ 108.

3[1] 375 Ср. ПСДЗ 109; ТГЗ I *О бледном преступнике.*
3[1] 378 Ср. ПСДЗ 105.
3[1] 379 Ср. ТГЗ I *О пути созидающего.*
3[1] 381 Ср. ТГЗ I *О бледном преступнике.*
3[1] 382 *Хочешь...смущенной* — Ср. ПСДЗ 113.
3[1] 389 Ср. 12[1] 136; ТГЗ II *О сострадательных.*
3[1] 392 Ср. 12[1] 179.
3[1] 393 Ср. 12[1] 109; ПСДЗ 88.
3[1] 394 Ср. ПСДЗ 112.
3[1] 395 Ср. 5[1] 127; ПСДЗ 184.111.
3[1] 402 Ср. 12[1] 180; ТГЗ II *О сострадательных.*
3[1] 403 Ср. ТГЗ I *Предисловие* 3.
3[1] 404 Ср. 12[1] 87.
3[1] 410 Ср. ПСДЗ 171.
3[1] 411 Ср. 12[1] 181.
3[1] 413 Ср. ТГЗ I *О целомудрии.*
3[1] 414 Ср. 12[1] 144; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2.
3[1] 415 Ср. 12[1] 149.
3[1] 416 Ср. ПСДЗ 123.
3[1] 417 Ср. ПСДЗ 168.
3[1] 418 Ср. ПСДЗ 167.
3[1] 421 Ср. ПСДЗ 122.
3[1] 422 Ср. 12[1] 88; 22[3]; ПСДЗ 166.
3[1] 423 Ср. ПСДЗ 120.
3[1] 424 Ср. ТГЗ I *О войне и воинах.*
3[1] 428 Ср. ПСДЗ 125.
3[1] 429 Ср. 22[3]; ПСДЗ 93.
3[1] 430 Ср. ТГЗ I *О дарящей добродетели.*
3[1] 431 Ср. ТГЗ I *О дереве на горе.*
3[1] 433 Ср. ПСДЗ 126.
3[1] 434 Ср. ТГЗ I *О любви к ближнему.*
3[1] 435 Ср. ТГЗ I *О войне и воинах.*
3[1] 436 Ср. ТГЗ I *О войне и воинах.*
Если...любви — Ср. 22[3].
3[1] 437 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
3[1] 438 Ср. ТГЗ I *О войне и воинах.*
3[1] 440 Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
3[1] 441 Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
3[1] 443 Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
3[1] 444 Ср. 12[1] 86; ТГЗ II *Об ученых.*

Слишком...мужеподобными. — Ср. ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2.

3[1] 445 Ср. ПСДЗ 121.

Этот...пламенным. — Ср. 3[1] 11; ПСДЗ 91.

3[2] Ср. ТГЗ I *О дереве на горе.*

3[3] Ср. ВН-п *Сильс-Мария.*

3[4] Ср. 1[101]; 1[15]; 3[1]; ВН-п *К новым морям.*

4. Ноябрь 1882 — февраль 1883

Тетрадь N V 9c

4[4] Ср. 5[1] 92.93.94.72.95.96; 3[1] 438; ТГЗ I *О войне и воинах.*

4[5] Ср. 5[1] 97.98.

4[6] Ср. 5[1] 99.106.103.104.

4[8] 5[1] 105.

4[9] Ср. 4[13].

4[13] Ср. 5[1] 113.

4[14] Ср. 5[1] 100.

4[15] Ср. 5[1] 101.117.116.

4[16] *Я...уйти.* — Ср. Платон, Федон, 60а.

4[17] Ср. 17[6]; ТГЗ II *О священниках.*

4[18] Ср. 5[1] 118; ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*

4[20] Ср. 4[22.204]; 4[213]; 5[32]; ТГЗ I *Предисловие* 5; *О тысяче и одной цели*; 5[1] 126.

4[22] Ср. 4[20.204].

4[26] Ср. ПСДЗ 135; 5[1] 56; ПСДЗ 116.

4[27] Ср. 5[1] 120.

4[28] Ср. 5[1] 119.

4[29] Ср. 5[1] 67.

4[31] Ср. ПСДЗ 132.

4[32] Ср. 5[1] 175; ТГЗ II *О священниках.*

4[34] Ср. 5[1] 91.90.89; ТГЗ I *О друге*; *О войне и воинах.*

4[36] Ср. ТГЗ I *О базарных мухах.*

4[37] Ср. 3[1] 21; ТГЗ I *О базарных мухах*; 5[1] 87.86.88; ПСДЗ 119.

4[38] Ср. 5[1] 69.70.71.72.73.75.78.76.74.73.77.95; 3[1] 128; ТГЗ I *О войне и воинах*; *О старых и молодых бабенках.*

4[39] Ср. 1[83]; т. 9, 11[195].

4[40] Ср. 5[1] 85.84.83.82.81.80.79; ТГЗ I *О войне и воинах.*
4[41] Ср. 5[1] 122.121.
4[42] Ср. 3[1] 68; ПСДЗ 164.
4[43] Ср. ПСДЗ 143; 5[1] 48.47.
4[44] Ср. 3[1] 65; 5[1] 45.46.
4[46] Ср. 3[1] 109.

Тетрадь N VI 1b

4[49] Ср. 4[139]; 4[75]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
4[51] Ср. 4[169].
4[53] Ср. 12[1] 124.
4[54] Ср. 12[1] 127.126.
4[56] Ср. 12[1] 125.128: ТГЗ II *О великих событиях.*
4[57] Ср. 12[1] 130.131.
4[58] Ср. 12[1] 139.
4[59] Ср. 12[1] 132; 5[1] 36.37.
4[62] Ср. 5[1] 39.40.38.
4[64] Ср. 12[1] 134.
4[65] Ср. 12[1] 78.150.
4[67] Ср ТГЗ I *О войне и воинах*; 4[80]; 13[10].
4[70] Ср. 3[1] 84.10–13; ТГЗ I *О чтении и письме.*
4[71] Ср. 5[33]; 5[1] 27.13.14.28; ТГЗ I *О свободной смерти.*
4[72] Ср. 5[1] 22.23.24.25.26.
4[73] Ср. 5[1] 33.35.34.21.
4[74] Ср. 5[1] 32.31.30.
4[75] Ср. 5[1] 125; 4[83]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
4[76] Ср. 5[1] 130.129.128.160; ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
4[77] Ср. 5[1] 123.117.134.136.135.137; ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
4[78] Ср. 5[1] 133.138.140.143.139.
4[79] Ср. 5[1] 145.
4[82] Ср. 5[1] 132.142.
4[83] Ср. 4[75].
4[84] Ср. 5[1] 144.143.
4[85] Ср. 5[1] 160.
4[86] Ср. 5[1] 141; ТГЗ I *О радостях и страстях*; *О дереве на горе.*
4[87] Ср. 5[1] 131; ТГЗ I *Самый тихий час.*

4[88] Ср. 5[1] 147.150.148.159.
4[89] Ср. 5[1] 149.
4[90] Ср. 5[1] 158.157.
4[91] Ср. 5[1] 155.156.
4[92] Ср. 5[1] 161.162; ТГЗ I *О трех превращениях.*
4[93] Ср. 5[1] 151.152; 4[104]; ТГЗ I *Об укусе змеи.*
4[94] Ср. 5[1] 160.164.
4[96] Ср. 5[1] 162.
4[100] Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках; О дарящей добродетели.*
4[104] Ср. 5[1] 104.166.151; ПСДЗ 181; ТГЗ I *Предисловие* 4; *Об укусе змеи.*
4[110] Ср. 5[1] 165.29; ТГЗ I *О целомудрии.*
4[112] Ср. 4[116]; 5[1] 162.5; ТГЗ I *О дарящей добродетели.*
4[113] Ср. 5[1] 177.
4[114] Ср. 5[1] 176.
4[115] Ср. 5[1] 175; ТГЗ II *О священниках.*
4[116] Ср. 4[112]; 5[1] 174; ТГЗ I *Предисловие* 3.
4[117] Ср. 5[1] 172.173.188; ТГЗ I *Предисловие* 2; *О бледном преступнике.*
4[118] Ср. 9[57]; 15[8]; 15[60].
Мольденгауэр, Теодор — автор работы о космологических теориях.
Майнлендер (Батц), Филипп (1841–1876) — немецкий философ, автор сочинения «Философия искупления».
4[120] Ср. 5[1] 171.
4[128] Ср. 5[1] 171.
4[129] Ср. 5[1] 170.169.168; 4[131.134]; ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
4[131] Ср. 4[129]; 12[1] 154.
4[134] Ср. 4[129.131]; 5[1] 168; ТГЗ I *Предисловие* 3.
4[135] Ср. 5[1] 183.
4[136] Ср. 5[1] 184.185.
4[138] Ср. 5[1] 178.
4[139] Ср. 4[49].
4[140] *Критический ... жизнь* — Возможно, пропущено «убить» или схожее по значению слово.
4[142] Ср. 5[1] 181.182.
4[143] Ср. 5[1] 180.
4[144] Ср. 5[1] 179.

4[148] Ср. 5[1] 220.191.216.
4[152] Ср. 5[1] 222.
4[155] Ср. 5[1] 246.
4[160] Ср. 5[1] 247.248; ТГЗ II *На блаженных островах.*
4[164] Ср. 5[1] 267; ТГЗ I *О целомудрии.*
4[165] Ср. ТГЗ I *Предисловие* 3.
4[167] Ср. ТГЗ I *Предисловие* 2.
4[168] Ср. 5[1] 249.
4[169] Ср. 4[51].
4[171] Ср. 5[1] 250.251.
4[172] Ср. 5[1] 252.
4[174] Ср. 5[1] 266.
4[175] Ср. 5[1] 253; 5[17]; ТГЗ I *Предисловие* 4.
4[176] Ср. 5[1] 254; ТГЗ IV *Пиявка.*
4[181] Ср. 5[1] 255; ТГЗ I *Предисловие* 3
4[182] Ср. 5[1] 256.
4[183] Ср. 5[1] 257.
4[184] Ср. 5[1] 219; ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
4[186] Ср. 5[1] 258; ТГЗ I *Предисловие* 2.
4[188] Ср. 5[1] 273.
4[191] Ср. 5[1] 265; 5[32].
4[193] Ср. 5[1] 260; ТГЗ I *О базарных мухах.*
4[196] Ср. 5[1] 261.
4[199] Ср. 5[1] 263.264.
4[202] Ср. 5[1] 265.

Тетрадь N V 8

4[204] Ср. ТГЗ I *Предисловие* 2; 4[20].
4[208] Ср. 5[8]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
4[209] Ср. 5[10].
4[210] Ср. 5[9.7]; 4[228]; ТГЗ II *О великих событиях*; ТГЗ I *Предисловие* 4.
4[211] Ср. 5[4.5].
4[212] Ср. 5[3]; ТГЗ II *Танцевальная песнь.*
4[213] Ср. 5[32].
4[214] Ср. 5[13.17]; 4[229]; ТГЗ I *Предисловие* 4.
4[215] Ср. 5[12].
4[224] Ср. 5[17]; ТГЗ I *Предисловие* 4.

4[225] Ср. 12[1] 147.
4[228] Ср. 5[7.17]; 4[210]; ТГЗ I *Предисловие* 4.
4[229] Ср. 5[13.16.17.20.32]; 3[1] 182; ТГЗ I *Предисловие* 4.
4[230] Ср. 5[14].
4[234] Ср. 5[1] 260; ТГЗ I *О любви к ближнему, О базарных мухах.*
4[237] Ср. ТГЗ I *О трех превращениях.*
4[238] Ср. ТГЗ I *Об укусе змеи.*
4[240] Ср. ТГЗ I *О презирающих тело.*
4[242] Ср. ТГЗ I *О трех превращениях.*
4[245] Ср. ТГЗ I *О свободной смерти.*
4[249] Ср. 5[1] 175; 4[17.32.115]; ТГЗ II *О священниках.*
4[253] Ср. ТГЗ I *О кафедрах добродетели.*
4[254] Ср. 5[32].
4[256] Ср. 5[32].
4[257] Ср. 5[32].
4[260] Ср. ТГЗ I *О дарящей добродетели.*
4[264] Ср. ТГЗ I *О грезящих об ином мире.*
4[266] Ср. 5[16.20].
4[271] Ср. 5[32].
4[275] Ср. 4[279]; ТГЗ I *О грезящих об ином мире.*
4[277] Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
4[279] Ср. 4[275]; ТГЗ I *О грезящих об ином мире.*
4[280] План к ТГЗ I.

5. Ноябрь 1882 – февраль 1883

Тетрадь Z I 2a. Mp XV 3a.

5[1] Собрание афоризмов из более ранних тетрадей (в первую очередь из N V 9, N VI 1, N V 8).
5[1] 1 Ср. ТГЗ II *О самопреодолении.*
5[1] 5 Ср. 12[1] 153.
5[1] 7 Ср. 4[142.143.147.148].
5[1] 12 Ср. 12[1] 155.
5[1] 13 Ср. 4[71].
5[1] 14 Ср. 4[71]; 12[1] 189.
5[1] 15 Ср. ТГЗ I *О чтении и письме.*
5[1] 19 Ср. 1[91].
5[1] 20 Ср. 12[1] 141.

5[1] 21 Ср. 4[73]; ТГЗ I *О чтении и письме.*
5[1] 22 Ср. 4[72]; ТГЗ I *О чтении и письме.*
5[1] 23 Ср. 4[72]; ТГЗ I *Предисловие* 8.
5[1] 24 Ср. 4[72]; 12[1] 56; ПСДЗ 18.
5[1] 25 Ср. 4[72].
5[1] 26 Ср. 4[72].
5[1] 27 Ср. 4[71].
5[1] 28 Ср. 4[71]; ТГЗ I *О свободной смерти.*
5[1] 29 Ср. 3[1] 368; 4[95.110]; ТГЗ I *О целомудрии.*
5[1] 30 Ср. 4[74].
5[1] 31 Ср. 4[74].
5[1] 32 Ср. 4[74].
5[1] 33 Ср. 4[73].
5[1] 34 Ср. 1[85]; 4[73]; 12[1] 193; 16[49].
5[1] 35 Ср. 4[73].
5[1] 36 Ср. 4[59].
5[1] 37 Ср. 4[59]; ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
5[1] 43 Ср. 1[55].
5[1] 45 Ср. 4[44]; ТГЗ I *О пути созидающего.*
5[1] 46 Ср. 4[44]; 12[1] 200.
5[1] 47 Ср. 4[43].
5[1] 49 Ср. ТГЗ I *О друге.*
5[1] 53 Ср. 1[43.78].
5[1] 54 Ср. 4[169].
5[1] 55 Ср. 12[1] 182.
5[1] 56 Ср. 4[26]; ПСДЗ 116.
5[1] 57 Ср. 3[1] 73.
5[1] 58 Ср. ПСДЗ 117.
5[1] 59 Ср. 1[25]; 3[1] 223.
5[1] 60 Ср. 1[5]; 12[1] 184.
5[1] 61 Ср. 1[67.70.88].
5[1] 62 Ср. 1[87]; 1[108] 4; 12[1] 194; ПСДЗ 114.
5[1] 63 Ср. 1[86]; 1[108] 2.
5[1] 64 Ср. 1[73].
5[1] 65 Ср. 1[72].
5[1] 66 Ср. 1[70].
5[1] 67 Ср. 4[29].
5[1] 68 Ср. 1[62].
5[1] 69 Ср. 4[38].
«*Что... блаженным?*» — Ср. Мф. 19:16.

5[1] 70 Ср. 5[1] 95; 4[38]; ср. письмо Ницше к Генриху фон Штайну от начала декабря 1882 г.
5[1] 71 Ср. ТГЗ I *О войне и воинах.*
5[1] 72 Ср. 4[38].
5[1] 73 Ср. 4[38].
Все... беременность. — Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках*; 3[1] 128; 4[38].
5[1] 74 Ср. 4[38].
5[1] 75 Ср. 4[38].
5[1] 76 Ср. 4[38].
5[1] 77 Ср. 4[38].
5[1] 78 Ср. 4[38].
5[1] 79 Ср. 4[40].
5[1] 80 Ср. ТГЗ I *О войне и воинах.*
5[1] 81 Ср. 4[40].
5[1] 82 Ср. 4[40].
5[1] 83 Ср. 4[40]; 12[1] 195; ТГЗ IV *О высшем человеке* 11.
5[1] 84 Ср. 4[40].
5[1] 85 Ср. 4[40].
5[1] 86 Ср. 4[37]; ПСДЗ 119.
5[1] 87 Ср. 4[37].
5[1] 88 Ср. 4[37].
5[1] 89 Ср. 4[34]; ТГЗ I *О войне и воинах.*
5[1] 90 Ср. 4[34].
5[1] 91 Ср. 4[34]; ТГЗ I *О друге.*
5[1] 92 Ср. 4[4].
5[1] 93 Ср. 4[4]; 5[1] 116.
5[1] 94 Ср. 4[4]; ТГЗ I *О войне и воинах.*
5[1] 95 Ср. прим. к 5[1] 70.
5[1] 96 Ср. 4[4]; ТГЗ I *О войне и воинах.*
5[1] 97 Ср. 4[5].
5[1] 98 Ср. 4[5].
5[1] 99 Ср. 4[6].
5[1] 100 Ср. 4[14]; ТГЗ I *О войне и воинах.*
5[1] 101 Ср. 4[15].
5[1] 102 Ср. 4[6]; ТГЗ I *О радостях и страстях.*
5[1] 103 Ср. 4[6].
5[1] 104 Ср. 4[6]; 4[104].
5[1] 105 Ср. 4[8].
5[1] 106 Ср. 4[6].

5[1] 109 Ср. 2[10]; 12[1] 185; ТГЗ II *О сострадательных.*
5[1] 110 Ср. 2[23].
5[1] 111 Ср. ТГЗ II *О священниках.*
5[1] 112 Ср. 12[1] 96; ПСДЗ 118.
5[1] 113 Ср. 4[13].
5[1] 116 Ср. 4[15]; ТГЗ I *О радостях и страстях.*
5[1] 117 Ср. 4[15.77]; ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
5[1] 118 Ср. 4[18]; ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
5[1] 119 Ср. 4[28].
5[1] 121 Ср. 4[41].
5[1] 122 Ср. 4[41].
5[1] 123 Ср. 4[77]; 12[1] 197.
5[1] 125 Ср. 4[49.75]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[1] 127 Ср. 3[1] 95; ПСДЗ 184.
5[1] 128 Ср. 4[76].
5[1] 129 Ср. 4[76]; ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
5[1] 130 Ср. 4[76].
5[1] 131 Ср. 4[87]; 12[1] 198; ТГЗ II *Самый тихий час.*
5[1] 132 Ср. 4[82]; 5[1] 142.
5[1] 133 Ср. 4[78].
5[1] 134 Ср. 4[77].
5[1] 135 Ср. 4[77].
5[1] 136 Ср. 4[77].
5[1] 137 Ср. 4[5.77].
5[1] 138 Ср. 4[78].
5[1] 139 Ср. 4[78]; ТГЗ I *О базарных мухах.*
5[1] 140 Ср. 4[78]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[1] 141 Ср. 4[86]; ТГЗ I *О радостях и страстях; О дереве на горе.*
5[1] 142 Ср. 4[82]; 5[132].
5[1] 143 Ср. 4[78.84].
5[1] 144 Ср. 4[84].
5[1] 145 Ср. 4[79].
5[1] 146 Ср. ТГЗ I *О старых и молодых бабенках.*
5[1] 147 Ср. 4[88].
5[1] 148 Ср. 4[88].
5[1] 149 Ср. 4[89].
5[1] 151 Ср. 4[93]; ТГЗ I *Об укусе змеи.*
5[1] 152 Ср. 4[93].
5[1] 153 Ср. 4[92].
5[1] 154 Ср. 4[92]; 5[33]; ТГЗ I *Об укусе змеи.*

5[1] 155 Ср. 4[91].
5[1] 156 Ср. 4[91]; 5[33].
5[1] 157 Ср. 4[90].
5[1] 158 Ср. 4[90]; 4[186].
5[1] 159 Ср. 4[88].
5[1] 160 Ср. 4[76].
5[1] 161 Ср. 4[92].
5[1] 162 Ср. ТГЗ I *О трех превращениях*; 4[92.96.112].
5[1] 164 Ср. 4[94].
5[1] 165 Ср. 4[110].
5[1] 166 Ср. 3[1] 130; 4[104]; ТГЗ I *Предисловие* 4.
5[1] 167 Ср. 3[1] 146; ПСДЗ 151.
5[1] 168 Ср. 4[129]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[1] 169 Ср. 4[129].
5[1] 170 Ср. 4[129]; ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
5[1] 171 Ср. 4[120.128]; ТГЗ I *О базарных мухах.*
5[1] 172 Ср. 4[117]; ТГЗ I *Предисловие* 2.
5[1] 173 Ср. 4[117]; ТГЗ I *О бледном преступнике.*
5[1] 174 Ср. 4[116]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[1] 175 Ср. 4[17.32.115.249]; ТГЗ II *О священниках.*
5[1] 176 Ср. 4[114]; 5[17].
5[1] 177 Ср. 4[113].
5[1] 178 Ср. ТГЗ I *О трех превращениях.*
5[1] 179 Ср. 4[144].
5[1] 180 Ср. 4[143].
5[1] 181 Ср. 4[142].
5[1] 182 Ср. 4[142.143.147.148].
5[1] 183 Ср. 4[135].
5[1] 185 Ср. ТГЗ I *О бледном преступнике.*
5[1] 187 Ср. ТГЗ I *О бледном преступнике.*
5[1] 188 Ср. 4[117].
5[1] 191 Ср. 4[148]; 12[20].
5[1] 195 Ср. 12[21].
5[1] 196 Ср. ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
5[1] 197 Ср. 5[19.30]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[1] 198 Ср. 12[18].
5[1] 199 Ср. ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
5[1] 203 *Вы...не кивнет.* — Ср. ТГЗ I *О бледном преступнике.*
5[1] 207 Ср. 12[16]; ТГЗ I *О бледном преступнике.*
5[1] 209 Ср. 3[1] 124; 12[15]; 13[15].

5[1] 212 Ср. 12[13].
5[1] 213 Ср. 12[14].
5[1] 214 Ср. 12[13.14].
5[1] 216 Ср. 4[148]; 5[1] 221.
5[1] 219 Ср. 4[184]; ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
5[1] 220 Ср. 4[148].
5[1] 221 Ср. 4[148]; 5[1] 216.
5[1] 222 Ср. 4[152].
5[1] 223 Ср. 5[27].
5[1] 226 Ср. ТГЗ II *На блаженных островах.*
5[1] 228 Ср. Эмерсон, Эссе, М., 1986, с. 311–312 (более подробные пояснения см. во вступлении к комментарию в т. 4); ТГЗ I *Предисловие* 2.
5[1] 229 Ср. 12[11].
5[1] 230 Ср. 1[72]; 5[1]65; ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
5[1] 232 Ср. ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
5[1] 234 Ср. 12[9]; ТГЗ I *О проповедниках смерти.*
5[1] 238 Ср. 5[17]; ТГЗ I *Предисловие* 4.
5[1] 239 Ср. 12[8].
5[1] 244 Ср. 5[26]; 12[8].
5[1] 245 Ср. 1[66]; 3[1] 9; ТГЗ I *Предисловие* 2.
5[1] 246 Ср. 4[155].
5[1] 247 Ср. 4[160]; 12[6]; 13[17]; ТГЗ I *На блаженных островах.*
5[1] 248 Ср. 4[160].
5[1] 249 Ср. 4[168]; 5[23]; 12[7].
5[1] 250 Ср. 4[171].
5[1] 251 Ср. 4[171]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[1] 252 Ср. 4[172]; 5[24].
5[1] 253 Ср. 4[175]; 5[17]; ТГЗ I *Предисловие* 4.
5[1] 254 Ср. 4[176]; 5[22]; 12[5]; 13[7]; 16[7]; т. 11, 31[6]; т. 11, 32[9]; ТГЗ IV *Пиявка.*
5[1] 255 Ср. 4[181]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[1] 256 Ср. 4[182].
5[1] 257 Ср. 4[183]; 12[4].
5[1] 258 Ср. 4[186]; ТГЗ I *Предисловие* 2.
5[1] 260 Ср. 4[193.234]; ТГЗ I *О базарных мухах.*
5[1] 261 Ср. 4[196].
5[1] 262 Ср. 12[2].
5[1] 263 Ср. 4[199].
5[1] 264 Ср. 4[199]; 12[1] 199.

5[1] 265 Ср. 4[202]; 4[191]; 5[32].
5[1] 266 Ср. 4[174]; ТГЗ I *О любви к ближнему.*
5[1] 267 Ср. 4[164]; ТГЗ I *О целомудрии.*
5[1] 273 Ср. 4[188].
5[2] Ср. 4[165]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[3] Ср. 4[212]; 13[10]; ТГЗ II *Танцевальная песнь.*
5[4] Ср. 4[211].
5[5] Ср. 4[211].
5[7] Ср. 4[210.228]; 5[17]; ТГЗ I *Предисловие* 4.
5[8] Ср. 4[208]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[9] Ср. 4[210]; 13[1]; ТГЗ II *О великих событиях.*
5[10] Ср. 4[209].
5[11] Ср. 12[1] 138; 13[8]; ПСДЗ 81.
5[12] Ср. 4[215].
5[13] Ср. 4[214]; 4[229]; 5[17]; 10[44].
5[14] Ср. 4[230].
5[15] Ср. 5[13].
5[16] Ср. 4[229.266]; 5[20].
5[17] Ср. 4[229.210.228.96.224.214.175.114]; 3[1] 122; 5[1] 176.238; ТГЗ I *Предисловие* 4; *Об укусе змеи*; *О базарных мухах*; *О ребенке и браке.*
5[18] Ср. 4[223].
5[19] Ср. 5[1] 197; 5[30]; ТГЗ I *О дарящей добродетели*; *Предисловие* 3.
5[20] Ср. прим. к 5[16].
5[21] Ср. 13[8].
5[22] Ср. прим. к 5[1] 254.
5[23] Ср. 4[168]; 5[1] 249; 12[7].
5[24] Ср. 5[1] 252; 4[172].
5[25] Ср. 3[1] 143; ПСДЗ 154.
5[26] Ср. 12[8]; 5[1] 244.
5[27] Ср. 5[1] 223.
5[28] Ср. ТГЗ I *Предисловие* 7.
5[29] Ср. 2[36].
5[30] Ср. 5[1] 197; 5[19]; ТГЗ I *Предисловие* 3.
5[32] Наброски к ТГЗ I.
5[33] Ср. 3[1] 164.350.347; 4[91.72.92]; 5[1] 156.154; 12[1] 142; ПСДЗ 183; ТГЗ I *Об укусе змеи.*
5[34] Ср. 4[137].
5[35] Ср. 3[1] 340.341.342.345.351.346.347.

6. Зима 1882–1883

Тетрадь M III 3b

6[1] Ср. 6[2.3.4]; датировка записей произведена на основании черновика письма Ницше к Лу фон Саломе (M III 3, 18–19); см. Pfeiffer, S. 263f.
6[2] Ср. 4[51.169].
6[3] Ср. 4[51.169].
6[4] Ср. 4[18.51.142.169]; 1[2.32].

7. Весна–лето 1883

Тетрадь M III 4b

7 [1] Набросок к *Морали для моралистов*. См. письмо Ницше к Ф. Овербеку, написанное летом 1883 г.: «*За это время у меня созрел набросок "Морали для моралистов"*». Ср. 2[5]; 7[201]; 24[27]; т. 11, 25[2.460.462], 34[57.213].
7[7] Критическое переосмысление «Рождения трагедии». невинность *становления*—К данному периоду относится несколько планов и набросков с подобным названием. Ср. 8[26]; 14[1].
Наука... бытие—Ср. РТ 15.
Квинтэссенция.—Ср. РТ 17 (начало).
Самоуничтожение... искусство.—Ср. РТ 18.
Вера... мира.—Ср. РТ 20.
«*Другое... победами*».—Ср. РТ 21.
«*Лишь... целое*».—Ср. РТ 23.
антихристианское—Ср. РТ 23 (конец).
...*немецкая надежда.*—Ср. РТ 24 (конец).
7[8] *Лекки*, Уильям Эдуард Хартпол (1838–1903)—ирландский историк и эссеист. Ницше ссылается здесь на его труд «История возникновения и влияния рационализма в Европе» (History of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism in Europe, 1865). В библиотеке Ницше имелось немецкое издание этой книги: W. Lecky. Geschichte des Ursprungs und Einflusses der Aufklärung in Europa, Deutsch von H. Jolowicz, 2 Bde. Leipzig/Heidelberg, 1873.

7[10] *Гартман*, Эдуард (1842–1906) – немецкий философ-идеалист. Ницше ссылается здесь на его работу «Феноменология нравственного сознания»: E. Hartmann. Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins. Prolegomena zu jeder künftigen Ethik. Berlin, 1879 (книга из личной библиотеки Ницше).

7[17] О разногласиях с Паулем Рэ см. 7[24.48.137]; 15[47]; 16[15]; 16[18]; 17[49]; 25[259]; 26[202.218]; 35[34]; 38[18]; ГМ *Предисловие* 4–7; ЕН *Человеческое, слишком человеческое* 6.

7[19] *Мандевиль*, Бернард (1670–1733) – английский писатель французского происхождения, автор сатирической «Басни о пчелах» (1714).

7[21] Ср. 4[167]; 7[7.59.117]; 15[42]; 16[85]; т. 11, 25[96], 26[145.165.166.176], 27[32.33.72], 35[73], 40[54.56]; ПСДЗ 32.

7[22] Ср. ПСДЗ 260.

7[24] См. прим. к 7[17].

7[25] Отрывок написан Ницше после прочтения им «Феноменологии» Э. Гартмана, см. прим. к 7[10].

7[33] Отрывок связан с прочитанной Ницше книгой немецкого биолога Вильгельма Ру (1850–1924) «Борьба различных частей в организме» (Roux W., Der Kampf der Teile im Organismus. Leipzig, 1881); см. статью В. Мюллера-Лаутера в ежегоднике Nietzsche-Studien 7 (1978), S. 189–223.

7[35] Ср. Hartmann, op. cit.

7[37] *так я когда-то думал*. – Ницше имеет в виду период 1869–1875 гг.

7[38] *Ср. Hartmann, op.cit., S. 15ff.*

7[48] См. прим. к 7[17].

7[40] Ср. т. 11, 25[178].

7[41] Ср. т. 11, 25[178].

7[43] Ср. 22[7].

7[44] Ср. 7[23]; 5[32]; т.11, 25[419]; т. 11, 34[90]; ПСДЗ 189. 260.

7[45] Ср. 7[27]; т. 11, 25[268.271]; т. 11, 26[191]; т. 11, 41[4]; т. 11, 43[3]; ВН 358.

7[47] Ср. 7 [68.60.76.125.268]; 8[26]; 24[27] т. 11, 25[113]; ПСДЗ 187.

7[49] *Лекки*—См. прим. к 7[8].
7[56] Ср. ТГЗ IV *Беседа с королями.*
7[50] Ср. 22[7]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях.*
7[51] Заметки Ницше, сделанные им по прочтении книги Леопольда Шмидта «Этика древних греков» (Leopold Schmidt. Die Ethik der alten Griechen. 2 Bde. Berlin, 1882; Bd. II, S. 307ff.; книга из личной библиотеки Ницше).
7[54] Ср. т. 11, 26[279].
7[55] Ср. 7[51].
7[56] *Время... миновало*—Ср. Гельдерлин, Смерть Эмпедокла I, 1449; ср. 13[4]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях.*
7[58] Ср. ПСДЗ 187; 7[47] с прим.
7[59] Ср. 7[21] и прим.
7[60] Ср. 7[47] и прим.
7[61] Ср. ПСДЗ 187.
7[62] Ср. 3[1] 369; ПСДЗ 6.106.
7[64] Ср. т. 11, 31[51].
7[69] *«Право», по Иерингу*—*Иеринг*, Рудольф фон (1818–1892)—немецкий юрист, трактовавший право как юридически защищенный практический интерес. Ницше ссылается на работу Й. Й. Баумана «Справочник по морали, а также очерк философии права»: J. J. Baumann. Handbuch der Moral nebst Abris der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1879, S. 387ff. (книга из личной библиотеки Ницше)
7[71] Ср. 1[19].
7[72] Ср. 7[22.217].
7[73]. Ср. 2[5].
7[76] Ср. 7[47] и прим.
7[77] Ср. 7[207.239.264].
Стендаль—Книга из личной библиотеки Ницше (изд.: Paris, 1853).
7[78] Ницше ссылается на работу немецкого философа Евгения Дюринга (1833–1921) «Курс философии как строго научного мировоззрения и образа жизни» (Kursus der Philosophie als streng wissenschaftlicher Weltanschauung und Lebensgestaltung, Leipzig 1875; книга из личной библиотеки Ницше).
7[81] Ср. Roux, op.cit.
7[82] Ср. 5[1] 20 и прим.

7[84] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 403ff.

7[85] Ср. 9[33]; 16[88]; т. 11, 25[464]; ПСДЗ 260.

7[86] Запись, сделанная Ницше под впечатлением от книги Вильгельма Ру, см. прим. к т. 9, 11[128].

Борьба... раздражителя). — Обобщение тезисов Ру; ср. Roux, op.cit., S. 73–81.

Прямая... слабых. — Ср. Roux, S. 87: «Помимо борьбы за пространство в условиях обмена веществ или борьбы за питание при его недостатке и при наличии или отсутствии раздражителей новые качества в организме могут победить напрямую, в прямой борьбе со старыми качествами и распространиться либо вследствие непосредственного разрушения последних, либо в результате их поглощенья, их ассимиляции (ассимиляция как таковая — всеобщий прогрессивный процесс)».

Сильные дают... слабые. — Ср. Roux, S. 91.

Преимущество... потребности — Ср. Roux, S. 76–78.

При недостатке... питания. — Ср. Roux, S. 75: «Если продолжительное время наблюдается недостаток питания, то, хотя и будет возможна борьба за пространство, в конечном счете сохранятся лишь соединения, потребляющие — при прочих равных условиях — меньше всего материала для компенсации, в то время как другие процессы просто погибнут от голода, т.е. устранят сами себя».

7[88] Ср. Roux, S. 77.

7[89] Ср. Roux, S. 39–46.

7[90] См. прим. к 7[33]. Ср. Roux, S. 63: «Мне также кажется вполне оправданной точка зрения Дарвина, которая видна из удачно приведенного им примера: с возрастом почерк человека часто все больше становится похожим на почерк его отца. В основе этого лежит мысль о том, что передающиеся по наследству типические черты предков не проявляются сразу в юности, но что в эту, столь податливую и восприимчивую пору они подавляются меняющейся окружающей средой и лишь в зрелом возрасте, когда взаимодействие с внешним миром ослабевает, все больше и больше выступают наружу. Мне приходилось наблюдать, как у мужчин семейные наследственные черты, в особенности душев-

ные, иногда сформировываются и становятся очевидными лишь очень поздно, после того, как в молодости они подавлялись воспитанием вне семьи».

7[92] *Соперничество... государство.* — Ср. Roux, S. 107.110.

7[94] Ср. Roux, op.cit.

7[95] *Если... частях.* — Ср. Roux, S. 76.
Процессы... плодоношению). — Ср. Roux, S. 79.
Более легко... раздражителей. — Ср. Roux, S. 81: «...в то время как более легко возбудимая субстанция вбирала в себя больше раздражителей».

7[96] Ср. J.J. Baumann, op. cit., S. 374–391.

7[98] *Возникают... уровня.* — Ср. Roux, S. 81.
Все это... индивидуумов. — Ср. Roux, S. 83.
При отборе... индивидуума. — Ср. Roux, S. 84.

7[106] Ср. 7[129].

7[107] Ср. 7[200].

7[110] Ср. 1[20].

7[117] Ср. 7[21].

7[120] Ср. 5[1] 208; 7[121].

7[121] Ср. 7[120].

7[125] Ср. 7[47] и прим.

7[126] Ср. 24[16]; т. 11, 34[46], 37[4], 38[10], 40[38], 40[61.69].

7[129] Ср. 7[106].

7[134] *Майнлендер*, Филип (1841–1876) — немецкий философ, ученик А. Шопенгауэра. Ницше ссылается на его работу «Философия искупления» (Ph. Mainländer, Philosophie der Erlösung, Berlin, 1879, zweite Auflage, S. 64–65).

7[135] Ср. Mainländer, op.cit., S. 58.

7[136] Ср. Mainländer, op.cit., S. 57–61.

7[137] См. прим. к 7[17]. Бентам, Иеремия (1748–1832) — английский философ и юрист, родоначальник утилитаризма.

7[138] *Вебер*, Эрнст Генрих (1795–1878) — немецкий анатом и физиолог, один из основоположников экспериментальной психологии чувств. Ницше цитирует его работу «Исследования процессов возбуждения в мускульной и нервной системах» (Ernst Heinrich Weber, Untersuchungen über den Erregungsprozess im Muskel- und Nervensystem, Leipzig, 1870).

7[140] Ср. Mainländer, op.cit., S. 60–62.

7[144] *Эмерсон*, Ралф Уолдо (1803–1882) — американский поэт, эссеист и философ, основоположник трансцендентализма. Ницше ссылается на немецкое издание «Опытов» Эмерсона: Versuche. Aus dem Englischen von G. Fabricius. Hannover, 1858, S. 392f.
7[145] Ср. 16[49.63.83]; 20 [2.13]; 21[1.2]; т. 11, 31[9].
7[147] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 305ff., 353ff.; ср. 7[158. 185].
7[148] Ср. 3[1] 300.
7[153] *Тейхмюллер*, Густав (1832–1888) — немецкий философ, последователь Г. Лейбница и Р.Г. Лотце. Ницше ссылается на его работу «Действительный и кажущийся мир»: Gustav Teichmüller. Die wirkliche und die scheinbare Welt. Breslau, 1882.
7[154] Ср. 7[18]; ср. т. 11, 25[101].
7[155] Ср. 1[85].
7[156] Ср. 15[21]; 16[49.84.86.88]; 23[9].
7[158] Ср. 7[147.185].
7[159] Ср. Emerson, Versuche. S. 410.
7[160] Ср. L. Schmidt, op.cit.
7[161] См. прим. к [160].
7[161] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. I, S. 168.170.267.261.260.
7[163] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. I, S. 266.
7[164] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. I, S. 261.
7[165] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 19–24.
7[168] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. I, S. 274.
7[176] См. прим. к 7[10].
7[178] *Ру* — См. прим. к 7[33].
7[180] *Шмидт* — Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 269.
7[183] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 273ff.
7[184] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 342.
7[185] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 353.
7[187] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 357.
7[188] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 357ff.
7[189] Ср. L. Schmidt, op.cit., Bd. II, S. 361f.
7[190] *Борьба... преобладания.* — Ср. Roux, S. 96.
Недостаток... нормы. — Ср. Roux, S. 98.
Борьба... величин. — Ср. Roux, S. 102.
7[191] Ср. Roux, S. 110.
7[192] Ср. Mainländer, op. cit., S. 115ff.

7[194] Ср. Roux, S. 110 (неточная цитата).
7[196] Ср. Roux, S. 149.
7[197] Ср. Roux, S. 151.
7[199] *Шнайдер*—Ницше ссылается на книгу Георга Генриха Шнайдера «Животная воля. Систематическое описание и объяснение животных инстинктов, их происхождения, развития и распространения в животном мире как основа сравнительного учения о желаниях»: Georg Heinrich Schneider. Der thierische Wille. Systematische Darstellung und Erklärung der thieriеschen Triebe und deren Entstehung, Entwickelung und Verbreitung im Thierreiche als Grundlage zu einer vergleichenden Willenslehre. Leipzig, 1882. В указанном Ницше месте Шнайдер дает определение рудиментарным органам как утратившим всякое назначение: «когда-то они имели назначение»; Ницше переносит этот тезис на «злых».
7[200] Ср. 7[107].
7[201] См. прим. к 7[1].
7[206] См. прим. к 7[10]; ср. Hartmann, S. 3.
7[207] Ср. 7[77] и прим.
7[208] Ср. Hartmann, S. 5f.
7[210] Ср. 16[50]; ГМ III 17.
7[213] Ср. Hartmann, S. 26.
7[214] Ср. Hartmann, S. 26.
7[215] Ср. Hartmann, S. 28.
7[218] Ср. Hartmann, S. 35.
Гегесий Киренский (ок. 320—ок. 280 до н.э.)—греч. философ, представитель школы Киренаиков.
7[219] Ср. Hartmann, S. 36.
7[221] См. прим. к 7[10]; ср. Hartmann, S. 42ff. (с цит. из Шопенгауэра).
7[222] Ср. Hartmann, S. 27.
7[223] *Тейхмюллер*...—См. прим. к 7[153].
7[224] Критические замечания Ницше против позиции Гартмана. См. прим. к 7[10].
7[227] Ср. 7[213]; Hartmann, S. 26.
7[233] Ср. И. Кант, Антропология с прагматической точки зрения, § 58.
Верри, Алессандро (1741–1816)—итальянский писатель, главным сочинением которого являются «Notti roma-

ne» (1780), стихотворные диалоги между великими римлянами.

7[234] Ср. И. Кант, Антропология с прагматической точки зрения, § 59.

7[235] Источник цитаты не установлен.

7[236] Источник цитаты не установлен.
Кардано, Джероламо (Джеронимо), лат. Hieronimus Cardanus (1501– 1576) — итальянский математик, натурфилософ и врач.

7[237] См. прим. к 7[199].

7[238] Ср. 16[23.41]; т. 11, 25[290.305], 29[8.27]; Hartmann, S. 645ff.
Об понятии иезуитства см. Hartmann, S. 567ff.

7[239] См. прим. к 7[199]. Конспект одной из глав книги Г.Г. Шнайдера «Der thierische Wille», S. 65–75.

7[244] *Эспинас,* Альфред (1844–1922) — представитель органической школы в социологии Франции. Ницше ссылается на его работу «Животные сообщества»: Alfred Espinas. Die tierischen Gesellschaften. Braunschweig, 1879 (книга из личной библиотеки Ницше).

7[245] См. прим. к 7[244].

7[247] Ссылка на работу Альберта Германа Поста «Основы общего сравнительно-этнологического правоведения»: Albert Hermann Post. Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichend-ethnologischer Basis. 2 Bde. Oldenburg, 1880/81 (книга из личной библиотеки Ницше).

7[248] Ср. прим. к 7[69].

7[251] См. прим. к 7[10].

7[254] См. прим. к 7[248].

7[256] Ср. 7[182].

7[257] Ср. т. 11, 25[127.185].

7[262] См. прим. к 7[248]; ср. т. 11, 25[88].

7[263] См. прим. к 7[248].

7[264] См. прим. к 7[248].

7[268] *Невинность становления* — Ср. 8[26]; 14[1].

7[269] См. прим. к 7[144].

7[270] См. прим. к 7[10].

7[271] Ср. 15[27]; 17[61]; 22[1]; т.11, 31[42], 32[]; ТГЗ IV *О высшем человеке.*

7[272] См. прим. к 7[10].
7[273] Ср. т. 11, 25[508], 34[123], 40[8.37.39], 43[2].
7[274] Ср. 7[7].

8. Лето 1883

Тетрадь Mp XVII 1a

8[1] Источник не установлен.
8[2] Ср. 16[63.83]; 18[3]; 20[3.16]; 21[1.2]; 23[9].
8[3] Ср. т. 9, 7[37] и прим.
8[4] Ср. ГМ III 17.
8[5] Ср. ГМ II, 3; A.H. Post, op.cit., Bd. I, S. 191–198, 206–208.
8[6] Ср. A.H. Post, op.cit., Bd. I, S. 92–123; Bd. II, S. 37–55; Ср. ГМ III 9.
8[7] Ср. ГМ II 7; A.H. Post, op.cit., Bd. II, S. 55.
8[8] Ср. A.H. Post, op.cit., Bd. II, S. 88, 119ff.; ПСДЗ 194.
8[9] Источник не установлен.
8[12] Ср. прим. к 7[238]; ср. ПСДЗ 23.229.
8[14] Ср. 7[7].
8[15] Ср. 14[1]; 24[1]; т. 11, 25[103]; т. 12, 5[96.98]; Schmidt, op.cit., Bd. I, S. 397, 51; ср. тж. прим. к 7[22].
8[15] *πρόσθε...Χίμαιρα* — Ср. Илиада VI, 181; ПСДЗ 190.
8[16] Ср. 11, 26[270.318], 29[5.52], 31[11], 32[2.3.11.16]; ТГЗ IV *О высшем человеке.*
8[19] *невинность становления* — Ср. 7[7] и прим.
8[23] *добрые* — слово добавлено Ницше в августе 1888 г.
8[25] Ср. т. 11, 35[35], 38[3], 40[11.16.20.23]; предисловие к ПСДЗ; ПСДЗ 16.17.54.
8[26] Ср. 7[7], 7[47]и прим.; 16[33]; 7[268].

9. Май–июнь 1883

Тетрадь N VI 2

9[1] Собрание афоризмов и изречений к ТГЗ II; большинство из них использованы Ницше в 13[1].

9[3] Ср. 13[1]; ТГЗ II *Прорицатель.*
9[4] Ср. 13[1]; ТГЗ II *О священниках.*
9[5] План к ТГЗ II; ср. 9[50.56]; 13[20]; 12[1] 186; ТГЗ II *Ребенок с зеркалом; Ночная песнь;* 10[6]; ТГЗ II *О тарантулах;* т. 11, 26[243], 35[84]; 9[36]; 10[40.41]; 13[12.25. 27.29]; 9[15]; 13[1]; ТГЗ II *О добродетельных;* 4[280].
9[6] См. 9[1]; ср. 13[1.11]; ТГЗ II *Об ученых; О возвышенных;* 16[7]; 22[1]; ТГЗ II *О священниках; Танцевальная песнь; О непорочном познании;* ТГЗ III *Другая танцевальная песнь. Церковь... на коленях.* — Ср. письмо Ницше к Фр. Овербеку от 20 мая 1883 г.
9[7] Ср. 13[1]; 13[6]; ТГЗ II *О добродетельных.*
9[10] Ср. 13[1]; ТГЗ II *Ребенок с зеркалом;* ТГЗ III *Об отступниках;* 9[48].
9[11] Ср. 13[1]; 13[12].
9[12] Ср. 7[26], 1[19] и прим.
9[13] Ср. 13[1]; 13[11]; ТГЗ II *О добродетельных;* т. 11, 26[287].
9[14] Ср. 13[1]; 13[20]; ТГЗ II *О возвышенных; Самый тихий час;* 9[35.36]; 10[6]; 13[25.28]; ТГЗ II *О священниках.*
9[15] Ср. 13[1]; 9[5] и прим.; 16[7]; 9[45]; 10[17]; 16[4]; ТГЗ II *О добродетельных.*
9[16] Ср. 13[1]; ТГЗ II *О непорочном познании;* 13[7]; 16[49.84]; 21[3]; т. 11, 31[64]; ТГЗ II *Прорицатель;* ТГЗ II *О старых и новых скрижалях* 3; ТГЗ IV *О высшем человеке* 18, 20.
9[17] Ср. 13[1];ТГЗ II *О прославленных мудрецах;* 13[12.20.21. 25.28]; ТГЗ II *Об ученых; О добродетельных;* 12[43]; 9[31].
9[18] Ср. 13[1]; 13[12]; 16[7]; ТГЗ II *Об ученых;* ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2; 22[1]; ТГЗ III *Другая танцевальная песнь;* 9[24]; ТГЗ II *Прорицатель;* ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 3; 9[19]; ТГЗ II *О непорочном познании.*
9[19] Ср. 13[1]; 16[7]; 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2; 9[18] и прим.; 13[8]; т. 11, 31[36].
9[20] Ср. 13[1]; ТГЗ II *Ночная песнь; Надгробная песнь;* 13[8]; 16[7]; 22[1]; т. 11, 31[36]; 13[7]; 2[32] и прим.
9[21] Ср. 13[1]; 13[8]; ТГЗ II *Об ученых.*
9[22] *Уолпол,* Гораций (1717–1797) — английский писатель; в своем единственном произведении «Замок Отранто» (The castle of Otranto, 1765) он заложил основы жанра готического романа. Источник приводимой цитаты не установлен.

9[23] Ср. 13[1]; ТГЗ II *Об ученых*; *О священниках*; *Ребенок с зеркалом*; *О прославленных мудрецах*; *Самый тихий час*; 13[12]; ТГЗ III *О прохождении мимо*; 1 Кор. 13:2.

9[24] Ср. 13[1]; 13[12]; ТГЗ IV *Песнь уныния*; ТГЗ II *Самый тихий час*; 13[15]; ТГЗ II *О стране образованности*; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 12, 28; ТГЗ II *О поэтах*; 9[18] и прим.

9[26] Ср. 13[1]; ТГЗ II *О возвышенных*.

9[29] Ключевые темы предыдущих фрагментов.

9[30] Ср. 13[1]; 13[11]; 16[90]; ТГЗ II *Об отребье*, 4[269] и прим.; 13[17]; ТГЗ II *О стране образованности*; 12[43]; 17[13]; 22[3]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2; ТГЗ II *Ребенок с зеркалом*; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 2.

9[31] Ср. 13[1.21]; ТГЗ II *Ночная песнь*; 4[10] и прим.; 13[21]; 18[1.3]; 23[3]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 29; 9[17] и прим.

9[32] Ср. 13[1.16.20]; ТГЗ II *О священниках*; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 21; ТГЗ II *О поэтах*.

9[33] Ср. 7[85] и прим.

9[34] Ср. 4[110]; 13[3]; ТГЗ II *О самопреодолении*; 10[20]; ТГЗ II *На блаженных островах*; 10[5]; ТГЗ II *О священниках*; ТГЗ III *Семь печатей*.

9[35] Ср. 13[1.2.23].

9[36] Ср. 9[14]; 9[56.5]; 2[5] и прим.

9[42] Ср. т. 11, 25[96.309], 25[224]; 12[25.42]; т. 11, 25[320.332], 35[3].
Очищение внутреннего мира. — Ср. 12[42].

9[43] Ср. 7[26] и прим.
Индивидуумы продолжают действовать в стимулах. — Ср. 12[42].

9[45] Ср. 13[1.20]; 13[14]; ТГЗ II *О непорочном познании*; 9[15] и прим.; 5[32] и прим.; 11[10]; 12[42]; 13[20]; 16[4]; 22[1]; ТГЗ III *Другая танцевальная песнь* 1; ТГЗ II *Танцевальная песнь*.

9[46] Ср. 13[1]; ТГЗ II *О возвышенных*; ПСДЗ 280.

9[47] *Рабочие... властью.* — Ср. 12[42].

9[48] Ср. 12[42]; 5[32]; 3[1] 39 и прим.; 12[23]; 24[32.33]; 9[10]; 4[213]; 11[9]; 18[55]; 4[45] и прим.; 10 [6.11.12]; 13[24]; ТГЗ II *Надгробная песнь*.
Индивидуум... поvит. — Ср. Гете в письме к И.К. Лафатеру от 20 сентября 1780 г.: «Индивидуум невыразим».

9[49] Ср. 12[42.43]; 13[1.20]; ТГЗ II *О тарантулах*; 16[4.7]; 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2; 13[16]; ТГЗ II *О поэтах*; ТГЗ IV *Чародей*.

9[50] Ср. 9[5.56]; 13[20].

9[52] Ср. 13[1]; ТГЗ II *Самый тихий час*.

9[53] Ср. ТГЗ II *Ночная песнь*.

9[56] План к ТГЗ II; ср. 10[40]; 13[20.25.27.28]; ТГЗ II *Прорицатель*; 9[5.50]; 9[14] и прим.; 9[36]; 4[45] и прим.; 4[113] и прим.

9[57] *Дарк*, Даниэль (наст. имя — Мари Ренье) (1840–1887) — французская писательница.

10. Июнь–июль 1883

Тетрадь N VI 3

10[1] Ср. 13[1.3]; ТГЗ II *О возвышенных*; *Об ученых*.

10[2] Ср. 13[3]; ТГЗ II *Ребенок с зеркалом*.

10[3] Темы для ТГЗ II; ср. 16[80].

10[4] Ср. 3[1] 185; 13[3]; ТГЗ II *О сострадательных*; 13[1]; ТГЗ II *Ночная песнь*; ТГЗ III *Выздоравливающий* 2; 10[28.40]; 11[13]; 13[2.25.27.28.29]; ТГЗ II *О великих событиях*.

10[5] Ср. 13[3]; ТГЗ II *О добродетельных*; 12[47]; 13[33.34.35]; ТГЗ II *Об избавлении*; *Надгробная песнь*; 9[34] и прим.
но сердце... об этом. — Ср. Еврипид. Ипполит, 607.
старое... сердце — Ср. Гомер. Илиада XXIV, 205.521.

10[6] Ср. 10[3]; 9[48] и прим.; 9[14] и прим.; 10[40]; т. 11, 26[243.258.318]; 5[32]; 13[1]; 13[25]; ТГЗ II *Об ученых*; 12[42]; 9[5] и прим.; 15[21]; 16[83]; 20[3]; 21[1]; т. 11, 26[296], 27[79.80.82], 34[129.188.191], 35[74.84]; 10[10]; 13[3]; ТГЗ II *Надгробная песнь*; 11[21]; 21[3]; 22[2]; т. 11, 29[14.24.63], 31[10]; ТГЗ II *О прославленных мудрецах*; *О тарантулах*; *О самопреодолении*.

10[7] Ср. 10[41]; 13[3.17.25].

10[8] Ср. 10[10]; ТГЗ II *Прорицатель*; 13[25].

10[9] Ср. 13[3]; ТГЗ II *О добродетельных*; *О тарантулах*; *На блаженных островах*.

10[10] Ср. ТГЗ II *Прорицатель*; 13[1]; 10[12.15]; 13[3]; ТГЗ I *Предисловие* 2; *О грезящих об ином мире*.

Альпа... на гору? — Историю появления этого мотива у Ницше см. в кн.: R. von Seydlitz. Wann, warum, was und wie ich schrieb. Gotha, 1900. S. 36.

10[11] Ср. 10[3]; 10[40]; 13[24.27]; 16[84]; 21[3]; т. 11, 34[212]; 9[48] и прим.; 13[9.25.28]; ТГЗ II *Об отребье*; 13[3]; ТГЗ II *Самый тихий час.*

10[12] Ср. 9[48] и прим.; 10[10] и прим.; 10[15]; 13[3]; ТГЗ II *Прорицатель.*

10[14] Ср. 13[3]; 16[7]; т. 11, 31[36], 32[10].

10[15] Ср. 13[3]; ТГЗ II *Прорицатель*; 10[10] и прим; 10[12] и прим.

10[16] Ср. ДД *Меж коршунов.*

10[17] Ср. 9[15] и прим.; 10[24]; 12[1] 171; 13[1]; 12[14]; 13[18]; ТГЗ II *На блаженных островах*, *О поэтах.*

Непреходящее... символ, сравненье — Н. обыгрывает заключительную строфу «Фауста» Гете.

А когда... познание. — Ср. Гете, Фауст II, сцена 1.

10[18] Ср. 13[1]; ТГЗ II *О непорочном познании*; 4[183].

10[19] Ср. 13[3]; ТГЗ II *Самый тихий час*; 10[6] и прим.

10[20] Ср. 10[25]; т 11, 25[249], 35[75]; II; 9[34] и прим.

10[21] Ср. 13[18];ТГЗ II *О поэтах.*

10[22] Ср. 13[9]; т. 11, 31[64]; ТГЗ II *Об отребье.*

10[23] Ср. 13[3]; ТГЗ II *Самый тихий час.*

10[24] Ср. 10[17] и прим.

10[25] Ср. 10[47]; 10[20] и прим.

10[28] Ср. 10[4] и прим.

10[30] Ср. 13[3]; ТГЗ II *О прославленных мудрецах.*

10[31] План к ТГЗ II; ср. 13[3]; 13[20].

Тэн, Ипполит Адольф (1828–1893) — французский философ, историк, психолог, эстетик.

10[32] Ср.13[3]; ТГЗ II *О прославленных мудрецах.*

10[33] Ср.13[3].

10[34] Ср.13[3]; ТГЗ II *Прорицатель*; *О священниках*; *Об отребье.*

10[35] Ср. т. 11, 31[34]; ТГЗ II *Надгробная песнь*; ТГЗ IV *Приветствие*; 13[3]; т. 11, 29[55]; ТГЗ II *Самый тихий час*; ТГЗ III *Возвращение*, *Выздоравливающий* 2.

10[36] Ср. 13[13]; ТГЗ II *Об отребье*, *О поэтах*; ТГЗ III *Перед восходом солнца.*

10[37] Ср. 4[254]; 13[1]; ТГЗ II *О священниках*, *О человеческой мудрости*; ТГЗ III *Выздоравливающий* 2.

10[38] Ср. 13[16]; ТГЗ II *О человеческой мудрости*; 13[1]; 11[3]; 12[44].

10[40] План к ТГЗ II. Ср. 13[25]; 4[45]; 13[30.32.33.36]; ТГЗ II *Танцевальная песнь*; 9[56] и прим.; 10[4] и прим.; 10[36. 41]; 13[13.27]; 10[11]; 4[230]; 13[14.20.29]; 10[6] и прим.; 12[47]; 13[18.34.35]; т. 11, 29[14.22.24.63]; 31[10]; ТГЗ II *О поэтах*; 9[5] и прим.; 5[32] и прим.; 13[6]; ТГЗ II *О тарантулах*; 13[21]; 16[83]; 20[3]; 21[1.2.6.]..

10[41] План к ТГЗ II. Ср. 13[25]; 17[2.9]; 18[4]; 22[2]; 10[7] и прим.; 9[5] и прим.; 10[36]; 10[40] и прим.; 4[254].

10[42] Ср. 13[24]; т. 11, 26[235], 35[84], 36[6]; ВН-п *К мистралю.*

10[43] Ср. 16[1]; 13[20]; т. 11, 25[445], 39[9.14].

10[44] Ср. 10[45]; 16[2.3.64]; 21[2]; ТГЗ III *О великом томлении*; 4[229]; 4[165]; 4[269].

10[45] План к драме о Заратустре (написан по окончании ТГЗ II); то же для 10[46.47]. Ср. 16[3.51.61.64]; т. 11, 29[14. 23.26.47], 31[30]; 16[65]; 18[45]; 21[6]; ТГЗ II *Самый тихий час*; ТГЗ IV *Знамение*; 29[25], 31[2]; ТГЗ I *О дарящей добродетели*; 10[44] и прим.; 13[2]; т. 11, 25[249.322. 331]; 10[47]; 13[3]; 16[38.42.45.53.55]; 20[10]; 21[3]; т. 11, 29[15]; 34[144.145], 35[73]; 11[2.13.17]; 13[28.30. 32.36]; 20[3]; 16[7]; 22[1]; ТГЗ III *О великом томлении.*

10[46] *Ср.* прим. к 10[45]; ср. 13[2]; 20[3]; т. 11, 29[24]; 11[21]; 15[46]; 16[86]; 17[9.28.31]; 21[3]; 22[1]; т. 11, 29[14]; 13[3]; т. 11, 29[39.63], 30[4], 31[10.11.56.61.70], 32[16]; ТГЗ IV *Беседа с королями*; 13[1]; 16[55]; 13[20]; 17[11]; 20[8]; 21[4]; III; 22[2]; т. 11, 26[243.296.318.353], 34[155], 35[75].

10[47] Ср. прим. к 10[45]; ср. 16[51]; т. 11, 31[8.9.11.16]; 16[79. 83.85.89]; 17[52.55]; 4[132].

11. Июнь–июль 1883

Тетрадь N VI 4

11[1] План к ТГЗ II; ср. ТГЗ II *Надгробная песнь.*

11[2] План к ТГЗ II; ср. 4[230] и прим.; 13[32.33.34]; ТГЗ II *О стране образованности*; 11[17]; 13[30]; ТГЗ II *Об отребье*; 10[45] и прим.

11[3] Ср. ТГЗ IV *О науке*; 10[38]и прим.; ТГЗ II *О человеческой мудрости.*

11[4] Ср. ТГЗ II *Ребенок с зеркалом.*

11[6] Ср. т. 11, 25[14]; т. 11, 29[1], 32[8]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 9.

11[7] Ср. т. 11, 25[16], 29[1], 31[45.64].

11[8] Ср. 3[1] 245.

11[9] Ср. 9[48]; 18[55].

11[10] План к ТГЗ III (написан сразу по окончании или во время работы над ТГЗ II); ср. 4[230] и прим.; 11[15]; 13[14]; 16[64.84]; 21[1.3].

11[11] Ср. ПСДЗ 83.

11[13] План к ТГЗ II; ср. 10[45] и прим.; 10[4] и прим.; 11[18]; 12[47]; 13[30.32.33.34.36]; 16[79]; 18[45]; ТГЗ II *Самый тихий час.*

11[15] Ср. 11[10] и прим.

11[16] Ср. 13[13]; ТГЗ II *О самопреодолении.*

11[17] План к ТГЗ II; ср. 11[2] и прим.; 13[17.25.27.28.29.31.33]; ТГЗ II *О тарантулах*; 12[47]; 13[30.32.34.35]; 16[83]; 20[16]; т. 11, 29[14.24.63], 30[4]; ТГЗ II *Прорицатель.*

11[18] План к ТГЗ II, не использованный Ницше; ср. ТГЗ II *Ночная песнь*; 13[30.32]; ТГЗ II *О самопреодолении*; 4[191]; 12[47]; 13[33.35]; 18[45]; ТГЗ II *О великих событиях*; 11[13] и прим.

11[19] Ср. 21[3]; 22[8]; 23[9.10]; ТГЗ III *О духе тяжести.*

11[21] Ср. 10[6] и прим.; 10[46] и прим.

12. Лето 1883

Тетрадь Z I 3

12[1] Собрание афоризмов ЧСЧ, СЕТ, УЗ, ВН, а также из ранних тетрадей 1882–1883 гг.; с дополнениями и изменениями; данные материалы были использованы Ницше в ТГЗ II, III, IV и ПСДЗ. Собрание было впервые опубликовано в 1975–76 гг. как дар «для авторов и друзей издательского дома Walter de Gruyter».

12[2] Ср. 5[1] 262.

12[3] Ср. 5[1] 262.
12[4] Ср. 4[183]; 10[18]; 34[250]; 38[8]; ПСДЗ 19; ТГЗ II *На блаженных островах.*
12[5] Ср. 4[176]; ТГЗ IV *Пиявка.*
12[6] Ср. 4[160]; 13[17]; ТГЗ II *На блаженных островах.*
12[7] Ср. 4[168]; 5[1]249; 5[23].
12[8] Ср. 5[1] 239.244; 5[26].
12[9] Ср. 5[1] 234; 12[43]; 13[1]; ТГЗ II *О возвышенных.*
12[11] Ср. 5[1] 229.
12[12] Ср. 13[11].
12[13] Ср. 5[1] 212.214; 12[14]; ТГЗ II *На блаженных островах.*
12[14] Ср. 12[13] и прим.; 13[1]; 10[17] и прим.
12[15] Ср. 5[1] 209; 13[15].
12[16] Ср. 5[1] 207; ТГЗ I *О бледном преступнике.*
12[17] Ср. 5[1] 204.
12[18] Ср. 5[1] 198.
12[19] Ср. 5[1] 203; ТГЗ II *О самопреодолении.*
12[20] Ср. 5[1] 191; 4[148].
12[21] Ср. 5[1] 195.
12[22] Ср. 5[1] 183; 3[1] 321.
12[23] Ср. 9[48]; 12[42].
12[25] Ср. 9[42]; 12[42]; т. 11, 25[313.326], 27[19.29], 34[46. 87.124], 35[15], 37[4], 38[8], 40[21.37.38]; ПСДЗ 19.
12[32] Источник не установлен.
12[36] *Керубини*, Луиджи (1760–1842) — французский композитор и педагог, автор знаменитой оперы «Медея», итальянец по национальности.

Спонтини, Гаспаре (1774–1851) — итальянский композитор, автор многих опер (сохранилось ок. 20), кантат, месс.

Люлли, Жан Батист (1632–1687) — французский композитор, основоположник французской оперной школы, создатель национального музыкально-театрального жанра лирической трагедии.

«Эврианта» (1823, Вена) — опера немецкого композитора Карла Марии фон Вебера (1786–1826).

12[42] Темы для ТГЗ II. Ср. 5[32]; 10[6]; 4[153]; 4[230]; 4[18]; 4[88]; 1[35]; 4[269]; 4[257]; 4[45]; 9[49] и прим.; 9[48] и прим.; 3[1] 39; 12[23]; 4[213]; 12[42]; 9[47]; 7[26] и прим.; 16[66]; 21[3]; 9[42.43]; 12[25]; 9[45] и прим.

12[43] Собрание фрагментов, в большинстве своем использованных Ницше в ТГЗ II *О тарантулах*; ср. также 13[1]; 3[1] 39; 9[1] и прим.; 9[30] и прим.; 12[9] и прим.; 13[6. 22.23.25]; 9[17] и прим.; 16[7]; 23[5]; ТГЗ III *О духе тяжести* 2; ДД *Огненный знак*; 4[65]; 12[1] 150; 9[49] и прим.; 4[228].

12[44] Ср. 10[47] и прим.

12[45] Ср. 16[33].

12[46] Ср. 16[33].

12[47] План к ТГЗ II. Ср. 4[230]; 10[40] и прим.; 11[18]; 13[30. 33.35]; 18[45]; II; 11[17] и прим.; 10[5] и прим.; 13[32. 34]; ТГЗ II *О человеческой мудрости*; 11[13] и прим.

13. Лето 1883

Тетрадь *Z I* 4

13[1] Собрание афоризмов из записных книжек 9 (N VI 2) и отчасти 10 (N VI 3), с дополнениями; использовано Ницше для ТГЗ II и набросков 13[6–9.11.12.14–19].

13[2] Ср. 10[45.46.47]; 4[10]; 13[20.23.30.36]; ТГЗ II *Ребенок с зеркалом*; т. 11, 25[2.6.323], 29[1], 31[8.49.64]; ТГЗ II *О великих событиях*; ТГЗ III *О блаженстве против воли*; ТГЗ IV *Крик о помощи*; *В полдень*; 4[130]; 1[83]; 2[6]; 4[129]; 10[4] и прим.; 9[35]; 15[4.7]; 16[49.61.83]; 20[2].

13[3] Собрание афоризмов из записных книжек (прежде всего, из тетради N VI 3); некоторые из них были использованы Ницше в ТГЗ II.

13[4] Фрагмент не был использован в ТГЗ II. Ср. 4[191]; ТГЗ IV *Приветствие*; 7[56]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 21. Ср. тж. Гельдерлин. Эмпедокл I, 1449.

13[6] Глава, составленная по большей части из ранних фрагментов. Ср. 10[40] и прим.; 9[23] и прим.; 3[1] 39; 9[7] и прим.; 4[64]; 12[1] 134; 12[1] 133; 5[1] 20; 12[43] и прим.; 13[1].

13[7] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 10[41]; 13[25]; 13[1]; ТГЗ II *О добродетельных*; 9[16] и прим.; 9[20]; 4[176]; 13[3]; ТГЗ II *О стране образованности*; *О человеческой мудрости*.

13[8] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 4[230]; 5[32]; 13[1]; ТГЗ II *О стране образованности*; 9[21] и прим.; 9[20] и прим.; ТГЗ II

На блаженных островах; О добродетельных; О поэтах; 5[11]; 3[1] 170; 3[1] 138; 3[1] 273; 12[1] 89; ТГЗ II *О сострадательных.*

13[9] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 10[11] и прим.; 9[1] и прим.; 10[22] и прим.; ТГЗ II *Об отребье;* 13[1]; 9[53] и прим.; ТГЗ II *Ночная песнь;* 4[100].

13[10] Фрагмент представляет собой собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше, в основном, в ТГЗ II *О самопреодолении.* Ср. тж. 5[1] 1; 12[1] 160; УЗ 48; 1[11]; 4[212]; 4[143]; 5[1] 180; 3[1] 284; 3[1] 36.

13[11] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 5[1] 227; 9[30] и прим.; ТГЗ II *На блаженных островах;* 12[12]; 13[1]; 16[7]; ТГЗ II *О добродетельных;* 9[13] и прим.; 9[1] и прим.; 9[6] и прим.

13[12] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 9[5] и прим.; 13[1]; 9[24]; 9[11]; 9[23] и прим.; 9[18] и прим.; 9[17] и прим.; 3[1] 341.

13[13] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 10[40] и прим.; 10[36] и прим.; 13[1]; ТГЗ II *О тарантулах;* 11[16]; ТГЗ II *О самопреодолении; О сострадательных.*

13[14] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 10[40] и прим.; 13[1]; ТГЗ II *О стране образованности;* 9[45]; 13[3]; 3[1] 300; 1[59]; 3[1] 328; 16[7]; ТГЗ II *О прославленных мудрецах;* 11[10].

13[15] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 13[27.29]; 9[24] и прим.; 3[1] 124.

13[16] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 5[32] и прим.; 9[49] и прим.; 9[32] и прим.; ТГЗ II *О поэтах;* 10[38]; ТГЗ II *О человеческой мудрости;* 13[1]; 12[1] 103; 3[1] 243; 3[1] 251; 3[1] 349.

13[17] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 11[17] и прим.; 13[1]; ТГЗ II *О тарантулах;* 9[30] и прим.; 10[7] и прим.; 4[160]; 12[6] и прим.; ТГЗ II *На блаженных островах.*

13[18] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 10[40] и прим.; 10[17] и прим.; ТГЗ II *О поэтах;* ВН 84; 13[1]; ТГЗ II *О добродетельных;* 9[19] и прим.; 13[3]; 3[1] 342.

13[19] Ср. прим. к 13[6]. Ср. 13[29.31.32]; ТГЗ II *Об избавлении;* 13[1]; ТГЗ II *На блаженных островах;* 3[1] 287.

13[20] План к ТГЗ II. Ср. 9[5] и прим.; 10[40] и прим.; 13[25]; ТГЗ II *О великих событиях;* 13[30.36]; ТГЗ II *О священниках;* 4[280]; 13[3]; 4[45]; 9[56] и прим.; 9[32]; 10[43] и прим.; 9[14] и прим.; 9[45] и прим.; 9[49] и прим.; 10[45] и прим.; 9[4]; 13[1]; 13[33]; ТГЗ II *На блаженных островах;* 5[32]; 4[230]; 12[43] и прим.; 13[22]; 10[31] и прим.; 13[2] и прим.; 9[17] и прим.; 10[6] и прим.; 13[25]; 10[46] и прим.; 16[55]; 17[11]; 18[15]; 21[3]; 22[2].

13[21] Набросок к ТГЗ. Ср. 9[31] и прим.; 4[10]; 9[17] и прим.
13[22] План продолжения ТГЗ (написан незадолго до завершения ТГЗ II). Ср. 12[43] и прим.; 13[20]; 15[7]; 16[83]; 17[9]; 20[2.3.8]; 22[2]; ТГЗ II *Ребенок с зеркалом*; 4[10]; 1[83].
13[23] Набросок к ТГЗ. Ср. 12[43] и прим.; 9[35] и прим.; 4[130] и прим.; 4[280] и прим.; 13[2] и прим.
13[23] *Стромболи* — действующий вулкан на острове Стромболи в Тирренском море, территория Италии.
13[24] Темы ТГЗ. Ср. 10[11] и прим.; 15[21.32]; 16[86]; 31[42]; ТГЗ I *Предисловие* 1; 9[48] и прим.; 10[42] и прим.; 1[16].
13[25] Темы ТГЗ. Ср. 12[43] и прим.; 9[56] и прим.; 9[14] и прим.; 10[6] и прим.; 10[40] и прим.; 4[45]; 13[3]; 13[20]; 10[41] и прим.; 13[7] и прим.; ТГЗ II *О великих событиях*; 10[4] и прим.; 9[5] и прим.; 4[230]; 11[17] и прим.; 10[7] и прим.; 10[8]; ТГЗ II *Прорицатель*; ТГЗ I *О войне и воинах*; 10[11] и прим.; 10[42]; 13[24.25]; ТГЗ III Перед *восходом солнца*; 13[30.32.33.34.36]; ТГЗ II *О возвышенных*; 9[17] и прим.; 13[1].
13[26] Ср. 4[254].
13[27] План к ТГЗ II. Ср. 5[32] и прим.; 11[17] и прим.; 10[4] и прим.; 9[56] и прим.; 9[5] и прим.; 4[230]; 4[45]; 10[11] и прим.; 10[40] и прим.; 13[15.29]; 5[1] 227; 1[19].
13[28] План к ТГЗ II. Ср. 10[45] и прим.; 13[30.32.34]; 5[32]; 9[14] и прим.; 9[56] и прим.; 13[33.36]; ТГЗ II *О прославленных мудрецах*; 9[17] и прим.; 11[17] и прим.; 10[11] и прим.; 10[4] и прим.
13[29] План к ТГЗ II. Ср. 10[4] и прим.; 11[7] и прим.; 4[230]; 13[19] и прим.; 9[5] и прим.; 10[40] и прим.; 13[15.27].
13[30] План к ТГЗ II. Ср. 13[2] и прим.; 13[33]; ТГЗ II *Ночная песнь*; 10[40] и прим.; 11[17] и прим.; 10[45] и прим.; 13[28] и прим.; 13[25] и прим.; 13[1]; 4[230]; 11[18] и прим.; 11[13] и прим.; 13[20] и прим.; 10[6] и прим.; 11[2] и прим.; 26[318]; ТГЗ II *О добродетельных*; 12[47] и прим.
13[31] План к ТГЗ II. Ср. 11[17] и прим.; 4[191]; 13[19] и прим.
13[32] План к ТГЗ II. Ср. 10[40] и прим.; 13[28] и прим.; 10[45] и прим.; 12[47] и прим.; 11[2] и прим.; 4[230]; 13[25] и прим.; 11[17] и прим.; 11[18] и прим.; 13[19] и прим.; 4[191]; 11[13] и прим.

13[33] План к ТГЗ II. Ср. 13[20]; ТГЗ II *На блаженных островах*; 11[2] и прим.; 11[17] и прим.; 13[28] и прим.; 13[30]; и прим.; 10[40] и прим.; 15[7]; 17[69]; 20[9]; ТГЗ II *Надгробная песнь*; 5[32]; ТГЗ II *О самопреодолении*; 13[25] и прим.; 11[2] и прим.; 13[35]; ТГЗ II *О непорочном познании*; 4[230]; 11[18] и прим.; 10[5] и прим.; 12[47] и прим.; 11[13] и прим.

13[34] План к ТГЗ II. Ср. 13[28] и прим.; 4[230]; 13[25] и прим.; 11[2] и прим.; 10[40] и прим.; 12[47] и прим.; 11[17] и прим.; 10[5] и прим.; 11[13] и прим.

13[35] План к ТГЗ II. Ср. 13[33]; II; 4[230]; 10[40] и прим.; 11[17] и прим.; 11[18] и прим.; 12[47] и прим.; 10[5] и прим.

13[36] План к ТГЗ II. Ср. 13[2] и прим.; 13[25] и прим.; 13[28] и прим.; 13[20] и прим.; 10[40] и прим.; 10[45] и прим.; 11[13] и прим.

14. Лето 1883

Тетрадь M III 2b

14[1] Ср. 7[7] и прим.; 1[19]; 4[276]; 15[4]; 16[50.84]; 4[280]; 15[48]; т. 11, 25[243.492], 26[258.297.298.468], 34[188.191.201.213.240], 35[39.41.75], 40[48], 42[1.2], 44[1]; 8[15].

Философия будущего. — Ср. подзаголовок к ПСДЗ; ср. также т. 11, 25[238.490.500], 35[84], 36[1.6], 40[48], 41[1], 42[1].

14[5] *Злоупотребление... фальшивомонетничество.* — Ср. т. 11, 25[278].

15. Лето–осень 1883

Тетрадь N VI 5

Материалы, содержащиеся в данной записной книжке, относятся к периоду после окончания ТГЗ II, когда Ницше планировал сразу начать работу над 3 и 4 ча-

стью ТГЗ. В дальнейшем, при написании ТГЗ III, они в большинстве своем так и не были использованы.

15[1] Ср. ТГЗ IV *В полдень*; 16[49.65.89]; 20[8]; 21[3].

15[3] Ср. ТГЗ III *О видении и загадке*, 16[81.83.88]; 18[19.27]; 20[2]; 22[2]; 23[9].

15[4] Ср. 4[84]; 7[210] и прим.; 14[1] и прим.; 13[2] и прим.; т. 11, 25[165], 26[58.334], 34[247.253]; 35[35.37], 38[3.4], 42[3]; ПСДЗ 4.

15[7] Ср. 15[18]; 16[56.83.86]; 20[2.3]; 22[1]; 16[9.39.51]; 17[76.82]; 21[3]; 27[20]; 16[37.85.89]; 21[1]; 16[38]; 17[69]; 20[8]; 13[22] и прим.; 13[2] и прим.; ТГЗ II *О самопреодолении*; 13[33] и прим.; ТГЗ I *Предисловие* 9; ТГЗ III *О блаженстве против воли*; 4[165]; 16[64]; 18[45]; т. 11, 29[14.26], 31[9.21.22.23.57], 32[14.15]; ТГЗ IV *Знамение*, 19[7] и прим.; 21[2]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 1; 5[1] 227; 21[6]; 4[269].

15[8] Перечень книг и авторов, которых Ницше планировал прочитать.

15[8] *Мольденгауэр* — Ср. 4[118] и прим.

Скотт — Имеются в виду два романа Вальтера Скотта: «Монастырь» (1820) и «Аббат» (1820).

Галлер староисп. — Имеется в виду книга немецкого лингвиста Йозефа Галлера (1810–1886) «Староиспанские афоризмы» (Joseph Haller. Altspanische Sprichwörter. Regensburg, 1883).

Фон дер Гольц — Colmar von der Goltz. Das Volk in Waffen. Ein Buch über Heerwesen und Kriegsführung unserer Zeit. 2. Aufl. Berlin, 1883 (книга из личной библиотеки Ницше). Ср. 15[36.60].

15[9] Ср. т. 11, 25[140], 31[51].

15[10] Ср. 16[86]; 18[50]; 4[132] и прим.

15[13] Ср. 4[269]; 16[84]; т. 11, 25[6.323], 27[82], 29[12]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 3; *О трояком зле* 2; ТГЗ IV *Знамение*, 17[84]; ТГЗ IV *Песнь скитальца в ночи*; 16[83]; 20[3].

15[16] Ср. 20[3].

15[17] Ср. ТГЗ IV *Жертва медовая*; ДД *Огненный знак*, 17[54]; 20[8]; 22[4]; т. 11, 29[23].

15[18] Ср. 15[7] и прим.; 16[86]; 22[1]; т. 11, 31[36.61]; ТГЗ IV *Беседа с королями*; т. 11, 31[44]; ТГЗ III *Об отступниках*.

15[19] Ср. 16[56.86].

15[21] Ср. 5[32]; 4[280]; 16[49.51.64]; 21[1.2]; 23[8.10]; ТГЗ III *Выздоравливающий*; 13[24] и прим.; 10[6] и прим.; 21[3]; 16[86]; 7[156].

15[23] Ср. ДД *О бедности богатейшего.*

15[24] Ср. 4[2]; ДД *О бедности богатейшего.*

15[27] Ср. 7[26]; 7[271]; 17[61]; 22[1]; т. 11, 31[42], 32[9]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 11.

Эмерсон—См. Р. Эмерсон. Эссе. М., 1986, с. 234: «В своих устремлениях мы неутомимо жаждем забыться, внезапно расстаться с привычным порядком вещей, лишиться вечной памяти и, наконец, совершить что-либо, не зная, как и зачем, короче говоря, начертить новый круг. Ни одно великое деяние никогда не совершалось без вдохновения. Замечательно устроена жизнь, и весь смысл ее в порыве. Величайшие мгновения истории предоставляют условия творить необыкновенные дела, опираясь на силу идеи, озарившей гения или святого. «Человек, —говорил Оливер Кромвель,—выше всего поднимается тогда, когда не знает, куда ведет его путь». Дурман и опьянение, употребление опиума и алкоголя—вот жалкая попытка подделать пророческий гений. Именно поэтому так зловеще притягательны они для человека. По этой же причине прибегает человек к безумным страстям, как те, что сопутствуют азартной игре и войнам; и все лишь для того, чтобы хоть как-нибудь уподобиться этому огню, этим высочайшим проявлениям души».

15[31] *Самая...повторение.*—Ср. 15[44]; 20[2.3]; 5[1] 227.

15[32] Ср. 13[24] и прим.

15[34] Ср. ДД *О бедности богатейшего*; 16[88]; 22[1].

15[35] Ср. 15[48]; 16[49]; 17[69]; 21[3.6]; 26[298], 27[82], 29[27], 31[2], 34[33.78.188.191.199]; ПСДЗ 211; СИ *или Как философствуют молотом*; СИ *Молот говорит*; 16[83]; 20[3.8]; 22[2].

15[36] *Аристотель*—См. Сенека, О гневе I 9.2 (ссылка на слова Аристотеля).

Клаузевиц—Клаузевиц, Карл фон (1780–1831)—немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал. Основная его работа «О войне» («Vom Kriege», 1832–1834). Ницше цитирует слова Клаузевица по кн.: von Goltz, op. cit., S. 9. Ср. прим. к 15[8].

Не путать... способности.—Цит. по: von Goltz, op. cit., S. 68f.

15[37] Ср. 15[44].

15[40] Ср. 7[271] и прим.

15[44] Ср. 15[31] и прим.; 15[37].

15[45] Ср. ТГЗ III *О блаженстве против воли*; 4[276].

15[46] Ср. ТГЗ I *Предисловие* 1; 15[48]; 10[46] и прим.; т. 11, 29[14.22.24]; 4[130].

15[47] См. прим. к 7[17].

15[48] Ср. 14[1] и прим.; 16[64.65]; 21[2]; 15[46]; 16[83]; 17[55.69]; 20[3.8]; 21[1.6]; ТГЗ III *О блаженстве против воли*; *Выздоравливающий* 1; т. 11, 26[298].

15[50] Ср. 25[379].

15[57] Ср. 16[84]; 17[44]; т. 11, 26[270], 28[37], 29[5.12.23.66], 34[145]; 35[74.75], 39[3].

15[60] *Гартман... произведения*—Eduard von Hartmann. Gesammelte Studien und Aufsätze gemeinverständlichen Inhalts. Berlin/Naumburg, 1876 (книга из личной библиотеки Ницше).

Ранке—папы—Имеется в виду книга немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795–1886) «Папы римские, их Церковь и их государство в 16 и 17 вв.» (Leopold von Ranke. Die römische Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im 16. und 17. Jh. 3 Bde. Berlin, 1834–1836).

Вельхаузен—Julius Wellhausen. Prolegomena zur Geschichte Israels. 2. Aufl. Berlin, 1883. (книга из личной библиотеки Ницше)

Фон дер Гольц—См. прим. к 15[8].

Дреер—Eugen Dreher. Der Darwinismus und seine Consequenzen in wissenschaftlicher und sozialer Beziehung. Halle, 1882 (книга из личной библиотеки Ницше); Ton und Wort mit Bezugnahme auf das Musik-Drama R. Wagners. Halle, 1880.

Мольденгауэр—Ср. 4[118] и прим.

Бентам—Бенеке—См. Hartmann. Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins. S. 606f.

«Буддизм»...Шульце—Имеется в виду книга Хендрика Керна «Буддизм и его история в Индии» (Hendrik Kern. Der Buddismus und seine Geschichte in Indien. Leipzig, 1882).

16. Осень 1883

Тетрадь Z II 1a

16[1] Ср. 10[43].
16[2] Ср. 10[44] и прим.; ТГЗ III *О великом томлении*; 4[229].
16[3] Набросок драмы о Заратустре (после окончания ТГЗ II); ср. 4[165]; 10[44] и прим.; 10[45] и прим.; 16[84.85]; 21[3]; 4[269]; 4[132]; 1[83].
16[4] Собрание афоризмов, переписанных из более ранних тетрадей (9, 10, 13). Ср. 22[1]; ТГЗ II *Странник*; 9[1]; 9[45]; 9[15]; 9[49]; 13[1].
16[5] Добавлено Ницше в начале 1888 г.
16[6] Ср. 16[73.80]; т. 11, 29[23.36].
16[7] Ср. прим. к 16[4]; 13[1]; 9[6] и прим.; 4[10]; 9[18–20]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 18; 9[15] и прим.; 12[43] и прим.; 13[3]; 10[14] и прим.; 9[49] и прим.; 3[1] 243; 3[1] 349; 1[59]; 3[1] 328; 3[1] 273; 4[176]; 12[1] 133; 10[45] и прим.
16[8] Набросок плана, предшествующий написанию ТГЗ III; см. также планы и наброски 21[1–6]; ср. 16[9].
16[9] Ср. прим. к 16[8]; ср. 4[10]; 15[7] и прим.
16[11] «*они... жизнь*». — Ср. РТ 7.
Стать... цель! — Ср. 16[49].
Отказ... миру». — О «мировом процессе» см. в связи с критикой Гартмана в НР (ИЖ) 9.
Я освободился... ученых... — Ср. ТГЗ II *Об ученых*.
«*Пессимист интеллекта*». — Определение греков, данное Якобом Буркхардтом; ср. т. 8, 5[70].
«*Интеллектуальная... почетнее*». — Ср. ЧСЧ(СМИ) 26.
16[12] Ср. 22[1]; т. 11, 31[44], 32[10]; ТГЗ III *О великом томлении*; ДД *О бедности богатейшего*.
16[13] Ср. 22[1]; ТГЗ III *О прохождении мимо*.
16[15] См. прим. к 7[17].
16[14] *Шопенгауэр... 60)* — Ср. НР (ШВ) 5.
16[15] *Человеческое... 79.* — См. ЧСЧ 96.97.
Ницше цитирует Пауля Рэ по изд.: Paul Rée, Der Ursprung der moralischen Empfindungen, Chemnitz, 1877 (книга из личной библиотеки Ницше).
16[17] Ср. 7[70.55].

16[18] См. прим. к 7[17].
16[22] Ср. т. 11, 25[243].
16[23] Ср. 7[37.238].
16[24] Ср. 5[1] 229.
16[27] Ср. 7[22] и прим.
16[30] Ср. прим. 16[8].
16[33] Ср. 8[26]; 1[19] и прим.; 12[45.46].
16[35] Ср. 22[1].
16[36] Ср. 22[1]; т. 11, 25[84.101]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 22; т. 11, 31[36]; ТГЗ IV *Самый безобразный человек.*
16[37] Ср. 16[8]. То же относится ко всем последующим фрагментам без исключения: 16[38–90]; ср. 15[7] и прим.; 16[65].

Эмерсон... мудреца. — См. Emerson, Versuche: «Государство существует для того, чтобы воспитать мудреца; с появлением мудреца государство подходит к концу. Появление характера делает государство ненужным. Мудрец и есть государство. Ему не нужно войско, не нужна крепость, не нужен флот, — для этого он слишком любит людей; ему не нужны подарки, или праздники, или дворец, чтобы приобрести себе друзей: не нужно ни превосходство, ни благоприятные обстоятельства. Ему не требуется библиотека, ибо он никогда не прекращает мыслить, не требуется церковь, ибо он пророк, не требуется книга законов, ибо он дает законы, не требуются деньги, ибо везде, где он находится, он у себя дома, не требуется опыт, ибо жизнь творящего пронизывает его и говорит ему глазами. У него нет собственных друзей, ибо у него есть волшебная сила, позволяющая обладать молитвами и любовью всех людей, и он не должен направлять и воспитывать немногих, чтобы они вместе с ним вели поэтическую жизнь избранных. В своем отношении к людям он подобен ангелу; его воспоминания — мирро для них, а его настоящее — цветы и фимиам». Эта цитата была несколько раз подчеркнута и выделена Ницше.

16[38] Ср. 13[3]; 10[45] и прим.; 15[7] и прим.; 17[31].
16[40] Ср. 15[7] и прим.
16[41] Ср. 7[238] и прим.
16[42] Ср. 16[3]; т. 11, 25[249.322.331]; 13[3]; 10[45] и прим.

16[45] Ср. 10[45] и прим.
16[46] Ср. 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2.
16[47] Ср. 16[51.84.85]; 19[8]; 20[3]; 21[1.2]; 22[1.8]; 23[10]; т. 11, 31[22]; ТГЗ III *Выздоравливающий*; ТГЗ IV *Песнь скитальца в ночи.*
16[49] Ср. 7[7] и прим.; 16[80]; 21[3]; 16[55.84]; 20[10]; т. 11, 25[6.323], 26[155], 29[12], 31[11.22], 34[145]; 19[14]; 4[241]; 7[145]; 4[167]; 15[21] и прим.; 16[50]; 17[2.72]; 18[19]; 22[4]; 23[9]; 15[35] и прим.; 16[84]; 15[1] и прим.; 16[11]; 5[1]; 7[156]; 22[1]; ТГЗ III *О блаженстве против воли*; 5[32]; 1[85]; 13[2]; 9[16].
16[50] Ср. 4[280] и прим.; 16[84]; 21[3]; 5[32] и прим.; т. 11, 26[320], 32[2]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 11–12; 17[5]; 22[1]; ТГЗ IV *Жертва медовая*; 4[269]; 26[26]; 14[1]; 7[210]; 16[59]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2; 5[1] 227 и прим.; 16[49].
16[51] Ср. 15[7] и прим.; 16[61]; 25[270.354]; 34[96]; 10[47] и прим.; 4[10]; 10[45] и прим.; 15[21] и прим.; 16[47] и прим.
16[52] Ср. 16[71].
16[53] Ср. 16[55]; 10[45] и прим.; 15[13] и прим.
16[54] Ср. 2[6]; 4[132]; 18[48]; т. 11, 29[11].
16[55] Ср. 16[84]; 21[3]; 10[46] и прим.; 13[20] и прим.; 4[165]; 2[6]; 10[45] и прим.; 16[53]; 16[49] и прим.; 15[13] и прим.
16[56] Ср. 5[1] 227; 15[7] и прим.; 4[88]; 5[1] 225; 4[229]; 15[19]; 16[86]; 16[64.71.80]; 21[3].
16[58] Ср. 4[10] и прим.
16[59] Ср. 16[50] и прим.
16[61] Ср. 10[45] и прим.; 16[51]; т. 11, 34[96].
16[63] Ср. 16[64]; 21[2]; 8[2]; 7[145] и прим.; т. 11, 27[23]; 16[89].
16[64] Ср. 10[44] и прим.; 16[63]; 21[2]; 10[45] и прим.; 15[48] и прим.; 4[88] и прим.; 16[56] и прим.; 15[7] и прим.; 21[6]; 16[83]; 20[3]; 21[1.6]; т. 11, 25[158.249], 27[67], 29[13]; 16[83.85]; 22[2]; 15[21] и прим.; 11[10] и прим.; 5[1] 225; 21[3]; т. 11, 31[16]; 20[16]; т. 11, 31[9].
16[65] Ср. 16[37]; 15[48] и прим.; 15[1] и прим.; 10[45] и прим.
16[66] Ср. 12[42]; 21[3].
16[67] Ср. Hartmann. Phänomenologie. S. 589–651.
16[71] Ср. 16[52]; 16[56] и прим.

16[73] Ср. 16[6] и прим.
16[74] Ср. 16[76].
16[76] Ср. 16[74].
16[79] Ср. 10[47] и прим.; 5[1] 225; 11[13] и прим.
16[80] Ср. 16[6] и прим.; 16[49]; 21[3]; 16[56] и прим.
16[81] Ср. 15[3] и прим.
16[82] Ср. 4[113].
16[83] Ср. 16[89] и прим.; 15[7] и прим.; 20[2.8]; 15[48] и прим.; 15[3] и прим.; 10[40] и прим.; 16[64] и прим.; 7[145] и прим.; 8[2] и прим.; 20[3]; 3[1] и прим.; 15[13]; 10[6] и прим.; 17[69]; 20[9]; 21[1]; 16[84]; 11[17]; 10[47] и прим.13[22] и прим.; 13[2] и прим.; 15[35] и прим.
16[84] *Ср.* 16[3] и прим.; 16[55]; 21[3]; 16[47] и прим.; 15[13] и прим.; 16[50] и прим.; 17[11.29.51]; 22[4]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 1–2; 15[4] и прим.; 11[10] и прим.; 18[4]; 4[280]; 14[1]; 5[32]; 7[156]; 16[49] и прим.; 4[229]; 16[83]; 4[242]; 22[2]; 23[9]; т. 11, 26[243.258.353], 35[39.74]; 15[57] и прим.; ТГЗ III *О трояком зле*, 17[14.27]; 10[11] и прим.; 9[16] и прим.; 4[269]; 7[7]; ТГЗ I *О дарящей добродетели* 2; 5[1] 225.
Тейхмюллер — См. прим. к 7[153].
16[85] Ср. 16[47] и прим.; 7[21]; 15[7] и прим.; 16[3] и прим.; 5[1] 225; 10[47] и прим.
16[86] Ср. 15[21]; 7[156]; 15[18] и прим.; 15[7] и прим.;15[19]; 16[56]; 13[24] и прим.; 10[46] и прим.; 17[31]; 22[1]; т. 11, 31[42].
16[88] Ср. 15[34] и прим.; ТГЗ I *Предисловие* 6; 20[2.3]; т. 11, 26[289], 29[24.57], 31[10.70], 32[6.18]; ТГЗ III *Странник*; ТГЗ IV *Тень*; 15[3] и прим.; 7[156]; 3[1] 25; 7[85] и прим.; 31[35], 32[7]; ТГЗ IV *Приветствие*.
16[89] Ср. 16[83]; 10[47] и прим.; 16[63]; 15[1] и прим.
16[90] Ср. 9[30] и прим.; 15[7] и прим.

17. Осень 1883

Тетрадь N VI 6

17[1] Ср. 22[1]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 12; т. 11, 32[8.10].

17[2] Набросок, предшествующий написанию ТГЗ III; ср. 10[41] и прим.; 16[49] и прим.; 17[9]; 18[19]; 22[2]; 23[9.10]; 22[8]; ТГЗ III *О трояком зле.*

17[3] Ср. 22[1]; ТГЗ III *Странник; Об умаляющей добродетели* 2.

17[4] Ср. прим. к 17[2].

17[5] Ср. 22[1]; т.11, 31[42]; ТГЗ IV *Вечерняя трапеза;* 16[50].

17[6] Ср. 22[5]; ТГЗ III *Другая танцевальная песнь* 2; 4[17].

17[7] Ср. 22[1]; т. 11, 31[42]; 32[10]; 17[25]; 22[5]; ТГЗ III *О прохождении мимо.*

17[8] Ср. 22[1]; т. 11, 25[243], 31[39.61].

17[9] Набросок плана, предшествующий написанию ТГЗ III; ср. 10[41] и прим.; 22[1]; 22[2]; т. 11, 31[42.61], 32[8.10]; 17[2] и прим.; 10[46] и прим.; т.11, 31[11.65], 32[3.16]; ТГЗ IV *О науке;* 13[22] и прим.; 19[8]; 20[3.8]; т. 11, 26[243], 29[11.26], 31[16.22].

17[10] Ср. 3[1] 263; 22[1]; 30[9], 31[9]; ТГЗ IV *В полдень;* 17[26]; ТГЗ III *О прохождении мимо;* ТГЗ IV *Беседа с королями;* ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2.

17[11] Ср. 16[84] и прим.; 10[46] и прим.; 13[20] и прим.; 22[1]; т. 11, 31[39], 32[9]; ДД *Меж коршунов.*

17[12] Ср. 22[1]; т. 11, 31[40[, 32[10]; ТГЗ IV *Добровольный нищий.*

17[13] Ср. 22[3]; ТГЗ III *Возвращение;* т. 11, 31[38], 32[10]; ТГЗ IV *Добровольный нищий;* ТГЗ III *Возвращение;* 3[1] 410; т. 11, 32[9]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 7, 5, 11; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 1; т. 11, 31[39]; 9[30]; 18[6.51]; ТГЗ III *Выздоравливающий* 1–2; т. 11, 36[17], 41[9]; ПСДЗ 295; ДД *Слава и вечность;* 17[15]; ТГЗ III *Странник; О прохождении мимо;* 20[12]; т. 11, 32[8]; IV; III; 22[6]; 31[37].

17[14] Ср. 16[84]; 17[27]; ТГЗ III *О трояком зле;* 17[15]; 22[3]; ТГЗ III *Странник.*

17[15] Ср. 17[14] и прим.

17[16] Ср. 22[3.5]; 17[17.87]; 18[2]; 22[5]; т. 11, 31[37.38]; 18[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 3, 2; *Об отступниках* 2; 20[13]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 12, 22; *На Масличной горе;* ДД *О бедности богатейшего;* 17[20]; ТГЗ IV *В отставке;* т. 11, 31[64], 33[1]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 18; ТГЗ III *О прохождении мимо; О трояком зле* 2; *О духе тяжести* 2; 29[56], 32[8.13]; ДД *Среди стервятников;* 18[46]; ТГЗ III *Выздоравливающий;* 17[22]; 22[4]; 20[12]; ТГЗ III *Перед восходом солнца; Возвращение.*

17[17] Ср. 22[5]; ТГЗ III *О прохождении мимо*; 17[16] и прим.
17[18] Относится к планам четвертой части ТГЗ, предшествующим написанию ТГЗ III; ср. т. 11, 31[11].
17[20] Ср. 18[48]; 20[12]; 22[3]; ТГЗ III *Об отступниках* 2; 17[16] и прим.; 17[56]; 22[1]; 22[5]; т. 11, 31[43]; ТГЗ IV *Самый безобразный человек.*
17[21] Ср. 22[3]; ДД *О бедности богатейшего*; 20[12]; т. 11, 30[9], 31[38]; ДД *Садится солнце.*
17[22] Ср. 17[9]; ср. 17[16] и прим.; 18[18]; 22[5]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 3.
17[23] Ср. 22[3].
17[24] Ср. 18[46]; 22[5]; т. 11, 31[37], 32[10]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 21; ТГЗ IV *Добровольный нищий.*
17[25] Ср. 18[34]; 22[5]; 17[7] и прим; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2.
17[26] Относится к планам, предшествующим написанию ТГЗ III; ср. 17[10] и прим.
17[27] Ср. прим. к 17[2]; ср. 17[40]; 20[10]; 16[84]; 17[14]; ТГЗ III *О трояком зле.*
17[28] Ср. прим. к 17[2]; ср. 10[46] и прим.
17[29] Ср. прим. к 17[2]; ср. 16[84] и прим.; 22[1]; т. 11, 31[42]; ТГЗ IV *Чародей.*
17[30] Ср. 20[1]; 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2, 3; 17[48]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 16; т. 11, 31[41.61]; 1[19].
17[31] Новый общий план, предшествующий написанию ТГЗ III; ср. планы в группе 22, а также 16[38]; 16[86] и прим.; 10[46] и прим.; 4[113].
17[32] Ср. 22[1]; т. 11, 31[41], 32[9], 31[44]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 10.
Ты... с тобой! — Ср. Гораций, Оды, III, 1, 40.
17[33] Ср. прим. к 17[9].
17[34] Ср. 22[1]; т.11, 31[41.61], 32[8].
(*Спенсер... 269*) — Ссылка на изд.: Herbert Spencer, Data of Ethics. London, 1879 (книга из личной библиотеки Ницше).
17[35] Ср. 17[48.50.52.60]; 18[1]; 20[9]; 22[1]; 22[3]; т. 11, 31[42].
17[36] Ср. прим. к 17[26].
17[38] Ср. 19[15]; 20[10]; 22[1]; т. 11, 31[41], 32[8].

17[39] Ср. прим. к 17[9]; ср. 4[2] и прим.; т. 11, 28[32.33]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 19; 20[10]; 22[1]; ТГЗ III *Возвращение.*

17[40] Ср. прим. к 17[9]; ср. 17[27]; 20[10]; 4[2]; 2[45]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 19; 22[1].

17[41] Ср. прим. к 17[18]; ср. 20[10]; 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2.

17[42] *Эпиктет* (ок. 50—ок. 140)—греческий философ-стоик.

17[43] Вероятно, выписка из книжного каталога.
Реклю, Жан Элизе (1830–1905)—французский географ (представитель т.н. «анархического» направления) и социолог. Его основной труд—«Новая всемирная география: Земля и люди» (Nouvelle geographie universelle: la terre et les hommes. Vol. 1–19. Paris, 1876–1894).

17[44] Ср. прим. к 17[2]; ср. 15[57] и прим.

17[45] Ср. прим. к 17[2]; ср. 22[1].

17[46] Ср. 17[59]; 18[43]; 22[1]; ТГЗ III *О духе тяжести*; т. 11, 31[41].

17[48] Ср. 18[8]; 22[1]; 23[5]; ТГЗ III *О духе тяжести* 2; 17[35] и прим.; 17[30] и прим.; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 3.

17[49] См. прим. к 7[17]; ср. 22[1].

17[50] Ср. 17[53]; 20[8]; 17[35] и прим.

17[51] Ср. прим. к 17[2]; ср. 16[84] и прим.; 18[30]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 4–5; 22[1]; т. 11, 29[59], 31[43].

17[52] Ср. прим. к 17[2] и 17[18]; ср. 10[47] и прим.; 17[35] и прим.
Гернгутеры—протестантская (лютеранская) секта последователей чешских братьев, отрицавших государство, сословное и имущественное неравенство и проповедовавших отказ от насильственной борьбы.

17[53] Ср. прим. к 17[18]; ср. 17[50]; 20[8].

17[54] Ср. прим. к 17[18]; ср. 22[1]; т. 11, 31[43]; ТГЗ IV *Самый безобразный человек*; 4[10]; 5[1] 227; 15[17] и прим.; 2[6].

17[55] Ср. прим. к 17[9]; ср. 10[47]; 5[1]; 15[48] и прим.; ТГЗ II *Ребенок с зеркалом*; ТГЗ IV *Беседа с королями*; т. 11, 31[2]; 22[1]; ТГЗ III *О блаженстве против воли.*

17[56] Ср. 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 3; т. 11, 35[74]; ТГЗ I *О дарящей добродетели* 1; 17[20] и прим.; ТГЗ III *О блаженстве против воли*; 5[1] 227; 15[48]; 17[68]; 18[46].

17[58] Ср. 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 3; 31[35]; ТГЗ III *Семь печатей* 1; ТГЗ IV *О высшем человеке* 7; 17[60]; 20[9]; ТГЗ III *На Масличной горе.*

17[59] Ср. 22[1]; т. 11, 31[43]; 17[46] и прим.; т. 11, 32[9]; ТГЗ IV *В полдень*; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 3.

17[60] Ср. 20[9]; 22[1]; 17[58] и прим.; 17[35] и прим.; т. 11, 31[41].

17[61] Ср. 7[271]; 15[27].

17[62] Ср. прим. к 17[9]; ср. 17[67]; 22[1].

17[63] Ср. 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2; 20[9]; т. 11, 31[41].

17[64] Ср. 22[1].

17[65] Ср. 20[9]; 22[1].

17[66] Ср. 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2; т. 11, 31[42.61], 32[10]; ДД *Слава и вечность.*

17[67] Ср. 22[1]; 17[62]; 20[9].

17[68] Ср. 17[69]; 20[9]; 18[46]; 22[1]; ТГЗ III *Странник.*

17[69] Наброски плана к третьей и четвертой частям, предшествующие написанию ТГЗ III; ср. 15[7] и прим.; 4[132]; 4[208.218]; 5[1] 269; 5[8]; ТГЗ I *Предисловие* 3; 17[68]; 20[9]; 15[48] и прим.; т. 11, 26[298]; 15[35] и прим.; 13[33] и прим.; 16[83] и прим.

17[70] Ср. 22[1]; т. 11, 31[41]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2.

17[71] Ср. 22[1]; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2.

17[72] Ср. 22[1]; т. 11, 31[40], 32[10]; 16[49] и прим.; 18[31]; 20[2.3.8.]; 22[2.8]; 23[9.10]; ТГЗ III *О блаженстве против воли.*

17[73] *Бланки*, Луи Огюст (1805–1881) – французский публицист и политический деятель. В его книге высказывается идея, близкая идее «вечного возвращения» Ницше. См. H. Lichtenberger, Die Philosophie Fr. Nietzsches, Leipzig, 1899, S. 204–209.

17[74] Ср. 22[1]; т. 11, 31[40.61]; ДД *Слава и вечность.*

17[76] Ср. 15[7] и прим.; 22[1].

17[77] Ср. прим. к 17[2].

17[78] Ср. 22[1]; т. 11, 31[41.61]; 18[15.23]; 23[3]; т. 11, 31[35]; ТГЗ IV *О высшем человеке.*

17[80] Ср. 22[1]; ТГЗ III *О великом томлении*; *О блаженстве против воли*; т. 11, 31[12.41], 32[8]; ТГЗ IV *Тень*; т. 11, 31[40];

ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2; ДД *О бедности богатейшего*; ТГЗ III *Возвращение*, *Странник*; т. 11, 29[57], 30[3]; ТГЗ IV *Тень*.
Ах, иго... одержимость. — Ср. Мф. 11:30.

17[82] Ср. ТГЗ III *О блаженстве против воли*; 22[1]; ТГЗ III *Странник*; 15[7] и прим.; 20[8].
17[83] Ср. ТГЗ III *О блаженстве против воли*.
17[84] Ср. ТГЗ III *О блаженстве против воли*; 15[13] и прим.
17[85] Ср. 22[1]; 31[40]; ТГЗ IV *Вечерняя трапеза*; 17[87].
17[86] Ср. ТГЗ III *О блаженстве против воли*.
17[87] Ср. 17[16] и прим.; 17[85]; 22[1].
17[89] Вероятно, фраза, предназначенная для окончания ТГЗ III; см. письмо Ницше к Фр. Овербеку от 25 января 1884 г.; ср. 18[63].

18. Осень 1883

Тетрадь N VI 7

18[1] Ср. 22[3]; 17[16]; 17[35] и прим.; 18[30]; 20[14]; ТГЗ III *Перед восходом солнца*; т. 11, 31[37]; 9[31] и прим.
18[2] Ср. прим. к 17[18]; 22[4]; 17[16] и прим.
18[3] Ср. 8[2] и прим.; 9[31] и прим.
18[4] Ср. 16[84]; 10[41] и прим.
18[6] Ср. 17[13] и прим.
18[8] Ср. 17[48]; 22[1]; ТГЗ III *О духе тяжести* 2.
18[12] Ср. 22[1]; т. 11, 31[42], 32[8].
18[13] Ср. ТГЗ II *Танцевальная песнь*.
18[14] Ср. ТГЗ III *Выздоравливающий* 2.
18[15] Ср. 18[23]; 23[3]; т. 11, 31[37], 35[76]; IV 12; 17[78] и прим.; 13[20] и прим.
18[16] Ср. ТГЗ IV *Пробуждение* 2
18[18] Ср. 17[22] и прим.
18[19] Ср. 17[2] и прим.; 5[32] и прим.; 15[3] и прим.
18[20] Ср. 22[8]; 23[9.10]; ТГЗ III *О великом томлении*; ТГЗ IV *О высшем человеке* 11–12.
18[21] *Путь...змея...* — Ср. 4[10] и прим.; ТГЗ III *О видении и загадке*.
18[22] Ср. ТГЗ I *Предисловие* 3.

18[23] Ср. 17[78] и прим.; 18[15] и прим.; 23[3].
18[24] Ср. 3[1] 25.
18[25] Ср. 20[11]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 30.
18[26] *Как... жизни!* — Ср. 20[13].
18[30] Ср. III; 18[1] и прим.; 17[51]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 5; т. 11, 31[51], 32[9]; ТГЗ III *О духе тяжести* 1.
18[31] Набросок плана к ТГЗ III; ср. 5[1] 225; 17[72] и прим.; 20[13]; 22[8]; 23[9.10]; ТГЗ III *Перед восходом солнца*; 8[15]; ТГЗ III *На Масличной горе*, *О прохождении мимо*; 19[8]; ТГЗ III *Другая танцевальная песнь*.
18[32] Ср. ТГЗ III *О трояком зле*.
18[34] Ср. ТГЗ III *Возвращение*, 17[25] и прим.; 23[7].
хорошо преследуют... ловят — ср. прим. к 17[20] и 17[25].
18[35] Ср. ТГЗ III *Об отступниках*.
«у тебя... помимо меня». — Ср. Исх. 20:3; Втор. 5:7.
18[36] Ср. ТГЗ III *Возвращение*.
18[38] Ср. 18[57]; ТГЗ I *Предисловие* 2.
18[40] Ср. 23[5]; ВН-п *К новым морям*.
18[43] Ср. 3[1] 245; ТГЗ III *Об отступниках* 1; 17[46.59]; 22[1]; ТГЗ III *О духе тяжести* 2.
18[44] Ср. 4[242].
18[45] Ср. ТГЗ III *О призраке и загадке*, *Выздоравливающий* 2; 11[13] и прим.; 10[45] и прим.; 15[7] и прим.
18[46] Ср. 17[24] и прим.; 22[5]; 17[16] и прим.; 17[20] и прим.; 17[68]; 22[1].
18[47] *хочу... раз* — ср. 5[1] 227.
18[48] Ср. 22[8]; 23[10]; т. 11, 35[39.41.68]; ТГЗ III *Семь печатей* 1–7; 16[54]; т. 11, 29[11]; 4[242].
18[49] Ср. 3[1] 245.
18[50] Ср. 15[10] и прим.
18[51] Ср. 17[13] и прим.; ТГЗ I *Выздоравливающий* 2.
18[52] Ср. 4[234]; ТГЗ I *Предисловие* 10.
18[55] Ср. 9[48]; 11[9].
18[56] Ср. 3[1] 245; ТГЗ II *На блаженных островах*.
18[57] Ср. 18[38].
18[59] Ср. 23[4]; ТГЗ III *Другая танцевальная песнь* 3; ТГЗ IV *Песнь скитальца в ночи*.
18[60] Ср. 13[1].
18[62] Ср. 13[1].
18[63] Ср. 17[89].

19. Осень 1883

Тетрадь N VI 8

19[1] Ср. 4[442].
19[2] Ср. ТГЗ III *Возвращение.*
19[4] Ср. ТГЗ III *О духе тяжести* 2.
19[5] Ср. 3[1] 158; 17[39]; 20[10].
19[7] Ср. 15[7] и прим.; 21[2]; т. 11, 31[11.14.15.22], 32[14. 15.16]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 1; ТГЗ IV *Приветствие, Знамение.*
19[8] Набросок плана к ТГЗ III; ср. 18[31] и прим.; 22[8]; 23[10]; 16[47] и прим.; т. 11, 29[1]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях*; 17[9] и прим.
19[9] Ср. ТГЗ III *Выздоравливающий* 1.
19[12] Ср. ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 29.
19[13] Ср. ТГЗ III *Семь печатей* 5.
19[14] Ср. 16[49]; 21[3]; ТГЗ III *Выздоравливающий* 2; 22[2]; ТГЗ II *Прорицатель*; ТГЗ IV *Приветствие.*
19[15] Ср. ТГЗ III *Выздоравливающий* 2; 17[38] и прим.

20. Осень 1883

Тетрадь Z II 2

20[1] Ср. ТГЗ III *Странник*; 22[1]; 17[30] и прим.; ТГЗ III *Об умаляющей добродетели* 2.
20[2] Ср. 20[3]; 16[83] и прим.; 20[8]; т. 11, 31[12]; ТГЗ IV *Тень*; ГМ III 28; 15[3] и прим.; 15[31] и прим.; 20[8]; 22[2]; ТГЗ III *О видении и загадке* 2; 17[72] и прим.; 7[145]; 13[22] и прим.; 15[7] и прим.; 16[88] и прим.; 5[1] 227; 13[2] и прим.; 3[1] 53.
20[3] Ср. 21[1–6]; 16[83] и прим.; 15[16]; 15[3] и прим.; 16[88] и прим.; 10[45] и прим.; 15[31] и прим.; 15[7] и прим.; 5[1] 225; 10[40] и прим.; 15[48] и прим.; 7[145]; 15[13]; 3[1] 53; 10[6] и прим.; 13[22] и прим.; 20[2] и прим.; 16[64] и прим.; 8[2] и прим.; 17[9] и прим.; 16[47] и прим.; 17[72] и прим.; 5[1] 227; 10[46] и прим.15[35] и прим.; 16[64] и прим.

Спенсер— Вероятно, имеется в виду издание: H. Spencer. Einleitung in das Studium der Sociologie. Leipzig, 1875 (книга из личной библиотеки Ницше).

20[4] Ср. 24[11]; т. 11, 26[128], 27[24], 38[8]; ПСДЗ 19. *Тейхмюллер*— См.: Gustav Teichmuller. Neue Studien zur Geschichte der Begriffe. 3 Bde. Dorpat, 1876–1879. Bd. III: Die Praktische Vernunft bei Aristoteles; см. тж. прим. к 7[153].

20[6] Ср. 20[10]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 19; *Об умаляющей добродетели* 3.

20[7] *Аристотель*— См. Никомахова этика, 1115b, 17–19.

20[8] См. прим. к 20[3]; 21[1–6]; 16[83] и прим.; 15[17] и прим.; 15[1] и прим.; 10[46] и прим.; 15[7] и прим.; 4[280]; 20[2] и прим.; 13[22] и прим.; 17[9] и прим.; 17[50.53]; 5[1] 227; 4[276]; 15[48] и прим.; 15[35] и прим.; 17[72] и прим.; 17[82]; ТГЗ III *О блаженстве против воли.*

20[9] Ср. 21[1–6]; 13[33] и прим.; 16[83] и прим.; 17[68.69. 67.65]; 22[1]; 17[60] и прим.; 17[63] и прим.; 17[58] и прим.; 17[35] и прим.

20[10] Ср. 21[1–6]; III; 20[6]; 17[41]; 4[2]; 17[40] и прим.; 2[45]; 17[39] и прим.; 19[5]; 17[27]; 31[41], 32[8]; 17[38] и прим.; 4[132]; 13[3]; 10[45] и прим.; 16[49] и прим.

20[11] Ср. 23[10]; ДД *Последняя воля*; 18[25]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 30.

20[12] Ср. 17[21] и прим.; 17[20] и прим.; 17[16] и прим.; 17[3] и прим.

20[13] Ср. ТГЗ III *Об отступниках*; *О прохождении мимо*; 18[26]; 18[31] и прим.

20[14] Ср. 18[1] и прим.

20[15] Ср. ТГЗ III *О духе тяжести.*

20[16] Набросок для ТГЗ; ср. 11[17] и прим.; 22[4]; 23[9]; т. 11, 30[7], 31[63]; 8[2] и прим.; 16[64] и прим.

21. Осень 1883

Тетрадь Mp XV 3b

21[1] Ср. 15[48] и прим.; 10[40] и прим.; 21[2.6]; 10[6] и прим.; 16[83] и прим.; 15[7] и прим.; 8[2] и прим.; 15[21] и прим.; 11[10] и прим.; 16[64] и прим.; 16[47] и прим.

21[2] Ср. 10[44] и прим.; 15[48] и прим.; 16[43]; 10[40] и прим.; 10[45] и прим.; 21[1.6]; 8[2] и прим.; 16[64] и прим. 15[21] и прим.; 11[10] и прим.; 16[47] и прим.; 19[7] и прим.; 15[7] и прим.; 14[1] и прим.

21[3] Ср. 16[3] и прим.; 16[55.84] и прим.; 10[46] и прим.; 13[20] и прим.; 10[44] и прим.; 16[50] и прим.; 7[210]; 5[32]; 12[42] и прим.; 14[1] и прим.; 11[10] и прим.; 4[280]; 16[49] и прим.; 10[6] и прим.; 9[16] и прим.; 11[19] и прим.; 7[7]; 16[80]; 4[242]; 10[11] и прим.; 15[21]; 15[1] и прим.; 19[14]; ТГЗ III *О трояком зле*, 5[1] 227; 16[64]; и прим.; 10[45] и прим.; ТГЗ III *О видении и загадке* 2; ТГЗ IV *Песнь скитальца в ночи* 4, 8; 15[13] и прим.; 21[6]; т. 11, 25[249]; 15[7] и прим.; 16[56] и прим.

21[4] Ср. 4[230]; 15[48] и прим.; т. 11, 25[232.238], 32[20]; 2[6]; 10[46] и прим.

21[6] Ср. 3[1] 245; 21[3]; т. 11, 25[249]; 10[45] и прим.; 20[3]; 21[1.2]; 16[64] и прим.; 15[48] и прим.; 10[40] и прим.; 15[7]; ТГЗ III *О видении и загадке*, *Выздоравливающий*.

22. Конец 1883

Тетрадь Z II 3a

22[1] Переписанные набело из более ранних тетрадей (13, 15, 16, 17, 18) афоризмы, частично использованные Ницше при написании ТГЗ III.
Я не хвалю... молоко. — Ср. Иез. 20:6.

22[2] Набросок, сделанный незадолго до формирования окончательного плана ТГЗ III; ср. 17[72] и прим.; 22[8] и прим.; 23[10] и прим.; III; 13[20] и прим.; 16[84] и прим.; 17[2] и прим.; 10[41] и прим.; 17[9] и прим.; 10[46] и прим.; 19[14] и прим.; 13[22] и прим.; 15[3] и прим.; 20[2] и прим.; 16[64] и прим.; 10[6] и прим.; 15[35] и прим.; 16[47] и прим.

22[3] Ср. прим. к 22[1].

22[4] Ср. прим. к 22[2]; ср. 16[84] и прим.; 15[17] и прим.; 18[2]; 17[16] и прим.; 16[49]; 23[9]; 20[16]; 10[46] и прим.

22[5] Ср. прим. к 22[1].

22[6] Ср. 17[13] и прим.; т. 11, 31[37.64], 32[13]; ТГЗ IV *О высшем человеке* 17.

22[7] Ср. 7[15]; ТГЗ III *О старых и новых скрижалях* 23; *О духе тяжести* 2; 7[43].

22[8] Набросок плана к ТГЗ III; ср. 23[10]; ТГЗ III *О видении и загадке*; 17[72] и прим.; 18[31] и прим.; 22[2] и прим.; III; 17[2] и прим.; 11[19] и прим.; 19[8] и прим.; 16[47] и прим.; 18[20] и прим.; 18[48] и прим.

23. Конец 1883

Тетрадь Z II 4

23[1] Не использовано в ТГЗ.
И вот... благоволю». — Ср. Мф. 17:5.

23[2] Ср. ТГЗ III *О великом томлении.*

23[3] Глава, не включенная в ТГЗ III; ср. 5[32] и прим.; 18[23]; 17[78] и прим.; 18[15] и прим.; 9[31] и прим.

23[4] Ср. ТГЗ III *Другая танцевальная песнь.*

23[5] Конспект главы, не включенной в ТГЗ III; ср. 23[10]; 31[59.61.64], 33[1]; ТГЗ III *О духе тяжести* 2; 18[40]; 3[1] 243 и прим.; 12[43] и прим.; 17[48] и прим.

23[6] Ср. 1[20] и прим.

23[7] Не использовано в ТГЗ; ср. 18[34].

23[8] Не использовано в ТГЗ; ср. 15[21] и прим.

23[9] Наброски планов к ТГЗ III; ср. 8[15]; 18[31] и прим.; 17[2] и прим.; 7[156] и прим.; 16[49]; 22[4]; 16[84] и прим.; 20[16] и прим.; 23[10]; 18[20] и прим.; 8[2] и прим.; 15[3] и прим.; 17[72] и прим.; ТГЗ III *Семь печатей*; ТГЗ IV *О высшем человеке* 11, 12; 5[32] и прим.; 11[19] и прим.

23[10] Наброски планов к ТГЗ III; ср. 22[8]; ТГЗ III *О видении и загадке*; 17[72] и прим.; 18[31] и прим.; 22[2] и прим.; ТГЗ III *Об отступниках*; 20[11]; 23[5]; 18[20] и прим.; 17[2]; и прим.; 19[8] и прим.; 11[19] и прим.; 16[48] и прим.; 23[9]; 15[21] и прим.

24. Зима 1883–1884

Тетрадь Mp XVII 1b

24[1] Ср. 14[1]. О греках как знатоках человека см. тж. 8[15]; т. 12, 5 [96.98].
24[2] Ср. 24[7]; т. 11, 25[192.377.449.515], 26[296.413], 34[28. 120], 36[17]; ПСДЗ 15.
24[3] Ср. т. 11, 26[407], 34[133], 35[24]; ПСДЗ 205.
актер... Фостен—Вероятно, имеется в виду знаменитая французская драматическая актриса Рашель (Элиза Рашель Феликс, 1821–1858), обстоятельства жизни которой были положены в основу романа Эдмона Гонкура «Актриса Фостен» (La Faustin, 1881).
24[4] Ср. т. 11, 25[1.6.227.323], 26[259.465], 27[58.80.82], 34[191].
24[6] *Бурже*—Paul Bourget, Essais de psychologie contemporaine, Paris, 1883, p. 130ff.; ср. CB 7 и прим.
... *брак с сестрой* – подразумевается сюжет оперы Вагнера «Валькирия» (инцест близнецов Зиглинда и Зиглинды).
24[7] *развития*—Ср. описание точки зрения И. Тэна в P. Bourget, op. cit., p. 216.; ср. 24[2] и прим.
22[9] Ср.: Richard Avenarius, Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Prinzip des kleinsten Kraftmasses. Prolegomena zu einer Kritik der reinen Erfahrung. Leipzig, 1876, §§ 80–82.
22[10] Ср. Avenarius, op. cit., §§ 83, 89, 91, 93.
24[11] Ср. 20[4] и прим.
24[13] Ср. Avenarius, op. cit., §§ 111–119.
24[15] Ср. 3[1] 277, 1[2] и прим.
24[16] Ср. 7[126] и прим.; т. 11, 25[369.405], 26[49.52], 25[168. 463]; 5[32]; 3[1] 245.
24[17] Ср. т. 11, 43[2].
24[25] *Парижанин...крайность*.—Ср. P. Bourget, op. cit., p. 152ff.
24[26] Ср. 25[13], 31[10], 34[115], 35[84]; P. Bourget, op. cit., p. 158ff., 209ff., 22f. (о Бодлере).
24[27] См. прим. к 7[201]; ср. тж. 7[47] и прим.
24[28] Ср. 16[11] и прим.
24[29] Ср. т. 11, 25[159.295.388].

24[32] Ср. 3[1] 277.
24[33] Ср. 9[48].
24[34] Ср. 3[1] 277.
24[35] Ср. т. 11, 34[158]; ПСДЗ 15.
24[36] *Фогт*—J.G. Vogt, Die Kraft. Eine real-monistische Weltanschauung, Leipzig, 1878 (книга из личной библиотеки Ницше).
24[37] Фрагмент написан весной 1882 г.

Наследие Ф. Ницше

в изданиях «Культурной революции»

Тома 12 и 13. Вышли в 2005 и 2006 годах.

12-м томом открывается издание полного собрания сочинений Ф. Ницше. Этот и следующий (13-й) тома в основном включают материалы незавершеного исследования, над которым философ работал в последние годы своей жизни. Попытка редакторской реконструкции этого замысла, глубоко повлиявшая на интеллектуальную и политическую историю XX в., знакома читателю под названием «Воля к власти».

Предлагаемый перевод воспроизводит все содержание ницшевских рабочих тетрадей названных лет, в частности, авторскую версию набросков к будущему трактату, которая оставалась неизвестной до 70-х гг. прошлого столетия. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари.

На русском языке издается впервые.

Том 4. Вышел в 2007 году.

4-й том содержит центральное произведение Ф. Ницше «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» (части I–IV), созданное в период 1883–1885 гг. Перевод Ю.М. Антоновского (впервые вышел в 1898 г.), взятый за основу в настоящем издании, был тщательно сверен, а также предложена новая его редактура. Принципы проведенной редактуры изложены в «Послесловии редактора». В том вошел и Комментарий к «Так говорил Заратустра», опубликованный Д. Колли и М. Монтинари, издателями немецкого академического собрания сочинений Ф. Ницше, в 14-м томе немецкого собрания. Комментарий содержит отсылки к более ранним (рукописным) версиям произведения, а также к другим томам собрания. Особую группу составляют отсылки к библейским текстам и некоторым другим источникам.

Том 7. Вышел в 2007 году.

Предлагаемый перевод воспроизводит все содержание рабочих тетрадей Ницше 1869–1873 гг., в том числе наброски к «Рождению трагедии» и «Несвоевременным размышлениям», прозаические и драматические опыты Ницше, его дневниковые записи времен франко-прусской войны. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари (Kritische Studienausgabe) и включает в себя с 1-й по 31-ю группы 7-го тома этого издания.

На русском языке издается впервые.

Том 8. Вышел в 2008 году.

Предлагаемый перевод охватывает содержание рабочих тетрадей и записных книжек чрезвычайно значимого для становления философии Ницше периода – с 1874 по 1879 гг. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари.

На русском языке издается впервые.

Том 6. Вышел в 2009 году.

В шестой том полного собрания сочинений Ф. Ницше вошли наиболее поздние его произведения, созданные во второй половине 1888 года. «Сумерки идолов» публикуются в переводе Н.Н. Полилова, который был тщательно сверен и отредактирован. Текст «Ecce homo» подготовлен на основе перевода Ю.М. Антоновского, в который добавлены фрагменты нового перевода, в том числе те фрагменты рукописи Ницше, которые впервые увидели свет лишь в рамках немецкого академического собрания сочинений Ницше под редакцией Д. Колли и М. Монтинари. «Антихрист» публикуется в переводе А.В. Михайлова (озаглавленном переводчиком «Антихристианин») с учетом редактуры и с добавлением мест, опущенных в немецком издании 1906 г. «Дионисовы дифирамбы» и «Ницше contra Вагнер» в полном и аутентичном виде публикуются на русском впервые.

В комментариях к тому детально освещена как история создания произведений, так и история фальсификации и воссоздания некоторых фрагментов подлинных текстов Ницше.

Письма Фридриха Ницше. Вышли в 2007 году.

Первая в России попытка освоения эпистолярного наследия Фридриха Ницше. 337 писем, вошедших в это издание, охватывают время с 1859 года (когда Н. было 14 лет) до самого последнего письма начала января 1889 Якобу Буркхардту. Комментарии и пояснения даются как правило с помощью фрагментов из других писем того же Ницше, приведены десятки ответов его адресатов, а последний раздел книги («Вместо эпилога») — это переписка его ближайших друзей, Овербека и Кезелица, за первый год его безумия, посвященная пребыванию Ницше в базельской и йенской клиниках. В книге более 30 иллюстраций — архивных, а также пейзажи мест, где жил философ.

В 2011 году из печати выйдут:

Том 1/2. *Несвоевременные размышления* (новые переводы).

Том 2. *Человеческое, слишком человеческое* (новый перевод, значительная часть книги издается на русском впервые).

Том 5. *По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер»* (новая редакция переводов).

Том 9. *Черновики и наброски 1880–1882 годов* (на русском языке издается впервые)

Фридрих Ницше
Полное собрание сочинений
Том 10

Научный редактор
А.Г. Жаворонков
Заведующий редакцией
И.А. Эбаноидзе
Оформление и верстка
И.Э. Бернштейн
Корректор
С.А. Пушкина

Подписано в печать 20.09.2010.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура NewBaskervilleC. Печать офсетная.
Печ. л. 20. Тираж 1600 экз. Заказ № 5450.

Издательство «Культурная Революция»
Адрес: Москва, ул. Новосущёвская, д. 19б
Телефон (499)973 1662, e-mail editor@kultrev.ru

При участии ООО «ЭМПРЕЗА»

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати–ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru